

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ

Tomsk State University Journal
of Philosophy, Sociology and Political Science

Научный журнал

2018

№ 44

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-30316 от 16 ноября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Подписной индекс 44046 в объединенном каталоге
«Пресса России»

Журнал включен в БД Emerging Sources Citation Index (Web of Science
Core Collection) и в «Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук»
Высшей аттестационной комиссии
(№ 1528)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Суровцев В.А. (Томск, Россия) – главный редактор, доктор филос. наук, профессор. E-mail: surovtsev1964@mail.ru; **Рыкун А.Ю.** (Томск, Россия) – зам. главного редактора (социология), доктор соц. наук, профессор. E-mail: a_rykun@mail.ru; **Щербинин А.И.** (Томск, Россия) – зам. главного редактора (политология), доктор полит. наук, профессор. E-mail: shai52@mail.ru; **Агафонова Е.В.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь, кандидат филос. наук, доцент. E-mail: agaton@rambler.ru; **Сукушина Е.В.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь (социология), кандидат филос. наук, доцент. E-mail: elsukhush@inbox.ru; **Скочилова В.Г.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь (политология), кандидат филос. наук. E-mail: veronassk@gmail.com; **Борисов Е.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Оглезнев В.В.** (Томск, Россия) доктор филос. наук, профессор; **Сыров В.Н.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Черникова И.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Ладов В.А.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Южанинов К.М.** (Томск, Россия) – кандидат филос. наук, доцент; **Щербинина Н.Г.** (Томск, Россия) – доктор полит. наук, профессор; **Кашпур В.В.** (Томск, Россия), кандидат соц. наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Химма Кеннет Э. (Университет Вашингтона, Сизтл, США); **Ренч Томас** (Технический университет, Дрезден, ФРГ); **Шефлер Уве** (Технический университет, Дрезден, ФРГ); **Вяткина Н.Б.** (Институт философии НАНУ, Киев, Украина); **Васильев В.В.** (Московский государственный университет, Москва, Россия); **Микиртумов И.Б.** (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия); **Целищев В.В.** (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия); **Диев В.С.** (Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия); **Джонсон Марк С.** (Университет Висконсина, Мэдисон, США); **Балцер Харли С.** (Университет Джорджтауна, США); **Чалаков Иван** (Университет Пловдива, Болгария); **Вавилина Н.Д.** (Новый сибирский университет, Новосибирск, Россия); **Константиновский Д.Л.** (Институт социологии РАН, Москва, Россия); **Черныш М.Ф.** (Институт социологии РАН, Москва, Россия); **Ярская-Смирнова Е.Р.** (Государственный университет – Высшая школа экономики, Москва, Россия); **Малинова О.Ю.** (Институт информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия); **Соловьев А.И.** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Чахор Рафал** (Нижнесилезская высшая школа предпринимательства и техники, Польковице, Польша); **Шестопап Е.Б.** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Шуберт Клаус** (Вестфальский университет им. Вильгельма, Мюнстер, ФРГ)

EDITORIAL BOARD:

Surovtsev V.A. (Tomsk, Russia) – Editor-in-Chief
Rykun A.U. (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief (Sociology)
Shcherbinin A.I. (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief (Political Science)
Agafonova E.V. (Tomsk, Russia) – Executive Editor
Sukhushina E.V. (Tomsk, Russia) – Executive Editor (Sociology)
Skochilova V.G. (Tomsk, Russia) – Executive Editor (Political Science)
Borisov E.V. (Tomsk, Russia)
Ogleznev V.V. (Tomsk, Russia)
Syrov V.N. (Tomsk, Russia)
Chernikova I.V. (Tomsk, Russia)
Ladov V.A. (Tomsk, Russia)
Uzhaninov K.M. (Tomsk, Russia)
Shcherbinina N.G. (Tomsk, Russia)
Kashpur V.V. (Tomsk, Russia)

EDITORIAL COUNCIL:

Himma K. E. (University of Washington, Seattle, USA); **Rentsch T.** (Technical University Dresden, Germany); **Scheffler U.** (Technical University Dresden, Germany); **Viatkina N.B.** (Institute of Philosophy of NASU, Kiev, Ukraine); **Vasilyev V.V.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Mikirtumov I.B.** (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia); **Tselishchev V.V.** (Institute of Philosophy and Law of SB RAS, Novosibirsk, Russia); **Diev V.S.** (Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia); **Johnson M. S.** (University of Wisconsin, Madison, USA); **Balzer H.S.** (Georgetown University, USA); **Tchalakov I.** (University of Plovdiv, Bulgaria); **Vavilina N.D.** (New Siberian Institute, Novosibirsk, Russia); **Konstantinovskiy D.L.** (Institute of Sociology, Moscow, Russia); **Chernysh M.F.** (Institute of Sociology, Moscow, Russia); **Iarskaia-Smirnova E.R.** (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia); **Malinova O.Y.** (Institute of Information on Social Sciences of RAS, Moscow, Russia); **Soloviov A.I.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Czachor Rafal** (Lower Silesian University of Entrepreneurship and Technology, Polkowice, Poland); **Shestopal E.B.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Shubert K.** (Westphalian Wilhelm University, Muenster, Germany)

СОДЕРЖАНИЕ

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

Гукова А.В. Современный цинизм как форма критически-рефлексивного мировоззрения.....	5
Ладов В.А. Критический анализ иерархического подхода Рассела–Тарского к решению проблемы парадоксов.....	11
Оглезнев В.В. «Открытая текстура» языка, смутность и принципы контекстности.....	25

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Абрамова М.О. Человек как носитель прав и субъект правозащитной деятельности.....	33
Антоновский А.Ю., Бараш Р.Э. Социально-философские основания науки: системно-коммуникативный подход.....	44
Артеменко А.П., Артеменко Я.И. От репрезентации пространства к пространству репрезентации: современные визуальные исследования.....	61
Обдалова О.А., Одегова О.В. Межкультурная и межъязыковая коммуникация как новая реальность в контексте глобализации.....	70
Петренко В.В. Справедливость как трансцендентальное априори социальности: экономическая составляющая современной социальной теории (на примере «философской» социологии моды Г. Зиммеля).....	82
Фишман Л.Г. Жертва и рента.....	94

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Гашков С.А. Язык и история по М.Фуко и Э. Косериу: сравнительный анализ.....	103
Коваль О.А., Крюкова Е.Б. Тайная жизнь слов: литературная теория Ролана Барта.....	114
Коротких В.И. Проблема методологических оснований психологии в «Феноменологии духа» Гегеля.....	122
Хамитов Р.М. Проблема познания истории в философии В. Дильтея.....	131

СОЦИОЛОГИЯ

Бритвина И.Б., Могильчак Е.Л., Савчук Г.А. Отношение жителей уральского мегаполиса к иноэтничным мигрантам из стран Центральной Азии: факторный анализ.....	137
Вершинина И. А. «Коннектография» Парага Ханны: сети городов в XXI веке.....	147
Дулина Н.В., Моисеева Д.В. Региональные различия в финансовых практиках и установках современного российского студенчества (по материалам прикладного социологического исследования).....	155
Козачок В.И. Социологическая оценка персонала как фактор обеспечения информационной безопасности корпорации.....	169
Погодаев Н.П. Осиеви, хамчун руси навин: образовательная миграция из Таджикистана в Россию как ресурс формирования трансграничного общества.....	183

ПОЛИТОЛОГИЯ

Асланов С.А. Коалиционная политика как фактор ослабления посреднической функции политических партий (на примере Германии).....	199
Володенков С.В. Технологии Big Data в современных политических процессах: цифровые вызовы и угрозы.....	205
Игнатъева И.Ф., Исаев Б.А. Геоэкономика как структурный элемент геополитики.....	213
Прокудин Б.А. Феминистская повестка первого русского политического романа.....	224
Розов Н.С., Пустовойт Ю.А., Филиппов С.И. Динамика революционной волны: сравнительная политология «Весны народов» 1848–1949 гг.....	238
Чирун С.Н. Проблемы функционирования регионального политического режима на примере Кемеровской области.....	253

МОНОЛОГИ, ДИАЛОГИ, ДИСКУССИИ

Джохадзе И.Д. «Прагматизм как образ жизни»: Хилари Патнэм и Рут Анна Патнэм о философском наследии Джеймса и Дьюи.....	269
Тухватулина Л.А. Почему А.Л. Никифоров защищает дьявола, и что из этого следует.....	278

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	283
--------------------------	-----

CONTENTS

ONTOLOGY, EPISTEMOLOGY, LOGIC

Gukova A.V. Modern cynicism as a form of critical-reflexive worldview.....	5
Ladov V.A. Critical analysis of the hierarchical approach to the solution of the paradox problem.....	11
Ogleznev V.V. The “open texture” of language, vagueness, and context principle	25

SOCIAL PHILOSOPHY AND PHILOSOPHY OF HUMANITY

Abramova M.O. A human as a right holder of human rights.....	33
Antonovskiy A.Yu., Barash R.E. Sociological and philosophical foundations of science from the point of view of a system-communicative approach	44
Artemenko A.P., Artemenko Ya.I. From the representation of space to the space of representation: modern visual research.....	61
Obdalova O.A., Odegova O.V. Intercultural and interlingual communication as a new reality in the context of globalization.....	70
Petrenko V.V. Justice as a transcendental a priori of sociality: the economic component of modern social theory (on the example of Georg Simmel’s “philosophical” sociology of fashion)	82
Fishman L.G. Victimhood and rent	94

HISTORY OF PHILOSOPHY

Gashkov S.A. Language and history by Michel Foucault and Eugen Coseriu: a comparative analysis.....	103
Koval O.A., Kryukova E.B. The secret life of words: the literary theory of Roland Barthes	
Korotkiikh V.I. The problem of methodological foundations of psychology in Hegel’s <i>Phenomenology of Spirit</i>	114
Khamitov R.M. The problem of knowledge of history in Wilhelm Dilthey’s philosophy	131

SOCIOLOGY

Britvina I.B., Mogilchak E.L., Savchuk G.A. The attitude of the residents of the Ural megapolis to migrants of different ethnicity from Central Asian countries: factor analysis	137
Vershinina I.A. Parag Khanna’s connectography: urban networks in the 21st century.....	147
Dulina N.V., Moiseeva D.V. Regional differences in financial practices and attitudes of modern Russian students (on the materials of an applied sociological research).....	155
Kozachok V.I. Sociological assessment of personnel as a factor in ensuring corporation information security.....	169
Pogodaev N.P. New Russian Asians: student migration from Tajikistan to Russia as a basis of a cross-border society.....	183

POLITICAL SCIENCE

Aslanov S.A. Coalition politics as a factor weakening the intermediary function of political parties (the case of Germany).....	199
Volodenkov S.V. Big Data technologies in contemporary political processes: digital challenges and threats	205
Ignatyeva I.F., Isaev B.A. Geo-economics as a structural element of geopolitics	213
Prokudin B.A. The feminist agenda of the first Russian political novel	224
Rozov N.S., Pustovoyt Yu.A., Filippov S.I. The revolution wave dynamics: a comparative political analysis of the Spring of Nations, 1848–1849.....	238
Chirun S.N. Problems of the functioning of the regional political regime on the example of Kemerovo Oblast.....	253

MONOLOGUES, DIALOGUES, DISCUSSION

Dzhokhadze I.D. “Pragmatism as a way of life”: Hilary Putnam and Ruth Anna Putnam on the philosophical legacy of James and Dewey.....	269
Tukhvatulina L.A. Why Alexander Nikiforov advocates devil and what follows from this.....	278

INFORMATIONS ABOUT THE AUTHORS	283
---	-----

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

УДК 111.1 101.1

DOI: 10.17223/1998863X/44/1

А.В. Гукова

СОВРЕМЕННЫЙ ЦИНИЗМ КАК ФОРМА КРИТИЧЕСКИ-РЕФЛЕКСИВНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Предметом обсуждения стал феномен современного цинизма. Анализируется специфика социокультурных условий, в которых актуализируется современный цинизм. Цинизм обосновывается как критически-рефлексивная форма мировоззрения.

Ключевые слова: *цинизм, П. Слотердаjk, постмодерн, модерн, Просвещение.*

«Циническая» проблематика выступает темой обсуждения в значительном количестве современных отечественных и западных исследований [1–3]. Цинизм рассматривается как основной тренд современности, один из существенных признаков современного этапа общественного и социального развития, как наследие постмодернистского релятивизма, воплотившееся в тотальном недоверии и пренебрежительном отношении к ценностным установкам.

В данной статье цинизм обосновывается как форма мировоззрения современного субъекта. С опорой на концепт «цинизма» П. Слотердайка предполагается проанализировать современную социокультурную ситуацию, рассмотреть обстоятельства актуализации цинического феномена в современности и его специфику.

В наиболее распространенном варианте цинизм принято понимать как протестную позицию маргинального субъекта или как наличие скрытых мотивов, пренебрежение ценностями и нормами морали ради собственной выгоды. Размышлять о циническом феномене в ином ключе непривычно, но именно это предлагает нам сделать П. Слотердаjk в своей работе «Критика цинического разума», рассматривая цинизм не как яркую протестную позицию, но как габитус мышления современного разочарованного, апатичного и меланхолического субъекта. Более того, цинизм мыслится уже не как личностный, но как «диффузный» феномен который «предстает как массовый тип: как усредненный социальный характер в обществе» [3. С. 31]. Давая характеристику этой специфической форме сознания, философ характеризует ее как «просвещенное ложное» [Там же. С. 33]. Это сознание расколотое, столкнувшееся с противоречием между реальностью, в которой преобладают частные интересы, и усвоенными гуманистическими ценностями Просвещения.

Просвещение хотело видеть своим результатом просвещенное сознание. Путем критики оно надеялось создать субъекта с высоким уровнем самосознания, рефлексии и осознанности, лишённое наивности, но вместо этого достаточно автономное. П. Слотердаjk указал на то, что сознание современного

субъекта действительно «просвещено», но результатом такого просвещения на деле стало формирование отчужденного, замкнутого и «циничного» сознания, переживающего свой раскол по линии ценностных установок, внутреннего и внешнего опыта переживания. Таким образом, «цинизм» выступает одновременно как «просвещенное», а значит, критическое и рефлексивное и как «ложное» сознание, детерминированное социальными условиями и искаженно воспринимающее действительность.

Посредством комплексного генеалогического исследования цинического феномена, прослеживая его концептуальную и риторическую историю от античности до современности, Д. Мазелла в работе «The making of modern cynicism» связывает возникновение цинических умонастроений в разные культурные периоды со сходными историческими условиями, характеризующимися как кризисные [4]. В свою очередь, И.М. Нахов связывает такие сходные исторические обстоятельства с эпохами упадка или подъема, что влечет за собой разочарование и переоценку привычных ценностных установок [5. С. 231]. Таким образом, цинизм осмысливается как метаисторическая установка сознания, обнаруживающая свою специфику в зависимости от социальной и культурной ситуации, и ее переживания субъектом – носителем сознания.

Структурно цинизм соответствует окончанию любой крупной эпохи. В нашем случае этапом актуализации становится XX в. с его сменой социокультурных доминант – модерна и постмодерна, представляющих различный набор культурных и жизненных установок. Истоки современной социальной ситуации можно обнаружить в Просвещении как едином интеллектуальном движении, предлагающем сравнительно оптимистические представления о человеческой нравственности и познавательном потенциале. Так, модерн выступал воплощением классических ценностей Просвещения, тогда как постмодерн основывался на сомнении относительно этой осевой западной традиции и характеризуется утратой веры в исторический прогресс, всеильность разума и сомнение в идеалах гуманизма. Тем самым постмодерн предстал попыткой завершить модерн и создать новую культуру.

Один из главных теоретиков постмодернизма Ж.-Ф. Лиотар говорит о постмодерне как о недоверии к метарассказам – объяснительным конструкциям, узаконивающим взгляд на мир в реалиях той исторической эпохи и культурной ситуации, в которой они возникают [6]. С этой точки зрения модерн также является источником всеохватных объяснительных теорий, метанарративов, после отказа от которых культура и общество организуются по принципу «ризомы» – структуры без центра. Современность представляется как безостановочно формирующаяся реальность, постоянное пребывание в другом состоянии. Она стремится к свободе от рамок, законов и универсалий. В культуре доминируют средства массовой информации и «зрелища», общество ничего не воспринимает серьезно. В таком мире индивид обращается к себе, задумывается о своих нуждах и рассматривает все через призму собственной выгоды и комфорта. Можно сказать, что в рамках становления культуры постмодерна цинизм проявился как дальнейшая радикализация критического мышления в духе Просвещения, выполняя роль критической составляющей программы, направленной на подрыв установок модерна. Однако подобного рода культурная установка отношения к универсалиям имеет

последствия в виде убежденности в том, что изменить что-либо в существующей социальной реальности невозможно.

Так, П. Штомпка характеризовал современное общество как «общество травмы». Мы предполагаем, что духовную ситуацию современности вполне можно назвать «травматической» – эта характеристика подразумевает возросшие негативные ожидания в преддверии любых социальных изменений. Во многом негативные ожидания связаны с историческим опытом XX в. Так, в своей статье «Социальное изменение как травма» П. Штомпка пишет: «Одно время социальное изменение идеализировалось как бесспорно положительное, способствующее прогрессу. Опыт двадцатого века, в невероятном масштабе сконцентрировав социальное изменение, настоящего «века изменений», производит иное впечатление. Мы стали скептичнее, потому что отчетливо видим теневые стороны изменения, боль и страдания, которые оно несет» [7].

Ситуация «травмы» характеризует тот социальный, исторический и эмоциональный контекст, который выступает средой для формирования субъекта со специфическим типом мироощущения, следствием которого является формирование цинической формы мировоззрения, реакции на мир.

Цинизм в культуре постмодерна – ответ на потерю стабильной позиции субъекта и гранд нарратива, обещанного дискурсом Просвещения. Более того, это разочарование, поскольку одновременно с потерей стабильности как индивид, так и общество утратили способность доверять любым начинаниям, связанным с утопическими идеалами, идеалами рационального переустройства общества и личности. Постмодернистский пересмотр базовых установок всей западной культуры привел к вопрошанию о самой возможности получения достоверных знаний, истины и смысла. Само это вопрошание ведет современную мысль в направлении критического, скептического отношения к любым попыткам узаконить тот или иной взгляд на мир, общество и культуру.

Специфическое переживание культурной травмы на фоне запроса на переоценку ценностей, на наш взгляд, консервирует такое переходное состояние общества, в результате чего «цинизм» переходной ситуации закрепляется в культуре, становясь типом сознания, в котором может функционировать субъект постмодерна, лишенный устойчивого ценностного основания в силу специфики постмодернистского релятивизма. Таким образом, современный цинизм предстает как форма критически-рефлексивного мировоззрения, базирующаяся на сомнении относительно возможности достижения универсальных ценностных установок, принимающая в качестве основных ценностей личные, эгоистические мотивы, отрицающая возможность развития общества и т.д.

Такая интерпретация цинической формы мировоззрения видится нам правомерной в силу специфики современного сознания индивидов. Эмпирически сознание современного субъекта вполне можно охарактеризовать как сознание потери – несчастное сознание [9]. Это – «разорванное» сознание, столкнувшееся с внутренним противоречием в восприятии реальности и следованиям собственным установкам. Для этого типа сознания характерно исчезновение надежды. Все перечисленные характеристики вполне присущи современному миропониманию. Несчастное сознание вытекает из опыта критики, которую с формальной точки зрения и представляет переход от модерна к постмодерну. Как правило, более или менее устойчивая система ценностей

воспринимается как нарратив, что лишает ее легитимации в условиях постмодернистского видения мира. Такому сознанию не остается ничего, кроме себя самого, поскольку «все, что было для него абсолютным, исчезло» [10].

В основании цинического мировоззрения, согласно П. Слотердайку, лежит противоречие: с одной стороны, его сущность критична, с другой – оно осознает невозможность изменить сложившуюся ситуацию, в результате чего вынуждено приспосабливаться к сложившимся социальным условиям. В этом проявляется основная трагедия современного несчастного сознания – оно находится в постоянном рефлексивном вопрошании по поводу собственных бытийных оснований и в то же время является заложником своей просвещенности, не дающей преодолеть критичное отношение к любой предлагаемой системе ценностей. Современное сознание осознает свою взаимосвязь с действительностью, но также понимает невозможность приблизиться к ней, что объясняет его противоречивость.

Кризис социальных, культурных и ценностных установок, возникший на стыке модерна и постмодерна, сегодня выступает и воспринимается в качестве нормы, в условиях которой живет современный индивид. Современная социокультурная ситуация, возникшая на фундаменте разочарования и травматизма, создает для индивида в духовном плане такую среду, существование в которой невозможно без определенных адаптивных мировоззренческих стратегий, способных «совладания с травмой» [7], одним из которых становится цинизм.

Циническое мировоззрение формирует состояние, в котором психика индивида «достаточно эластична для того, чтобы позволить ему действовать, несмотря на постоянные сомнения относительно собственной активности» [8. С. 40]. Более того, само постоянное сомнение становится устойчивой стратегией действия.

В таком контексте циническое мировоззрение есть эффективная стратегия управления противоречиями и переживаниями, порождаемыми современной социальной ситуацией. Цинизм играет роль буфера между сознанием субъекта и осознанием, что дискурс, породивший субъективность, оказался некомпетентен в выстраивании социальности. Цинизм воспринимается как вполне рациональная позиция для выстраивания индивидом активности. П. Слотердаик отмечает, что цинический индивид «инстинктивно... воспринимает свой способ существования уже не как что-то злобное и ехидное, а как причастность к коллективному реалистически скорректированному взгляду на вещи» [3. С. 32].

Таким образом, отсутствие общезначимой установки, возможности ее формирования приводит индивида к необходимости оставаться на позиции цинизма как наиболее стабильной установки сознания, позволяющей оценивать и интерпретировать происходящие события. Цинизм позволяет рассматривать ситуацию с точки зрения выгоды для себя, облегчения своего существования, нивелируя тревожность и завышенные ожидания индивида к самому себе.

Литература

1. Янкилевич В. Ирония. Прощение. М.: Республика, 2004. 335 с.
2. Stanley S. The French Enlightenment and the Emergence of Modern Cynicism. Cambridge University Press, 2012. 225 p.

3. Слотердайк П. Критика цинического разума / пер. с нем. А.В. Перцева. Испр. изд. Екатеринбург : У-Фактория ; М. : АСТ МОСКВА, 2009. 800 с.
4. Mazella D. *The Making of Modern Cynicism*. University of Virginia Press, 2007. 305 p.
5. Нахов И.М. Кинизм и цинизм. Отжившее и живое (к истории понятия и слов) [Электронный ресурс] // Живое наследие античности. Вопросы классической филологии. 1987. Вып. IX. URL: <http://ec-dejavu.ru/c/Сунус.html#Nahov> (дата обращения: 12.10.2017).
6. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н.А. Шматко. СПб. : Алетейя ; М. : Институт экспериментальной социологии, 1998. 160 с.
7. Штомпка П. Социальное изменение как травма [Электронный ресурс] // Социологические исследования. 2001. № 1. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/983/017/1220/1-Shtompka.pdf> (дата обращения: 20.10.2017).
8. Бьюз Т. Цинизм и постмодерн / пер. с англ. С.А. Зеленского. М. : КДУ, 2016. 270 с.
9. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа / пер. с нем Г.Г. Шпета. М. : Наука, 2000. 495 с.
10. Хейде Л. Автономность и несчастное сознание [Электронный ресурс] / пер. Д. Лунгина // Логос. 1999. № 2. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_09/1999_9_01.htm (дата обращения: 03.05.2017).

Angelina V. Gukova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: angelina.gukovaa@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 44. pp. 5–10.

DOI: 10.17223/1998863X/44/1

MODERN CYNICISM AS A FORM OF CRITICAL-REFLEXIVE WORLDVIEW

Keywords: cynicism; P. Sloterdijk; postmodernity; modernity; Enlightenment.

The article is devoted to the analysis of the modern phenomenon of cynicism in the context of its interpretation as a critical-reflexive form of worldview. Analysis of the phenomenon is based on the concept of cynicism by Peter Sloterdijk. Sloterdijk defines cynicism as the dominant form of modern consciousness. Cynicism is considered as a meta-historical phenomenon of consciousness, showing its specificity depending on the social and cultural conditions of the era. The specificity of modern cynicism is associated with the historical experience of the 20th century, the change of two sociocultural dominants – modernity and postmodernity. The features of postmodern culture are considered. It is noted that the situation of postmodernity can be characterised as a situation of “cultural trauma” (Piotr Sztompka). This situation is characterised by an increase in negative expectations in anticipation of any social change and a lack of confidence in the ideas of progress. The situation of trauma characterises the social, historical and emotional context, which acts as a medium for the formation of the subject, with a specific type of world perception, the result of which is the formation of a cynical form of worldview and reaction to the world. Structurally, cynicism corresponds to the end of any epoch. Within the structure of postmodernism, cynicism manifested itself as a further radicalisation of critical thinking presented in the Enlightenment. The postmodern revision of the basic attitudes of the entire Western culture led to the question of the possibility of obtaining reliable knowledge and truth. An individual finds oneself in a situation of uncertainty and impossibility of finding a stable basis of existence. This leads the individual to the need to remain in the position of cynicism, as the only stable orientation of consciousness, allowing to evaluate and interpret events. On this basis, cynicism is interpreted as a form of a critical-reflexive worldview, based on doubt about the possibility of achieving value universals, whose main values are personal, selfish motives, denying the possibility of development of society, etc.

References

1. Yankelevich, V. (2004) *Ironiya. Proshchenie*. [Irony. Forgiveness]. Moscow: Respublika.
2. Stanley, S. (2012) *The French Enlightenment and the Emergence of Modern Cynicism*. Cambridge University Press.
3. Sloterdijk, P. (2009) *Kritika tsinicheskogo razuma* [Critique of Cynical Reason]. Translated from German by A.V. Pertsev. Ekaterinburg: U-Faktoriya.
4. Mazella, D. (2007) *The Making of Modern Cynicism*. University of Virginia Press.
5. Nakhov, I.M. (1987) Kinizm i tsinizm. Otzhivshey i zhivoye (k istorii ponyatiya i slov) [Cynic philosophy and cynicism. Obsolete and living (to the history of concepts and words)]. In: Takhogođi, A.A. *Zhivoe nasledie antichnosti. Voprosy klassicheskoy filologii* [Living Heritage of Antiquity.

Questions of Classical Philology]. Issue 9. [Online] Available from: <http://ec-dejavu.ru/c/Cynyc.html#Nahov>. (Accessed: 23rd October 2017).

6. Lyotard, J.F. (1998) *Sostoyanie Postmoderna* [The Postmodern Condition]. Translated from French by N.A. Shmatko. Moscow: Aleteyya.

7. Sztompka, P. (2001) Sotsial'noye izmeneniye kak travma [Social change as trauma]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 1. [Online] Available from: <http://ecsocman.hse.ru/data/983/017/1220/1-Shtompka.pdf> (Accessed: 20th October 2017).

8. Bewes, T. (2016) *Cinizm i postmodern* [Cynicism and Postmodernity]. Translated from English by S. A. Zelenskii. Moscow: KDU.

9. Hegel, G.W.F. (2000) *Fenomenologiya dukha* [The Phenomenology of Spirit]. Translated from German by G.G. Shpet. Moscow: Nauka.

10. Heyde, L. (1999) Avtonomnost' i neschastnoye soznaniye [Autonomy and unhappy consciousness]. *Logos*. 2. Translated from German by D. Lungina. [Online] Available from: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_09/1999_9_01.htm. (Accessed: 3rd May 2017).

УДК 160.1
10.17223/1998863X/44/2

В.А. Ладов

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИЕРАРХИЧЕСКОГО ПОДХОДА РАССЕЛА–ТАРСКОГО К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ ПАРАДОКСОВ¹

Рассматривается проблема теоретико-множественных и семантических парадоксов. Ортодоксальным способом решения проблемы парадоксов считается иерархический подход, разработанный в первой половине XX в. Б. Расселом и А. Тарским. Однако в конце XX – начале XXI в. в исследовательской литературе стали появляться отдельные публикации, которые критиковали иерархический подход в тех или иных аспектах. Автор данной статьи ставит перед собой цель аккумулировать и систематизировать всю сумму критических аргументов в адрес иерархического подхода, которые были представлены в различных работах логиками и философами в последние десятилетия. Такое исследование позволяет показать все многообразие критических замечаний в адрес иерархического подхода и его уязвимость в различных аспектах. Автор делает вывод о том, что иерархический подход нельзя считать приемлемым способом решения проблемы парадоксов.

Ключевые слова: парадокс, иерархический подход, Рассел, Тарский, теория типов, язык, метаязык, самореферентность.

Введение

Иерархический подход к решению проблемы теоретико-множественных и семантических парадоксов оформился в рамках традиции аналитической философии в первой половине XX в. Сначала усилиями Б. Рассела [1] была разработана логическая теория типов, которая разрешала парадоксы на уровне выявления корректных форм мышления (логико-математических понятий и способов рассуждений), а затем А. Тарский [2] сформулировал концепцию иерархии метаязыков, которая разрешала парадоксы на уровне выявления корректных способов языковой репрезентации мышления. Главный методологический прием, который используется в иерархическом подходе к решению проблемы парадоксов, состоит в запрете на явление самореферентности (self-reference). Теория типов Рассела расценивает как логически некорректные такие понятия и способы рассуждения, формирование которых опирается на явление самореферентности. Концепция метаязыков Тарского запрещает смешивать объектный язык и метаязык, который сам становится объектным языком для метаязыка следующего уровня. Явление самореферентности в языке возможно только при смешении объектного языка и метаязыка, что в концепции Тарского признается семантически некорректным.

Иерархический подход стал ортодоксальным в логике и философии второй половины XX в. Энциклопедические философские издания в разделах, касающихся логических парадоксов, до сих пор указывают иерархический

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00057).

подход Рассела–Тарского как общепринятый, ясный и приемлемый способ решения парадоксов.

Однако в исследовательской литературе по логике, эпистемологии и философии математики как на протяжении второй половины XX в., так и в самые последние годы периодически появлялись работы, критикующие иерархический подход в тех или иных аспектах. Тем не менее эти критические исследования были все же спорадическими и слишком разрозненными, чтобы нанести весомый урон авторитету иерархического подхода к решению проблемы парадоксов.

Автор данной статьи ставит перед собой цель аккумулировать в единое целое различные критические аргументы в адрес иерархического подхода, которые были высказаны в исследовательской литературе, чтобы продемонстрировать весомость всего многообразия критических оценок, показать уязвимость иерархического подхода в различных аспектах и, соответственно, поставить под сомнение адекватность данного подхода к решению проблемы парадоксов.

Решение проблемы парадоксов с точки зрения иерархического подхода

В работе «Математическая логика, основанная на теории типов» Б. Рассел рассмотрел следующие парадоксы: парадокс класса всех классов, которые не являются собственными элементами (впоследствии в логической литературе данный парадокс получил название парадокса Рассела); парадокс Бурали–Форти о наибольшем ординале; парадокс отношений; парадокс Лжеца; парадокс Берри; парадокс наименьшего неопределимого ординала; парадокс Ришара.

Рассел утверждал, что все парадоксы подобны между собой по тому основанию, которое и порождает парадоксальный характер данного вида рассуждений. Рассел называет основанием парадоксов явление самореферентности:

«У всех указанных выше противоречий (которые суть лишь выборка из бесконечного числа) есть общая характеристика, которую мы можем описать как самореферентность или рефлексивность» [1. С. 18].

Соответственно, решение парадоксов он видит в запрете на самореферентность, на котором и строится теория типов как основание новой логики, свободной от парадоксов.

Парадокс Рассела содержит самореферентность, поскольку проблемным оказывается специфический класс, который содержит себя самого. Соответственно, преодоление парадокса состоит в запрете на образование такого класса.

Парадокс отношения содержит самореферентность, поскольку здесь ставится вопрос об отношении специфического отношения к себе самому. Соответственно, преодоление парадокса состоит в том, что данный вопрос объявляется бессмысленным.

Парадокс Бурали–Форти содержит самореферентность, поскольку проблемным оказывается ординал множества всех ординалов, который должен сам оказаться внутри этого множества. Соответственно, преодоление парадокса состоит в объявлении бессмысленности понятия наибольшего ординала.

Парадокс Лжеца содержит самореферентность, поскольку формулируется в виде высказывания, которое говорит о себе самом. Соответственно, преодоление парадокса состоит в запрете на продуцирование такого высказывания, логический субъект которого представляет собой само это высказывание.

Парадокс Берри содержит самореферентность, поскольку в нем обсуждается число, которое обладает свойством S1, а также свойством S2, представляющим собой такое описание свойства S1, которое противоречит самому этому свойству. В данном случае преодоление парадокса состоит в запрете смешения свойства и его описания, представленного как свойство, в одном объекте.

Парадокс наименьшего неопределимого ординала содержит самореферентность по той же самой причине, что и парадокс Берри, а именно в нем обсуждается ординал, который обладает свойством S1, а также свойством S2, представляющим собой описание свойства S1.

В парадоксе Ришара имеет место ситуация, аналогичная той, что зафиксирована в парадоксе Берри и парадоксе наименьшего неопределимого ординала.

А. Тарский анализирует только парадокс Лжеца, причем в сугубо лингвистическом аспекте, рассматривая данный парадокс даже не на уровне высказываний, которые можно было бы трактовать и как лингвистические, и как логические структуры, а на уровне предложений языка, что однозначно, в представлении Тарского, характеризует парадокс Лжеца как семантический (лингвистический) парадокс. Вот как выглядит формулировка парадокса Лжеца у Тарского:

«Мы дадим очень простую формулировку этой антиномии благодаря Я. Лукасевичу.

Для большей ясности мы будем использовать символ ‘с’ как печатную аббревиатуру выражения *‘предложение, напечатанное на этой странице, в строке 5 сверху’*. Рассмотрим теперь следующее предложение:

с не является истинным предложением

(данное предложение в исходном тексте напечатано на прочитываемой странице именно на 5-й строке сверху. – В.Л.).

Принимая во внимание значение символа ‘с’, мы можем эмпирически установить:

(α) *‘с не является истинным предложением’ тождественно с.*

Для взятого в кавычки имени предложения с мы вводим разъяснение типа 2) (речь идет о представленном выше в статье А. Тарского разъяснении употребления предиката истины посредством формулировки предложений эквивалентности. – В.Л.):

(β) *‘с не является истинным предложением’ является истинным предложением тогда и только тогда, когда с не является истинным предложением.*

Посылки (α) и (β), взятые вместе, тут же дают противоречие:

с является истинным предложением тогда и только тогда, когда с не является истинным предложением» [2. Р. 157–158].

Причину парадокса Лжеца А. Тарский также видит в явлении самореферентности, которое в лингвистической сфере имеет место в тех языках, где

есть возможность формулировать предложения о самих этих языках. Такие языки Тарский называет универсальными языками, указывая на то, что именно в них возникают противоречия:

«... семантические антиномии... доказывают, что любой универсальный язык, в котором соблюдаются обычные законы логики, должен быть непоследовательным» [2. Р. 164–165].

Соответственно, способ разрешения противоречивых ситуаций, подобных парадоксу Лжеца, Тарский видит в установлении запрета на универсальный язык. Концепция иерархии метаязыков не допускает явления самореферентности как раз в контексте запрета на универсальный язык. Данная концепция утверждает необходимость «размыкания» языков, недопущения ситуации, при которой язык замыкается на себе и начинает говорить о самом себе.

Критические аргументы в адрес иерархического подхода к решению проблемы парадоксов

Критику в адрес иерархического подхода, высказанную в исследовательской литературе по парадоксам разными авторами, в разное время и в различных контекстах, можно систематизировать и представить в виде упорядоченной классификации типов критических аргументов. Ниже представлена попытка такой классификации.

«Реванш-проблемы» иерархического подхода

Во-первых, иерархический подход к решению парадоксов порождает так называемые «реванш-проблемы». В литературе по парадоксам «реванш-проблемами» (*revenge problems*) называют ситуации, при которых те или иные предлагаемые решения парадоксов сами оказываются парадоксальными (См., напр.: [3]), т.е. сами попадают в те же логические ловушки, которые пытаются преодолеть.

П. Вайс [4] вскоре после появления теории типов опубликовал в журнале «Mind» статью, в которой указывал на проблематичность расселовской концепции. Теория типов Рассела устанавливает запрет на универсалистский дискурс в целом. Нельзя говорить обо всем сразу, всегда следует помнить, что какое бы то ни было высказывание может касаться только ограниченной предметной области. Следовательно, и истинностная оценка этого высказывания также не может быть универсальной, она всегда должна релятивизироваться относительно того определенного круга предметов, который охватывается в высказывании. Но как быть с самой формулировкой теории типов? Относится ли она сама только к определенному типу высказываний, охватывающих определенную, ограниченную предметную область, или все же представляет собой пример высказывания того самого универсального характера, запрет на которые она как раз и пытается установить? Если верно первое, то данная теория не охватывает собой все возможные типы высказываний и, значит, допускает существование высказываний таких типов, которые будут руководствоваться иными принципами, отличными от принципа теории типов. Таким образом, данная теория в самом своем утверждении должна допустить собственное отрицание. Если же верно второе, то форма утверждения данной теории вступает в противоречие с ее содержанием: тезис об отсут-

ствии универсальных высказываний формулируется в высказывании, претендующем на статус универсального. В итоге теория типов сама оказывается в логическом тупике.

Американский логик Ф. Фитч, указывает на то, что теория типов Б. Рассела сама может быть построена только на основании предпосылки существования универсальной самореферентной концептуальной разработки, запрет на которую она стремилась установить. Если же такую предпосылку исключать, то теория типов в принципе не реализуема. Ф. Фитч утверждает, что теория типов «...*не может* приписать тип значению слова ‘тип’, хотя она должна это делать, если эта теория касается всех значений. Проще говоря, нет ‘порядка’... который можно приписать пропозиции обо всех пропозициях, поэтому нет порядка, который можно приписать пропозиции, устанавливающей... теорию типов» [5. Р. 71].

В отношении семантической концепции А. Тарского хорошо известна критическая аргументация Х. Патнема, в которой используется метафора так называемого языка красных чернил [6]. Если красными чернилами записываются правила для всех возможных языков, высказывания которых записаны чернилами всех иных известных цветов, то каким цветом будут записываться правила для языка красных чернил, т.е. для самой концепции Тарского? Если красным, то сам этот язык оказывается замкнут на самом себе, т.е. самореферентным. Если же мы должны предположить существование чернил иного, неизвестного нам цвета, то правила языка красных чернил не будут распространяться на этот новый метаязык и высказывания, записанные новым цветом, могут регулироваться иными правилами, отличными от разработанной семантической концепции.

*Ослабление исследовательского потенциала логики, математики
и философии в контексте запрета на самореферентность*

Во-вторых, запрет на самореферентность в мышлении, по мнению определенной группы критиков иерархического подхода, наносит существенный урон исследовательскому потенциалу логики, математики и философии.

Так, А. Андерсон отмечает, что «затруднение такой позиции (имеется в виду полный запрет на самореферентность как способ устранения парадоксов. – *В.Л.*) состоит в том, что некоторые из самых глубоких доказательств в логике включают самореферентность (в том смысле, который необходим для достижения абсолютной ясности...» [7. Р. 8].

С этим мнением соглашается и Ф. Фитч, указывая на то, что теория типов должна быть по крайней мере ограничена:

«Проблема состоит в том, чтобы найти теорию типов, которая бы элиминировала ‘порочные’ виды самореферентности, которые ведут к математическим и семантическим парадоксам, но не те виды, которые представляют важную часть философской логики или требуются для развития теории натуральных чисел» [5. Р. 71–72].

С. Крипке указывает на то, что при формулировке знаменитых теорем К. Геделя определенным образом задействуется самореферентность, и потому ее полное отрицание также наносит урон важным математическим достижениям [8]. Правда, данный вопрос до сих пор является дискуссионным. Ряд

авторов утверждают, что никакой самореферентности в теоремах Геделя нет. Об этом пишет, например, П. Смит:

«Нет ничего подозрительного или парадоксального в Первой теореме Геделя, которая является техническим результатом о формальных аксиоматических системах (результат, который может быть доказан без обращения к ‘самореферентным’ предложениям)» [9. Р. 4].

Но наш отечественный специалист в области философии математики В.В. Целищев подчеркивает, что сам Гедель «впал в первородный грех» [10. С. 53] и заявил о самореферентности в своей первой теореме. В.В. Целищев указывает на следующие слова Геделя:

«Мы, следовательно, имеем предложение, которое говорит о себе, что оно недоказуемо» [11. Р. 148].

Наконец, Ф. Фитч замечает, что самореферентность является важнейшей идеей не только для логики и математики, но и для философии. По мысли этого американского логика, философия как максимально широкое представление об универсуме в целом обязана опираться на идею самореферентности, чтобы достичь необходимой полноты своего знания:

«Характерная черта философии состоит в том, чтобы дотянуться до этого максимального уровня и быть способной использовать самореферентные виды рассуждения, которые возможны на этом уровне» [5. Р. 69].

Случайно парадоксальные формы самореферентности

В-третьих, некоторые мыслители подчеркивают, что парадоксальность определенных форм рассуждений, содержащих самореферентность, не является необходимой, эта парадоксальность эмпирически случайна. Данные формы мысли, содержащие самореферентность, могут к парадоксам приводить, а могут и не приводить, и в таком случае радикализм иерархического подхода Рассела–Тарского, предлагающий полностью запретить самореферентность в мышлении и языке в качестве решения проблемы парадоксов, начинает вызывать сомнение.

Такого рода дискуссии проходят вокруг так называемого «кроссreferенциального Лжеца», в котором имеет место опосредованная самореферентность: агент речи A что-то говорит о суждениях B , а B что-то о суждениях A . В результате такого кругового движения суждение A оказывается замкнутым на самом себе опосредовано, через B . С. Крипке в работе «Очерк теории истины» [8] обсуждает кроссreferенциального Лжеца на примере высказывания Смита: «Все, что Джонс говорит об Уотергейте, истинно» и высказывания Джонса: «Все, что Смит говорит об Уотергейте, ложно». Если допустить, что высказывания Смита о Джонсе и Джонса о Смите также относятся к событиям вокруг Уотергейта, то, исходя из предположения, что высказывание Смита истинно, мы должны сделать вывод, что оно ложно, и наоборот.

В опоре на анализ Крипке исследователи Д. Бэрвайс и Д. Этчемэнди в своей книге «Лжец. Эссе об истине и циркулярности» [12] подчеркивают, что парадоксальность кроссreferенциального Лжеца оказывается лишь эмпирически случайной. Смит может высказывать огромное число содержательных предложений о том, что Джонс говорит об Уотергейте, подтверждая это тем, что данные предложения истинны, в том числе и продуцируя и общее выска-

зывание с предикатом истины: «Все, что говорит Джонс об Уотергейте, истинно». Ни одно из этих высказываний не будет логически ущербным. И только лишь при том случайном обстоятельстве, если Смит выскажется обо всех высказываниях Джонса об Уотергейте как об истинных, а Джонс, в свою очередь, выскажется обо всех высказываниях Смита об Уотергейте как о ложных, возникнет проблема. Но иерархический подход сразу будет запрещать суждение Смита всеобщего характера. Суждение Смита с точки зрения иерархического подхода должно касаться только тех суждений Джонса, которые не затрагивают данное суждение Смита, поскольку суждение Смита будет относиться к иному логическому типу суждений, нежели суждения Джонса, о которых говорит Смит. Если же Джонс захочет высказаться и о суждении Смита, то это новое суждение Джонса уже будет относиться к иному логическому типу, нежели суждение Смита и т.д.

На возражение, которое высказали Д. Бэрвайс и Д. Этчемэнди, что парадоксальность кроссрeференциального Лжеца оказывается лишь эмпирически случайной, что Смит мог продуцировать сколь угодно много высказываний в адрес того, что говорит об Уотергейте Джонс и что только лишь один единственный случай в данных высказываниях приводил бы к парадоксу, можно было бы ответить аргументом А. Якуба из его книги «Лжец говорит правду. В защиту ревизионной теории истины» [13]. Данный аргумент можно назвать «строгим кроссрeференциальным Лжецом»:

«Предположим, что Смит написал во время t *единственное* предложение: ‘Предложение, которое напишет Джонс во время t_1 , истинно’, а затем, во время t_1 , Джонс написал *только* это предложение ‘Предложение, которое написал Смит во время t , не является истинным’» [13. Р. 31].

Данное рассуждение действительно представляет собой строгий парадокс, в котором нет места какой-либо эмпирической случайности, причем парадоксальность возникает при любой начальной посылке. Если предложение Смита истинно, то Джонс высказал истину о том, что Смит лжет. Следовательно, если предложение Смита истинно, то оно ложно. Если предложение Смита ложно, то Джонс лжет, что Смит лжет, значит, Смит говорит истину. Следовательно, если предложение Смита ложно, то оно истинно. Если предложение Джонса истинно, то предложение Смита, в котором говорится об истинности предложения Джонса, ложно, а значит, предложение Джонса ложно. Следовательно, если предложение Джонса истинно, то оно ложно. Если предложение Джонса ложно, то предложение Смита, в котором говорится об истинности предложения Джонса, истинно, а значит, предложение Джонса истинно. Следовательно, если предложение Джонса ложно, то оно истинно.

Но даже с такими поправками, когда появляется возможность указать на строгую парадоксальность в ситуации, где имеет место явление саморeферентности (в данном случае опосредованной саморeферентности), иерархический подход, заявляющий об отказе от саморeферентности в принципе, не перестает вызывать серьезные сомнения. Дело в том, что можно сформулировать не просто случайно парадоксальные, но и необходимо непарадоксальные суждения, опирающиеся на явление саморeферентности. И здесь мы подходим к четвертому типу критических аргументов по отношению к иерархическому подходу.

Непарадоксальные формы самореферентности

В-четвертых, существуют такие самореферентные формы мысли и языка, которые вообще не приводят к парадоксам ни при каких обстоятельствах.

Прежде всего определенная группа критиков иерархического подхода обращает внимание на то, что к парадоксам приводит, как правило, отрицательная самореферентность, в то время как положительные формы самореферентности оказываются свободными от противоречий. Так, Т. Боландер различает понятия «порочной самореферентности» (*vicious self-reference*, по аналогии с принципом порочного круга в логике: *circulus vitiosus*) и «невинной самореферентности» (*innocuous self-reference*):

«Самореферентность, которая ведет к парадоксам, мы называем *порочной самореферентностью*, а самореферентность, которая этого не делает, мы называем *невинной самореферентностью*» [14. Р. 24].

Д. Билл обсуждает понятие «*truth-teller*», что можно было бы перевести как «правдолюбец», для описания самореферентного высказывания с положительным предикатом истины [15. Р. 126]. Этот пример показателен тем, что как только мы в формулировке «Лжеца» заменим отрицательный предикат истины на положительный, угроза парадокса сразу же исчезает. На это же обращает внимание и Т. Боландер:

«Можно показать, что самореферентность может быть порочной только тогда, когда она включает отрицание или что-то эквивалентное ему (такое как ‘нет’»)» [14. Р. 24].

Г. фон Вригт вводит термин «*существенная отрицательность*» для характеристики тех форм рассуждений, включающих отрицание, которые приводят к образованию парадоксов. По этому признаку фон Вригт объединяет известные парадоксы, основанные на явлении самореферентности:

«Можно сказать, что антиномии Греллинга, Рассела и Лжеца устанавливают или демонстрируют ‘*существенную отрицательность*’ некоторых понятий» [16. С. 447].

Таким образом, самореферентность, включающая отрицание, как правило, сразу создает опасность логического тупика для мышления, что демонстрируют указанные фон Вригтом парадоксы. Но рассуждения, основанные на явлении самореферентности, в которых отрицание отсутствует, чаще всего никаких проблем для последовательного мышления не создают.

Однако стоит заметить, что провести четкую демаркационную линию, разделяющую парадоксальные формы самореферентности от непарадоксальных по критерию наличия / отсутствия в них отрицания, все же не удастся.

Так, современный российский логик В.О. Лобовиков [17] обращает внимание на то, что формулировка первой теоремы Геделя представляет собой пример отрицательной самореферентности, которая не является парадоксальной. Предложение Геделя, указывающее на то, что в рамках формальной аксиоматической системы существует истинная, но недоказуемая формула, может быть представлено следующим образом:

$$\omega \equiv (s \vdash \omega),$$

где s – формальная арифметическая теория; ω – формула (предложение) в рамках s , такая что она недоказуема в s .

В данной формальной записи предложение Геделя является самореферентным, ибо на вопрос, а какое именно предложение является недоказуемым в s , можно указать на следующее предложение: «Имеется предложение, такое что оно недоказуемо в s », т.е. геделевским предложением оказывается сама ω , указывающая на себя самое. Если самореферентное предложение «Имеется предложение, такое что оно недоказуемо в s » истинно, то оно недоказуемо в s .

Самореферентное предложение Геделя содержит отрицание «не является доказуемым» и, тем не менее, оно непротиворечиво. Отсюда В.О. Лобовиков делает вывод о том, что явление отрицательной самореферентности нельзя считать подлинным основанием логических противоречий, поскольку можно привести по крайней мере один пример (первая теорема Геделя) непротиворечивого предложения, содержащего отрицательную самореферентность [17. С. 54].

Однако, как уже было замечено выше в связи с обсуждением теорем Геделя у С. Крипке, вопрос о том, имеется ли у Геделя самореферентность в принципе, является до сих пор дискуссионным, и поэтому выводы В.О. Лобовикова следует признать только потенциально значимыми.

А вот пример, который в своем исследовании парадоксов приводит американский логик А. Гупта, представляется неоспоримым аргументом в пользу того, что существует отрицательная самореферентность, которая не приводит к парадоксам. А. Гупта указывает, ни много ни мало, на классический логический закон недопущения противоречия как на пример отрицательной непарадоксальной самореферентности:

«Существует множество предложений, которые включают в себя самореферентность, но при этом, очевидно, не являются каким-то образом проблематичными. Например, среди этого множества закон: ‘Ни одно предложение не является истинным и ложным’. Естественнее всего считать, говорит оно о любом предложении, включая самое себя, что ни одно не может быть вместе истинным и ложным. Интуитивно это предложение осмысленно и в самом деле истинно» [18. Р. 1].

Так или иначе, даже оставляя в стороне сложный вопрос о фиксации главной причины образования парадоксов, можно с уверенностью сказать, в противовес иерархическому подходу, что самореферентность как таковая точно не выступает в качестве этой причины, ибо очевидно, что существуют такие примеры самореферентности, которые к парадоксам не приводят в принципе. Иерархический подход Рассела–Тарского оказывается неоправданно радикальным. Вместе с парадоксальными формами самореферентности он запрещает и вполне последовательные самореферентные суждения.

Парадокс без самореферентности

В-пятых, можно сформулировать парадокс, который вообще не содержит самореферентности. Это обстоятельство оказывается еще одним критическим аргументом в адрес иерархического подхода. Защитники иерархического подхода могли бы заявить, что даже если самореферентность как таковая не выступает достаточной причиной возникновения парадоксов, то она является по крайней мере их необходимой причиной. Пусть не всякая самореферентность приводит к парадоксам, но все парадоксы возникают обязательно в са-

мореперферентной среде как их необходимым условием, и потому блокировка самореперферентности все равно может быть оправдана как купирование общей, необходимой причины образования парадоксов. В данных условиях формулировка парадокса, который бы в принципе не содержал самореперферентность, могла бы разрушить и эту последнюю опору иерархического подхода.

Такой парадокс был сформулирован в самом конце XX в. американским логиком С. Ябло. Он представлял собой специфическую модификацию классического парадокса Лжеца. В этой модификации Лжец формулировался вне самореперферентной среды. Это позволило Ябло утверждать:

«Почему некоторые предложения парадоксальны, тогда как другие нет? Начиная с Рассела, универсальным ответом был следующий: циркулярность или, точнее, самореперферентность. <...> Я заключаю, что самореперферентность не является ни необходимым, ни достаточным условием парадокса Лжеца и подобных ему парадоксов» [19. Р. 251–252].

С. Ябло формулирует свой парадокс следующим образом:

«Вообразим бесконечную последовательность предложений $S_1, S_2, S_3, \dots$ каждое из которых утверждает, что любое последующее предложение не является истинным:

(S1) для всех $k > 1$ S_k не является истинным.

(S2) для всех $k > 2$ S_k не является истинным.

(S3) для всех $k > 3$ S_k не является истинным.

Предположим, для образования противоречия, что некоторое S_n истинно. Допустим, S_n говорит, что для всех $k > n$ S_k не является истинным. Следовательно (а) S_{n+1} не является истинным и (б) для всех $k > n+1$, S_k не является истинным. Но (б) есть то, что фактически говорит S_{n+1} , и это противоречит (а), а именно S_{n+1} является истинным! Пусть каждое предложение S_n в данной последовательности не является истинным. Но тогда предложения, следующие за любым данным S_n , не являются истинными, и отсюда S_n истинно!» [Ibid].

Противоречие при заданных условиях будет возникать уже на втором шаге рассуждения.

1. Принимаем, что S_n , которое само формулируется как «Все последующие предложения не являются истинными», истинно.

2. Следующее за S_n предложение S_{n+1} «Все последующие предложения не являются истинными» по условию 1 не является истинным.

3. Опять же, по условию 1 следующее за S_{n+1} предложение S_{n+2} «Все последующие предложения не являются истинными» не должно быть истинным. Но это именно то, что утверждает предложение S_{n+1} . Следовательно, S_{n+1} истинно и ложно.

Однако если бы противоречие возникало только в качестве следствия принятия посылки, что S_n истинно, и не возникало бы при обратном условии, то мы бы имели дело, скорее, не с парадоксом, а с доказательством от противного ложности принимаемой посылки, а именно ложности, что S_n истинно. Для образования парадокса необходимо показать, что противоречие возникает и при принятии противоположной посылки, а именно что S_n не является истинным. Поэтому Ябло продолжает. Допустим, все предложения вида «Каждое последующее предложение не является истинным», в том числе и S_n , не являются истинными. Но тогда все последующие за S_n предложе-

ния по определению не являются истинными. Но это именно то, что утверждает Sn, следовательно, Sn истинно. Налицо парадокс: с чего бы мы ни начинали, предположив сначала, что некоторое Sn истинно, а затем, что ни одно S не является истинным, мы приходим к противоречию.

Самое важное и оригинальное в рассуждении Ябло то, что Sn оказывается не самореферентным. Оно не ссылается на самое себя. Sn всегда говорит только о последующих предложениях, но не о себе самом.

Необходимо отметить, что в случае с парадоксом Ябло мы имеем ситуацию, которая в чем-то аналогична дискуссиям вокруг теорем Геделя. Не все исследователи соглашались с тем, что Ябло в самом деле удалась совершенно оригинальная формулировка парадокса. Так, австралийский логик Г. Прист [20] настаивает на том, что при более тщательном рассмотрении в парадоксе Ябло все же обнаруживается самореферентность, и данный парадокс в целом оказывается подобным классическому парадоксу Лжеца. Но среди современных философов есть и те, кто поддерживает позицию С. Ябло, например один из известных участников дискуссии реализма / антиреализма в логике и эпистемологии Н. Теннант [21].

Нельзя сказать, что парадокс Ябло, учитывая его дискуссионный характер, является последним убийственным аргументом для иерархического подхода, но сам факт формулировки данного парадокса, бесспорно, оказывается дополнительным фактором, усиливающим сомнение в адекватности того решения проблемы парадоксов, которое было предложено Б. Расселом и А. Тарским.

Иерархический подход с точки зрения здравого смысла

Наконец, в-шестых, некоторые мыслители, критикуя иерархический подход, выбирают опору на здравый смысл, что во многом характерно для аргументационной стилистики аналитической философии в целом. Утверждается, что иерархический подход попросту не согласуется со здравым смыслом. Об этом говорит, например, Р. Мартин:

«Моя позиция на настоящий момент состоит только в том, что вопрос о способности естественных языков выражать свою собственную семантику (т.е. вопрос о семантически замкнутых языках, содержащих самореферентность. – В.Л.) – это важный вопрос, по отношению к которому имеющийся ортодоксальный ответ (т.е. ответ в рамках иерархического подхода. – В.Л.) в поразительной степени контринтуитивен» [22. Р. 272].

Иерархический подход контринтуитивен и слишком тривиален. Р. Мартин продолжает:

«Конечно, отказ от самореферентности делает возможным ввести предикат истины или предикат подтверждения безнаказанно, но это не единственный путь, и, определенно, это не самый естественный и интересный путь» [22. Р. 275].

Критические аргументы Р. Мартина лучше всего проиллюстрировать на примере эпистемологической проблематики. Если эпистемолог в своей концепции продуцирует высказывание о том, какую истинностную оценку следует давать теоретическим высказываниям, то, в соответствии с иерархическим подходом, при критической оценке данной концепции запрещается ставить вопрос об истинности самого этого высказывания в том же смысле, в

каком это высказывание эпистемолога говорит об истинности теоретических высказываний. Очевидно, что данный запрет выглядит по меньшей мере странным с точки зрения здравого смысла, ибо как мы можем всерьез относиться к работе предполагаемого эпистемолога, что-то утверждающего об истинности теоретических высказываний, если даже его собственная концепция, состоящая из такого рода высказываний, уже не подпадает под действие тех тезисов, которые в ней устанавливаются. Разве этот эпистемолог может сказать что-то достоверно истинное о других концепциях, если он не в состоянии высказаться достоверно даже о своей собственной концепции? Решить же данную проблему с помощью методик, которая позволяет просто ее не замечать, – слишком тривиально.

Выводы

Те или иные критические аргументы в адрес иерархического подхода Рассела–Тарского к решению проблемы парадоксов, представленные в данной статье, появлялись в исследовательской литературе в разное время, у разных авторов и порознь не могли существенно повлиять на изменение оценки данного подхода, который до сих пор во многих источниках по философии логики предстает как наиболее известный, ортодоксальный и приемлемый способ разрешения логико-семантических парадоксов. Однако, будучи собранными вместе, эти аргументы, по мнению автора статьи, достигают своего рода «критической массы», при которой происходит обрушение всей теоретической конструкции. Данные аргументы показывают, что иерархический подход – это слишком искусственный и грубый методологический прием, который неверно диагностирует причины образования парадоксов, вместе с парадоксальными формами рассуждений запрещает непарадоксальные, не позволяет разрешить всех парадоксов и сам оказывается парадоксальным.

Литература

1. Рассел Б. Математическая логика, основанная на теории типов // Логика, онтология, язык. Томск, 2006. С. 16–62.
2. Tarski A. The Concept of Truth in Formalized Languages // Logic, Semantics, Metamathematics. Oxford : Oxford University Press, 1956. P. 152–278.
3. Field H. A Revenge-Immune Solution to the Semantic Paradoxes // Journal of Philosophical Logic. 2003. № 32. P. 139–177.
4. Weiss P. The Theory of Types // Mind. 1928. Vol. 37, № 147. P. 338–348.
5. Fitch F. Self-Reference in Philosophy // Mind. 1946. Vol. 55, № 217. P. 64–73.
6. Патнем Х. Реализм с человеческим лицом // Аналитическая философия: становление и развитие. М. : ДИК, 1998. С. 466–494.
7. Anderson A.P. St. Paul's Epistle to Titus // The Paradox of the Liar. New Haven and London, 1970. P. 1–11.
8. Крунке С. Очерк теории истины // Язык, истина, существование. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. С. 151–183.
9. Smith P. An Introduction to Godel's Theorem (second edition). Cambridge : Cambridge University Press, 2013.
10. Целищев В.В. Истинность неразрешимых предложений в свете первой теоремы Геделя о неполноте // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 421. С. 53–58.
11. Godel K. On Formally Undecidable Propositions of Principia Mathematica and Related Systems I // Collected Works of Kurt Godel. Oxford : Oxford University Press, 1986.
12. Barwise J., Etchemendy J. The Liar. An Essay on Truth and Circularity. New York, Oxford : Oxford University Press, 1987.

13. *Yaqub A.* The Liar Speaks the Truth. A Defense of the Revision Theory of Truth. New York, Oxford : Oxford University Press, 1993.
14. *Bolander T.* Essay: Self-reference and Logic // ФNEWS. 2002. № 1, April. P. 9–43.
15. *Beall Jc.* A Neglected Deflationist Approach to the Liar // *Analysis*. 2001. Vol. 61 (2), April. P. 126–129.
16. *Вригт Г.Х. фон.* Гетерологический парадокс // Логико-философские исследования : избранные труды. М. : Прогресс, 1986.
17. *Лобовиков В.О.* Проблема неполноты формально определенных систем норм позитивного права, первая теорема Геделя о неполноте и юридические фикции как важный компонент юридической техники // Научный вестник Омской академии МВД России. 2013. № 2 (49). С. 53–57.
18. *Gupta A.* Truth and Paradox // *Journal of Philosophical Logic*. 1982. № 11. P. 1–60.
19. *Yablo S.* Paradox without Self-reference // *Analysis*. 1993. Vol. 53. P. 251–252.
20. *Priest G.* The Structure of the Paradoxes of Self-Reference // *Mind*. 1994. Vol. 103, № 409. P. 25–34.
21. *Tennant N.* On paradox without self-reference // *Analysis*. 1995. № 55. P. 199–207.
22. *Martin R.* Toward a Solution to the Liar Paradox // *The Philosophical Review*. 1967. Vol. 76, № 3. P. 279–311.

Vsevolod A. Ladov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: ladov@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 44. pp. 11–24.

DOI: 10.17223/1998863X/44/2

CRITICAL ANALYSIS OF THE HIERARCHICAL APPROACH TO THE SOLUTION OF THE PARADOX PROBLEM

Keywords: paradox; hierarchical approach; Russell; Tarski; theory of types; language; metalanguage; self-reference.

The problem of logical paradoxes is considered in the article. In the first half of the 20th century, a hierarchical approach to solving paradoxes was formulated in the works of Bertrand Russell and Alfred Tarski. From the point of view of this approach the main reason for paradoxes is self-reference. Hence, the hierarchical approach completely prohibits self-reference in thinking and language. This is a solution to the paradox problem in the context of the approach. In the second half of the 20th century, the point of view of the hierarchical approach became generally accepted. Many encyclopedic philosophical writings consider the hierarchical approach as a clear and acceptable way of solving the paradox problem. However, in the research literature on logic, epistemology and the philosophy of mathematics in recent decades there appeared works criticising the hierarchical approach in various aspects. In particular, it was asserted that a) the hierarchical approach generates “revenge problems”; b) the hierarchical approach places undesirable limits for the development of mathematical theories and forces to abandon important results in the field of the philosophy of mathematics; c) the hierarchical approach is too radical for, first, some self-referential statements are paradoxical by accident and, second, some self-referential statements are obviously not paradoxical; d) the hierarchical approach does not cover all paradoxes for paradoxes can be formulated without self-reference; e) the hierarchical approach is absurd from a common sense point of view. Nevertheless, these critical studies were sporadic and unsystematic. Separately, they could not destroy the authority of the hierarchical approach to solving the paradox problem. The author of this article aims to accumulate various critical arguments to the hierarchical approach that were expressed in the research literature in order to demonstrate the importance of the whole variety of critical views, to show the vulnerability of the hierarchical approach in various aspects and to call into question the adequacy of this approach to solving the paradox problem.

References

1. Russell, B. (2006) *Matematicheskaya logika, osnovannaya na teorii tipov* [Mathematical logic as based on the theory of types]. Translated from English by V.A. Surovtsev. In: Surovtsev, V.A. (ed.) *Logika, ontologiya, yazyk* [Logic, Ontology, Language]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 16–62.
2. Tarski, A. (1956) The concept of truth in formalized languages. In: Tarski A. (ed.) *Logic, Semantics, Metamathematics*. Oxford: Oxford University Press. pp. 152–278.
3. Field, H. (2003). A Revenge-Immune Solution to the Semantic Paradoxes. *Journal of Philosophical Logic*. 32. pp. 139–177. DOI: 10.1023/A:1023027808400

4. Weiss, P. (1928). The Theory of Types. *Mind*. 37(147). pp. 338–348. DOI: 10.1093/mind/XXXVII.147.338
5. Fitch, F. (1946) Self-Reference in Philosophy. *Mind*. 55(217). pp. 64–73. DOI: 10.1093/mind/LV.219.64
6. Putnam, H. (1998) Realizm s chelovecheskim litsom [Realism with a human face]. In: Gryaznov, A.F. (ed.) *Analiticheskaya filosofiya: stanovlenie i razvitie* [Analytical Philosophy: The establishment and development]. Translated from English and German. Moscow: Dom intellektual'noy knigi. pp. 466–494.
7. Anderson, A.P. (1970) St. Paul's Epistle to Titus. In: Martin, R.L. (ed.) *The Paradox of the Liar*. New Haven and London. pp. 1–11.
8. Kripke, S.A. (2002) Oчерк teorii istiny [Outline of a theory of truth]. Translated from English by V.A. Surovtsev. In: Surovtsev, V.A. (ed.) *Yazyk, istina, sushchestvovanie* [Language, Truth and Existence]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 151–183.
9. Smith, P. (2013) *An Introduction to Gödel's Theorem (second edition)*. Cambridge: Cambridge University Press.
10. Tselishchev, V.V. (2017) The truth of undecidable sentences in the perspective of Gödel's first incompleteness theorem. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 421. pp. 53–58. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/421/7
11. Gödel, K. (1986) On Formally Undecidable Propositions of Principia Mathematica and Related Systems. In: Feferman, S. (ed.) *Collected Works of Kurt Gödel*. Oxford: Oxford University Press.
12. Barwise, J. & Etchemendy, J. (1987) *The Liar. An Essay on Truth and Circularity*. New York, Oxford: Oxford University Press.
13. Yaqub, A. (1993) *The Liar Speaks the Truth. A Defense of the Revision Theory of Truth*. New York, Oxford: Oxford University Press.
14. Bolander, T. (2002) Self-Reference and Logic. *Phi News*. 1. pp. 9–43.
15. Beall, Jc. (2001) A Neglected Deflationist Approach to the Liar. *Analysis*. 61(2). pp. 126–129. DOI: 10.1111/1467-8284.00281
16. Wright, G.H. von. (1986) Geterologicheskiy paradoks [The Heterological Paradox]. Translated from English by G.I. Galanter. In: Ruzavin, G.I. & Smirnov, V.A. (eds.) *Logiko-filosofskie issledovaniya: Izbrannyye trudy* [Logical and Philosophical Studies: Selected Works]. Moscow: Progress. pp. 449–482.
17. Lobovikov, V.O. (2013) Problema nepolnoty formal'no opredelennykh sistem norm pozitivnogo prava, pervaya teorema Gedelya o nepolnote i yuridicheskiye fiktzii kak vazhnyy komponent yuridicheskoy tekhniki [The problem of incomplete formally defined systems of positive law, the first of Gödel's theorems of incompleteness and legal fiction as an important component of legal technique]. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii – Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia*. 2(49). pp. 53–57.
18. Gupta, A. (1982) Truth and Paradox. *Journal of Philosophical Logic*. 11. pp. 1–60. DOI: 10.1007/BF00302338
19. Yablo, S. (1993) Paradox without Self-reference. *Analysis*. 53. pp. 251–252. DOI: 10.1093/analysis/53.4.251
20. Priest, G. (1994) The Structure of the Paradoxes of Self-Reference. *Mind*. 103(409). pp. 25–34. DOI: 10.1093/mind/103.409.25
21. Tennant, N. (1995) On paradox without self-reference. *Analysis*. 55. pp. 199–207. DOI: 10.1093/analysis/55.3.199
22. Martin, R. (1967) Toward a Solution to the Liar Paradox. *The Philosophical Review*. 76(3). pp. 279–311.

УДК 1(019)
DOI: 10.17223/1998863X/44/3

В.В. Оглезнев

«ОТКРЫТАЯ ТЕКСТУРА» ЯЗЫКА, СМУТНОСТЬ И ПРИНЦИП КОНТЕКСТНОСТИ¹

Подробно рассматриваются идеи «открытой текстуры» языка и смутности понятий в том виде, в котором они были сформулированы в работах Фридриха Вайсмана, а также связанные с этим некоторые проблемы верификационизма. Показано, что эмпирические высказывания невозможно окончательно верифицировать, по крайней мере из-за открытой текстуры используемых в них понятий. Предложена интерпретация открытой текстуры как возможности смутности, которую в отличие от открытой текстуры устранить можно посредством корректировки определения.

Ключевые слова: *открытая текстура, смутность, верификация, принцип контекстности, естественный язык.*

Идея о том, что эмпирические понятия обладают таким свойством, как «открытая текстура»², была разработана Фридрихом Вайсманом в качестве аргумента против феноменалистской позиции о сводимости высказываний о материальных объектах к высказываниям о чувственных данных, с одной стороны, и против верификационизма в целом, с другой стороны. Мы потому не можем окончательно верифицировать эмпирические высказывания, что используемые в них термины, а также выражающие эти термины понятия, обладают «открытой текстурой». Такие термины и понятия не имеют ограничений своего использования, поскольку «ни один набор правил не может установить их применение для всех возможных ситуаций» [1. Р. 141]. Причина этого в том, что мы не можем предусмотреть все возможные ситуации, в которых такое применение может иметь место. Таким образом, эмпирические высказывания, в которых используются такие термины, не могут быть окончательно верифицированы, следовательно, окончательная верификация не может рассматриваться как адекватный критерий осмысленности таких высказываний.

Вайсмана не удовлетворяла идея логического позитивизма о том, что значением высказывания является метод его верификации. Он пытался объяснить, что между значением и верификацией есть более тонкая связь. По его

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00119а.

² Английская версия термина «open texture» является произвольным переводом оригинальной немецкой фразы «die Porosität der Begriffe». Английская версия («open texture») была предложена Вайсману Уильямом Нилом [2. Р. 119], и именно эта версия получила широкое распространение в современной литературе. Синонимом «open texture» является выражение «the porosity of concept», которое является дословным переводом «die Porosität der Begriffe» и которое следовало бы переводить на русский язык как «пористость понятия», т.е. рыхлость или в более специальном смысле – нестабильность понятия, что в большей степени соответствует семантике этого термина. Но для сохранения некоторой лингвистической преемственности в этом тексте используется калька английской версии.

мнению, эмпирические высказывания невозможно окончательно верифицировать по двум причинам. Во-первых, несмотря на то, что можно установить конечное число эмпирических фактов, подтверждающих высказывание «Это – кошка», с точки зрения логики их недостаточно для его истины; всегда есть возможность оказаться жертвой искаженных фактов, т.е. всегда остается возможность появления фактов, которые мы не могли предвидеть. Во-вторых, даже если предположить, что в нашем распоряжении каким-то образом оказались все эмпирические факты, как прошлые, так и будущие, но этого все равно может быть недостаточно для установления истины или ложности высказывания «Это – кошка»: «Мы не можем предвидеть все возможные случаи, в которых такие термины должны использоваться; всегда остается возможность, хотя и слабая, что мы не учли того или иного, что может иметь отношение к их использованию; и это означает, что мы не можем предвидеть все возможные обстоятельства, при которых высказывание истинно или ложно» [2. Р. 121]. Вайсман не имеет в виду скептическую возможность того, что весь мой опыт может быть работой злого гения, который обеспечивает истинность высказывания «Это – кошка», делая при этом высказывание ложным; он не предполагает, что истинностная оценка высказывания может выходить за пределы возможных эмпирических фактов. Скорее, он указывает на случаи, когда опыт принимает неожиданный оборот, чего не было предусмотрено значением высказывания:

Предположим, что мне нужно верифицировать высказывание вроде следующего: «В соседней комнате есть кошка». Предположим, я иду в соседнюю комнату, открываю дверь и действительно вижу кошку. Достаточно ли этого, чтобы доказать мое утверждение? Или я должен вдобавок потрогать кошку, погладить ее, чтобы она замурлыкала? Предполагая, что я все это сделал, могу ли я быть абсолютно уверен, что мое высказывание было истинным? Мы сразу же сталкиваемся с хорошо известным с античных времен набором скептических аргументов. Что, например, мне следует сказать, если позднее это существо выросло до гигантских размеров? Или если это существо повело себя как-то странно, что обычно не случается с кошками, скажем, если при определенных условиях оно смогло ожить после смерти, чего не могут обычные кошки? Должен ли я в таком случае сказать, что появился новый вид кошки? Или что это была кошка с необыкновенными способностями? [Ibid. Р. 119].

Такого типа высказывания невозможно ни верифицировать, ни фальсифицировать; следовательно, они не истинны и не ложны. Так происходит потому, что используемые в них эмпирические понятия (например, «кошка») обладают открытой текстурой. Кроме того, Вайсман предлагает различать «открытую» и «закрытую» текстуру понятий, что непосредственно связано, по его мнению, с проблемами редукционизма: «Открытая текстура, отсутствующая у логических и математических понятий, является очень важной чертой большинства наших эмпирических понятий. То, что структура эмпирического знания настолько отличается от структуры априорного знания, каким-то образом, возможно, связано с различием открытой и закрытой текстуры» [3. Р. 225]. Отсутствие открытой текстуры у логических и математических понятий связано с тем, как формируется априорное знание в логике и математике. Понятия логики и математики это не эмпирические, но теорети-

ческие понятия, они обладают «закрытой текстурой». Например, идея «открытой текстуры» не приложима к натуральному ряду чисел, поскольку натуральный ряд бесконечен. Но наша неспособность его определить не свидетельствует об открытой текстуре понятий математики, но лишь о незаконченности верификации. Открытая текстура указывает на то, что содержание любого эмпирического понятия до конца не известно. Напротив, содержание теоретических понятий (понятий логики и математики) определено до конца, например, понятие натурального числа задается индуктивным определением через построение натурального ряда. Следовательно, априорное и эмпирическое знание различается не благодаря своему источнику, но «текстуре» своих терминов. Такой подход дает совершенно иное понимание того, каким образом устанавливается истинность высказываний в рамках определенного дискурса, т.е. он сводит важную проблему понимания того, что значит для высказывания быть истинным или ложным, к проблеме того, обладают ли термины «открытой» или «закрытой» текстурой.

Критическая позиция Вайсмана против верификационизма, в основании которой лежала идея «открытой текстуры» эмпирических понятий, получила неожиданное дальнейшее развитие. Особенно в области современной философии права и философии языка [4–8] феномен «открытой текстуры» стал самостоятельным предметом исследования. Но, пожалуй, наиболее плодотворные дискуссии развернулись после попытки Герберта Харта применить заимствованную у Вайсмана идею «открытой текстуры» к анализу юридического языка [9. С. 128–139], что вызвало множество вопросов. Изменилась ли эта идея после заимствования? Одинаковым ли образом Харт и Вайсман понимали идею «открытой текстуры»? Возможно ли применить идею «открытой текстуры» к неэмпирическим высказываниям? Споры относительно возможных ответов на эти вопросы не утихают до сих пор. Но как бы то ни было, попытки эксплицировать идею «открытой текстуры» в других типах дискурса привели к ее новой интерпретации.

Интерес к исследованию этой проблематики сегодня связан не только и столько с самой идеей «открытой текстуры», но, прежде всего, с тем, как Вайсман предлагал различать «открытую текстуру» и смутность (*vagueness*) эмпирических понятий и языка в целом и какое он видел в этом значение. Здесь следует отметить, что идея смутности не является собственной разработкой Вайсмана, а была хорошо известна (в первую очередь в философии математики [10, 11]) задолго до публикации его статьи «Verifiability», в которой идеи смутности и открытой текстуры впервые были представлены. Но ни одно современное исследование открытой текстуры или смутности языка не обходится без анализа известного тезиса Вайсмана от том, что «открытая текстура является чем-то вроде возможности смутности».

Смутность следует отличать от *открытой текстуры*. Слово, которое фактически используется изменчивым способом (например, «куча» или «розовый»), считается смутным; термин, вроде термина «золото», хотя его фактическое употребление может не быть смутным, не имеет исчерпывающего определения или обладает открытой текстурой в том смысле, что мы никогда не сможем заполнить все возможные пробелы, через которые может просочиться сомнение. Поэтому открытая текстура является чем-то вроде *возможности смутности* (*possibility of vagueness*). Смутность может быть устранена

посредством установления более точных правил, открытая текстура – нет. Иначе говоря, определения открытых терминов *всегда* являются корректируемыми [2. Р. 120].

Именно этот пассаж стал, в некотором смысле, классической формулировкой идеи «открытой текстуры» и ее отличий от смутности, даже несмотря на то, что сегодня эта идея получила разные интерпретации. Например, Стюарт Шапиро отмечает, что «использование Вайсманом термина „открытая текстура“ несколько отличается от того, как он используется сегодня, хотя они тесно связаны; его „открытая текстура“ ближе к современному понятию „неопределенный“ или „неустановленный“» [8. Р. 211]. Но тем не менее предложенное Вайсманом разграничение открытой текстуры и смутности продолжает оставаться в центре дискуссий. Очевидно, что здесь не обойтись без внимательного исследования приведенной выше цитаты, поскольку понятие «открытой текстуры», равно как и смутности, «часто используются сегодня без объяснения того, что они на самом деле означают» [12. Р. 1]. Это требует значительного уточнения содержания идей «открытой текстуры» и смутности.

Как открытая текстура связана со смутностью? Кроме указанного фрагмента, Вайсман нигде больше не объясняет, как открытая текстура связана со смутностью и что значит утверждение «открытая текстура является чем-то вроде возможности смутности». Идея же открытой текстуры, напротив, получила весьма подробное освещение, отчасти из-за того, что Вайсман считал, что «открытая текстура является фундаментальным свойством большинства, хотя и не всех, эмпирических понятий, и именно эта текстура мешает нам окончательно верифицировать большинство наших эмпирических высказываний» [2. Р. 120–121]. Позднее он даже признает, что «открытая текстура» является основным свойством всех понятий, а не только «эмпирических». В «The Principles of Linguistic Philosophy» Вайсман утверждает, что ни одно понятие, независимо от контекста, не удовлетворяет требованию полной ясности: «Ни одно понятие не может быть образовано таким образом, чтобы не осталось никаких сомнений» [13. Р. 223].

То, что мы не можем окончательно верифицировать эмпирические высказывания, непосредственно связано с тем, что мы не можем окончательно определить используемые в них понятия, потому что эти понятия обладают свойством открытой текстуры. В этом заключается фундаментальный посыл Вайсмана при попытке дать определение понятию: сколько бы мы ни пытались определить понятие, устанавливая все новые и новые его признаки, открытую текстуру мы устранить не можем, поскольку всегда можем найти такой предмет, который не подпадает под наше понятие, но который вроде бы следовало туда отнести. Мы вынуждены в таком случае корректировать определение понятия, добавляя дополнительные признаки другими способами. Но это не означает, что мы пришли к окончательному определению. Понятие всеравно характеризуется открытой текстурой, которая в самом понятии заложена и которая, в свою очередь, может порождать смутность. Но смутность в отличие от открытой текстуры в принципе устранима, именно в этом смысле открытая текстура является возможностью смутности. Здесь следует иметь в виду то, что даже если мы смутность устраняем, она потенциально может возникнуть снова, потому что открытая текстура остается.

Выходит, что смутность как бы произрастает из открытой текстуры. Смутность мы устранить можем, но может возникнуть другая смутность, именно в этом отношении открытая текстура есть потенциальность (возможность) смутности. Поскольку есть открытая текстура, всегда есть возможность смутности.

К схожим выводам приходит Тимоти Уильямсон. Он считает, что понятие является смутным только тогда, когда *фактически возникают* неустановленные случаи, т.е. случаи, которые мы не предвидели; в то время как понятие характеризуется открытой текстурой тогда, когда такие случаи *могут возникнуть*. То есть все смутные понятия обладают открытой текстурой, но понятие вроде «золота» может обладать открытой текстурой без смутности, если мы можем вообразить неустановленные случаи, но которые фактически никогда не возникнут: «Смутность можно устранить при оговорке, что для этого потребуются лишь реальные случаи. Открытая текстура может быть уменьшена, но не устранена полностью, при оговорке, что мы не можем предусмотреть все виды неустановленных случаев, которые могут возникнуть. Даже если бы мы могли это сделать, то термины, в которых мы делали эти оговорки, сами бы обладали открытой текстурой» [7. Р. 90–91]. Однако Уильямсона не удовлетворяет объяснение Вайсмана о необходимости использования открытой текстуры высказываний о физических объектах, чтобы показать, почему они не могут быть переведены в эмпирические высказывания. Он считает такой подход незавершенным, поскольку, по его мнению, Вайсман упускает из виду то, что высказывание с открытой текстурой может быть переведено в другое высказывание с открытой текстурой: «То, что Вайсман должен показать, заключается в том, что открытая текстура в эмпирических высказываниях не может соответствовать открытой текстуре в высказываниях о физических объектах. Но он этого не сделал» [Ibid. Р. 91]. Но с данным утверждением Уильямсона нельзя согласиться, потому что Вайсман на это все-таки указывал, пусть даже и не так явно. Он развивал концепцию языка, который как бы «расслаивается на уровни»: «Язык кажется разделенным на слои провалами, через которые мы можем перепрыгнуть, но через которые мы не можем навести мосты с помощью логических процедур» [3. Р. 228]. Каждый языковой слой, по мнению Вайсмана, имеет свою собственную логику; высказывания могут быть истинными в различных смыслах, что они могут быть верифицированы в различных смыслах, что они могут быть полными или неполными в различных смыслах, что в действительности сама логика может изменяться вместе с видом высказывания. Это предполагает группировку в одном слое всех тех предложений, которые являются однородными, т.е. которые логически ведут себя одинаково. В разных слоях применяются разные понятия истины: истинность высказывания о субъективном впечатлении отличается от истинности высказывания о материальном объекте, которое, в свою очередь, отличается от истинности физического закона. Аналогичным образом меняются и способы верификации этих высказываний. Отношения между разными слоями имеют весьма сложную природу, что не позволяет свести высказывание одного слоя к другому. Это как раз и свидетельствует о том, что «открытая текстура в эмпирических высказываниях не может соответствовать открытой текстуре в высказываниях о физических объектах» [2].

Идея открытой текстуры как возможности смутности является важной частью философско-лингвистической концепции Вайсмана – многоуровневой структуры языка [3. Р. 223], в рамках которой возможно отделить один языковой слой от другого, например язык материальных объектов от языка чувственных впечатлений. Точка зрения Вайсмана, как верно отмечает Энтони Квинтон, заключается не столько в том, что слова обычного языка являются смутными, но в том, что есть пограничные случаи, когда мы не можем решить, применять ли эти слова или нет; тем более что на практике действительные условия их применения удовлетворяются лишь тогда, когда удовлетворяются другие, не включенные в них, определенные условия. Мы вынуждены признать неопределенным тот мыслимый случай, когда одни условия удовлетворяются, а другие условия, сопутствующие им, нет [14. Р. 13]. Возможно, по этой причине Вайсман не обращал особого внимания на феномен самой смутности, поскольку считал, что смутность термина в отличие от его открытой текстуры можно устранить посредством уточнения его определения или изменения контекста его употребления. Смутность, таким образом, становится чувствительным к контексту явлением. Например, Стюарт Шапиро утверждает, что смутность соответствующего термина обнаруживается только в контексте его употребления [15. Р. 308]. Это значит, что смутным становится не сам термин, обозначающий некий объект, но его значение в определенном контексте. Сам по себе термин не является ни ясным, ни неясным, ясным или неясным может быть его значение, прояснить которое можно только изменением контекста: «Мы не можем знать, является ли слово смутным, пока не узнаем, как оно используется» [4. Р. 511]. Если применение термина порождает пограничные случаи, то этот термин будет смутным, вернее, смутным будет его значение: «неправильно рассматривать смутность как свойство слов; напротив, смутность – это свойство значения слова» [Ibid. Р. 520].

На эти размышления о контекстной чувствительности смутных терминов, по-видимому, повлияли похожие идеи Г. Фреге и Л. Витгенштейна. Так, Фреге в «Основоположениях арифметики» предлагает среди прочих придерживаться правила, что «о значении слова нужно спрашивать не в его обособленности, а в контексте предложения» [16. С. 139]; «всегда необходимо учитывать полное предложение; только в нем слова обладают подлинным значением» [Там же. С. 196]. Этот аргумент Фреге более известен в истории философии как принцип контекстности, «которой требует рассматривать логическую позицию того или иного выражения только в контексте целостного выражения» [17. С. 180]. При этом на утверждение Вайсмана о том, что «смутность может быть устранена посредством установления более точных правил» или посредством изменения контекста употребления термина, оказали серьезное влияние идеи «Логико-философского трактата» Витгенштейна, где сказано, что «только предложение имеет смысл; имя обретает значение лишь в контексте предложения» [18. С. 13]. Но особенностью подхода Вайсмана в отличие от некоторых современных теорий является то, что он считал, что смутность устраняется не контекстом или фактом появления нового контекста, но корректировкой ранее сформулированного определения путем добавления в содержание понятия новых признаков и свойств. Но открывая текстура у таких понятий остается, именно в этом смысле открытая текстура есть возможность смутности.

Литература

1. Margalit A. Open Texture // *Meaning and Use* / ed. by A. Margalit. Dordrecht : Springer, 1979. P. 141–152. (Synthese Language Library (Texts and Studies in Linguistics and Philosophy), vol. 3).
2. Waismann F. Verifiability // *Logic and Language* / ed. by A. Flew. 1st ed. Oxford : Basil Blackwell, 1960. P. 117–144.
3. Waismann F. The Many-Level-Structure of Language // *Synthese*. 1946. Vol. 5, № 5/6. P. 221–229.
4. Waldron J. Vagueness in Law and Language: Some Philosophical Issues // *California Law Review*. 1994. Vol. 82, № 3. P. 509–540.
5. Endicott T. *Vagueness in the Law*. Oxford : Oxford University Press, 2000.
6. Keil G., Poscher R. *Vagueness and Law: Philosophical and Legal Perspectives*. Oxford : Oxford University Press, 2016.
7. Williamson T. *Vagueness*. London : Routledge, 1994.
8. Shapiro S. *Vagueness in Context*. Oxford : Oxford University Press, 2006.
9. Харп Г.Л.А. Понятие права. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2007.
10. Russell B. Vagueness // *Australasian Journal of Psychology and Philosophy*. 1923. Vol. 1:2. P. 84–92.
11. Black M. Vagueness: An Exercise in Logical Analysis // *Philosophy of Science*. 1937. Vol. 4. P. 427–455.
12. Bunikowski D. The Origins of Open Texture in Language and Legal Philosophies in Oxford and Cambridge // *Rechtstheorie*. 2016. Vol. 47. P. 1–24.
13. Waismann F. *The Principles of Linguistic Philosophy*. London : Macmillan Press, 1965.
14. Quinton A. Introduction // Waismann F. *Philosophical Papers* / ed. by B. McGuinness. Dordrecht : D. Reidel Publishing Company, 1977. P. 9–22.
15. Shapiro S. Vagueness, Open-Texture, and Retrievability // *Inquiry*. 2013. Vol. 56, № 2. P. 307–326.
16. Фреге Г. Логико-философские труды. Новосибирск : Сибирское университетское изд-во, 2008.
17. Суровцев В.А. Принцип контекстности: к вопросу о генезисе // *Методология науки* : сб. тр. Томск, 1998. Вып. 3 : Становление современной научной рациональности. С. 179–185.
18. Витгенштейн Л. Философские работы. М. : Гнозис, 1994. Ч. 1.

Vitaly V. Ogleznev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); West Siberian Branch of the Russian University of Justice (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: ogleznev82@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 44. pp. 25–32.

DOI: 10.17223/1998863X/44/3

THE “OPEN TEXTURE” OF LANGUAGE, VAGUENESS, AND CONTEXT PRINCIPLE

Keywords: open texture; vagueness; verification; context principle; natural language.

The article presents a careful analysis of the idea of the “open texture” of language and vagueness of concepts in the way that they were formulated by Friedrich Waismann as well as related problems of verification. It shows that empirical statements are not conclusively verifiable for, at least, the open texture of the terms involved. We cannot conclusively verify statements in which empirical concepts are used, because we cannot define these concepts in an exhaustive way due to their open texture. The author proposes interpreting the open texture as a possibility of vagueness; vagueness can be remedied by giving more accurate rules, the open texture cannot.

References

1. Margalit, A. (1979) Open Texture. In: Margalit, A. (ed.) *Meaning and Use*. Springer, Dordrecht. pp. 141–152. DOI: 10.1007/978-1-4020-4104-4
2. Waismann, F. (1960) Verifiability. In: Flew, A. (ed.) *Logic and Language*. 1st ed. Oxford: Basil Blackwell. pp. 117–144.
3. Waismann, F. (1946) The Many-Level-Structure of Language. *Synthese*. 5(5/6). pp. 221–229.

4. Waldron, J. (1994) Vagueness in Law and Language: Some Philosophical Issues. *California Law Review*. 82(3). pp. 509–540. DOI: 10.15779/Z38WB2M
5. Endicott, T. (2000) *Vagueness in the Law*. Oxford University Press.
6. Keil, G. & Poscher, R. (2016) *Vagueness and Law: Philosophical and Legal Perspectives*. Oxford University Press.
7. Williamson, T. (1994) *Vagueness*. London: Routledge.
8. Shapiro, S. (2006) *Vagueness in Context*. Oxford University Press.
9. Hart, G.L.A. (2007) *Ponyatiye prava* [The Concept of Law]. Translated from English. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
10. Russell, B. (1923) Vagueness. *Australasian Journal of Psychology and Philosophy*. 1(2). pp. 84–92. DOI: 10.1080/00048402308540623
11. Black, M. (1937) Vagueness: An Exercise in Logical Analysis. *Philosophy of Science*. 4. pp. 427–455. DOI: 10.1080/03081079008935103
12. Bunikowski, D. (2016) The Origins of Open Texture in Language and Legal Philosophies in Oxford and Cambridge. *Rechtstheorie*. 47. pp. 1–24. DOI: 10.3790/rth.47.2.141
13. Waismann, F. (1965) *The Principles of Linguistic Philosophy*. London: Macmillan Press.
14. Quinton, A. (1977) Introduction. In: Waismann, F. (1977) *Philosophical Papers*. Reidel Publishing Company, Dordrecht. pp. 9–22.
15. Shapiro, S. (2013) Vagueness, Open-Texture, and Retrievalability. *Inquiry*. 56(2). pp. 307–326. DOI: 10.1080/0020174X.2013.784486
16. Frege, F.L.G. (2008) *Logiko-filosofskiye trudy* [Logical-philosophical works]. Translated by V.A. Surovtsev. Novosibirsk: Sibirskoye universitetskoye izdatelstvo.
17. Surovtsev, V.A. (1998) Printsip kontekstnosti: k voprosu o genezise [Context principle: to the question of genesis]. *Methodology of Science*. 3. pp. 179–185.
18. Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskiye raboty* [Philosophical Works]. Part 1. Moscow: Гнозис.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 341.2, 1(091)
DOI: 10.17223/1998863X/44/4

М.О. Абрамова

ЧЕЛОВЕК КАК НОСИТЕЛЬ ПРАВ И СУБЪЕКТ ПРАВООЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Представление о «человеке» претерпевало существенные изменения в процессе развития концепции прав человека. Целым группам по расовому, гендерному, возрастному и другим признакам долгое время отказывалось в обладании правами человека «по умолчанию». Вопрос, кто является носителем прав человека, актуален и сегодня. В статье прослеживается трансформация понятия «человек» от античности через Просвещение к современности, а также ставятся вопросы потенциального расширения числа носителей прав в ближайшем будущем.

Ключевые слова: права человека, носитель прав, естественное право, человек.

Базовый вопрос концепции прав человека заключается в определении того, кто именно обладает правами человека и, следовательно, чьи права должны защищаться? Может показаться, что данный вопрос является риторическим, ведь само словосочетание «права и свободы человека» задает, что правами человека обладает именно человек, получая, собственно, их по факту своего рождения человеком. Однако вопрос, имеющий онтологическую сторону, не столь прост и однозначен. В рамках концепции прав человека под человеком понимается автономная личность, за которой признается свобода воли и которая пользуется гарантиями прав человека.

Обратившись к истории развития концепции, можно обнаружить трансформацию фактического содержания понятия «человек», под которым могут пониматься различные группы. С одной стороны, далеко не всегда все индивиды мыслились в качестве носителей прав человека. Целым группам по расовому, гендерному, возрастному и иным признакам отказывалось в правах человека. С другой стороны, развитие концепции приводит сегодня к вопросу все более расширительного толкования, кто является таким носителем. Так, обсуждаются вопросы, могут ли обладать правами еще нерожденные дети или же роботы. Цель данной статьи заключается в рассмотрении вопросов, связанных с наиболее «узкими» аспектами концепции при определении того, кто является носителем прав человека, с помощью как ретроспективного, так и перспективного анализа.

Представление о человеке в античности

Хотя провозглашение прав человека приходится на эпоху Просвещения, гуманистические идеи, послужившие началом развития концепции прав че-

ловека, зарождаются значительно раньше. Генеалогическое исследование прав человека приводит нас к представлениям о понятиях «справедливость», «правильность», «закон», «доля» и прочих античных философов, разрабатывающих как философский, так и так и социальный план естественного права.

Человек, с точки зрения Платона, – это «существо бескрылое, двуногое, с плоскими ногтями; единственное из существ, восприимчивое к знанию, основанному на рассуждениях (logoi)» [1. С. 416]. Хотя однозначного противопоставления животного и человека у Платона нельзя обнаружить, все же человек отличается от животного не только внешним видом: именно в стремлении к знанию Платон усматривал сущностное отличие человека.

Аристотель подчеркивал, что человек, прежде всего, – это существо общественное, или политическое. По своей сути он стремится к объединению с себе подобными. Значимым понятием его теории является понятие справедливости, которая мыслится как высшая воспитуемая добродетель и связана с пониманием распределения, равных долей. Лишь когда соотношения будут составлены в правильной пропорции, реализуется справедливое распределение. Справедливость важна не сама по себе, а относительно другого человека, общества или полиса. Принципом деления выступает весомость вклада каждого гражданина в общее или воздается «каждому по достоинству». Правда, каждое сословие достоинством называет разное: «сторонники демократии – свободу, сторонники олигархии – богатство, иные – благородное происхождение, а сторонники аристократии – добродетель» [2. С. 151].

Обращение к истории древнегреческого периода показывает, что полисы существовали как «города-государства» с демократическим устройством. Полис – городская гражданская община равных, а высший носитель государственного суверенитета – народное собрание, собрание граждан. Граждане образовывали замкнутую группу. К их числу могли быть причислены лишь совершеннолетние свободные мужчины, удовлетворяющие ряду требований, одним из обязательных являлось происхождение от предков-граждан, а также военная служба, наличие земельного надела. Подсчеты показывают, что число граждан, претендующих на равенство, составляло меньшинство в сравнении с общим числом населения полиса: не более 1/7–1/8 части и даже меньше. То есть ни о каком всеобщем равенстве в правах речи не идет. Наряду с народом, «высшим» слоем, на территории полиса проживали и другие группы, которые не могли быть частью общества, а значит, и народа. К таким группам относились рабы, переселенцы-метэки, женщины. Справедливость осуществлялась лишь в случае воздаяния равным. Равными могли быть только граждане, и они же могли пользоваться благами свободы и культуры, обладать политическими правами [3].

Аристотель высказывается за природную обусловленность неравенства, не считая его сколько-нибудь несправедливым: «Ведь раб по природе – тот, кто может принадлежать другому (потому он и принадлежит другому) и кто причастен к рассудку в такой мере, что способен понимать его приказания, но сам рассудком не обладает... Одни люди по своей природе свободны, другие – рабы, и этим последним быть рабами и полезно, и справедливо» [4. С. 29–30]. Признавая, что рабами нередко становятся при акте насилия (военном захвате, например), Аристотель не оценивает его в качестве отрицательного явления, но, напротив, полагает правомерным, утверждая, что тот, кто

становится рабом, по своей природе является рабом, и в этом смысле для него быть в подчинении – «лучший удел». Таким образом, Аристотель настаивает на том, что рабство является естественным явлением, как и естественно гражданам быть гражданами.

Понятие «гражданин» подразумевает личность, наделенную определенными неотъемлемыми правами. Среди таких прав – свобода и личная независимость от другого человека, право иметь земельный участок на территории полиса, право пользоваться экономической помощью государства в случае материальных затруднений, право на ношение оружия, право на участие в делах государства, участие в общественных празднествах, право на защиту и покровительство афинских законов [5. С. 5].

Таким образом в период античности человек – это исключительно совершеннолетний свободный мужчина, проживающий в полисе и соответствующий ряду иных условий. При этом наличие неравенства между людьми различных социальных групп, включая существование рабства, не просто признается и не отвергается, но считается естественным и оправдывается с точки зрения своего «природного характера».

Развитие концепции прав человека в эпоху Просвещения

Рождение концепции прав человека происходит в эпоху Просвещения. Среди внесших существенный вклад в развитие философских идей можно отметить Локка, Гоббса, Руссо, Монтескье, Канта и др. Именно в XVII–XVIII вв. утверждается автономность отдельной личности, а не только больших общностей – рода или нации, обосновывается необходимость защиты ее свободы и неприкосновенности, формируется концепция естественного права. Права человека мыслятся как имеющие естественную природу: ими люди обладают уже по факту своего рождения. Здесь явное отличие от античного гражданства, для получения которого необходимо не только быть мужчиной, но и предпринимать ряд усилий (пройти военную службу, обладать земельным наделом и пр.), сталкиваться с рисками потерять статус гражданина. Античный полис первичен по отношению к гражданину, в то время как концепция прав человека устанавливает приоритет прав человека в отношениях между индивидом и государством, человеком и властью: права человека ограничивают правительства и монархов. Поскольку не государство дает человеку права, оно не может их и забрать: права человека имеют неотчуждаемый характер. Теперь человек, который ранее был подчиненным государству, зависимым от монарха или иной власти, становится автономной личностью. Более того – отдельный человек получает гарантии защиты в случае нарушения его прав, а задачи защиты и обеспечения прав человека должно выполнять само государство.

Обратившись к законам и иным нормативным документам, возникшим в этот период в Европе и Америке, мы обнаруживаем в них утверждение и закрепление философской идеи естественного права. Декларация независимости, принятая единогласно тринадцатью Соединенными Штатами Америки в 1776 г., буквально в самом начале (второй абзац) прямо указывает на данный фундаментальный принцип: «Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремле-

ние к счастью» [6. С. 170]. Французская Декларация прав человека и гражданина, принятая в 1798 г., в преамбуле называет права человека естественными, неотчуждаемыми и священными, полагая, что единственными причинами общественных бедствий является пренебрежение к ним. Первые два пункта данной Декларации гласят: «1. Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах... 2. Цель каждого государственного союза составляет обеспечение естественных и неотъемлемых прав человека» [7. С. 187]. В документе приводится и перечень данных прав: свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению. Французская Декларация прав человека и гражданина 1793 г. продолжает подчеркивать естественную природу прав человека: «Правительством установлено, чтобы обеспечить человеку пользование его естественными правами» и «Все люди равны по природе и перед законом» [8. С. 188]. Обратившись к первому содержанию Билля о правах, принятого и ратифицированного в США в 1791 г., мы видим использование слов «people» и «person» [9], которые принято переводить как «народ» и «лицо», «человек» соответственно [10]. И никаких исключений в этих и подобных документах относительно отдельных групп, кто правами не должен обладать, не делается.

Характеристика прав человека как имеющих естественную природу нашла отражение в законах европейских стран и Америки XVIII в. Однако означает ли это, что они немедленно или в полном объеме воплотились в жизнь? Мы обнаруживаем существенные противоречия. Безусловно, в XVII–XVIII в. происходит расширение численности признаваемых носителей прав человека. Однако данный процесс обусловлен почти исключительно снятием цензов для свободных взрослых мужчин (например, имущественного ценза в области избирательного права). О равенстве мужчин и женщин, о правах детей и многих других групп в этот период речи не идет.

Более того, идея о правах для всех, естественных и неотчуждаемых, существует и долгое время уживается с идеей рабства. В конце XVIII в. споры о рабстве разгораются в США, однако, за исключением Томаса Пейна, ни один из политиков не предлагает его немедленную отмену. В Конституции США 1787 г. слова «раб» и «рабство» не используются, так же как и отсутствует перечень прав и личных свобод граждан. Одновременно принимается формула Джеймса Мэдисона, в будущем президента США, согласно которой пять рабов равны трем свободным гражданам. Один из ярких примеров в отношении к рабству в данный период – биография и деятельность Томаса Джефферсона, являющегося «отцом-основателем» США, составителем Декларации независимости. Хотя, создавая документ, он утверждал равенство всех, можно говорить о неоднозначном его отношении к «специальной институции». Джефферсон утверждал, что рабство является социальным и моральным злом, требующим искоренения, однако не предпринимал практических шагов в этом направлении в собственной жизни, являясь рабовладельцем, как и будучи на правительственных постах, являясь президентом, он не прикладывал соответствующих усилий в области принятия государственных решений [11].

13-я поправка к Конституции США, отменяющая рабство, была принята в 1865 г. Ее отмене предшествовала гражданская война, известная как война Севера и Юга, свидетельствующая о предельной конфликтности темы в об-

шестве. Не останавливаясь подробно на данном вопросе, следует отметить, что и после отмены рабства говорить о всеобщем равноправии в США не приходится: ему на смену приходит сегрегация, при которой чернокожие американцы продолжают считаться во всех отношениях ниже белых и, соответственно, не обладающими всеми правами человека. Хотя мы сосредоточились на примере лишь одной группы, нужно отметить, что поражены в правах в Соединенных Штатах были и многие другие группы. Например, индейцы, которые считались «дикарями», женщины, чье место виделось исключительно в подчиненном положении по отношению к мужчинам, дети, за которыми никаких прав не признавалось. Конечно, данная ситуация была типична не только для Америки, но и для европейских стран в целом [12]. И дело, безусловно, не столько в том, что осознанно ставились задачи ограничить число претендентов на обладание правами человека, сколько исторически и «естественным образом» сложилась ситуация, когда иное просто не мыслилось.

Развитие представлений о правах человека в XX веке

Новый этап в развитии концепции прав человека, повлекший значительное увеличение как числа прав, так и их носителей, начинается с середины XX в. После окончания Второй мировой войны, чудовищные события и последствия которой потрясли человечество, вопрос об обеспечении прав человека выходит за границы отдельных государств и начинает рассматриваться на международном уровне. Одним из первых шагов в данном направлении становится создание в 1945 г. Организации Объединенных Наций. Устав ООН закрепляет общие принципы обеспечения мира и безопасности, соблюдения прав человека. Затем появляется основной документ – Всеобщая декларация прав человека. В итоге ценности Просвещения принимаются в западном мире: теперь «все» в документах – это буквально все и каждый. Развитие прав человека идет путем явного расширения представления о носителях прав человека. Рассмотрим положение некоторых групп более подробно.

Женщины как носители прав человека

Несмотря на то, что женщин в мире – больше половины всего населения, до середины XX в. в большинстве стран существовало как фактическое, так и юридически закрепленное неравенство между полами. Почти во всех сферах жизнедеятельности (экономической, политической, юридической и пр.) неравенство было очевидным: преимуществом обладали мужчины. И хотя отдельные работы в рамках классического либерализма эпохи Просвещения были посвящены положению женщин, все же либеральная идея равенства прав в тот период времени сосуществовала с идеей об особой природе женщин, первичности их материнского предназначения, что предписывает занимать иное, подчиненное положение по сравнению с мужчинами, а надлежащим местом женщин видится приватная домашняя сфера [13].

Таким образом, первое направление развития концепции прав человека в гендерном аспекте заключается в формировании идеи равноправия мужчин и женщин в обладании правами и свободами. Теперь, говоря «человек», имеется в виду индивид независимо от биологического пола. Достижение равенства по гендерному признаку становится частью борьбы за права человека.

Формулировки международных документов подчеркивают: человеческие существа, мужчины и женщины, в равной степени обладают правами и свободами. Принцип равноправия закреплен в базовых документах по правам человека, таких как Всеобщая декларация прав человека 1948 г., а позже – Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.

Одновременно развитие концепции прав привело к представлению о женщинах как о группе, имеющей общие «особые права». Помимо прав, способствующих включению женщин в круг общих прав человека, определяется перечень прав, связанных со специфическими практиками представительниц женского пола, включая такие роли, как девственница, беременная женщина, мать и т.д. Данные практики не представляется возможным полноценно осмыслить и описать в категориях права, созданного мужчинами [14].

Обратившись к международным документам, мы можем обнаружить и фиксацию данного положения. Так, Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.) утверждает не только равенство мужчин и женщин в области гражданских и политических прав, а также вступления в брак, но указывает на особое положение беременных женщин: «Смертный приговор не выносится за преступления, совершенные лицами моложе восемнадцати лет, и не приводится в исполнение в отношении беременных женщин» [15]. Кроме того, принят целый ряд специальных международных документов, нацеленных на искоренение гендерного неравенства: Конвенция о политических правах женщин (1952 г.), Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979 г.) и др.

Однако можем ли мы признать, что равенство в правах полов достигнуто? Ни в одной стране мира женщины не имеют такого же положения и возможностей по сравнению с мужчинами. Дискриминация из открытой формы перешла в скрытую. В жизни в целом ряде сфер сохраняется неравенство между мужчинами и женщинами *de facto*, но не *de jure* [16]. Приведем пример из одной сферы – трудовой. Так, более 50 лет назад в Пакте о правах была зафиксирована обязанность государства обеспечить всем трудящимся справедливое вознаграждение за труд, «причем, в частности, женщинам должны гарантироваться условия труда не хуже тех, которыми пользуются мужчины, с равной платой за равный труд» [15]. Однако на самом деле неравенство в этой области не преодолено. К примеру, для многих стран характерно такое явление, как «стеклянный потолок» (*glass ceiling*). Речь идет о вертикальной сегрегации для женщин, формально нигде не фиксированной. У женщин нет никаких зафиксированных ограничений продвигаться по карьерной лестнице наряду с мужчинами до самых высоких позиций. Тем не менее «стеклянный потолок» – это некий барьер, ограничивающий уровень в карьерной и трудовой иерархии, выше которого женщины практически не имеют возможности подняться. Хотя формальных ограничений для занятия позиций выше «стеклянного потолка» нет, тем не менее фактически женщины не могут продвигаться дальше этого барьера [17]. При этом чем выше позиция в иерархии, тем больше преобладание мужчин, тем меньше там мы видим представителей женского пола. И хотя отдельным женщинам удается преодолеть «стеклянный потолок», достается это им значительно большими усилиями, что свидетельствует о наличии неравенства.

Права детей

Само понимание границ «детства» являлось расплывчатым во все времена. Более того, понятия детства не существовало долгое время, дети мыслились как «маленькие взрослые». При этом типичное представление заключается в том, что в силу возрастных особенностей (физиологических, психологических и пр.) взрослый определяется как субъект, учитель, наставник, а ребенок – как объект, продукт и результат деятельности взрослого. Таким образом неравенство и асимметричность отношений «взрослый – ребенок» принимается «по умолчанию». Такой патерналистский взгляд на ребенка, как следствие, приводит к отрицанию его права на автономию [18].

Одновременно нельзя не сказать о появлении иного понимания в XX в., когда ребенок мыслится не просто как объект воспитания и социализации, а как самостоятельный и активный субъект. Современное международное право, в частности принятая в 1989 г. Генеральной Ассамблеей ООН Конвенция о правах ребенка, которую называют «Великой хартией вольности детей», пытается упрочить это положение, рассматривая ребенка не только как объект правовой защиты, но и как субъекта права. Одна из статей гласит, что ни один ребенок не может быть объектом произвольного или незаконного вмешательства в осуществление его права на личную жизнь, семейную жизнь, неприкосновенность жилища, тайну корреспонденции, незаконного посягательства на его честь и репутацию. Ребенок имеет право на защиту закона от такого вмешательства или посягательства [19].

Таким образом, к концу XVIII в. идеи всеобщего равноправия приобрели широкое распространение в Европе и Северной Америке. Но лишь спустя порядка ста лет появились представления об абсолютном равноправии людей независимо от их социальных или демографических характеристик: пола, расы и этнической принадлежности, возраста, имущественного положения, происхождения и пр. [20]. Теперь уже можно с уверенностью утверждать, что, говоря «все обладают равными правами», имеются в виду не представители отдельных групп, но все и каждый. Хотя проблема фактического воплощения равенства в правах так и остается нерешенной.

Современные вопросы, связанные с определением понятия «человек»

Можно ли утверждать, что в современном мире понятие «человек» стало очевидным и не вызывает никаких вопросов? Один из актуальных вызовов: с какого момента начинают действовать права человека, и в частности – обладает ли правами нерожденный человек? Решение данного вопроса влияет на практическое содержание решений в области дискуссионных тем, в том числе допустимости аборт – искусственного прерывания беременности. Полярные позиции: первая – только рожденный является человеком, и только с этого момента он может обладать всеми правами, вторая – необходимо закрепление права на жизнь эмбриона с момента зачатия. Однако ни один из ответов не разрешает имеющихся вызовов. Если мы говорим о том, что только рожденный человек обладает самостоятельным правом на жизнь, то как быть со случаями рождений и выживания недоношенных детей? А если утверждаем, что право на жизнь появляется уже с момента оплодотворе-

ния, то как быть с правами женщин, которые ограничиваются в правах, не имея возможности свободно распоряжаться своим телом?

Актуальность вопросов только увеличивается с развитием науки и медицинских технологий, в том числе генетики. Сегодня используются и развиваются методы пренатальной диагностики, дающие возможность определять здоровье эмбриона. Выявление существенных проблем приводит к необходимости для родителей принимать решение о сохранении или прерывании беременности. Хабермас видит в данном обстоятельстве существенную угрозу, говоря, что в таких случаях проводятся решения, имеющие далеко идущие последствия. По факту происходит водораздел между жизнью, которая признается ценной, и той, что полагается в качестве незначимой. Мы имеем дело с селекцией. Желание родителей иметь здоровых детей нередко подкрепляется оправданием неполноценной, ограниченной жизни людей с существенными ограничениями здоровья. Хабермас задается вопросом: «Не ведут ли они себя фиктивно, относясь к нерожденным людям во втором лице и считая, что эмбрионы сами по себе могли бы сказать нет в отношении некоего определенным образом ограниченного существования, – при всем том, что эту фиктивность невозможно проверить?» [22. С. 83]. Он утверждает: «С одной стороны, в условиях мировоззренческого плюрализма мы не можем приписывать эмбриону „с самого начала“ абсолютное право на защиту жизни, каким в качестве носителей основных прав обладают личности. С другой стороны, такому признанию противостоит интуитивное убеждение, что доличностная человеческая жизнь не должна оказываться во власти конкурирующих благ» [Там же. С. 55].

Еще одним вопросом является вопрос: могут ли аналогично человеку обладать правами животные? Безусловно, преобладающим мнением является ответ «нет». Однако в судебной практике имелись случаи рассмотрения вопроса о наделении животных, в частности обезьян, правами человека, закончившиеся при этом отрицательными решениями. Теоретически необходимость предоставления прав и животным рассматривает Питер Сингер, центральным понятием беря спесицизм (видовизм) – ущемление человеком интересов или прав остальных живых существ, под которыми подразумеваются именно животные. Сингер утверждает, что люди нелогичны, требуя прекращения угнетения на основании расы и пола, но при этом отрицая права животных, приводя заявления Т. Джефферсона и С. Трута о том, что более развитый интеллект не является основанием для использования другого человека для достижения своих целей. Сингер опирается и на слова И. Бентама, ученого, утверждающего, что способность к страданию является весомой причиной для равенства. Автор отмечает, что обычно угнетение животных оправдывается отсутствием у них каких-либо интересов, так как они не способны к страданию. Данная позиция возникает из мнения, что животные не способны страдать, как люди. Однако внешние поведенческие знаки людей и животных, испытывающих боль, схожи. При этом люди способны причинять боль животным, которую никогда бы не причинили людям. По мнению ученого, в данном случае животные, дети и неполноценные люди находятся на одном уровне. Признавая права одних, мы должны признать и права других [23].

Но расширение носителей прав человека возможно и вовсе за счет неживых существ. С развитием науки и техники появление искусственного интеллекта становится не столь невозможным. Учитывая темпы, которым человечество движется вперед в области робототехники, уже сейчас актуализируются вопросы о взаимоотношениях человека и роботов. И вопрос, нужно ли предоставлять роботам права человека, какие это должны быть права, какие документы должны их регулировать, обсуждается уже сейчас [24].

Таким образом, концепция права не является статичной. Список прав и свобод, закрепленных на данный момент документально, является результатом борьбы и завоеваний различных групп населения в ходе истории. Меняется и ответ на базовый вопрос о том, кого можно считать носителем прав? Мы видим, что понятие «человек» прошло длинный путь, который не был простым: от закрепления возможности обладать правами за очень узкой группой взрослых мужчин, являющихся гражданами античного полиса, до современного признания равенства всех людей независимо от пола, возраста, расы и национальности, религиозной или иной принадлежности. Теперь уже можно с уверенностью утверждать, что, говоря «все обладают равными правами», имеются в виду не представители отдельных групп, но все и каждый. Гуманистические философские идеи воплотились в международных документах, основных законах большинства стран, нашли отражение и в повседневной жизни. Однако проблема фактического воплощения равенства в правах остается далеко не полностью решенной, потому в современном обществе продолжают обсуждаться вопросы о носителях прав человека.

Литература

1. Платон. Диалоги. М. : Мысль, 1986. 605 с.
2. Аристотель. Никомахова этика // Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1983. Т. 4. С. 53–293.
3. Суриков И.Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи: архаика и ранняя классика. М. : Наука, 2005. 349 с.
4. Кондрашова Е.М. Теория и практика античной демократии. Новосибирск, 1994. 32 с.
5. Аристотель. Политика. М. : АСТ, 2002. 393 с.
6. Декларация независимости // Общество и право в европейской культуре : история и современность : в 2 т. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. Т. 2. С. 170–172.
7. Декларация прав человека и гражданина 1789 г. // Общество и право в европейской культуре : история и современность : в 2 т. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. Т. 2. С. 187–188.
8. Декларация прав человека и гражданина 1793 г. // Общество и право в европейской культуре : история и современность : в 2 т. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. Т. 2. С. 188–189.
9. *The Bill of Rights*. Introduction & History of the Bill of Rights. University of Missouri-Kansas City Law School [Electronic recourse]. URL: <http://law2.umkc.edu/faculty/projects/FTrials/conlaw/billofrightsintro.html> (accessed: 29.06.18).
10. *Статьи* в дополнение и изменение Конституции Соединенных Штатов, предложенные Конгрессом и ратифицированные отдельными штатами в соответствии с пятой статьей Конституции // Общество и право в европейской культуре : история и современность : в 2 т. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. Т. 2. С. 177–181.
11. Атанасов П. С. Томас Джефферсон и рабство // Вопросы всеобщей истории. 2016. № 18. С. 174–183.
12. Согрин В.В. Гражданская война и Реконструкция в США. Современное прочтение // Новая и новейшая история. 2010. № 1. С. 21–42.
13. Воронина О.А. Концепция равенства в либеральном феминизме // Феминизм и гендерное равенство. М. : Едиториал УРСС, 2004. С. 13–32.
14. *Гендерное* измерение прав человека : понятия, практики нарушений и механизмы защиты // Права человека перед вызовами XXI века. М. : Российская ассоциация политической науки (РАПН) ; РОССПЭН, 2012. С. 223–253.

15. *Международный пакт о гражданских и политических правах* : принят резолюцией Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г. [Электронный ресурс] // ООН : официальный сайт. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml.

16. *Nussbaum M.C.* Capabilities and Human Rights // *Fordham Law Review*. 1997. № 273. URL: <https://ir.lawnet.fordham.edu/flr/vol66/iss2/2> (accessed 29.06.18).

17. *Роцин С.Ю., Солнцев С.А.* Кто преодолевает «стеклянный потолок» : вертикальная гендерная сегрегация в российской экономике : препринт WP4/2006/03. М. : ГУ ВШЭ, 2006. 52 с.

18. *Кон И.С.* Детство как социальный феномен // *Журнал исследований социальной политики*. 2004. Т. 2, № 2. С. 151–174.

19. *Кравчук Н.В.* Конвенция о правах ребенка ООН как инструмент защиты семейных прав ребенка в России // *Государство и право*. 2006. № 4. С. 48–53.

20. *Автономов А.С.* Права человека, правозащитная и правоохранительная деятельность / Фонд «Либеральная миссия». М. : Новое литературное обозрение, 2009. 444 с.

21. *Bunch C.* Women's rights as human rights: Toward a re-vision of human rights // *Human Rights Quarterly*. 1990. Vol. 12, № 4. P. 486–498.

22. *Хабермас Ю.* Будущее человеческой природы. М. : Весь Мир, 2002. 144 с.

23. *Сингер П.* Освобождение животных. Киев : Киевский эколого-культурный центр, 2002. 136 с.

24. *Coeckelbergh M.* Robot rights? Towards a social-relational justification of moral consideration // *Ethics and Information Technology*. 2010. Vol. 12, № 3. P. 209–221.

Maria O. Abramova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: abra@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 44. pp. 32–43.

DOI: 10.17223/1998863X/44/4

A HUMAN AS A RIGHT HOLDER OF HUMAN RIGHTS

Keywords: human right; right holder; human; natural law.

The basic question of the concept of human rights is who actually has human rights. In other words, who is the human subject as the bearer of human rights and whose rights should be protected? The basic answer is people: they possess human rights simply because they are humans. But the notion of “person” or “people” as the bearer of human rights has changed significantly in the history of the development of the human rights concept. Entire groups by racial, gender, age and other criteria were refused to have human rights “by default” for a long time. In the period of antiquity, the bearer of human rights is an exceptionally free adult man living in a polis and satisfying other conditions, including doing military service and owing property. In the Age of the Enlightenment, the idea of a universal equality of everybody appears and is affirmed. However, along with this, slavery continues to exist, and no one seriously discusses issues concerning the possible equality, for example, between men and women. Children and many other social groups cannot realise human rights. In the mid-20th century, after World War II, a new stage in the development of the concept of human rights begins. In this time, the list of rights and the number of their bearers increase. The ideas of a universal equality are reflected in international documents binding for all countries. The rights of women, children, disabled people, etc. are described separately. However, the problem of the actual implementation of equality in rights is still far from being fully resolved. There are new challenges. One of the topical questions is when exactly a human becomes a human, in particular, whether the unborn have rights. From his decision The policy in the field of abortion depends on the answer to this question. Can animals have the same rights as humans? Should human rights be granted to robots? Thus, the issue of who the bearer of human rights is is still topical nowadays.

References

1. Plato. (1986) *Dialogi* [Dialogues]. Translated from Greek. Moscow: Mysl'.
2. Aristotle. (1983) *Sochineniya: v 4 t.* [Works in 4 vols]. Vol. 4. Translated from Greek. Moscow: Mysl'. pp. 53–293.
3. Surikov, I.E. (2005) *Antichnaya Gretsiya: politiki v kontekste epokhi: arkhaika i rannyaya klassika* [Ancient Greece: politics in the context of the era: archaic and early classics]. Moscow: Nauka.

4. Kondrashova, Ye.M. (1994) *Teoriya i praktika antichnoy demokratii* [Theory and Practice of Ancient Democracy]. Novosibirsk: [s.n.].
5. Aristotle. (2002) *Politika* [Policy]. Translated from Greek. Moscow: AST.
6. Lyakhovich, E.S. & Minchenko, T.P. (eds) (2001a) *Obshchestvo i pravo v yevropeyskoy kul'ture: istoriya i sovremennost'* [Society and Law in European Culture: History and Modernity]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University. pp. 170–172.
7. Lyakhovich, E.S. & Minchenko, T.P. (eds) (2001b) *Obshchestvo i pravo v yevropeyskoy kul'ture: istoriya i sovremennost'* [Society and Law in European Culture: History and Modernity]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University. pp. 187–188.
8. Lyakhovich, E.S. & Minchenko, T.P. (eds) (2001c) *Obshchestvo i pravo v yevropeyskoy kul'ture: istoriya i sovremennost'* [Society and Law in European Culture: History and Modernity]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University. pp. 188–189.
9. University of Missouri-Kansas City Law School. (n.d.) *Introduction & History of the Bill of Rights*. [Online] Available from: <http://law2.umkc.edu/faculty/projects/Ftrials/conlaw/billofright-sintro.html>. (Accessed: 29th June 2018).
10. Lyakhovich, E.S. & Minchenko, T.P. (eds) (2001d) *Obshchestvo i pravo v yevropeyskoy kul'ture: istoriya i sovremennost'* [Society and Law in European Culture: History and Modernity]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University. pp. 177–181.
11. Atanasov, P. S. (2016) Tomas Dzhefferson i rabstvo [Thomas Jefferson and slavery]. *Vo-prosy vseobshchey istorii*. 18. pp. 174–183.
12. Sogrin, V.V. (2010) Civil war and Reconstruction. The Modern Perusal. *Novaya i nov-eyshaya istoriya – Modern and Current History Journal*. 1. pp. 21–42. (In Russian).
13. Voronina, O.A. (2004) *Feminizm i gendernoye ravenstvo* [Feminism and Gender Equality]. Moscow: Editorial URSS. pp. 13–32.
14. Barandova, T.L. (2012) Gendernoye izmereniye prav cheloveka: ponyatiya, praktiki narusheniy i mekhanizmy zashchity [The Gender Dimension of Human Rights: Concepts, Practices of Violations and Mechanisms of Protection]. In: Sungurov, A.Yu. & Smirnov, V.V. (eds) *Prava cheloveka pered vyzovami XXI veka* [Human Rights before the Challenges of the 21st Century]. Moscow: ROSSPEN. pp. 223–253.
15. UNO. (1966) *Mezhdunarodnyy pakt o grazhdanskikh i politicheskikh pravakh. Prinyat rezolyutsiyey General'noy Assamblei ot 16 dekabrya 1966 goda* [International Covenant on Civil and Political Rights. Adopted by the General Assembly resolution of December 16, 1966]. [Online] Available from: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml.
16. Nussbaum, M.C. (1997) Capabilities and Human Rights. *Fordham Law Review*. 273. [Online] Available from: <https://ir.lawnet.fordham.edu/flr/vol66/iss2/2>. (Accessed: 29th June 2018).
17. Roshchin, S.Yu. & Solntsev, S.A. (2006) *Kto preodolevayet "steklyanny potolok": vertikal'naya gendernaya segregatsiya v rossiyskoy ekonomike* [Who overcomes the “glass ceiling”: vertical gender segregation in the Russian economy]. Preprint WP4/2006/03. Moscow: HSE.
18. Kon, I.S. (2004) *Detstvo kak sotsial'nyy fenomen* [Childhood as a social phenomenon]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy poli-tiki – The Journal of Social Policy Studies*. 2(2). pp. 151–174.
19. Kravchuk, N.V. (2006) United Nations Convention on the rights of a child as a instrument of family rights of a child in Russia. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 4. pp. 48–53. (In Russian).
20. Avtonomov, A.S. (2009) *Prava cheloveka, pravozashchitnaya i pravookhranitel'naya deyatel'nost'* [Human rights, human rights and law enforcement]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye.
21. Bunch, C. (1990) Women's rights as human rights: Toward a revision of human rights. *Human Rights Quarterly*. 12(4). pp. 486–498.
22. Habermas, J. (2002) *Budushcheye chelovecheskoy prirody* [The Future of Human Nature]. Translated from German. Moscow: Ves' Mir.
23. Singer, P. (2002) *Osvobozhdeniye zivotnykh* [Animal Liberation]. Translated from English by A.I. Petrovskaya. Kyiv: Kiyevskiy ekologo-kul'turnyy tsentr. 2002.
24. Coeckelbergh, M. (2010) Robot rights? Towards a social-relational justification of moral consideration. *Ethics and Information Technology*. 12(3). pp. 209–221. DOI: 10.1007/s10676-010-9235-5

УДК 165.1

DOI: 10.17223/1998863X/44/5

А.Ю. Антоновский, Р.Э. Бараш

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ НАУКИ: СИСТЕМНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД

Опираясь на идеи немецкого социолога Никласа Лумана, авторы статьи пытаются реконструировать эпистемологическое содержание понятия научной коммуникации, разрабатываемое в рамках системно-коммуникативного подхода для анализа науки. Рассматриваются классические проблемы философии науки в их коммуникативной интерпретации. Авторы ставят вопрос об основаниях науки, под которыми понимаются особого рода лимитации человеческого общения: понятия, теории, методы. Все эти основания понимаются как особого рода программы, делающие возможным достижение алгоритмических процедур проверки теории, их сравнений и научных объяснений. В статье реконструируется понятие научной проблемы и ее решения в коммуникативной перспективе, анализируются процедуры публикации научных текстов, понятия дисциплинарности и междисциплинарности.

Ключевые слова: наука, системно-коммуникативный подход, философия науки, коммуникация.

Ключевая задача любой научной теоретизации состоит в проблеме начал конструирования теории. Ученый задается вопросами о том, что же лежит в основе предмета теоретизации? Является ли такое начинание произвольным или все-таки сам предмет определяет последовательность шагов по реконструкции его теоретического описания? С каких понятий и слов нужно начинать исследование? Со свойств предметов или свойств субъекта, наблюдающего этот предмет? С сущностей или самих вещей? Начинать ли с родовидовых определений по классической логике включающих друг друга понятий или использовать логику взаимно исключающих понятий, т.е. диалектику?¹

В этой дискуссии особую позицию занимает немецкий социолог Никлас Луман, который, собственно, и разработал современный системно-коммуникативный подход не только к исследованию общества, но и к изучению социальной системы науки. С его точки зрения, а также следуя конструктивистской методологии², в качестве таких начал-оснований исследования следует использовать *различения*, причем такие различения, в которые встроено некое *предпочтение*. Например, различие мужчины и женщин само по себе еще не указывает на предпочтения, между тем в различении *системы и внешнего мира* таковое предполагается. Ведь сама система и *есть* фактическое различие или, лучше сказать, различие внешнего мира и

---

¹ Решение этой проблемы элементарных предметных оснований науки могло состоять в ограничении процесса предикации областью «исторически укоренившихся предикатов» (entrenched predicats), т.е. теми свойствами, которые образовали «исторические траектории» (track records в терминологии Н. Гудмена) [1. С. 73–74].

² Прежде всего, следуя «инструкции» Спенсера-Брауна draw a distinction и идее Грегори Бейтсона distinction that makes a distinctions.

системы. В таком различии встроенность предпочтения в пользу внутреннего (системного) фокуса различения *система / внешний мир* представляется нормальным, ведь сама система самым фактом того, что она воспроизводится, создает себе (т.е. наблюдает, обсуждает) свой внешний мир как предмет своего обсуждения.

Последний является *внешним* лишь номинально, ведь он есть результат его информационной переработки в операциях той или иной системы (ментальных актах психики, коммуникациях социальной системы, восприятию, пищеварении и т.д.). Этот мир предстает дефинитивно более *сложным*, чем тот, что в системе коммуникаций (каковой является наука) перерабатывается в виде мира (как тема коммуникации). Отсюда триединый порядок начальных оснований научного исследования.

Комплексность – различие – понятие

Различение выступает средством редукции *комплексности* внешнего мира, в результате которого единство последнего (с точки зрения системы) предстает в качестве *понятия*. Понятие есть наблюдательное средство конструировать не только единство вещей внешнего мира, но и единство самой науки, когда формулируют понятие самого понятия. Луман не считает чем-то неприемлемым понятийное (и, как следствие, круговое) определение понятия, в отличие, скажем, от У. Куайна, который полагал, что понятие синонимии не может быть прояснено, поскольку в определении понятия синонимии уже применяются синонимы¹. Ведь здесь возникает парадокс: сначала нужно прояснить понятие, прежде чем его правильно применять! Но прояснение понятия предполагает его круговое и недопустимое, с точки зрения Куайна, применение. Для Лумана круговое обоснование понятий является неизбежным и продуктивным. Так и понятие системы определяется через понятие *системы*, понимаемой как процесс различения *системы* и внешнего мира [3].

Однако для определения правильности «оснований науки» (как и для определения истины) не могут быть применены традиционные критерии соответствия, корреспондентности, адекватности. Как вообще может функционировать этот критерий, если смысл научных операций состоит в разложении данных, их перекомбинировании в поисках и конструировании инноваций? Таковым критерием «правильных оснований науки» может служить когерентность знания в стиле холизма П. Дюгема и У. Куайна. Но и этот критерий когерентности недостаточен. Ведь он и сам не должен пониматься как абсолютное значение, но должен допускать свой анализ и перекомбинирование в новые инновативные критерии. Очевидно, что и сам этот критерий правильных оснований науки становится правильным основанием науки.

В системно-коммуникативной теории науки комплексность – это критерий отбора базовых единиц (понятий) и комплексных единиц науки (теорий). Оцениваться как «лучшая» должна та теория, которая использует понятия,

---

¹ Как пишет Куайн, «... дефиниция опирается на синонимию, вместо того чтобы сначала объяснить ее», отрицая тем самым различие аналитических (синонимийных) и синтетических суждений [2].

благодаря которым теории создают себе больший наблюдательный обзор¹. Так и системно-коммуникативная теория науки видит и саму себя (а не только свой предмет) как свой предмет, и значит, отвечает критерию *комплексности*.

Основанием построения своей логики форм Спенсер-Браун обозначает «инструкцию»: «проводи различие». Но это различие как инструмент и «слепое пятно» процесса конструирования само никак не маркировано, ведь наблюдатели всегда сосредоточены на объектах наблюдения, но не на средствах этого наблюдения². С каких же различий следует начинать? Какие различия должны быть приоритетны: «слов и вещей» или все-таки «начала и конца»? Как избавиться от произвола в запуске того или иного наблюдения (т.е. обозначения посредством различий)? Спенсер-Браун полагает, что в первую очередь необходимо узнать, *кто* же (какая коммуникативная система) проводит различие, и как следствие – обозначение³.

Понятие *понятия*: родовые и видовые свойства

В результате различий образуются понятия⁴. При том, что и понятие *понятия* требует своего различения: научные понятия должны быть отличены от слов. В отличие от слов смысл понятий не требует контекста, в котором они бы получали свое определение⁵. Понятия, напротив, сами задают свой собственный контекст. При этом отношения понятий и слов воспроизводят дуальный характер самой науки, которая, благодаря собственному уникальному кодированию, является *обособленной* системой, но при этом все-таки остается системой *общества*. Это макросоциологическое положение дел призвано объяснить то загадочное микросоциологическое обстоятельство,

¹ Здесь, очевидно, угадывается куновский критерий акцептации теории breadth of scope. Так, законы Ньютона оказались применимы и к движениям планет, и к приливам и отливам, и к движению маятника и т.д. Но это же понятие комплексности включает и критерий undesigned scope, т.е. то обстоятельство, что лучшая теория оказывается способной наблюдать и предсказывать явления и решать проблемные ситуации, которые изначально не рассматривались как цель и предмет теоретического объяснения. Так, нулевой результат эксперимента Майкельсона, обосновывавший теорию относительности и объяснявшийся ею, не был проблемной ситуацией, которую эта теория была призвана объяснить. Конечно, в первую очередь такое понимание комплексности как критерия правильности теорий и методов Луман применяет, прежде всего, к теории коммуникативных систем, подтверждающейся в самых неожиданных сферах и объясняющей самую гетерогенную реальность: концептуализации истины могут находить аналогии в механизмах власти, денег, веры, любви, прекрасного и т.д.

² Системы используют различия, но на базовом уровне наблюдения не рефлексуют их, ведь для этого понадобилось бы усложнение системы с отдифференциацией в них особого наблюдателя с функцией рефлексии инструментов системообразования. В науке таким наблюдателем ненаблюдаемых средств научного наблюдения (различия истины и лжи) является эпистемология, в политике – оппозиционные партии, в системе религии – теология, в искусстве – критика, организации лоббирования в хозяйстве (разного рода «палаты промышленников и предпринимателей»).

³ Зададимся вопросом, как обозначить человека? В том или ином определении *человека* так или иначе задействуются инструменты из наблюдательной перспективы той или иной коммуникативной системы: обозначение человека как *смертного существа* указывают на использование религиозной дилеммы смертное / бессмертное (греховное / безгрешное, людей и ангелов и т.д.), но это же различие человека может уточняться через понятие человека, обремененного болезнями, что указывает на научное (медицинское) наблюдение средствами различение *болезнь / здоровье*. При этом врожденная позитивная преференция в пользу одной из сторон различия (см. выше) в первом случае относится ко второму полюсу, а во втором – к первому.

⁴ См. сноской выше – образование понятия человека посредством различий.

⁵ Речь, очевидно, о том понятии слова, которое предложил Л. Витгенштейн в теории языковых игр [4].

что естественный язык (т.е. слова, но не понятия) всегда в том или ином виде сохраняет свое присутствие в научных текстах, в том числе в высокоформализованных логических и математических исследованиях. Именно слова естественного языка, а не понятия, связывают науку с ее внутренним внешним миром – обществом в целом¹.

Но, помимо родовой функции понятий (отличить научные тексты от непонятийного использования языка), большее значение несет другая, более специфическая функция. Она состоит в том, чтобы регулировать область *предложений*, способных быть истинными. Именно понятия выступают главными условиями истинности, а вовсе не опыт или сам предмет или первичные опытные данные, представленные в виде разного рода протокольных предложений. Эта функция понятий, ограничивающая истинностные условия предложений науки и определяющая условия возможности истины (почти в кантовском смысле) и сама является еще одним элементарным основанием науки, которое Луман называется *лимитацией*. Все предложения науки должны быть *ограничены* с помощью вопроса о том, чего мы *не* можем знать?

Лимитация как функция коммуникативного запрета

Принцип *лимитации* обнаруживает свои функциональные аналогии (и тем самым обнаруживает поясняющую метафору) и в других коммуникативных системах. Например, в экономике мы имеем дело с *ограниченностью* ресурсов и, как следствие, с конкуренцией. В политической системе взаимограничение ветвей власти имеет конститутивное значение как условие возможности коллективно-обязательных политических решений. В философии этот вопрос ставится применительно к условиям возможности познания. Мы можем что-то знать, поскольку знаем, что что-то знать не можем.

В науке принцип лимитации задает общую рамку возможности истинностных суждений. Речь, например, может идти о принципе ограничения скорости света как запрете на *теоретизацию* и физическое моделирование физических систем, движущихся быстрее скорости света. Все, кто не соблюдает этот принцип, исключаются из научного дискурса и не акцептируются как участники коммуникации. Законы термодинамики (принцип энтропии) ограничивают не только коммуникацию, но и практические попытки создания вечного двигателя, тем самым оптимизируя ресурсы науки.

Посредством лимитаций генерируется память социальной системы. Через память, словно своеобразные табу, вводится то, что запрещено к истинностному определению, но именно поэтому все-таки тематизируется и хранится в памяти системы. Речь снова идет о процедуре *re-entry* (повторного включения исключенного) как способе сохранить другую сторону различения, чтобы вообще мочь осуществлять различения со встроенными предпочтениями. Такая лимитация обеспечивает системность коммуницирования, облегчает подсоединение (выбор и акцептацию) научных предложений. Ведь без такой общей рамки (лимитации) возможностей подсоединения претендующих на истинность высказываний было бы слишком много.

---

¹ И вновь мы сталкиваемся с фигурой *re-entry* (Спенсер-Браун), «повторного вхождения» отличенного в то, что благодаря этому отличению было отличено. Различение (и единство) слов и понятий повторно вводится в ограниченную благодаря этому различению сферу науки.

Вспомним старый парадокс ворона¹. Как лимитировать нам в этом случае поиски истины? Отправляться в поле в поисках птиц и лимитировать все остальные возможности исследования или практиковать орнитологию за письменным столом, рассматривая все остальные нечерные предметы (ботинки, перчатки и т.д.)? Ответ, казалось бы, очевиден. Но возможность логически-эквивалентной процедуры, вытесненной из научной практики посредством лимитации, говорит о многом. О том, например, что, как только вводится лимитация «ищи нечерного ворона и только ворона», вводится и понятие *мира* – как необходимое следствие научных лимитаций, как горизонт лимитации, как совокупный мир всех черных и нечерных объектов. В этом смысле именно процедура лимитации порождает то, что можно назвать миром, а вовсе не мир сам по себе обладает свойствами лимитации. Лимитация – это некое внутрисистемное ограничение, накладываемое на массивы возможностей поведения и коммуникации. В своем самом широком понимании она принимает вид принципа *двойной контингентности*. Из этого вполне банального общекоммуникативного принципа² в рамках каждой коммуникативной подсистемы возникают его спецификации. В политике формулируется принцип всеобщего блага, ограничивающий произвол власти, в экономике ограничены возможности распределения ресурсов, в религии понятие Бога, предоставляя свободу воли, одновременно накладывает ограничения на теологические интерпретации.

Лимитация как общее название специфических формул контингентности, собственно, и служит разделительной чертой между комплексностью самой системы и неопределенной сложностью, которую принято называть миром. Лимитация – это то состояние, в которое вступают системы, выстраивая свои отношения с так называемой *реальностью*. Вопрос лишь в определении того, кто же участвует в этой двойной контингенции? И ответ опять очевиден: *теории и методы*. Именно последние, будучи сами по себе произвольными в их отношениях с реальностью, встречаясь друг с другом, лимитируют собственные и чужие ресурсы и возможности наблюдения этой реальности.

Методы как медиа, теории как формы

Ключевое различие науки, дистинкция *теории / методы*, обеспечивает главную функцию научной системы – редукцию наукой комплексности внешнего мира. Доступ к реальности внешнего мира опосредован взаимной *лимитацией*, которую теории и методы накладывают друг на друга. Для интерпретации этих отношений Луман использует теорию *медиа восприятия*³ Фрица Хайдера. Медиа определяются как совокупность свободно сцепленных

¹ Гипотеза «все вороны черные» эквивалентна предложению «или ворон, или не черный». Это означает, что для обоснования или фальсификации первого обобщения можно перебирать не только ограниченное число черных воронов в поиске нечерного экземпляра, но и все нечерные предметы, что чрезвычайно затруднило саму по себе логически адекватную процедуру фальсификации гипотезы [5].

² При взаимном маневрировании двух кораблей возможности маневра произвольны. Но каждое произвольное (контингентное) движение влево или вправо делает встречное движение необходимым, das Erste steht uns frei, beim Zweiten sind wir Knechte.

³ Ф. Хайдер обратил внимание на то обстоятельство, что свет или электромагнитные волны являются посредниками восприятия, но доступны лишь в виде цветов, как *оформленные* манифестации медиа. Звуковые волны тоже сами по себе никак не доступны для восприятия, но предстают в виде шумов как форм этого медиума [6].

элементов, на которую наблюдателем накладывается форма – некое жесткое сцепление отобранных элементов, делающее доступным в каком-то оформленном виде сам ненаблюдаемый и недоступный медиум. Так, слова образуют медиум языка, который во всем своем массиве был бы недоступен коммуникативному наблюдению, поскольку никто не рассматривает в виде содержания сообщения весь язык. Однако всякая актуализация языка в виде конкретной речи предстает в *форме* жестко связанных в предложениях слов. Но и предложения предстают в роли медиа в отношении форм более высокого порядка – текстов.

Медиа всегда предстают в виде субстрата, имеющего количественный характер (числа, атомы химические элементы, клетки, действия, слова / в математике, физике, химии, биологии, социологии, лингвистике), т.е. наука первоначально *разлагает* реальность (первая лимитация), а потом комбинирует эти элементы в формы (вторая лимитация). Означенные лимитации (медиа и формы) специфичны для каждой коммуникативной системы (в политической системе – огромные массивы *потенциальных* коллективно-обязательных решений, оформляемые в конкретные распоряжения *власти*; в системе хозяйства – массивы возможных платежей, получающие оформление в виде конкретных транзакций, осуществляющихся с помощью денег). В науке медиум и форма предстают в виде функции разложения исследуемых предметов на элементарные единицы, а затем – их комбинирования в соответствующие *формы* согласно теоретическим различиям (клетки / органы, атомы / молекулы, звуки / слова, слова / предложения, действия / мотивы, коммуникации / системы, числа / операции).

Но в каждой научной дисциплине (в распоряжении кода *истина / ложь*), даже после наложения форм на медиа, остается слишком много потенциальных форм (комбинаций, или сочетаний, этого медиального субстрата, «зернистой материи»). Само формообразование еще не означает правильного (истинного) формообразования. Какие же формы следует предпочитать как истинные, а какие как ложные – H_2O или H_3O ?

Для дополнительного лимитирования уже предварительно отобранных лимитаций требуется некое подобие программирования. Наука с точки зрения ее теорий и методов предстает как совокупность *программ* по определению истинности / ложности предположений. Это можно интерпретировать следующим образом. Программы (теории и методы) лимитируют научный интерес в некоторой узкой области (молекулярной структуре вещества) и, исходя из знаний об этой ограниченной области, словно следуя определенным алгоритмам, отсеивают истинное от не-истинного и т.д. Номинально программа может выглядеть, например, так: «Если предложенная к наблюдению форма жидкой смачивающей субстанции без вкуса и запаха, растворяющая соли и т.д., имеет внутреннюю структуру H_2O (*теория*), следовательно, мы имеем дело с истиной, и следует перейти к следующей строчке программы с использованием *методов* эмпирической проверки этого предположения; если предложенная форма после эмпирической проверки имеет структуру, отличную от H_2O , мы имеем дело с ложностью, и следует остановить вычислительную машину. В эту же программу входят строчки с отнесением к таким признакам, как «научное», «интересное», «актуальное», «новое» название (научным, интересным, актуальным, новым). Так, некоторые формы в предварительных строчках своей программы еще до решения по поводу мо-

лекулярной структуры будут признаны «ненаучными», «неинтересными», «неактуальными», «неновыми», и машина исчисления и соответствующий алгоритм будут остановлены, еще до признания (или непризнания) той или иной формы истинной. Поэтому в каком-то смысле нетривиальная ложность формы имеет большее значение, чем тривиальная истинность формы. При этом данные программы, как уже говорилось, всегда имеют бинарную форму: если программа предстает в виде теорий, то всегда конфликтует с соответствующими методами.

Но почему недостаточно только теорий, редуцирующих описание реальности в понятиях? Или только методов как удостоверенных и надежных практик получения (измерения) научного результата? Ответ Лумана в следующем: такая бинаризация в конечном счете делает возможным снятие лимитаций, т.е. приращение нового знания. И это характерно именно для науки в ее отличии от других коммуникативных систем, где программы (политические программы в виде партийных программ¹, экономические программы в виде ожиданий на цены², ориентация на господствующие стили в искусстве) не имеют таких взаимных сдержек «теория vs. метод». От себя заметим, что в других коммуникативных программах кодирования коммуникации всегда доминируют методы (политтехнологии в политике, мастерство стили в искусстве, быстрая реакция на изменение предпочтений потребителя в экономике), а концептуализации и теоретизации объектов не имеют самостоятельного значения и ценности для этих систем (художественный метод в данном стиле при всем высочайшем мастерстве еще не определяет художественного статуса произведения как произведения искусства). Если политтехнологии работают, нет смысла искать причину их функциональности в правильном понимании (теории) источников электоральных предпочтений; если растут цены на товар, вкладывать нужно в данный товар, неважно, что он собой представляет и как его понимать, с точки зрения теории.

В научной коммуникации, напротив, методы существуют не просто ради успешного продвижения продукта (знания) и увеличения его объемов, т.е. в виде технологии производства знания. Так, метод спектрального анализа делает возможным приобретение все больших массивов знания о химическом составе звездного вещества. Методы еще и обеспечивают *проверку* теорий и делают возможными новые теории. Теории же, в особенности новые, в свою очередь, требуют все новых методов.

Мы вернулись к той самой двойной контингенции, определяющей поведение в повседневной ситуации. Лимитации (ограничения новых высказываний знанием прошлых и удостоверенных положений) определяются не самим предметом в его функции truth-maker. Они определяются *соотношением* теорий и методов. Каждый полюс этого отношения относительно произволен. Можно создавать теоретические описания и модели (и общества, и солнечной системы – любой сложности и уровня абстракции), добавляя и удаляя переменные, но лишь некоторые из них можно обосновать методологически,

---

¹ Среди примеров подобных программ можно привести следующие: «если власть предлагает увеличение расходов, требуй снижения расходов», «если внешняя политика власти успешна, критикуй внутреннюю».

² «Если цены растут, покупай и переходи на строчку, соответствующую ожиданию падения цен; если цены падают, продавай и переходи на строчку, соответствующую ожиданию повышения цен».

применив соответствующие подтверждающие измерения и замеры, а вместе в виде взаимоотношений они образуют необходимость¹.

Социоэпистемологический тезис Лумана состоит в том, что базовая коммуникативная структура *двойной контингенции*², определяющая взаимоотношения повседневного общения, проявляется и в основании функционирования высоко комплексной коммуникации как дистинкция *научные теории / научные методы*. С другой стороны, и другая фундаментальная коммуникативная дистинкция *инореференции / самореференции*, в свою очередь, получает выражение в том же самом различии методов и теорий. Коммуникация всегда стоит перед выбором: сосредоточивается либо (и) на обсуждении внешнего мира, либо (и) на самом коммуникативном обсуждении, на характере его протекания, на его причинах (скрытых интенциях)³. Эта дистинкция выражается в том, что теории отвечают за программирование исследований внешнего мира, а методы программируют само научное обсуждение, ограничивая его возможности.

Компаративистский интерес науки и проблема социального неравенства

Однако этим не ограничивается присутствие общества в науке общества. Третий социально-коммуникативный фактор теоретического интереса – интерес сравнения. Уже субъект-предикатная форма предложения естественного языка в какой-то степени это выражает, поскольку в нем субъект сравнивается с предикатом. Ведь всякий предикат в конечном счете представляет лишь множество объектов, наделенных сопоставимым свойством. Эта базовая языковая структура получает рафинированное развитие в науке, собственно и состоящей из бесконечного сопоставления свойств и характеристик. Проблема в конечном счете заключается в поисках условий возможностей тех или иных равновесных состояний (химических соединений, организмов, обществ и т.д.), или в другой терминологии – устойчивости тех или иных форм (комбинаций, органов) того или иного медиа (субстрата, образующего формы). Равновесия *сравниваются* с неравновесиями.

Эта сравнительная форма *равновесие / неравновесие* может быть легко обращена к любым динамичным процессам. Так, в античности проблему видели в объяснении стабильности движения без внешнего источника (почему летит копьё, после того как его отпустили?). Тогда как наука Нового времени ставит вопрос о равновесии иначе: что является внешним источником нару-

---

¹ Так, мы можем произвольно избирать метод измерения углов треугольника. Как и Гаусс, испускать световой луч с трех горных вершин, замерять получившиеся углы и на основании этого решать вопрос о соответствующей, т.е. вытекающей из результатов измерительного метода, теории искривлении пространства (соответственно отрицательной кривизны (псевдосфера), если сумма углов меньше 180, и положительной кривизны, если сумма углов больше 180). Но мы можем начать с теории – решить теоретический вопрос – о том, *является* ли луч действительно кратчайшим расстоянием между точками? И уже соответственно этому теоретическому решению мы будем выбирать соответствующие методы измерения.

² То есть произвольности начинания коммуникации любым из двух гипотетических участников коммуникации и ограничений (необходимостей), которые проявляются в реакциях Другого на это начинание [7. С. 434]. О современной интерпретации принципа двойной контингенции см.: [8].

³ Когда некоторый Эго говорит о погоде (инореференциальный модус), Другой всегда может подумать, что речь не о погоде, но о восприятии Другого как неинтересного собеседника (самореференциальный модус) и соответственно отвечает.

шения равновесия (равномерности) самого движущегося тела? Само автономное равномерное движение уже понимается как нечто стабильное и пример равновесного состояния, а нестабильность связывается с воздействием внешних сил. В этом смысле форма *равновесие / неравновесие (стабильное / нестабильное)* существует независимо от фактической устойчивости и текучести субстрата (медиума).

Эта *независимость сравнительных форм от самих сравниваемых процессов* особенно четко проявляется в социологии. Лумана сравнительные исследования, разумеется, интересуют применительно к социальным наукам. Именно в них в такой компаративистской перспективе возникают сложнейшие исследования *социального неравенства*, отвечающие потребности восстановить поколебленное равенство (Ungleichheitsfeststellungsbeklagungsbedarf). Но независимость научного инструментария (применяемых форм) от исследуемого суб-субстрата сказывается в том, что практическая польза от этих сравнительных исследований остается нулевой, поскольку любой результат сравнительных исследований неравенства (неравновесности) может использоваться и для восстановления равенства, и для оправдания фактического состояния. В этом смысле даже самые ангажированные (обществом) дисциплины всегда сохраняют автономию, так как их фактические результаты в практическом плане остаются амбивалентными, и с другой стороны, эта базовая социальная потребность сравнения не требует от науки теории.

Наука, таким образом, ориентируется на свой собственный, внутренний сравнительный (т.е. теоретический) интерес. Он состоит в том, чтобы сравнивать то, что с практической точки зрения кажется несопоставимым. Задача науки – *гомогенизировать гетерогенное*. К примеру, наука утверждает, что увеличение давления оказывается пропорциональным (т.е. сравнимым) увеличению температуры. При этом давление не похоже на тепло. Так, и звук не очень похож на свет, но наука в столь непохожих друг на друга феноменах (через накладываемые ею формы) выявляет гомогенные (в данном случае волновые) свойства. И в социологической перспективе (тут Луман указывает на собственное достижение) *наука общества* допускает родовые аналогии, что позволяет сравнивать ее, например, с политической коммуникацией, а экономика выглядит гомогенной искусству¹. Здесь Луман вписывает свое достижение в число парадных примеров научно-теоретических прорывов. Но тут же выводит свой подход за рамки этих прорывов указанием еще и на дополнительный признак «универсальности» своей теории – на способность системно-коммуникативной теории и саму себя реферировать как один из своих объектов – как особый, теоретический способ коммуникации.

Научное объяснение – коммуникативный смысл

Однако чем больше в науке эмпирических данных, т.е. той самой однородной «зернистой реальности», чем больше введено в исследования «медиального субстрата», тем труднее сравнивать полученные материалы, расши-

---

¹ Ведь в обоих случаях предполагается, что посредством денег *Другой* может осуществлять даже и самое вызывающе потребление, а *Эго*, исключительно как переживающий зритель, при всем своем внутреннем возмущении может лишь переживать, деятельно не вмешиваясь в происходящее. В этом смысле, несмотря на вопиющие различия между экономикой и искусством, базовая коммуникативная структура у них идентичная: *Альтер действует – Эго* (в случае искусства – простой зритель) *переживает*.

рять область сравнений и накладывать на те или иные медиа универсальные формы в перспективе некоей «теории всего». В научных дисциплинах возникают непреодолимые уровневые перепады. Так, в социологии возникает непреодолимое различие макро- и микросоциологических уровней; в философии сознания фиксируются уровни в рамках mind-body problem, т.е. теоретически непреодолимых (не допускающих сравнения, единства, гомогенности) уровня переживаний и уровня их телесно-физиологического обеспечения; в философии языка фиксируются непреодолимые различия между эмпирическими и аналитическими суждениями. Чем больше исследователи прилагают усилий по перекрытию этих различий, тем яснее осознаются препятствия на пути такой «гомогенизации гетерогенного». И именно здесь, в этом осознании и формулировании познавательных препятствий в сравнении разнородного, возникает некое *третье значение* в распределении знания согласно коду на истинное и ложное, а именно – формулируется *научная проблема*.

Проблема состоит в *необъяснимой* (т.е. не истинной и не ложной) комбинации данных (фактов). При этом теория должна, разумеется, *объяснять* факты, но делает ли она это путем накладки каузальной формы (К. Гемпель) и тем самым апеллируя к временному и предметному измерению научной коммуникации? Действительно ли сам предмет, помещенный в измерение времени, должен помочь исследователю? Луман, напротив, полагает, что каузальная схема объяснения и сортировка на воспроизводящиеся причины и следствия всегда содержат элемент произвольности, поскольку есть следствие выбора, осуществляемого тем или иным наблюдателем по собственной схеме наблюдения¹. Но объяснение также не может апеллировать и к успешному научному прогнозу, к предсказанию, т.е. временной схеме объяснения события, оправдывая законы их постоянным воспроизводством во времени. Тогда подлинные характеристики предмета были бы не столь существенны, если оправдываются научные предсказания (Д. Юм). Луман аргументирует в стиле Фейерабенда: последним объяснением факта является любое объяснение, которое «лучше подсоединяется» в контексте коммуникативного обсуждения, и в этом смысле – anything goes.

Эта подсоединительная функция объяснения фактов, которую предлагает «лучшая» теория, вмещает все три перспективы объяснения: и предметную (каузальную через ссылку на причину, вписанную в закон), и временную (указание на предсказательную силу закона), и социальную перспективу, т.е. перспективу на то, что научное сообщество согласно принимать данное объяснение.

Функция *объяснения* всегда шире каждого из своих горизонтов (предметного, временного, социального), с другой стороны, это возможность выйти за пределы теории, связать ее более широким контекстом (объяснить, почему весло, погруженное в воду, выглядит изогнутым). Здесь не только теория (предметное объяснение через ссылку на законы и модели преломления света и отражения на границе двух сред) входит в эксплананс, не только уверенность в *будущем* воспроизводстве опыта и не только intersubjectивность восприятия и понимания проблемы, но и сами обстоятельства, некоторый мир (весло, вода, которые как таковые, как весло и как вода) в теории

---

¹ В чем причина пожара? В поджоге или в том, что кислород поддерживает горение?

специально не предусматривались и не должны предусматриваться, ведь иначе данная регулярность потеряет характер закона и теории!¹ Поэтому-то любая теория всегда может указать на эти внешние реалии для описываемой ею модели как на источник возможного сбоя в объяснении и тем самым спасти предлагаемую модель.

Итак, объяснение – это коммуникативный смысл² теории, т.е. одна (и наиболее осмысленная в данном контексте) из множества подсоединяющихся возможностей продолжать коммуникацию, включая и возможность ее переформулирования в случае сбоя. Одновременно *объяснение* есть результат сопряжения теории и методов или следствие двойной контингенции как общей коммуникативной характеристики совместного поведения. Другими словами, это теоретическое описание *предмета* в контексте *времени* (последовательностей шагов по проверке старых и получению новых данных, подтверждающих или опровергающих теории).

Но если архитектура науки выказывает симметрию двойной контингенции, то можно задаться вопросом о специальном смысле методов. Смысл методов состоит в количественных *измерениях* эффектов, вытекающих из предсказаний теории. Мы определенным *методом* измеряем те или иные параметры взаимодействий или процессов (например, энергетические³), вытекающих из теоретической модели гипотетического объекта, и эти новые данные позволяют судить об истинности или ложности первоначального тезиса или требуют его новой формулировки, т.е. отвечают тому же самому системному требованию – *коннективности*.

Теории всегда имеют некоторую референцию: описывают предмет теоретического интереса, образуют модель или некую структуру связанных друг с другом переменных. Методы же не имеют прямой референции, предмета метода⁴, но имеют дело с временным измерением исследования, «связывают время» (в смысле Э. Гидденса⁵), т.е. устанавливают «расписание» научных

---

¹ Исключение из научных законов регулярностей, связанных с конкретными регионами пространства-времени, позволяет, как известно, отличить подлинные (а значит, контрфактивные!) научные законы («соединения бария горят зеленым цветом»), от так называемых акцидентальных генерализаций («все в этой комнате – третьи сыновья»). Ведь этот закон не зависит от того, поджигают соединения бария или нет, цвет горения вытекает уже из *теории* его атомного строения!

² Смысл в более общем системно-коммуникативном контексте – ресурс подсоединения. Смысл каждого следующего предложения в том, что оно связано с предыдущим или как-то указывает на будущие предложения, а иначе оно бессмысленно (т.е. не вписано в систему следующих друг за другом предложений).

³ Скажем, факт – *теоретически* предсказанного – существования нейтрино подтверждается путем измерений: есть вероятность, что проходя через раствор хлорида кадмия нейтрино коллидирует с атомом водорода в молекуле воды, породив при этом нейтрон и позитрон, который тотчас аннигилирует в столкновении с электроном, в результате чего возникнут два противоположно направленных гамма-луча с энергией 0,51 МэВ, нейтрон пролетит чуть дальше и будет поглощен ионом кадмия, что приведет к испусканию 4 гамма-лучей с общей энергией 9 МэВ [9. Р. 70–72]. Этот пример показывает, что не требуется какого-то прямого доступа наблюдателя к наблюдаемой реальности. Нейтрино невозможно наблюдать непосредственно или при помощи разного рода микроскопов. *Реальность возникает в результате взаимной лимитации теоретической модели и методов измерения, эффектов событий, которые являются следствиями теоретически предсказанного процесса.*

⁴ Ниже показано, что непрямой референцией методов оказывается научная проблема. Непрямой в том смысле, что методы сами по себе и изначально не направлены на ее решение.

⁵ У Э. Гидденса мы находим сходный же принцип «медиации», предполагающий «проводника» (медиум), который связывает участников системы, «связывая» тем самым прошлое и будущее их активности. Методы в этом широком коммуникативном смысле представляют некую логику социальной системы, своего рода ее «расписание» [10. Р. 103].

операций. И в этом смысле они аналогичны религиозным ритуалам, которые не имеют референциальности в рамках системы религии, в отличие от мифо-нарративов, неких теорий трансцендентного мира, которые должны быть ритуально удостоверены путем установления временной последовательности обрядов. Коммуникативная функция научного метода состоит в устранении эпистемологического риска, связанного с формулированием чрезмерно смелых теорий. Точно так же как коммуникативная функция религиозных ритуалов состоит в устранении опасности неконтролируемой коммуникации, которая бы могла расшатать коллективные представления религиозного сообщества в случае умножения мифов о творении, верховном божестве и т.д.

Методы при этом разделяются на дедуктивные (воспроизводящие аксиомы или основания в новых утверждениях) и кибернетические (обновляющие основания, если они неудовлетворительны). Наука, таким образом, не может рассматриваться только фундаменталистски (в стиле логического позитивизма), или только холистски (в стиле Дюгема и Куайна). Ученый сохраняет свободу в выборе между тем, чтобы отказаться от опыта или от теоретической схемы (П. Дюгем), но теперь этот выбор оказывается сложнее (эта дилемма и сама, уже как нечто единое, становится частью другой дилеммы – комплексности). Он выбирает между свободой выбирать между опытом и теорией и свободой выбирать разные методы (дедуктивные или кибернетические).

Проблема научной проблемы и ее коммуникативное решение

Но метод является неполным обозначением, пока не будет уточнена его парадоксальная референция. Речь идет о *научной проблеме*, представляющей собой парадокс, ведь проблема характеризует нечто как неизвестное. Как же его можно знать? Другими словами, метод не просто организует медиальный субстрат количественно и накладывает на него правила проверки или измерений с целью подтвердить или опровергнуть значения истины и ложности качественных суждений, но еще и приписывает некоторым суждениям значение *проблемности*. Последнее предстает в виде некоего *исключенного третьего* в дилемме *истина / ложь*. Ведь метод как «связывание времени» добавляет в предметное измерение горизонт будущего, куда и «переносится» решение об истинностном статусе некоторого утверждения. Теория не может что-то отложить на потом, так как направлена на предмет теоретизации, она не может не предлагать актуального решения (описание чего-то как именно этого – температуры как средней кинетической энергии молекул, света как волны и т.д.)¹. Но как же быть в некоторый данный момент с проблемой, если проблемное суждение не может быть признано истинным или ложным, а значит, и *знанием*?

Решить эту проблему *проблемы* Луман предлагает через обращение к процедуре ее решения. В каком-то смысле именно *решение проблемы* открывает проблему, которая *потом* через поиск функционально-эквивалентных решений делает проблему все более абстрактной. Всякая проблема циклична: решение

---

¹ Этот механизм в некотором смысле повторяет трансформацию коммуникации, осуществленную благодаря письменности, которая позволила выносить решение о понимании письменно предлагаемой коммуникации, и, как следствие, об акцептации предложенного смысла в далекий горизонт будущего, в то время как устное течение коммуникации требовало решения об акцептации (или отклонении) запроса на контакт здесь и сейчас [11. С. 76–121].

проблемы создает проблему, которую надо решить. Достаточно вспомнить, что именно интерпретации (решения) проблемы света как волны и как корпускул собственно и создали проблему корпускулярно-волнового дуализма.

Во всяком случае, даже в случае самых специфических внутринаучных контrovers или проблем, в их основании все-таки лежит *диалогическая практика вопросов и ответов*, которая потом маскируется под теорию. Эта практика вопросов и ответов получает импульс к своему продолжению благодаря вышеозначенной *темпоральной* структуре проблемы, круговому характеру научных проблем: решение проблемы создает проблему, требующую решения. Эта повседневная коммуникативная *вопрос-ответная* практика в *круговом движении от решения проблемы к проблеме решения* предполагала наличие как минимум двух участников коммуникации. Другими словами, решение проблемы может претендовать на валидность лишь в том случае, если одно из решений ставит под вопрос и замещает (дает ответ) другое функционально-эквивалентное решение проблем. Так, вихревая теория Декарта решала проблему однонаправленного движения планет Солнечной системы и тем самым получала приоритет перед теорией гравитационного притяжения И. Ньютона, поскольку такое движение представало в ньютоновой теории как аномалия (проблема). Но эта дилемма была «перерешена» в пользу решения Ньютона, к которому вернулись после ревизии эмпирических оснований (открытие своеобразного движения Урана) и добавления дополнительных гипотез (небулярной гипотезы Лапласа), что стало ответом на вопрос об означенной аномалии [12. Р. 23–29].

О проекте проектной лимитации науки

Описанная таким образом сопряженность методов и теорий (причем ради теорий можно трансформировать методы, а на основе методов менять теории) определяет «игровое пространство» науки, где игра и состоит в опробовании и «подсоединении» разных объяснений, которые, в свою очередь, понимаются как некое моментальное сцепление конкретной теории с конкретным методом. Смысл объяснения, как уже говорилось, состоит в текущей проверке валидности данного сцепления на то, что в каком-то обязательно претендующим на новизну высказывании соблюдены требования и метода, и теории.

Но ведь всякая верификация состоит в *повторении* уже осуществленных ранее операций, при том что в науке как раз и неинтересно повторение, ведь истинное знание актуально и востребовано лишь как новое истинное знание. Достоверность (проверяемость) научного знания оказывается в некотором напряженном отношении с ожиданием научной новизны. В поисках ограниченности системных ресурсов (прежде всего, финансовых и временных) науке приходится находить промежуточные решения так, чтобы не заостривать в бесконечных перепроверках и одновременно не постулировать чрезмерно много новых (т.е. рискованных, не удостоверенных) предположений. Одних лишь методов и теорий, т.е. измерений и описаний, недостаточно для того, чтобы в условиях этих рамочных ограничений – *новизны и достоверности* – гарантировать системную функцию коннекции.

Решением дилеммы *новизны / достоверности* становится особая организация научного знания, т.е. распределение его на проекты. Смысл проектно-грантового типа науки состоит в снижении эпистемического риска через

ограничение исследования во времени, риска того, что задействованные ресурсы не будут потрачены в больших количествах в случае неуспеха гипотезы. Расплатой же за такие гарантии становится недофинансирование фундаментальных исследований и, как следствие, отсутствие глобальных достижений (в борьбе с раком, СПИДом и т.д.), а в социологии – отсутствие всеохватывающей теории общества и его подсистем. Это существенно трансформирует все временное измерение научной коммуникации, предполагавшей ранее неограниченный ресурс ожидания конечных достижений¹. Проект словно предстает обратной стороной системной коннекции и реализует функцию ограничить от подсоединения операции, не обещающие близкого успеха. Проект в этом смысле выступает все той же *лимитацией* научной коммуникации, о которой мы говорили выше.

Публикации и дисциплины

И все-таки число потенциальных коннекций (обещающих успех научных тем) остается слишком большим, чтобы их можно было бы путем грантово-проектной лимитации и методико-теоретической проверки распределить, наконец, согласно коду *истинность / ложность*.

Последней предпосылкой «инклюзии» в мир научной коммуникации является публикация. Публикация – это, прежде всего, изложение знания, а не его изготовление. Здесь *коммуникативные условия* науки явлены особенно очевидно. Собственно, лишь на этом этапе коммуникативные сообщения, претендующие на истинность и новизну, превращаются в знание. Чтобы превратиться в знание, некие изначально чрезвычайно комплексные² сообщения, полученные в результате изготовления знания, должны быть редуцированы (сокращены, упрощены, изложены в высшей степени избирательно) до такой степени, чтобы быть ограниченными рамками научной статьи, и лишь так они могут быть сколько-нибудь адекватно поняты и акцептированы. А в противном случае так и не станут знанием.

Во многом именно этот процесс «публикационного отбора» выступает одним из факторов научной дисциплинарности. В некоторых дисциплинах (в особенности в гуманитарных и некоторых социальных науках) изложение знания и есть его изготовление. При этом именно на этапе изложения чаще всего осуществляется его *обоснование* – ретроспективный поиск основ того, что уже и так сформулировано как истинностное сужение.

Обоснование поэтому, опять же ретроспективно, делает сам обосновываемый тезис избыточным. Ведь он есть всего лишь следствие (теперь уже очевидное) известного. Если же у знания не обнаруживается таких оснований, привлекается процедура *аргументации*. Процесс изложения, в свою очередь,

---

¹ Это четко высветила дискуссия между И. Лакатосом и П. Фейерабэндом о времени ожидания окончательных решений в пользу исследовательских программ. По Лакатосу, программа Проута предполагала, что «атомные веса всех чистых химических элементов являются целыми числами», «химики, не выдерживая напряжения, отказывались от новой исследовательской программы», поскольку атомные веса многих элементов (скажем, хлора, оказывались дробными). Программа, очевидно, деградировала, пока неожиданно не были открыты вещества, представляющие собой смешанные изотопы таких элементов, что привело к новому утверждению программы Проута [13. С. 90]. На что П. Фейерабэнд обоснованно указал, что всякое правило оценки «победившей теории» бессмысленно без задания временных лимитов: «if you are permitted to wait, why not wait a little longer?» [14. Р. 215].

² Речь идет о сообщениях, аккумулированных за годы реализации научного проекта.

осциллирует между Сциллой *избыточности* (где одно знание указывает на другое, где уже нет места новому и интересному) и Харибдой *вариативности* (открытия новых эмпирических данных, не предсказанных ранее и не сводимых к известному).

Именно эта рамка ограничивает индивидуальную исследовательскую свободу. Эта рамка *избыточность / изменчивость* обобщает в себе все традиционные дистинкции философии науки (между эмпиризмом и рационализмом, между тавтологиями и суждениями эмпирическими, между теорией и фактами) и выполняет означенную выше программную *функцию лимитации* как предпосылки отбора научных суждений ради их конечного распределения на истинные и ложные. Другими словами, это последняя предпосылка, которая должна быть выполнена перед тем, как уже в процессе рецепции публикации решить вопрос о том, действительно ли изготовленный для публикации текст является *знанием*. Всем защищающим диссертационные работы эта предпосылка известна как требование указания *актуальности (новизны) и степени разработанности темы*.

Но эта последняя лимитация *изменчивости / избыточности* позволяет проиллюстрировать и неслучайное (и в то же время, не определяемое самими предметами наук) дисциплинарное деление науки. Дисциплинарное многообразие, по мысли Лумана, есть результат внутренней дифференциации и никак не следствие *предметного* разнообразия. Если бы *внешний мир* сам определял дисциплинарную структуру науки, различение «наук о человеке», «социальных наук» и «естествознания» было бы затруднительным, поскольку человек сохраняет все свойства и физического тела, и биологического организма, и социального существа, и психической системы. Единственное, что у него отсутствует, – это собственно человеческие характеристики.

Поэтому критерии дисциплинарной принадлежности приходится определять исключительно социоэпистемологически, и не в последнюю очередь связью тех или иных дисциплин с общественными профессиями (теология, педагогика, психология, медицина, юриспруденция и т.д.) и образовательными потребностями (филология, лингвистика).

Таким образом (и это последний аргумент в пользу понимания науки как автономной социальной системы), дисциплинарное деление науки легитимируется общественно, а не интерналистски. На уровне обособившейся дисциплины выражено присутствуют потребности дифференцирующегося общества и формулируются общественные требования и ожидания от науки. Собственно же наука присутствует в науке лишь на уровне дальнейшей дифференциации на дисциплинарные секторы или лаборатории. Лишь в секторах и лабораториях наука и общество, наконец, расцепляются и наука обретает свою полную автономию.

Несколько упрощая, можно сказать, что секторальная наука отвечает за *изменчивость*, а дисциплины (разного рода НИИ или факультеты) – за *избыточность*, т.е. за воспроизводство известного, достоверного, воспроизводимого знания. Мы вернулись к теме, с которой начали этот обзор. Именно конкретное *структурное сцепление* науки и ее внешнего мира (общества, переживаний сознания), предстающее в виде фактического отношения сектора (лаборатории) с руководством, осуществляющим управление дисциплиной,

обеспечивает соответственно внутренний и внешний успех научной коммуникации.

Литература

1. Гудмен Н. Новая загадка индукции // Факт, фантазия и предсказания. Способы создания миров / пер. с англ. А.Л. Никифорова. М., 2011.
2. Куайн У. Слово и объект. М. : Логос. Праксис, 2000. 386 с.
3. Луман Н. Введение в системную теорию / под ред. Д. Беккера; пер. с нем. К. Тимофеева. М. : Логос, 2007. 360 с.
4. *Vitgensteint* Л. Философские исследования. М. : АСТ, 2011. 347 с.
5. *Hempel C.G.* Aspects of Scientific Explanation and Other Essays in the Philosophy of Science. New York : Free Press, 1965. 504 p.
6. *Heider F.* Ding und Medium. Kulturverlag Kadmos, Berlin, 2005. 128 S.
7. *Парсонс Т.* О структуре социального действия. М. : Академический проект, 2000. 880 с.
8. *Бараш Р.Э.* Культура и мультикультурализм: от философского к системно-теоретическому осмыслению // Вопросы философии. 2016. № 1. С. 36–40
9. *Harré R.* Varieties of Realism. Oxford : Blackwell, 1986. 375 p.
10. *Giddens A.* Central problems in social theory: Action structure and contradiction in social analysis. London, 1979. 294 p.
11. *Луман Н.* Медиа коммуникации. М. : Логос, 2005. С. 76–121
12. *Laudan L.* Progress and Its Problems. Toward a Theory of Scientific. Growth. Berkeley and Los Angeles: The University of California Press, 1977. P. 23–29.
13. *Лакатос И.* Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М. : Медиум, 1995. С. 90.
14. *Feyerabend P.* Consolation for the Specialist // Lakatos I., Musgrave A. Criticism and the Growth of Knowledge. Proceedings of the International Colloquium in the Philosophy of Science. London : Cambridge University Press, 1970. P. 215.

Alexander Yu. Antonovskiy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Science (Moscow, Russian Federation); Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: antonovski@iph.ras.ru

Raisa E. Barash, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Science (Moscow, Russian Federation).

E-mail: raisabarash@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 44. pp. 44–60.

DOI: 10.17223/1998863X/44/5

SOCIOLOGICAL AND PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF SCIENCE FROM THE POINT OF VIEW OF A SYSTEM-COMMUNICATIVE APPROACH

Keywords: science; system-communicative approach; philosophy of science; communication.

The authors analyse the universal problem of scientific theorising: they study the definition of the principles of scientific communication. The authors find out whether scientific communication is an arbitrary option or it is the subject of the research that determines the sequence of steps that should be done to reconstruct theoretical description. The authors also pay attention to the concepts and terms that are necessary to begin scientific research. In order to implement this task, the authors turn to the ideas of the German sociologist Niklas Luhmann, who developed a contemporary system-communicative approach. The authors use Luhmann's ideas to study not only society, but also the social system of science. From the point of view of Luhmann and from the point of view of the constructivist methodology, distinctions should be used as a starting point of research. It is noted in the article that such distinctions should have a preference embedded. The authors justify that the sum of these differences can be reduced to a sequence of bases of scientific research or, which is the same, of scientific communication. The authors analyse the sequence of some concepts: complexity, difference, concept, limitation, theories, methods, scientific explanation, scientific problem, scientific project, scientific publication and scientific discipline. In order to determine the correctness of such “foundations of scientific research” and for the definition of scientific truth, the authors refuse to apply the traditional criteria of correspondence and adequacy of a theory. They summarise that the “best” theory is the theory that uses concepts that provide a larger observational survey. The authors recognise con-

cepts that determine their own context and limit the conditions for the possibility of truth, thus becoming the conditions of limitation, to be the conditions of truth. The principle of limitation creates a general framework of the possibility of truth judgements, separating the complexity of the system and the uncertain complexity of the world. The authors note that limitation determines the correlation of theories and methods, external and internal references. The authors consider the interest of comparison to be another basis of scientific communication. It is noted that the interest of comparison as a search mechanism of scientific knowledge counterbalances the different conditions of the system. With the increase of empirical data that are used for comparison the limitations of possibilities to compare also increase. Thus, limitation of comparison contributes to the clarification of the scientific problem. The communicative function of the scientific method, as the authors argue, is to eliminate the epistemological risks of the excessively bold theories. The method organises a medial substrate, imposes the rules of its verification and measurement. So these rules then should be used to confirm or disprove the values of truth and falsity of qualitative judgements, ascribing the importance of the problem to some judgements. The authors point out that the conjugation of methods and theories determines the “game space” of science where the game represents itself as a testing of various explanations that are understood as the instant coherence of a concrete theory with a specific method. The meaning of the explanation is in the current verification of the validity of a given coherence of theory and method.

References

1. Goodman, N. (2001) *Fakt, fantaziya i predskazaniya. Sposoby sozdaniya mirov* [Fact, Fiction and Forecast. Ways of Worldmaking]. Translated from English by A.L. Nikiforov, T.A. Dmitriev, E.E. Lednikov, M.V. Lebedev. Moscow: Ideya-Press: Logos: Praxis.
2. Quine, W. (2000) *Slovo i ob'jekt* [Word and Object]. Moscow: Logos; Praxis.
3. Luman, N. (2007) *Vvedeniye v sistemnyuyu teoriyu* [Introduction to the System Theory]. Translated from German by K. Timofeyev. Moscow: Logos.
4. Wittgenstein, L. (2011) *Filosofskiye issledovaniya* [Philosophical Studies]. Translated from German. Moscow: AST.
5. Hempel, C.G. (1965) *Aspects of Scientific Explanation and Other Essays in the Philosophy of Science*. New York: Free Press.
6. Heider, F. (2005) *Ding und Medium* [Thing and Medium]. Berlin: Kulturverlag Kadmos.
7. Parsons, T. (2000) *O strukture sotsial'nogo deystviya* [On the structure of social action]. Translated from English. Moscow: Akademicheskii Proekt.
8. Barash, R.E. (2016) Kul'tura i mul'tikul'turalizm: ot filosofskogo k sistemno-teoreticheskomu osmysleniyu [Culture and multiculturalism: from the philosophical to the system-theoretical comprehension]. *Voprosy filosofii*. 1. pp. 36–40
9. Harré, R. (1986) *Varieties of Realism*. Oxford: Blackwell.
10. Giddens, A. (1979) *Central problems in social theory: Action structure and contradiction in social analysis*. London: Macmillan.
11. Luman, N. (2007) *Media kommunikatsii* [Media Communication]. Translated from German by A.Yu. Antonovsky. Moscow: Jloroc. pp. 76–121.
12. Laudan, L. (1977) *Progress and Its Problems. Toward a Theory of Scientific Growth*. Berkeley; Los Angeles: The University of California Press. pp. 23–29.
13. Lakatos, I. (1995) *Fal'sifikatsiya i metodologiya nauchno-issledovatel'skikh programm* [Falsification and methodology of research programs]. Translated from English. Moscow: Медиум.
14. Feyerabend, P. (1965) Consolation for the Specialist. In: Lakatos, I. & Musgrave, A. (eds) *Criticism and the Growth of Knowledge*. Proceedings of the International Colloquium in the Philosophy of Science. London: Cambridge University Press. pp. 215.

УДК 101.808 (0758)

DOI: 10.17223/1998863X/44/

А.П. Артеменко, Я.И. Артеменко

ОТ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРОСТРАНСТВА К ПРОСТРАНСТВУ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ВИЗУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Предметом данного исследования является эволюция средств визуализации социального пространства. Фотография рассматривается в системе визуальных исследований как вид визуальных данных и способ исследования. Цель статьи – проследить эволюцию отношения образа и реальности фотографии, продемонстрировать процесс трансформации эстетического значения в социальное. Предлагается авторский принцип работы с феноменом визуализации: визуальный образ представлен как феномен сознания, вписанный в горизонт сложной системы взаимодействий.

Ключевые слова: визуализация, фотография, репрезентация пространства, конвертация, визуальная риторика.

Цель статьи – проследить эволюцию отношения образа и реальности фотографии, продемонстрировать процесс трансформации эстетического значения в социальное. В качестве примера мы рассмотрим изменение значения фотографии для визуальных исследований. Мы попытаемся объяснить, как фотография из специфического набора визуальных данных превратилась в особый вид визуальных исследований и как происходит процесс конвертации эстетического значения в социальное. Для этого нам необходимо обратиться к проблеме понимания природы визуальных данных и представлений о визуальных исследованиях.

Актуальность

Для многих областей знания сегодня существует проблема описания визуальных феноменов. Традиционными средствами здесь являются языки искусствоведения, психоанализа, лингвосомиотики, гендерной теории. Относительно новым языком описания визуальных феноменов стала визуальная социология, которая пока находится в состоянии теоретического и методологического формирования и более походит на зону междисциплинарных исследований, чем на сформированную отрасль социологии. Предлагаемый нами подход мог бы дать иной, как по уровню детализации, так и обобщения, принцип работы с феноменом визуализации. Мы предлагаем понимать визуальный образ как феномен сознания, вписанный в горизонт сложной системы взаимодействий, где телесность, социальность, психология и прочие антропологические проекции – условия, а не средства выражения смыслов.

Можно утверждать, что в определенной мере всякое значение – потенциальный визуальный образ. «Мера» визуализируемости определяется сферой функционирования идеи, инструментарием, задачами визуализации. Поэтому в число визуализирующих практик следует включить не только техники изобразительных искусств или медиа, работающих с видео- или фото-

материалом, но и техники конструирования «зримого» представления невидимыми средствами (блестящие примеры последних – знаменитые «феноменологические» описания в произведениях М. Пруста или А. Роб-Грийе).

Основным типом отношения образа и реальности, им представляемой, является конвертация. По мнению Дж. Элкинса, это «репрезентация, ушедшая далеко от своего объекта» настолько, что представляет собой отношение несоизмеримых величин [1. С. 157]. Примеры конвертации – изображение расширяющейся Вселенной, диаграммы потока кварков и т.п. Эта модель визуализации предлагает работу с «идеями» измерения определенной реальности в соответствии с некоторой изобретенной шкалой, а не ее метафорой или аллегорией.

Намеченные перспективы требуют как детальной аналитической работы, соотношения с различными знаковыми теориями и концепциями восприятия, так и эмпирического наполнения, выходящего за рамки художественного материала в сферу разнообразных социальных практик.

Репрезентация пространства и проблема чистоты предметного поля фотографии

В 2003 г. Дж. Элкинс опубликовал работу «Девять типов междисциплинарности для визуальных исследований. Ответ на статью Мике Баль „Визуальный эссенциализм и объект визуальной культуры“», в которой отметил расплывчатость самого понятия «визуальные исследования», которые выглядят какофонией, перемешиванием и стиранием границ специальных дисциплин [2. С. 251]. Визуальные исследования, по мнению автора, должны лежать в русле истории искусства, где возможно толкование образов с привлечением знаний по политической или социальной истории. Крайне остро оценены позиции Диди-Юбермана, Э. Диссанаеки, П. Бурдые, Ж. Деррида за попытки объяснить искусство чем-то, кроме искусства, а визуальную культуру представить как «эпифеномен более фундаментальных идей» [Там же. С. 253]. В свою очередь, работу Б. Латура «Iconoclasm: Beyond the Image Wars in Science, Religion and Art» Дж. Элкинс назвал проявлением «сорочьей теории», поскольку автор сферу визуальных исследований определил «где-то между и среди исследований религии, науки и историей искусства» [Там же. С. 254]. Безусловно, специальные исследования, где не смешиваются предметные поля, чрезвычайно необходимы, но если изменяется сам объект исследования, выделяется новая предметная область, нащупываются новые методы исследования, то, может, стоит задуматься о междисциплинарности?

Визуальные исследования не имеют четкого предметного поля, поскольку они одновременно затрагивают социальные, культурные, психологические объекты, существующие как единый комплекс взаимоположения смыслов и значений [3]. К перечню визуальных можно отнести широкий круг объектов: от фотографий, фильмов, видео- и телесюжетов, живописи, графики, скульптуры до архитектурных объектов, дизайна пространства и внешнего вида людей на улицах [4]. С одной стороны, предмет визуальных исследований – это физический объект в пространстве, а с другой – визуальный образ, имеющий самостоятельное значение. Дж. Элкинс иронично замечает, что «для визуальных исследований центральным примером здесь мог бы служить Ж. Деррида в том смысле, что его набег в область визуальности намеренно

предпринимались без обращения к „материнской“ дисциплине» [2. С. 254]. Однако следует отметить, что визуальные исследования стали возможны в русле не только истории искусств, но и других наук, которые активно используют визуальные данные при проведении исследований. Так, с появлением фотографии история, социология, антропология, этнография и другие науки получили возможность фиксировать визуальный факт. Но пока фотография оставалась «чистым знаком» с единственным значением, она могла быть визуализацией более общего дискурса [5].

Фотография как техническое фиксирование внешнего вида предметов и событий довольно быстро перестала удовлетворять и фотографов, и зрителей. Функция фотографии как репрезентации предмета, события, пространства – это первичный тип отношения образа и реальности, им представляемой, в рамках визуализации. Репрезентация соответствует отношениям внутри иконического знака, когда означающее миметически отображает означаемое. Р. Барт точно передал раздражение от натуралистичных журналистских снимков: «Они слишком интенциональны для фотографии и слишком точны для живописи, они лишены как возмутительности сырого факта, так и правдивости искусства: из них захотели сделать чистые знаки, но не захотели наделить эти знаки хотя бы двусмысленностью, придать им затрудняющую их восприятие плотность» [6. С. 63]. Мы сталкиваемся с проблемой фиксации динамического объекта как в физическом, так и смысловом плане [7]. При этом физический объект, запечатленный на снимке, никогда не будет восприниматься однозначно. Р. Барт и У. Эко представили это в идее риторики образа, когда выстраивается система медиации, создается образ-посредник между реальностью идеи и реальностью адресата идеи. Основа связи – конвенция, маркирующая отношения как репрезентативные, в реальности же устанавливающая отношения подчинения адресата сообщению.

Р. Барт, П. Бурдьё, А. Лефевр и М. Фуко указывали на фотографию как продукт определенного дискурса, на визуальные репрезентации идеологических ценностей и формы политического контроля. Фотография становится репрезентацией пространства не только физического, а также культурного, социального, политического и, таким образом, по заключению А. Лефевра, «репрезентация пространства сумела сочетать идеологию с наукой в рамках практики» [8. С. 58]. Фотография вовлечена в процесс «означения», приравнена к высказыванию, а поскольку это «значимое единство», то, по мнению Р. Барта, «фотография будет для нас таким же сообщением, что и газетная статья; любые предметы могут стать сообщением, если они что-либо значат» [6. С. 74]. Фотография как визуальное средство предстает в рамках новых отношений как наиболее эффективный по воздействию, компактно организованный и герменевтически открытый способ передачи сообщения. Ему также отводится функция «предохранителя», определяющего меру свободы интерпретации в границах (идео-)логически заданного дискурса.

Как визуальная репрезентация фотография подпадает под действие триады «восприятие – осмысление – переживание» и должна быть прояснена либо как нечто конкретное («сырой факт»), либо как один из возможных идеологических медиаторов. Приняв значение идеологического медиатора, фотография как репрезентация пространства подчиняет себе пространство репрезентации, сведенное к символическим образам. По сути, она повторяет

процесс, который укоренился в западной культуре визуальной репрезентации от религиозной живописи до географических карт: репрезентации пространства входят в социально-политическую практику и отражают отношения между предметами и людьми в репрезентируемом пространстве. Таким образом, становится понятен интерес исследователей к визуальному вообще и визуализации не просто как техническому методу (вос)создания определенной реальности, но принципу отношения к действительности, вбирающему в себя тонкую нюансировку восприятия и выражения.

Р. Барт затронул проблему рассматривания фото как «различения», которое открывает мифы и уровни визуального ряда. Мы проникаем в технику создания как рассматривания фотографического образа. Анализируя природу фотографии, Р. Барт отметил, что на репортерских фотоснимках «запечатленные факты предстают во всей своей неумолимости, буквальности, демонстрируя свою неуязвимую естественность» [6. С. 63]. Потребовалось значительное усилие для того, чтобы «неуязвимая естественность» превратилась в «пример „естественной выразительности“, имманентности смысла вещи, присутствия самой реальности в ее стихийно возникающих смыслах» [8. С. 126]. А. Лефевр назвал это рождением «пространства репрезентации» [Там же. С. 56], где не производится ничего, кроме символических произведений – зачастую единичных, но иногда дающих начало целому «эстетическому» направлению.

Фотография как самостоятельная форма говорения о мире создала систему визуальной риторики и техник рассматривания. К основным задачам фотовизуализации можно отнести следующие: показывать (вместо рассказывать) и высматривать (вместо вычитывать) смыслы; делать видимым сокрытое или неявное; диктовать правила восприятия или идеологической игры («конвертировать» значения); локализовать («сжимать») и интенсифицировать информационные сообщения. Так, фотографический снимок стал восприниматься как полисемантический образ со множеством потенциальных значений. И в тоже время фотография получила статус «эстетического» направления со свойственной ей визуальной риторикой и «экскурсами в воображаемое». Фотография предполагает практику рассматривания изображения, которая выливается в проведение контент-аналитических и герменевтических процедур: прояснения, декодирования, интерпретации смысла, представлений и их динамики. Методы анализа содержания визуальных текстов нацелены также на раскрытие культурных смыслов в структуре визуального образа.

Спустя четверть века проблема техник рассматривания изображения, отмеченная Р. Бартом, заняла центральное место в визуальных исследованиях начала 1990-х. Одним из ярких примеров актуализации техник рассматривания стала книга Э. Чаплин «Социология и визуальная репрезентация», в которой она представляет фотографию не только как способ фиксации данных, но и как медиум, передающий и создающий новое знание [9. Р. 13]. По сути, мы видим возвращение к проблеме конвенциональности имитативных кодов изображения, о которой писал У. Эко в работе 1968 г., т.е., попросту говоря, условности передачи сходства. Мы воспринимаем визуальный образ благодаря договоренности о прочтении границ предметов, света и тени, ансамбля предметов. «Черно-белая фотография дает весьма ограниченное число града-

ций между черным и белым. Разумеется, ни один из этих тонов не соответствует тому, что мы называем „реальностью“... Разумеется, нам удается увидеть за определенным техническим решением некий природный эквивалент только потому, что мы располагаем закодированным набором ожиданий» [10. С. 132]. Безусловно, вскрытие этого «набора ожиданий» создает новое знание, о котором говорит Э. Чаплин [11. С. 83]. По сути, мы обнаруживаем создание образа, разрывающего систему знаковых отношений, не «обозначающего» некую сущность, а творящего, по выражению А. Менцеля, «самодостаточную художественную реальность, эквивалентную внешней», а потому и сопротивляющуюся сравнению или символизации. Фотографический образ запечатлевает только то, что зрительно различимо, наблюдаемо, но при этом всегда существует «техника чтения снимка», которая рождает великие образы, которые получают значение вне контекста их создания. Безусловно, происходит рождение пространства репрезентации.

Великий образ: от фотографии к живописи

Важным аспектом темы визуального в культуре является задача собственно выражения. Культура, обогащенная опытом трансгрессии, выхода к своим собственным пределам в сферу невыразимого (довербального или «субсемиотического» пространства), вправе заявлять о неадекватности всякого языка описания для отображения «состояний» и «переходов» дорефлексивного уровня жизненного мира (таких как первичное обнаружение человеком себя-внутри-мира, шок, мистическое переживание, ряд феноменов телесного опыта и пр.). В этом контексте представляется, что визуальное как набор выразительных средств способно расширить область прочтения антропологических и социальных смыслов.

Мы можем определить визуализацию как методологию восприятия и выражения, развертывающуюся, соответственно, в двух взаимодополняющих направлениях:

а) создание образа как носителя идеи (выражение и конструирование смысла, его чувственная «про-спекция», «идеография»);

б) прочтение идеи путем создания образа (восприятие и интерпретация смысла, чувственная «ретро-спекция» значения, «иконография»).

Пример визуализации как методологии восприятия и выражения – портрет Че Гевары, сделанный 5 марта 1960 г. кубинским фотографом Альберто Корда. Фото запечатлело траурный митинг памяти жертв теракта в Гаване, но пальмы, другие люди и даже куртка Че «ушли» со снимка. Был создан образ протеста, революции, активного гражданина. Возможны и другие коннотации: молодости, нонконформизма, убежденности. Создание нового знания в этом случае очевидно. Образ настолько сильный и универсальный, что может претендовать на статус символа XX в. с его революциями, войнами, рождениями и крушениями политических систем, столкновениями идеологий.

Этот же образ используется в серии портретов Энди Уорхола, которые превращаются в системе левацких идеологий в «символ безликости и пошлости культуры массового потребления». Однако трансформация образа в работах Энди Уорхола отражает более глубокий процесс трансформации современной западной культурной парадигмы и, соответственно, принципов

описания культурных феноменов. «Транс»-модерные модификации привели к парадоксальному итогу: индивидуализация культурных отношений и рост интенсивности связей и взаимодействий в центр культуры поставили «человека действующего», действующего, однако, преимущественно в качестве ретранслирующего и потребляющего субъекта.

Образ Че Гевары становится декларацией протеста представителей поп-арта против традиционного восприятия искусства, его техник и целей. Искусство становится технологичным, а технология – искусством. И знаменитая Фабрика Энди Уорхола должна была это продемонстрировать: производство произведений искусства как творческий процесс – главное достижение индивидуализированного общества, где акционизм заменяет системность, актер – гражданина, а свобода перестает привязываться к социальным и политическим структурам. Культура массового потребления – это культура реализации возможностей, которые не были доступны в другие эпохи. Информатизация, экономизация и виртуализация жизненного пространства образуют сегодня тотальность культуры, на фоне которой экзистенциальные мотивы звучат как инструментальные и вторичные.

Но самое важное, что в этом сплетении фотографии и особой художественной техники Уорхола мы видим производство пространства репрезентации. Фотообраз Че Гевары и его «копия» Уорхола открывают нам то, что А. Лефевр назвал «зазор между репрезентациями пространства и пространством репрезентации», где проявляется все, что мы называем культурой, искусством, воображаемым [8. С. 57]. Именно этот зазор вскрывает проблему визуальных исследований, которые сложно заключить только в рамки истории искусства. На этом стыке происходит проявление сложного процесса конвертации эстетического в социальное, психологическое или экономическое явление. По своему значению это похоже на открытие физиками закона перехода энергии или явления радиации. Мы видим новые онтологические и функциональные связи, которые сложно интерпретировать в рамках «чистых предметных полей».

Примечательно, что техника работ Уорхола – это вариации на тему фотографии. И если фотография, по мнению П. Штомпки, демократизировала портрет на рубеже начала XX в. [12. С. 20], то техника Энди Уорхола, благодаря массовому репродуцированию и тиражированию художественных произведений (фабрике и фабрикации), демократизировала современное высокое искусство. Коммерческий поп-арт – это не только «безликость и пошлость культуры массового потребления», но и демократизация принципа обладания предметом искусства, образом, созданным для потребителя.

Коммерческий поп-арт одновременно представляет эффекты оповседневливания и абсолютизации, позволяющие вскрывать и преобразовать абсолютное событие в повседневном, рутинном и привычном. Так, серия работ Энди Уорхола с изображением доллара может быть воспринята как реплика темы гравюры. В XIX в. денежные знаки превращаются в произведения графики, но имеющие утилитарное значение. Гравюра попадает в карман обывателя, и это не вызывает возмущения. Если возможен перенос портрета Дж. Вашингтона на купюру, то почему должен возмущать обратный процесс – купюры на холсте? И в этой серии работ Энди Уорхола гравюра вернулась на свое первоначальное место.

Феномен работ Энди Уорхола открывает необычный ракурс эволюции фотографии: фотографический образ и фототехника превращены в источник и технику современной живописи. Портрет на купюре и купюра на портрете – цикл модерной истории замкнулся. Но вместе с этим мы видим перерождение фотографии. Техническое средство фиксации превращается в самостоятельную форму «означения», самостоятельный вид искусства, в производство пространства репрезентации.

Заключение

Фотографический образ может представлять людей, их действия и материальные эффекты человеческой деятельности. Это тонкий процесс, который нацелен на отбор и анализ «изобразительных текстов», представляющих эстетически и культурно значимую информацию. Фотографический образ может придавать эстетическую форму социальному явлению. «Изобразительный текст» риторически прописывается: жест, поза, фон, окружающие предметы и прочее создают повествование не только о событии, но и обществе в целом. Фотография обладает риторической выразительностью и специальной жанровой риторикой. Репортаж и фото полицейской съемки, фото на паспорт и портрет, рекламное фото автомобиля и фотография мною купленного автомобиля – один объект, но разные изображения. Смыслы, эмоции, знание факта выражаются разной стилистикой снимка. Так «искусство посредственности» (Р. Барт) превращается в полноценное искусство.

Фотографические формы представляют составляющие их элементы не последовательно, как это происходит в речевой практике, а одновременно. Отношения между этими элементами в визуальной сфере схватываются нами сразу, целиком, одним актом видения. Поэтому визуальный дискурс – особенная разновидность дискурса: сложный процесс, в котором возникают значения образов. Так проявляется визуальный текст – повествование, осуществляемое с помощью фотографии, где нарративные структуры создаются как результат переживания повседневного опыта и семиотических ссылок, сформированных в повседневной жизни.

Фотография появляется как пространственная практика, отражающая нахождение в окружении предметов и событий. Желание зафиксировать себя в определенном предметном ансамбле знакомо любому туристу, делающему селфи на фоне памятника. Но демонстрация этой фотографии перерастает в репрезентацию пространства (страны, города, пространственного ансамбля предметов). Вместе с этим возникают нарративные структуры пространства репрезентации.

Главная трудность при изучении социальной реальности – это превращение социальных процессов в поддающиеся анализу визуальные данные. Фотография как инструмент визуализации помогает зафиксировать нестабильные и динамичные феномены социальной реальности, представить их в наглядных образах связей и отношений, выявить осязаемые знаки взаимодействия знакового, смыслового и функционального пространств. Если объекты – это не только сами предметы, но и процессы и проекции их применения, то фотография представляет схватывание знаковой, смысловой и функциональной системы социального взаимодействия в созданном образе. Тем самым образ может быть рассмотрен как инструмент морфогенеза антрополо-

гических и социальных феноменов, своеобразный «прибор» для выявления устойчивого порядка отношений, им созданных. Благодаря фотографическому образу становится возможным процесс визуализации менее очевидных (нефизических) форм пространственности – функциональной, социальной и знаковой.

Литература

1. Элкинс Дж. Исследуя виртуальный мир : пер. с англ. Вильнюс : ЕГУ, 2010. 534 с.
2. Элкинс Дж. Девять типов междисциплинарности для визуальных исследований. Ответ на статью Мике Баль «Визуальный эссенциализм и объект визуальной культуры» // Логос. 2012. № 1 (85). С. 250–259.
3. Артеменко А.П., Артеменко Я.И. Концепт «объектность»: філософська інтерпретація поняття соціальної теорії // Гуманітарний часопис : збірник наукових праць. 2014. № 2. С. 49–53.
4. Артеменко А.П., Артеменко Я.И. Городское пространство: проблема проявления смыслов // Вісник харківської державної академії дизайну та мистецтв. 2017. № 1. С. 128–132.
5. Бурдые П., Болтански Л., Кастель Р., Шамборедон Ж.-К. Общедоступное искусство: опыт о социальном использовании фотографии / пер. с франц. Б.М. Скуратова. М. : Праксис, 2014.
6. Барт Р. Избранные работы: семиотика; поэтика : пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М. : Прогресс, 1989. 616 с.
7. Artemenko A., Artemenko Ya. Principles of visual representation of dynamic objects // Вісник харківської державної академії дизайну та мистецтв. 2015. № 6. С. 118–121.
8. Лefевр А. Производство пространства : пер. с фр. М. : Streike Press, 2015. 432 с.
9. Chaplin E. Sociology and visual representation. London : Routledge, 1994.
10. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб. : Петрополис, 1998. 432 с.
11. Печурина А.В. Визуализация социальных исследований: новые данные или новые знания? // Социологический журнал. 2007. № 3. С. 81–89.
12. Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования : учебник / пер. с польск. Н.В. Морозовой, авт. вступ. ст. Н.Е. Покровский. М. : Логос, 2007. 168 с.

Andrii P. Artemenko, Kharkiv State Academy of Culture (Kharkiv, Ukraine).

E-mail: prof.artemenko@mail.ru

Yaroslava I. Artemenko, National University of Pharmacy (Kharkiv, Ukraine).

E-mail: tcepelin@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 44. pp. 61–69.

DOI: 10.17223/1998863X/44/6

FROM THE REPRESENTATION OF SPACE TO THE SPACE OF REPRESENTATION: MODERN VISUAL RESEARCH

Keywords: visualization; photography; representation of space; conversion; visual rhetoric.

The subject matter of this study is the evolution of means of social space visualisation. Photography is seen as a kind of visual data and a way of research in the visual research system. The visual material created by photography requires correlation with various symbolic theories and perceptual concepts that go beyond the scope of artistic material to the sphere of various social practices. The aim of the article is to trace the evolution of the relationship between the image and the reality of photography and to demonstrate the transformation of the aesthetic value into the social one. The article analyses the interdisciplinary nature of visual studies and the problem of the “purity of fields” of visual sciences. The concepts of Roland Barthes, Pierre Bourdieu, Henri Lefebvre and Michel Foucault are considered, where photography is presented as a product of discourse, a visual representation of ideological values. The authors propose their own principle to work with visualisation: the visual image is presented as a phenomenon of consciousness inscribed in the horizon of a complex system of interactions. In this system, corporeality, sociality, psychology and other anthropological projections are conditions, not means of expressing meanings. Such a visualisation model suggests working with the “idea” of measuring a certain reality in accordance with an invented scale, rather than with its meta-

phor or allegory. The implementation of the authors' approach is exemplified by the image of Che Guevara in the photography and painting of Andy Warhol. Visualisation is analysed as a methodology of perception and expression, i.e. creating an image as the bearer of an idea and reading the idea by creating an image. Together with this, the manifestation of the complex process of converting the aesthetic into a social, psychological or economic phenomenon is revealed. The authors come to a conclusion that photography is an efficient, compactly organised and hermeneutically open way of conveying a message. The main difficulty in the study of social reality is the transformation of communication processes. Methodological photography is an attempt to fix unstable and dynamic phenomena of social reality, present in the visual image forms of social relations, identity, semantic and functional spaces. Photography created a system of visual rhetoric and viewing techniques. A photographic image can be considered as an instrument for morphogenesis of anthropological and social phenomena, a "device" for revealing the stable order of the relations it creates.

References

1. Elkins, J. (2010) *Issleduya virtual'nyy mir* [Exploring the Virtual World]. Translated from English. Vilnius: European Humanities University.
2. Elkins, J. (2012) Nine Modes of Interdisciplinarity for Visual Studies. *Logos*. 1[85]. pp. 250–259. (In Russian).
3. Artemenko, A.P. & Artemenko, Ya.I. (2014) Kontsept "ob"yektivnist": filosof's'ka interpretatsiya ponyattya sotsial'noyi teorii [The concept "objectivity": philosophical interpretation of the concept of social theory]. *Humanitarnyy chasopys: zbirnyk naukovykh prats'*. 2. pp. 49–53.
4. Artemenko, A.P. & Artemenko, Ya.I. (2017) Horodskoe prostranstvo: problema proyavlenyya smyslov [Urban space: the problem of the manifestation of meanings]. *Visnyk kharkivs'koyi derzhavnoyi akademiyi dyzaynu ta mystetstv*. 1. pp. 128–132.
5. Bourdieu, P., Boltanski, L., Castel, R. & Chamboredon, J.-C. (2014) *Obshchedostupnoye yskusstvo: opyt o sotsyal'nom yspol'zovannyi fotohrafyy* [Public art: on the social use of photography]. Translated from French by B.M. Skuratov. Moscow: Praksys.
6. Barthes, R. (1989) *Izbrannyye raboty: Semiotika: Poetika* [Selected Works: Semiotics: Poetics]. Translated from French. Moscow: Progress.
7. Artemenko, A. & Artemenko, Ya. (2015) Principles of visual representation of dynamic objects. *Visnyk kharkivs'koyi derzhavnoyi akademiyi dyzaynu ta mystetstv*. 6. pp. 118–121.
8. Lefevre, A.C. (2015) *Proizvodstvo prostranstva* [Production of Space]. Translated from French by I. Staf. Moscow: Streike Press.
10. Eko, U. (1998) *Otsutstviyushchaya struktura. Vvedeniye v semiologiyu* [The Missing Structure. Introduction to Semiology]. Translated from Spanish by A.G. Pogonyaylo, V.G. Reznik. St. Petersburg: Petropolis.
11. Pechurina, A.V. (2007) Vizualizatsiya sotsial'nykh issledovaniy: novyye dannyye ili novyye znaniya? [Visualization of social research: New data or new knowledge]. *Sotsiologicheskii zhurnal – Sociological Journal*. 3. pp. 81–89.
12. Sztompka, P. (2007) *Vizual'naya sotsiologiya. Fotografyya kak metod issledovaniya* [Visual Sociology. Photography As a Method of Research]. Translated from Polish by N.V. Morozova. Moscow: Logos.

УДК 316.32:81

DOI: 10.17223/1998863X/44/7

О.А. Обдалова, О.В. Одегова

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ И МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Рассматривается межкультурная коммуникация как новая реальность в условиях глобализирующегося мира. Выявляются специфика разных типов межкультурного взаимодействия и ее влияние на успешность коммуникации между индивидами. Раскрывается сложная взаимосвязь различных факторов процесса коммуникации в межкультурном контексте и роль языка в познании своей и «чуждой» культуры.

Ключевые слова: межкультурная и межъязыковая коммуникация, иностранный язык, глобализация.

Введение

Современные геоэкономическая и геокультурная ситуации вызывают необходимость сосуществования человека в поликультурном пространстве. Важная роль в этом принадлежит языку, который выступает единственно возможным инструментом, способствующим эффективному взаимодействию между представителями разных лингвосоциумов. Отсюда видится возможность проецирования философских, лингводидактических и методических исследований успешности и продуктивности речевого взаимодействия в контексте межкультурной коммуникации.

Эпоха коммуникаций в глобализирующемся обществе выносит на повестку дня необходимость адекватной интерпретации способов межкультурного общения. Нельзя не согласиться с Э. Мерманн [1. С. 14], что успешная коммуникация является источником энергии для каждого конкретного общества и индивида. В условиях современного общества проблема коммуникации *per se* переходит на уровень мета коммуникации, что предполагает эмпатический и когнитивный походы к ее разрешению и опосредуется потенцией к конструктивному диалогу.

Опора на когнитивно-ориентированные подходы в обучении межкультурной коммуникации «фокусирует внимание на актуализации иностранного языка как объекта изучения и понимания, сопряженного с контекстом коммуникации [2. С. 38].

Когнитивный подход к рассмотрению взаимоотношений индивида и общества, языка и культуры как единой системы детерминирует акцент на базовых в языковой онтологии когнитивной и коммуникативной функциях [3. С. 76]. Успешность иноязычной коммуникативной и речемыслительной деятельности в ситуации межкультурной коммуникации зависит от протекания «процессов когнитивной деятельности (когниции) участников коммуникации, поскольку именно эта деятельность активизирует процесс понимания и проникновения в культуру иносоциума» [4. С. 212], когда «когнитивные цели

или задачи соответствуют реальным обстоятельствам познавательной ситуации» [5. С. 304].

Как познавательный инструмент культуры, язык становится признанным фактором формирования сознания, усиливая познавательные возможности человека и воздействуя на национальный менталитет в целом [3. С. 76].

Выявление специфики межкультурной коммуникации в контексте глобализационных процессов будет способствовать определению лингвофилософских оснований проблемы коммуникативных барьеров в условиях межкультурного взаимодействия.

Концептуализация понятий

В данной работе термин «межкультурная коммуникация» несет в себе большую смысловую нагрузку при ее экстраполяции на любую сферу человеческой деятельности. А.С. Садохин, проанализировав основные теории межкультурной коммуникации, приходит к выводу, что межкультурная коммуникация – «это социально обусловленный процесс обмена информацией различного характера и содержания, передаваемый при помощи различных средств и имеющий своей целью достижение взаимопонимания» [6. С. 79], где язык выступает базовым кодом ее передачи. Вслед за М.М. Бахтиным [7. С. 361] и Д.Б. Гудковым [8. С. 10] будем интерпретировать межкультурную коммуникацию как «взаимодействие говорящих сознаний», поскольку она вовлекает в общение языковые личности. Другой важной характеристикой является принадлежность партнеров по общению в условиях межкультурной коммуникации к разным культурам. Об этом пишет О.А. Леонтович, отмечая, что межкультурная коммуникация есть «непосредственный или опосредованный обмен информацией между представителями разных культур» [9. С. 351].

Различия, обусловленные культурой, приводят к особой разновидности коммуникации, называемой межкультурной, при которой коммуниканты из разных культур используют специальные языковые и социокультурные знания и дискурсивные стратегии [10, 11].

Существуют такие понятия, как «межкультурная (кросс-культурная, межэтническая) коммуникация» (или «межкультурная интеракция»), введенные в научный оборот Г. Трейгер и Э. Холл в работе «Культура и коммуникация. Модель анализа» (1954). Способность участвовать в межкультурной коммуникации определяется как идеальная цель, к которой должен стремиться человек в своем желании как можно лучше адаптироваться к миру людей, принадлежащих к разным культурам и национальностям.

С тех пор исследователи далеко продвинулись в теоретической разработке этого феномена, в частности определили ее наиболее характерные черты. Так, установлено, что свойство «межкультурности» коммуникация приобретает, если партнеры по общению принадлежат к разным культурам, по-разному детерминирующим мировидение носителей разных культур. По сути, межкультурная коммуникация – это всегда межличностное общение в специальном контексте, когда оба участника обнаруживают культурное отличие друг от друга [6]. Согласно утвердившейся точке зрения, межкультурная коммуникация, в отличие от обычной коммуникации, характеризуется принадлежностью коммуникантов к разным культурам. Культурные различия

в моделях общения и поведения, ценностях и убеждениях вызывают вероятность ошибок в восприятии того или иного сообщения и в понимании партнера по общению, что называется коммуникативными неудачами. Они связаны как с фактором личности (мировоззрение, ценности и т.п.), культурой, к которой принадлежит собеседник (образ восприятия мира, модели коммуникации др.), так и с языком общения.

Термин «межкультурная иноязычная коммуникация» в исследуемой парадигме интерпретируется как сложный феномен, относящийся к случаям, когда коммуникантами выступают индивиды, принадлежащие к разным лингвосоциумам и говорящие на одном языке, не являющемся родным для одного или для обоих партнеров. Компетентность в общении такого типа охватывает более широкий спектр знаний, навыков, умений, способностей и личностных качеств, необходимых для преодоления неизбежно возникающих барьеров в коммуникации, чем кросс-культурная коммуникация, имеющая место между носителями одной культуры, характеризующаяся межличностным уровнем общения, или межкультурная коммуникация, реализуемая между представителями разных культур, но на родном языке.

Язык коммуникации и его роль в познании

Основной канал межкультурной коммуникации – вербальный язык, а общаться на чужом языке гораздо сложнее, чем на родном. Языковой код является важнейшей составляющей культуры и во многом формирует мировидение – «картину мира» (менталитет народа), присущую ему эмоционально-окрашенную систему миропонимания. Языковая картина мира, создаваемая с помощью языка, представляет собой словесный тезаурус – семантические связи слов, понятия, которые отражают культурные различия. Если участник коммуникации не знает иностранного языка или недостаточно хорошо владеет им, этот канал коммуникации (вербальный) становится серьезной помехой, препятствием к межкультурной коммуникации. Для успешного извлечения смысла аутентичного иноязычного сообщения необходимо не только знание языка, но и знание экстралингвистических факторов – мира национальной культуры, т.е. культурного контекста [12]. Учеными давно установлено, что иностранный язык должен изучаться в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на этом языке. Однако сегодня владение иностранным языком как средством межкультурной коммуникации необходимо для успешной профессиональной деятельности, поскольку все ее участники вовлечены в глобальную коммуникацию по выработке нового научного знания и технологических новаций.

В контексте кросс-культурного образовательного пространства связующим звеном коммуникации может выступать русский язык как региональный *lingua franca* или английский как язык глобального общения [13]. Английский язык в своем глобальном варианте актуализирует себя как объективно необходимое средство всеобщей межкультурной коммуникации.

Рассматривая реализацию когнитивной функции в акте познания, осуществляемого в процессе межкультурной коммуникации, можно выявить способность языка к познавательному проникновению, т.е. акцентировать роль познания в усвоении чужих культур. Такое обнаружение служит основанием для вычленения синтезированной, познавательно-коммуникативной

функции языка как актуальной в условиях интернационализации образования и глобализации общества. Как отмечают Г.И. Петрова, С.К. Гураль [14. С. 75], под влиянием процессов глобализации «университет вбирает в себя самые разные культуры мира», реализуя принципы открытости и доступности. Познавательная коммуникация в этом контексте становится актуальной лишь на уровне взаимного рационального признания и постижения языков и культур, т.е. на уровне внешних, спонтанных, поверхностных, предполагающих обогащение взаимодействий [15. С. 31].

Ряд ученых, Ю. Хабермас в частности, выдвигают в формирующемся «обществе знаний» на первый план фактор интеллекта как «производительную силу» [16. С. 168], что позволяет обосновать познавательную коммуникацию как возможность приобретения, резервации и трансляции знаний в другие культуры. При этом совместная реализация коммуникативной и когнитивной функций как объективных действий языка способствует формированию коммуникативного сознания как интенции, сближающей языки и культуры и поощряющей их взаимное познание [17].

В условиях иноязычной межкультурной коммуникации происходит как осознание и закрепление своей языковой и культурной специфики, так и познание и признание других культур на рациональном уровне через стимулирующий интеграционные процессы *lingua franca*. Спонтанное преломление языковых потенций в «зонах культурного билингвизма» (каковыми сегодня, подчеркнем еще раз, является университет как социальный институт) поощряет диалог и способствует становлению новых идентичностей «Я» и «Другого» (термин Э. Левинас) в процессе коммуникации. В условиях культурного и языкового многообразия проблема понимания «Другого» через понимание «Я» сопряжена с проблемой формирования коммуникативного толерантного сознания [15. С. 85].

Исследователи этой сферы фиксируют внимание на том, что в условиях глобализации изучение «чужих» культур и языков обогащает восприятие и мотивирует более глубокое постижение своих национальных соответствий. Подтверждение этим мыслям находим у классика культуры Э. Холла, считающего финальной целью изучения культуры не столько «понимание иностранных культур, сколько пролитие света на свою собственную» [18. Р. 59]. Уместен также афоризм классика изучения языка Гете: кто не знает иностранного языка, не знает своего собственного.

Следуя логике названных авторов, можно утверждать, что сегодня всеобщий интернациональный язык, реализуя свое когнитивно-коммуникативное предназначение способствует, с одной стороны, постижению себя, с другой – приобщению к глобальному миру, пониманию ментальности «Другого», осуществляемых в рамках межъязыковой и межкультурной коммуникации [19].

На сложную взаимосвязь различных факторов процесса коммуникации в межкультурном контексте обращает внимание Е.Ф. Тарасов, отмечающий, что проблемы межкультурной коммуникации напрямую связаны с феноменом языкового сознания [20]. В аспекте обучения межкультурной коммуникации важно осознавать, что языковое сознание носителя языка детерминировано образом родной национальной культуры и проявляет себя в своеобразном видении мира, названном в лингвистике «картиной мира». Это

понятие, впервые введенное Л. Витгенштейном (1994) [21], в философском осмыслении представляет собой совокупность знаний о мире, полученных человеком в процессе его жизнедеятельности и укорененных в его сознании в определенном виде. В широком смысле картина (образ) мира – «это национальное сознание, которое соответствует определенным культурным реальностям окружающей действительности» [22. С. 33]. Своеобразие картин мира представителей разных культур проявляется в языке как в вербальном коде, его языковых средствах, участвующих в номинировании явлений действительности, так и в специфике культурно обусловленного коммуникативного поведения партнеров по общению как представителей национальных социокультурных сообществ. Об этом в своих трудах писал еще Вильгельм фон Гумбольдт, подчеркивая, что «разные языки – это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения ее» [23. С. 349].

Е.Ф. Тарасов напрямую связывает проблемы межкультурного общения с разностью языковых сознаний коммуникантов, которая является основной причиной коммуникативных сбоев. Ученый высказывает мнение, что межкультурная коммуникация – «это случай функционирования сознания в аномальных („патологических“) условиях, когда отсутствует оптимальная общность сознаний коммуникантов» [24. С. 30].

Одним из первых ученых, обратившихся к проблеме взаимоотношения языка и культуры, был Вильгельм фон Гумбольдт, связавший воедино мышление, язык и культуру. Он утверждал, что язык – это своеобразный «промежуточный мир, находящийся между народом и окружающим его объективным миром» [25. С. 314], детерминирующий восприятие действительности и всю деятельность человека. Основные положения теории В. фон Гумбольдта об этой взаимосвязи можно выразить следующим образом: а) материальная и духовная культуры воплощаются в языке; б) всякая культура национальна, ее характер выражен в языке посредством особого видения мира, вследствие чего языку присуща специфическая для каждого народа внутренняя форма; в) внутренняя форма языка – это выражение «народного духа», его культуры.

Идеи Гумбольдта нашли продолжение в современных воззрениях на язык, культуру и межкультурную коммуникацию. Американские лингвисты, культурологи и этнологи Э. Сепир и Б. Уорф (1993), изучая индейские языки США и Мексики, выдвинули предположение о функциональном взаимодействии языка, процесса познания и культуры, проявляющемся в том, что восприятие человеком окружающей действительности происходит в основном посредством речевой деятельности. Идея параллельности мыслительной и языковой деятельности, выраженная Э. Сепиром следующими словами: «Язык же есть то, как думают» [26. С. 193], – имеет основополагающее значение для понимания природы языка и построения методической системы обучения, направленной на формирование у студентов межкультурно-ориентированной иноязычной компетенции. По мнению американских ученых, чьи идеи определяются как неогумбольдианство, каждый язык построен по определенной модели, и вследствие этого он по-своему структурирует (членит) окружающую действительность. Язык является доминантой для человека, поскольку он навязывает определенный способ видения и осознания мира всем говорящим на этом языке людям и представляет мир средствами конкретного национального языка как отдельный образ этого мира: «Миры,

в которых живут различные общества, – это разные миры <...> Мы видим, слышим и вообще воспринимаем окружающий мир именно так, а не иначе... благодаря тому, что наш выбор при его интерпретации предопределяется языковыми привычками нашего общества» [26. С. 261].

Большинство современных исследователей, занимающихся проблемами межкультурной коммуникации, придерживаются мнения о том, что язык обладает способностью детерминировать представления о мире и отражать национально-специфические черты языкового сознания представителей определенной языковой общности, что, несомненно, отражается на процессе межкультурной коммуникации. Это направление в настоящее время разрабатывается обширной группой отечественных ученых (Т.Н. Астафурова, Д.Б. Гудков, А.А. Залевская, Ю.Н. Караулов, В.В. Красных, Л.В. Куликова, О.А. Леонтович, А.А. Леонтьев, И.Ю. Марковина, И.А. Стернин, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, С.Г. Тер-Минасова, Н.В. Уфимцева и др.). Ученые пытаются исследовать содержание сознания, на которое опирается носитель той или иной культуры, когда он формулирует свою мысль, чтобы передать ее другому [27].

Ученые подчеркивают, что любой акт такого взаимодействия опосредуется факторами, которые либо способствуют, либо препятствуют достижению цели коммуникации. На успешность достижения этой цели влияет принадлежность субъектов коммуникации к одному или разным лингвосоциумам. Если у носителей одной культуры есть общая когнитивная база и «нормы коммуникативного ожидания более или менее однородны, то у представителей разных культур они принципиально различны» [28. С. 68].

Многомерность ментального пространства личности формируется в процессе взаимодействия с окружающим миром через освоение языка и культуры. Человек усваивает ценностно-смысловые характеристики культуры своей страны (нации) и как представитель данной этнической общности интериоризирует элементы и характеристики культуры своей этнической общности. Следовательно, в межкультурном контексте коммуникации человек может предстать, с одной стороны, как носитель культуры своего лингвосоциума, с другой – как носитель культуры этнической общности, отличной от той, с которой он себя сопоставляет [29].

Поскольку в основе межкультурной иноязычной коммуникации находится процесс взаимодействия личностей, являющихся представителями различных культур, их этно- и лингвокультурное своеобразие репрезентируется в вербальных и экстралингвистических аспектах коммуникации средствами чужого вербального кода. Способность эффективно взаимодействовать с коллегами, влиять на их отношения коррелирует с умениями, навыками и знаниями обучающихся осознавать, понимать и интерпретировать проявление этой специфики в процессе коммуникации и справедливо считается важнейшим качеством личности специалиста и квалифицирует уровень его профессиональной компетентности.

Представляется целесообразным отметить, что успешность взаимодействия человека с окружающими людьми в любой сфере общения основывается, прежде всего, на его способности правильно понять информацию, заложенную в исходном иноязычном сообщении. Эта задача усложняется многократно, когда язык общения – чужой, в силу причин, обусловленных спецификой феномена «межкультурная коммуникация», рассмотренного

выше [30]. «Свое – чужое» в контексте межкультурного взаимодействия должны «согласовываться друг с другом» [31. С. 101].

Люди, говорящие на разных языках, воспринимают и видят мир по-своему, и это проявляется ярче всего в условиях межкультурной иноязычной коммуникации. С учетом идеи разработчиков теории межкультурной коммуникации, особенно в части тесного взаимовлияния языка, мировоззрения и коммуникативного поведения людей, построение процесса обучения иностранному языку с межкультурной ориентацией должно быть направлено на раскрытие особенностей проявления национальной специфики в речевой и коммуникативной деятельности, что ведет к усилению внимания к насыщению учебного контента лингвистическими, социокультурными, этносоциокультурными, прагматическими фактами и феноменами, а процессуального компонента – способами вовлечения обучающихся в активную деятельность по изучению особенностей коммуникативного поведения носителей родной и инофонной культур и овладению опытом межкультурной коммуникации.

Овладение способностью эффективно взаимодействовать с личностью, являющейся представителем иного лингвосоциума, на иностранном языке представляется сверхсложной задачей. Действительно, нельзя не согласиться с мнением Л.И. Гришаевой и Л.В. Цуриковой, которые провели тщательный анализ факторов успешности взаимодействия человека в «чужой» для него культурой среде и условий эффективности общения с носителями этой лингвокультуры, установив, что успешная интеракция возможна лишь при условии, что не-носитель языка адекватно воспринимает и использует в своей коммуникативной деятельности «адекватные для этой культуры стратегии межличностного взаимодействия» [28. С. 67]. Важно отметить, что это предполагает «знание особенностей бытования культуры во всех ее проявлениях, включая и способы организации разного рода интеракций» [Там же].

Поскольку спецификой межкультурной коммуникации является то, что она реализуется всегда на межличностном уровне, ее субъекты – индивиды «с разной личностной и принципиально различной коллективной идентичностью» – в процессе взаимодействия реализуют коммуникативную задачу, используя для этого разные средства [Там же]. Обучение иностранному языку должно происходить через тесный контакт языковых и концептуальных систем. По этой причине О.Г. Оберемко акцентирует внимание на необходимости реализации «диалогических механизмов межкультурной коммуникации» [32. С. 101], выступающей важным компонентом профессиональной компетентности в современной образовательной среде. Г.В. Елизарова делает акцент на том, «как вычлененные в ходе кросс-культурных и социокультурных исследований поведенческие особенности носителей различных культур влияют на взаимодействие индивидов как носителей этих культур» [33. С. 198].

При этом культура чужой страны должна находиться в постоянном взаимодействии с родной культурой. Изучая реалии иноязычной лингвокультуры, обучающиеся не только приобретают знания в области иностранного языка, но и глубже осознают особенности собственного языка и культуры, присваивают не только языковую, но и концептуальную картину мира [31].

Коммуникативные неудачи в контексте межкультурной иноязычной коммуникации также могут быть обусловлены неправильным восприятием экстралингвистических факторов общения или несовершенством механизмов

восприятия, осмысления и понимания иноязычного дискурса со стороны инофона. Другой важный факт, влияющий на процессы овладения способностью эффективно участвовать в межкультурной коммуникации и обучения ее специфике, заключается в том, что различия между языками и их носителями на культурном и лингвопрагматическом уровнях настолько разнообразны, что, как отмечает С.Г. Тер-Минасова, в настоящее время пока не существует «ни грамматик, ни словарей» [34. С. 24], в которых бы были собраны, обобщены в своды правил и представлены в готовом виде все специфические особенности хотя бы одного языка в совокупности указанных аспектов иноязычной коммуникативной деятельности.

Глобализация, безусловно, обострила проблему коммуникативных барьеров в условиях межкультурной коммуникации. И эра коммуникаций вносит свой вклад в трансформацию менталитета и идентичности как индивида, так и нации в целом. В решении актуальной проблемы межкультурной коммуникации благоприятная ситуация может складываться в условиях реорганизации системы образования многих стран, поощряющих взаимное познание лингвокультур через приобретение когнитивной плюрилингвистической и социокультурной компетенций.

В этой связи видится уместным в широком смысле высказывание отечественного лингвокультуролога Е.Б. Гришаевой: «Двуязычное образование должно быть не компенсацией для ущемленных народов, а представлять собой процесс обогащения для всех без исключения социальных групп» [35. С. 25].

Литература

1. Мерманн Э. Коммуникация и коммуникабельность : практические рекомендации для открытой коммуникации : пер. с нем. Харьков : Гуманитарный центр, 2007. 295 с.
2. Обдалова О.А., Минакова Л.Ю., Соболева А.В. Исследование роли контекста в интерпретации социокультурно-маркированного дискурса на основе дискурсивно-когнитивного подхода // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 413. С. 38–45. DOI: 10.17223/15617793/413/6.
3. Одегова О.В. Трансформация языковой картины мира под воздействием фактора лингвокультурной глобализации // *Moderni vymozenosti vedy-2013 : materialy IX mezinarodni vedecko – prakticka konferencie «Modernivymozenosti vedy-2013»*. 2013. С. 73–77.
4. Обдалова О.А., Минакова Л.Ю., Соболева А.В. Дискурс как единица коммуникативного и речемыслительного процесса в коммуникации представителей разных лингвокультур // *Язык и культура*. 2017. № 37. С. 205–228. DOI: 10.17223/19996195/37/14.
5. Шульгина Е.М. Организация метакогнитивных процессов при обучении иноязычному дискурсу // *Язык и культура*. 2017. № 39. С. 298–324. DOI: 10.17223/19996195/39/21.
6. Садохин А.П. Теория и практика межкультурной коммуникации : учеб. пособие для вузов. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2004. 271 с.
7. Бахтин М.М. Тетралогия. М. : Лабиринт, 1998. 607 с.
8. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М. : Гнозис, 2003. 288 с.
9. Леонтович О.А. Введение в межкультурную коммуникацию : учеб. пособие. М. : Гнозис, 2007. 368 с.
10. Минакова Л.Ю. Влияние ситуативного контекста на адекватность понимания аутентичной речи при обучении иноязычному дискурсу // *Язык и культура*. 2016. № 1 (33). С. 160–170.
11. Соболева А.В. Межкультурное общение как особый вид межличностного взаимодействия и комплексная цель иноязычного образования в вузе // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2013. № 62 (24). С. 182–185.
12. Обдалова О.А., Минакова Л.Ю. Взаимосвязь когнитивных и коммуникативных аспектов при обучении иноязычному дискурсу // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2013. № 7–1 (25). С. 148–153.

13. *Смокотин В.М., Гураль С.К.* Взаимоотношения языка и культуры и этнокультурная идентичность в процессе становления языка всемирного общения // *Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты.* 2015. № 32. С. 210–219.
14. *Петрова Г.И., Гураль С.К.* Классический университет: традиционные ценности и современные языковые бренды // *Язык и культура.* 2015. № 4 (32). С. 73–82.
15. *Одегова О.В.* Глобализация языка и культуры: специфика и место в системе глобальных процессов современности / науч. ред. Г.И. Петрова. Томск : Изд. Дом ТГУ, 2017. 168 с.
16. *Хабермас Ю.* Техника и наука как идеология / пер. с нем. под ред. О.В. Кильдюшева. М. : Праксис, 2007. 201 с.
17. *Odegova O.V., Zabulionite K.A.-I.* Linguacultural Globalization: Objective Tendencies and the Perspective Issue // *Procedia – Social and Behavioral Sciences.* 2014. № 154. P. 475–481.
18. *Hall E.T.* The Power of Hidden Dimensions // Bennet M.J. (ed). *Basic concepts of cultural communication.* Intercultural Press-Inc, 1998. P. 25–78.
19. *Одегова О.В., Забулионите К.А.-И.* Глобальный английский как новая социокультурная реальность глобализирующегося мира в контексте современного образования // *Философия коммуникации: университетское образование в социокультурной динамике информационного общества* : сб. конф. / под ред. С.В. Клягина, О.Д. Шипуновой. СПб., 2015. С. 40–45.
20. *Тарасов Е.Ф.* Языковое сознание // *Вопросы психолингвистики.* 2004. № 2. С. 34–47.
21. *Витгенштейн Л.* Философские работы / пер. с нем. М.С. Козловой. М. : Гнозис, 1994. Ч. 1. 452 с.
22. *Попова Т.Г.* Национально-культурная семантика и когнитивно-социокультурные аспекты (на материале английского, немецкого и русского языков). М. : Нар. учитель, 2003. 146 с.
23. *Гумбольдт В.* Язык и философия культуры. М. : Прогресс, 1985. 451 с.
24. *Тарасов Е.Ф.* К построению теории межкультурного общения // *Языковое сознание : формирование и функционирование.* М., 1998. С. 30–34.
25. *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. М. : Прогресс, 1984. 400 с.
26. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии : пер. с англ. / под ред. А.Е. Кибрика. М. : Прогресс : Универс, 1993. 656 с.
27. *Уфимцева Н.В.* Этнопсихолингвистика: вчера и сегодня // *Вопросы психолингвистики.* 2006. № 4. С. 92–100.
28. *Гришаева Л.И., Цурикова Л.В.* Анализ проблем межкультурной коммуникации на материале текстов модифицированного этнографического интервью // *Studies about languages.* 2008. № 12. P. 66–76.
29. *Соболева А. В., Обдалова О.А.* Когнитивная готовность к межкультурному общению как необходимый компонент межкультурной компетенции // *Язык и культура.* 2015. № 1 (29). С. 146–155.
30. *Obdalova O.A., Minakova L.Yu., Tikhonova E.V., Soboleva A.V.* Insights into Receptive Processing of Authentic Foreign Discourse by EFL Learners *Linguistic and Cultural Studies: Traditions and Innovations Proceedings of the XVIIth International Conference on Linguistic and Cultural Studies (LKTI 2017).* Tomsk, 2017. October 11–13 / A. Filchenko, Zh. Anikina (eds.). Tomsk, 2017. P. 231–242.
31. *Тарева Е.Г.* Коммуникативный подход в поисках лингводидактических инноваций // *Педагогическое образование и наука.* 2014. № 5. С. 98–103.
32. *Оберемко О.Г.* Диалог культур в обучении иностранному языку студентов лингвистического вуза // *Вестник НГЛУ.* 2014. Вып. 26. С. 101–114.
33. *Елизарова Г.В.* Культура и обучение иностранным языкам. СПб. : Союз, 2001. 352 с.
34. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие. М. : Слово, 2006. 624 с.
35. *Гришаева Е.Б.* Мультикультурализм и языковая политика в Австралии. Красноярск : КрасГУ, 2005. 217 с.

Olga A. Obdalova, Tomsk Scientific Center, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: O.Obdalova@mail.ru

Olga V. Odegova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: olga-odegova@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 44. pp. 70–81.

DOI: 10.17223/1998863X/44/7

INTERCULTURAL AND INTERLINGUAL COMMUNICATION AS A NEW REALITY IN THE CONTEXT OF GLOBALISATION**Keywords:** intercultural and interlingual communication; foreign language; globalisation.

The globalisation processes of the modern world problematise coexistence in a multicultural space. An important role in this situation belongs to the language, regarded as a unique tool for effective interaction between representatives within different linguistic societies. The authors consider intercultural communication as a problem of the new reality in the communication era, which claims the need for an adequate interpretation of the ways of intercultural communication. This article reveals the peculiarities of different types of intercultural interaction and its impact on the success of interpersonal communication, discloses the complex interrelation between the factors of the intercultural communication process and the significant role of language in knowing one's own and "alien" culture. The identification of this specificity facilitates the determination of the linguistic and philosophical foundations with regard to the problem of intercultural communication barriers through a foreign language. "Due to culture" differences lead to the type of communication, in which communicants belonging to various sociocultural communities apply special linguistic and sociocultural knowledge and discursive strategies. The conceptualisation of notions correlated with the research area requires the distinction between "cross-cultural", "intercultural" and "foreign-language intercultural" communication. Consideration of the language as a means of cognising the world allows concluding that the success of intercultural communication is associated with a wide range of special knowledge, skills, abilities and personal qualities necessary to overcome some inevitable barriers in communication. The difference is between intercultural communication at the global and regional levels, when a global or a regional language as lingua franca serves the means of interpersonal interaction. The authors reveal not only the importance of the ability of effective interaction of communicants and their mutual influence, but also the correlation with the success of foreign-language intercultural communication based on the multiplication of competencies designed to adequately interpret the manifestations of sociocultural and linguistic peculiarities. Against the backdrop of the escalating processes of globalisation, a favourable solution to the problem of overcoming intercultural communication barriers in the context of the reorganisation of the education system is the acquisition of a cognitive plurilingual competence that encourages mutual knowledge of linguistic cultures.

References

1. Mermann, E. (2007) *Kommunikatsiya i kommunikabel'nost'. Prakticheskiye rekomendatsii dlya otkrytoy kommunikatsii* [Communication and communication skills. Practical recommendations for open communication]. Translated from German by E. Vysochinova, A. Kochengin. Kharkiv: Gumanitarnyy tsentr.
2. Obdalova, O.A., Minakova, L.Yu. & Soboleva, A.V. (2016) The study of the role of context in sociocultural discourse interpretation through the discursive-cognitive approach *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 413. pp. 38–45. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/413/6
3. Odegova, O.V. (2013) [Transformation of the linguistic picture of the world under the influence of the factor of linguocultural globalization]. *Moderni vymozenosti vedy-2013*. Proc. of the Ninth Conference. Prague. pp. 73–77.
4. Obdalova, O.A., Minakova, L.Yu. & Soboleva, A.V. (2017) Discourse as a unit of communicative and cognitive processes in interaction between the representatives of different linguocultures. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 37. pp. 205–228. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/37/14
5. Shulgina, E.M. (2017) Arrangement of metacognitive processes in teaching foreign language discourse. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 39. pp. 298–324. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/39/21
6. Sadokhin, A.P. (2004) *Teoriya i praktika mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Theory and Practice of Intercultural Communication]. Moscow: YUNITI-DANA.
7. Bakhtin, M.M. (1998) *Tetralogiya* [Tetralogy]. Moscow: Labirint.
8. Gudkov, D.B. (2003) *Teoriya i praktika mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Theory and Practice of Intercultural Communication]. Moscow: Gnozis.
9. Leontovich, O.A. (2007) *Vvedeniye v mezhkul'turnuyu kommunikatsiyu* [Introduction to Intercultural Communication]. Moscow: Gnozis.

10. Minakova, L.Yu. (2016) The Influence of a situational context on the adequateness of authentic speech comprehension in foreign language discourse teaching. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 1(33). pp. 160–170. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/33/13
11. Soboleva, A.V. (2013) Mezhekul'turnoye obshcheniye kak osobyy vid mezhlchnostnogo vzaimodeystviya i kompleksnaya tsel' inoyazychnogo obrazovaniya v vuze [Intercultural communication as a special kind of interpersonal interaction and the complex goal of foreign language education in the university]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 62(24). pp. 182–185.
12. Obdalova, O.A. & Minakova, L.Yu. (2013) Vzaimosvyaz' kognitivnykh i kommunikativnykh aspektov pri obuchenii inoyazychnomu diskursu [Interrelation of cognitive and communicative aspects in teaching foreign-language discourse]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 7–1(25). pp. 148–153.
13. Smokotin, V.M. & Gural, S.K. (2015) Vzaimootnosheniya yazyka i kul'tury i etnokul'turnaya identichnost' v protsesse stanovleniya yazyka vseirnogo obshcheniya [Interrelations of language and culture and ethno-cultural identity in the process of formation of the language of world communication]. *Inostrannyye yazyki: lingvisticheskiye i metodicheskiye aspekty*. 32. pp. 210–219.
14. Petrova, G.I. & Gural, S.K. (2015) The classical university: the traditional values and modern language brands. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 4(32). pp. 73–82. (In Russian). DOI: 10.17223/19996195/32/7
15. Odegova, O.V. (2017) *Globalizatsiya yazyka i kul'tury: spetsifika i mesto v sisteme global'nykh protsessov sovremennosti* [Globalization of language and culture: specificity and place in the system of global processes of the present]. Tomsk: Tomsk State University.
16. Habermas, J. (2007) *Tekhnika i nauka kak ideologiya* [Technique and Science as an Ideology]. Translated from German by O.V. Kildyushev. Moscow: Praksis.
17. Odegova, O.V. & Zabolionite, K.A.-I. (2014) Linguacultural Globalization: Objective Tendencies and the Perspective Issue. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 154. pp. 475–481. DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.10.196
18. Hall, E.T. (1998) The Power of Hidden Dimensions. In: Bennet, M.J. (ed.) *Basic Concepts of Intercultural Communication*. Nicholas Brealey Publishing. pp. 25–78.
19. Odegova, O.V. & Zabolionite, K.A.-I. (2015) Global'nyy angliyskiy kak novaya sotsiokul'turnaya real'nost' globaliziruyushchegosya mira v kontekste sovremennogo obrazovaniya [Global English as a new sociocultural reality of the globalizing world in the context of modern education]. In: Klyagin, S.V. & Shipunova, O.D. (eds) *Filosofiya kommunikatsii: Universitetskoye obrazovaniye v sotsiokul'turnoy dinamike informatsionnogo obshchestva* [Philosophy of Communication: University Education in the Socio-Cultural Dynamics of the Information Society]. St. Petersburg: St. Petersburg Polytechnic University. pp. 40–45.
20. Tarasov, E.F. (2004) Yazykovoye soznaniye [Language consciousness]. *Voprosy psikholingvistiki – Journal of Psycholinguistics*. 2. pp. 34–47.
21. Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskiyte raboty* [Works on Philosophy]. Translated from German by M.S. Kozlova. Moscow: Gnozis.
22. Popova, T.G. (2003) *Natsional'no-kul'turnaya semantika i kognitivno-sotsiokul'turnyye aspekty (na materiale angliyskogo, nemetskogo i russkogo yazykov)* [National-cultural semantics and cognitive-sociocultural aspects (a case study of English, German and Russian languages)]. Moscow: Narodnyy uchitel'.
23. Humboldt, W. (1985) *Yazyk i filosofiya kul'tury* [Language and Philosophy of Culture]. Translated from German. Moscow: Progress.
24. Tarasov, E.F. (1998) K postroyeniyu teorii mezhekul'turnogo obshcheniya [On the theory of intercultural communication]. In: Ufimtseva, N.V. (ed.) *Yazykovoye soznaniye: formirovaniye i funktsionirovaniye* [Linguistic Consciousness: Formation and Functioning]. Moscow: RAS. pp. 30–34.
25. Humboldt, W. (1984) *Izbrannyye trudy po yazykoznaniyu* [Selected Works on Linguistics]. Translated from German. Moscow: Progress.
26. Sepir, E. (1993) *Izbrannyye trudy po yazykoznaniyu i kul'turologii* [Selected Works on Linguistics and Culture Studies]. Translated from English by A.Ye. Kibrik. Moscow: Progress: Univers.
27. Ufimtseva, N.V. (2006) Etnopsikholingvistika: vchera i segodnya [Ethnopsycholinguistics: yesterday and today]. *Voprosy psikholingvistiki – Journal of Psycholinguistics*. 4. pp. 92–100.
28. Grishayeva, L.I. & Tsurikova, L.V. (2008) Analiz problem mezhekul'turnoy kommunikatsii na materiale tekstov modifitsirovannogo etnograficheskogo interv'yua [Analysis of problems of intercultural communication in texts of a modified ethnographic interview]. *Studies About Languages*. 12. pp. 66–76.

-
29. Soboleva, A.V. & Obdalova, O.A. (2015) Cognitive readiness for intercultural communication as an essential component of intercultural competence. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 1(29). pp. 146–155. (In Russian). DOI 10.17223/19996195/29/16
30. Obdalova, O.A., Minakova, L.Yu., Tikhonova, E.V. & Soboleva, A.V. (2017) Insights into Receptive Processing of Authentic Foreign Discourse by EFL Learners. *Linguistic and Cultural Studies: Traditions and Innovations*. Proc. of the Seventeenth International Conference on Linguistic and Cultural Studies (LKTI 2017). Tomsk. October 11–13, 2017. pp. 231–242.
31. Tareva, E.G. (2014) Kommunikativnyy podkhod v poiskakh lingvodidakticheskikh innovatsiy [Communicative approach in the search for linguodidactical innovations]. *Pedagogicheskoye obrazovaniye i nauka – Pedagogical Education and Science*. 5. pp. 98–103.
32. Oberemko, O.G. (2014) Dialogue of Cultures in Teaching Foreign Languages to Linguistics University Students. *Vestnik NGLU – Vestnik of Nizhny Novgorod Linguistics University*. 26. pp. 101–114. (In Russian).
33. Elizarova, G.V. (2001) *Kul'tura i obucheniye inostrannym yazykam* [Culture and Teaching Foreign Languages]. St. Petersburg: Soyuz.
34. Ter-Minasova, S.G. (2006) *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Language and Intercultural Communication]. Moscow: Slovo.
35. Grishayeva, E.B. (2005) *Mul'tikul'turalizm i yazykovaya politika v Avstralii* [Multiculturalism and Language Policy in Australia]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.

УДК 304.2 + 316.62

DOI: 10.17223/1998863X/44/8

В.В. Петренко

**СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЕ АПРИОРИ
СОЦИАЛЬНОСТИ: ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ
СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ
(НА ПРИМЕРЕ «ФИЛОСОФСКОЙ» СОЦИОЛОГИИ
МОДЫ Г. ЗИММЕЛЯ)**

На примере социально-философской рецепции моды Г. Зиммеля ставится вопрос о возможности фундаментальных тематизаций социальности новейшего образца путем сближения дискурсивного инструментария экономики и современной социальной теории. Обсуждаются перспективы трактовки моды как культурной формы, устанавливающей общественную справедливость, как формы социального «всеобщего», ответственной за налаживание общественных связей универсального порядка.

Ключевые слова: мода, Г. Зиммель, обмен, социальность, справедливость.

К настоящему времени экономическая теория является устойчивым академическим трендом: она осознается как законный ресурс социальной аналитики вообще. Современное социологическое и социально-философское исследование задействует язык описания, заимствованный из экономического – главным образом политэкономического – дискурса: «производство», «обмен», «потребление», «капитал», «спрос», «предложение», «конъюнктура», «прибавочная» и «меновая стоимость», «источник дохода», «трата», «издержки», «накопления» и производные от них языковые конструкты и фигуры речи, не говоря уже о таких социально-экономических категориях и, соответственно, институтах, как «труд», «товар», «социально-экономическая формация» и, наконец, «деньги».

Весь этот понятийный инструментарий, которым мы обязаны экономике, легко вошел в горизонт нынешнего представления о том, как и с каких позиций можно и следует говорить об общественно важных проявлениях социальной активности и о субъектах, ответственных за ее реализацию. В том же направлении выразительно работает концепт позднего капитализма с его культурными шифрами и языковыми маркерами, прочно вошедший в арсенал структуралистской и постструктуралистской критики. Последняя имеет дело как с фундаментальными тематизациями социальности новейшего образца, так и с конкретными проявлениями общественно-значимой динамики, что заставляет исследователей быть особенно чуткими к складыванию и продвижению новых социальных практик и к институализации социальных общностей, выступающих их агентами.

Сама по себе мода на сближение языка социально-философской аналитики с социально-экономической теорией не случайна: она эксплуатирует открытую уже давно экономическую составляющую социальности, когда последняя предстает совокупностью институтов, поддающихся расшифровке как *коммерческий продукт, облеченный в товарную форму*. При этом соци-

альные теоретики отстаивают ту мысль, что экономический способ описания социальной реальности открывает доступ к внеэкономическим по своей природе сущностям. (Справедливости ради стоит указать, что имеет место и встречное движение, когда представители экономической теории неявно используют дискурсивный инструментарий других гуманитарных дисциплин – лингвистики, риторики, собственно философии – лишь в редких случаях делая такого рода заимствования объектом внутридисциплинарной критики, как это случилось с Д. Макклоски (см., напр.: [1]).)

Здесь стоит подчеркнуть, что философия в ее постметафизической версии более не задается исконным онтологическим вопрошанием «что есть все?». Истощение онтологии в привычном смысле ознаменовалось утратой трансцендентного и универсально-телеологического обоснования. «Все» начинает трактоваться откровенно прагматическим образом. «Все» – поочередно – оказывается подведомственной структурой то *мифологического*, то *политического*, то *исторического*, то *психоаналитического*, то *семиотического* (и т.д., и т.п.) способов неклассической философской артикуляции: «все» – это «*миф*», или «все» – это «*власть*», или «все» – это «*бессознательное*», или «все» – это «*текст*». Другими словами, «все» – с известного момента – встроено в конкретно-исторический горизонт теоретического представления.

В рамках обсуждаемой проблематики это означает, что возможности актуальных тематизаций в области социального включают труднообозримый перечень разновидностей праксиса. Выразительное место среди них отводится *моде*. Социологический интерес к ней носит характер устойчивого, но зачастую узкофокусированного. Общим местом для социологов выглядят заявления следующего порядка: «Социологическое изучение моды, на наш взгляд, должно сводиться к построению моделей ценностной динамики модных образцов и моделей связи моды и стратификации» [2. С. 6].

Между тем общая теоретическая рецепция моды как социальной практики демонстрирует особый – *гибридный* – статус данной институции, благодаря которому мода имеет выходы в самые разные поля дискурса, отвечающие за многообразие представлений социального. Многоаспектность моды как события культурной и социальной истории подчеркивают все, так или иначе пишущие о моде (см., напр.: [3. С. 288]). Мода существует в фокусе пересечения множества культурных и общественно значимых индустрий: высокого искусства, бизнеса, потребления, досуговых практик, индустрии развлечений. Она вовлечена в коллаборации со всеми более или менее заметными институтами экономической, политической и художественной сфер общественного влияния и, соответственно, теоретической репрезентации современной социальной формы: будь то кино, или спорт, или реклама, или медиа, или туризм, или индустриальный дизайн, или актуальная журналистика и т.д. По этой причине подчеркнутая междисциплинарность в изучении моды отталкивается от общей позитивистской оптики как естественного горизонта в представлении вопросов генезиса моды в качестве особой социальной практики, ее морфологической спецификации, ее структурных типологизаций. В русле похожей логики движется теоретизирование по поводу институализации моды и ее функционирования в этом качестве. Другими словами, мода оказалась предметом не только локальных исторических, историко-культурных,

социально-психологических, политологических, собственно *экономических* описаний, но и социологического представления, имеющего выход в *общую теорию общественного бытия*. Всему этому когда-то было положено начало.

Уже позитивистская социология в XIX в. сделала *экономический* в своей основе принцип утилитаризма ответственным за успех как поступательного социального движения вообще, так и любого конечного социального действия. Последнее рассматривается в качестве некоего предприятия и начинания в предлагаемых обстоятельствах. К ним мы относим игру возможных «трат», «издержек» и «вложений» *в обмен* на приобретения в виде различных «бонусов» и форм той или иной «выгоды». Экономическая терминология здесь вполне ожидаема. Рационализации, которым был уже подвергнут традиционный философский субъект – новоизобретенный *homo economicus* – легли в основу собственно позитивистских концептуализаций и социума, и индивида. Они смело черпали из таких разных авторов, как А. Смит и Т. Мальтус, а также И. Бентам, Дж.С. Милль и, наконец, К. Маркс. Последний, как известно, не проявлял особого интереса к этической стороне дела, зато утвердил принцип «экономии сил и мышления» в качестве основного в понимании устройства рынка и отношений рыночного образца. Операции обмена в такой трактовке выступили своеобразным трансцендентальным априори структурного устройства и успешного функционирования как рыночной экономики, так и соответствующего ей типа социальности. Позже – уже в XX в. – эти идеи были подхвачены в теориях «социального обмена», связанных с именами П. Блау, Дж. Хоманса, Р. Эмерсона. Здесь также фигурирует своеобразная диалектика «вложений» и «приобретений». Социальные акторы задействуют собственный аналитический потенциал для оценки рисков и соображений «профита». Ресурс, который появляется в дополнение привычной социологической трактовки поведенческого выбора, – это психологическая и *бихевиористская* перспективы в понимании социальной активности, направленной на реализацию собственного намерения в той или иной ситуации. Последняя истолковывается как ситуация *экономического порядка* [4. Р. 336].

В американской социологии подобные идеи обнаруживают отчетливо выраженный прагматистский след и восходят к Дж.Г. Миду, работы которого «Разум, Я и общество» и «Философия настоящего» имеют целью прояснить понятия «опыт» и «поведение», сделав их ответственными за успех тех предприятий социального порядка, что гарантируют агенту, действующему в предлагаемых обстоятельствах, *экономию пущенных в ход средств и конечную выгоду*: «В соответствии с общими посылками прагматизма, мир, в котором мы живем и действуем, который мы каким-то образом знаем, о котором мы можем думать и говорить, который мы можем при каких-то обстоятельствах делать предметом своих исследований, – это мир, данный нам в опыте... Позиция Мида в этом отношении не просто антиметафизична, а подчеркнута антиметафизична» [5. С. 250–251]. Оценки исследовательской оптики Дж.Г. Мида как однозначно «антиметафизической» мы коснемся ниже.

Возвращаясь к социологической рецепции *моды* как социокультурной практики, следует признать, что она достаточно рано попадает в фокус исследовательского интереса. Так, автор «Философии денег» и «Социологии. Исследований форм обобществления» Георг Зиммель делает моду объектом

изучения на рубеже XIX и XX вв. К этому времени Г. Зиммель успел пережить увлечение и первым позитивизмом, и романтиками, и философией жизни. Такая пестрая картина влияний способствовала складыванию очень своеобразного взгляда на происхождение и характер функционирования культурных институций, повлиявших на порядок существования западного мира. Так, оригинальная философия культуры Г. Зиммеля имеет много точек пересечения с неокантианским противопоставлением культурной (ценностной) и природной каузальности, однако как социолог Зиммель предпочитает иметь дело с генерализирующей «логикой» и «грамматикой» социального. Его «культурные формы» сродни всеобщим культурным и социальным универсалиям, рассуждать о которых можно в отрыве от конкретного исторического наполнения. Г. Зиммель выстраивает классификацию культурных форм (или, как он их именует, «форм обобществления») от самых понятных с точки зрения человеческой вовлеченности и интенсивности переживания до абстрактных, лишенных какого-либо опыта непосредственности, сохраняющих значение как пустые – часто исторически изжитые и стремящиеся к полной автономии – способы сковывания человеческой свободы.

Наблюдая рост капиталистических отношений, Г. Зиммель вполне ожидаемо обращается к роли такого социального института, как *деньги*. Деньги – не просто универсальный рыночный эквивалент и рычаг, приводящий в действие механизмы купли-продажи. Это то самое новое постметафизически представленное «все», в чем отразился высший смысл и высшее напряжение абстрактной сущности всеобщего обмена как уравнивания всего со всем, как отчуждающего в своей основе механизма «социализации» и «окультуривания». Парадоксальным образом выхолощенность меновой сущности денег как понятного эквивалента обмена оказалась у Зиммеля сродни выхолощенности способности интеллектуального созерцания. Деньги и развитая рефлексивная способность – суть признаки кризиса культуры, как его понимает Зиммель, так как то и другое работают в режиме накопления и своеобразного «опредмечивания человека» – в формах результатов его труда или результатов познания.

Примечательно, что привлекая марксистский (т.е. что важно в нашем случае, *экономический*) анализ объективаций в поле социального, Г. Зиммель подчеркивает мысль, что такого рода концептуализации затрагивают предметы, не входящие в сферу компетенции политэкономии или «строгой» социологии: «Марксова схема экономического развития, согласно которой в каждый исторический период экономические силы создают соразмерную им форму производства, в рамках которой они, однако, разрастаются до такой степени, что в ней уже не умещаются, но взрывают ее и созидают новую форму, – эта схема далеко выходит за пределы одной лишь хозяйственной области (здесь и далее курсив мой. – В.П.). Между текущей вперед, распространяющейся со все большей энергией *жизнью* и застывшими в тождестве формами ее исторического выражения неизбежен конфликт... по своей сущности наша внутренняя жизнь всегда выражается только в формах, всегда обособленных и в какой-то мере самостоятельных по отношению к создавшей их душевной динамике. Творческая жизнь надолго созидает нечто, уже не являющееся жизнью, в чем она замирает, что противостоит ей по собственному праву. Она не может выразиться иначе, чем в формах, сущих и

нечто для себя значащих, независимо от жизни. Это противоречие является подлинной трагедией культуры» [6. С. 302–303]. Характерно, что Г. Зиммель не выбирает между «трагедией жизни» и «трагедией культуры»: то и другое в равной степени отражают суть современного ему устройства, во многом генезиса и способа продвижения вперед западного сообщества.

Любопытно также, что понимание «жизни» у Г. Зиммеля в чем-то пересекается с концептом «природы» в социологии Дж.Г. Мида, по словам последнего, заимствованным им у А. Уайтхеда. Это концепция природы «...как организации присутствующих в ней перспектив... Это не искаженные перспективы каких-то идеальных паттернов; не заключены они и в сознании как выборке из вещей, реальность коих обнаруживается в ноуменальном мире. В своей взаимосвязи они составляют природу, которая известна науке» [7. С. 205]. Еще более примечательной выглядит позиция Дж.Г. Мида, когда он обращается к анализу и предназначению «целостного акта человеческого социального организма». Дж.Г. Мид пишет, что «...индицируемые им значения обладают универсальностью всего сообщества, к которому организм принадлежит. *Они конституируют универсум дискурса* (курсив мой. – В.П.)» [Там же. С. 216]. И далее: «Паттерн всего социального акта может находиться в социальном организме, потому что он осуществляется через инструментальные вещи, на которые любой организм может реагировать, и потому что индикации этих реакций другим и самому организму могут делаться с помощью значимых символов. Реконструкция паттерна может иметь место в организме и действительно происходит в так называемом сознательном процессе разума» [Там же. С. 217].

Думается, в цитированных фрагментах «метафизическое» обоснование уступает место пост-метафизическому в том же смысле, в каком в конечном итоге сдал свои позиции раннепозитивистский антифилософский пафос изучения «социального», в каком Г. Зиммель переходит от «строгой» социологии к социологии «философской». Поиск социального априори, трансцендентального основания социальности неизбежен при попытке найти скрепляющее социальный порядок «начало» (что выступит его аналогом: общее устройство «природы», или «жизни», или прагматистски действующего «социального разума», или всеобщего эквивалента социальной материи – «производства» / «роста производительных сил» / «денег» – направление такого поиска однажды было задано). Эта же зиммелевская интуиция фигурирует в оценке его заслуг Ю. Хабермасом, когда последний рассуждает о Г. Зиммеле как диагносте собственного времени: «В формах общения, сложившихся в больших городах, Зиммель обнаруживает, *как и в природе* (здесь и далее курсив мой. – В.П.), структурно сходные... сдвиги... Культурные и социальные объекты превращаются в отчужденные и одновременно автономные силы. *Деньги* могут служить примером этого; они представляют в чистой абстракции объективность действий, связанных с *обменом* и одновременно служат основой для формирования субъективности, которая дифференцируется по своим способностям к расчетам и по своим меняющимся импульсам» [8. С. 363]. Ю. Хабермас прослеживает связь зиммелевской социологии и его «абстракции отчуждения» с идеями более позднего авторства: в конечном итоге, он оценивает взгляды Т. Адорно, М. Хоркхаймера, Г. Фрейера, Й. Рит-

тера, Г. Лукача и Н. Лумана как «вариации на зimmelевскую тему» [8. С. 363].

Итак, с философией жизни Г. Зиммеля роднит общее понимание конфликта между непосредственностью жизненных проявлений и нарастающей «формализацией» их культурной артикуляции. Такой конфликт (или дуализм, как его называет Зиммель), становится «формообразующим фактором» самой жизни [9. С. 236]. Отсюда – общая с философами жизни ставка на крайний индивидуализм личностных жизненных демаршей, что Зиммелю как теоретику социального дает право описать отдельные культурные формы как исторически преходящие и изменчивые, заявляющие о себе в определенный исторический момент, обнаруживающие собственные причины для появления и собственную историю «культурного обобществления», но лишь для того, чтобы указать генеральное направление в движении общественной формации. В такой постановке вопроса Г. Зиммелю наследует вышеупомянутый Г. Лукач – его самая известная из ранних работ «*Душа и формы*». Он сам охарактеризовал ее совершенно в духе позднего Г. Зиммеля: «...стремление к конкретности проявилось в том, что я попытался понять внутреннюю структуру, общую природу известных типических форм человеческого поведения и поставить их во взаимосвязь с литературными формами путем изображения и анализа жизненных конфликтов» (цит. по: [10. С. 11]).

Когда Г. Зиммель выбирает *моду* в качестве одной из актуальных культурных практик, его рассуждения о ней полны разнообразных, пронизательных, но трудно сводимых воедино интуиций. Мы сознательно ограничимся описанием того феномена, который сам он называет «*социальной*» *модой*, противопоставляя ему *моду «личную»*. Г. Зиммель указывает на присущую социальной моде диалектику подражания образцу (в этом пункте он прямо наследует А. Смиту и Г. Спенсеру) и стремление к дифференциации, видя в такого рода диалектике исключительную жизнеспособность моды как «*формы общественного процесса*» [9. С. 238]. Далее Г. Зиммель привлекает в качестве своеобразных *критериев обмена* «формально психологические» и «социальные», выражаясь его языком, мотивы: например, соображение чести, в котором удерживается содержание сословной принадлежности (новая мода всегда исходит из привилегированных классов; низшее же сословие пускает в ход механизм подражания, и как только он дает свои плоды в виде сокращения классовой дистанции, мода меняется).

Г. Зиммель настойчиво подчеркивает выхолощенность моды как культурной и социальной матрицы: «Связь между абстрактностью вообще и объективной общественной организацией проявляется в безразличии моды как формы к каждому значению ее особых содержаний – и в ее все более решительном переходе к социально продуктивным хозяйственным образованиям (курсив мой. – В.П.)» [Там же. С. 239]. У Г. Зиммеля явственно звучит мотив придания моде товарной формы: «...чем быстрее меняется мода, тем дешевле должны становиться вещи; а чем дешевле они становятся, тем к более быстрому изменению моды они приглашают потребителей и принуждают производителей» [Там же. С. 256]. Вообще рассуждения Г. Зиммеля о привлекательности того или иного стиля, одежды, даже образа мысли, то, как он описывает гонку за модным образцом, живо напоминает рыночную конъюнктуру, соревновательность и взаимную «пред-расположенность» спроса и

предложения. Делясь наблюдением, что мода всегда приходит как бы со стороны, Г. Зиммель приводит в пример «завезенные извне предметы», которые у примитивных народов исполняли роль *денег* [9. С. 241].

Еще одним доводом в пользу *экономической* трактовки модной истории служит настойчивое педалирование Г. Зиммелем высокого уровня цивилизованности тех социальных общностей, которые заинтересованы как в производстве, так и в консервации модных различий. Для современной Зиммелю стадии развития западного общества речь может идти только об упрочивающей свои позиции *капиталистической форме хозяйственного уклада* и соответствующем ей порядке социального мира: «Прежде всего быстрому изменению моды должен содействовать экономический подъем низших слоев в том темпе, в котором он происходит в больших городах...» [Там же. С. 255]. Дифференцированность в поведении, вкусах, жестикуляции и в конечном счете образе мыслей облегчает либо затрудняет процессы общественного обмена в актах социальной коммуникации. Исключительно пронизательным наблюдением представляется тот факт, что, например, *новая одежда* не просто повышает имущественный (финансовый) статус ее приобретателя, но приближает его к желанному «всеобщему», так как в «новом платье» в большей степени воплощен идеал должного (*comme il faut*), оно как бы говорит от лица своего владельца, что тому доступно понятие о «моде вообще» как значимой форме социального позиционирования [Там же. С. 242].

Точно так же как коммерческая продуктивность и коммерческая привлекательность чего бы то ни было выходят за рамки простого экономического отношения купли-продажи, производство, потребление и обмен «модного имиджа» у Г. Зиммеля осваивают новые территории в виде чувства удовольствия и неудовольствия, ценностного отношения к модному самовыражению как одному из способов проявить себя как исторический и общественный субъект, который формирует, упорядочивает и нормирует социальный уклад. Именно такую трактовку «ценности» и индивидуальной «саморегуляции» мы обнаруживаем в современных интерпретациях Г. Зиммеля этапа «Философии культуры» и «Философии моды».

Так, А. Марков в работе «Георг Зиммель: оживающая мода» пишет: «...понимание ценности как критерия, как суждения, как своеобразной сноровки, позволяющей выгодно общаться с фактом жизни и получать эмоциональную «прибыль» (здесь и далее курсив мой. – В.П.) от любых открытий и рациональную «прибыль» от любого захватывающего опыта, – было неожиданным» [11. С. 267]. Нетрудно убедиться, что экономическая терминология вполне органична порядку дискурса совсем не экономического представления. По мнению автора, «философская» социология Г. Зиммеля (в противоположность его «чистой» социологии), получившая прививку философии жизни, спровоцировала такой взгляд на моду, благодаря которому Г. Зиммель «... перестал видеть в моде мелодраму соперничества и раскрыл ее важнейший потенциал для прогресса – потенциал «социализации», вводящей человека в общество» [Там же. С. 269]. Так мода оказывается в одном ряду с другими «обобществленными формами», ответственными за поступательное и упорядоченное движение социальной материи. Точно так же, как «религия», «государственность», «наука», «искусство», мода участвует в устройении общественного бытия, в придании ему вполне определенной организации.

Кроме того, А. Марков обнаруживает у Г. Зиммеля нечто, что при желании можно рассматривать как трансцендентальное априори социальности вообще, к которому мода, как оказалось, имеет самое непосредственное отношение. Предложенная интерпретация мысли Г. Зиммеля удерживает позитивистскую логику и в то же время снимает ее: «..именно мода, – пишет А. Марков, – является тем механизмом, который превращает частные стремления и желания граждан в общественный идеал... Зиммель действительно верил, что мода в XX в. перестанет быть выражением имущественного неравенства, а, напротив, превратится в механизм порождения социальной справедливости» [11. С. 272]. Такое нетривиальное истолкование выводит моду на совершенно иной уровень дискуссии относительно участия в «общем хозяйстве» и привилегированных, и низших сословий. И те и другие – равным образом – участники в деле «распределения благ»: «...в современном обществе, обществе сбывшейся современности (модернити), – считал Зиммель, – власть – переменная функция, а не постоянная: тот, кто оказался в русле моды, кто умеет предвидеть новые тенденции, тот близок к тому, чтобы повлиять и на отдельные политические решения власти: он не просто предугадывает возможные повороты внутренней и внешней политики... но активно программирует эти повороты, вводя новые стили ведения политики» [Там же. С. 273].

Фактически подобная интерпретация «философской» социологии моды, предложенной Г. Зиммелем, ставит ее в зависимость от аристотелевской идеи миметического подражания формотворчеству самой природы – или «жизни», как предпочитает выражаться Г. Зиммель, – в трактовке творческой деятельности человека по созиданию новых форм (где уместной выглядит параллель с «природой» Дж.Г. Мида). Уподобление же *моды* механизмам, устанавливающим общественную справедливость, позволяет вписать ее как обязательную форму социального «всеобщего» в конфигурацию идей, ответственных за налаживание общественных связей универсального порядка. Такого рода идеологический императив коррелирует с требованиями последовательного и поступательного прогрессизма в духе модернити, где идеал социальной справедливости артикулирован посредством совершенствования социальной нормативности.

В этом горизонте Г. Зиммель предстает ранней версией социальных «теоретиков справедливости» и оказывается в одном ряду с Дж. Ролзом. Их роднят увлечение Г. Зиммеля неокантианством и прямая апелляция, собственно, Роулза к кантовской идее «должного», содержащего цель в себе самом. Правда, Дж. Роулза интересует собственно «общество», точнее – его «базисная структура», которую он дефинирует как «...способы, которыми основные социальные институты распределяют фундаментальные права и обязанности и определяют разделение преимуществ социальной кооперации» [12. С. 22]. Дж. Ролз именуется «базисной структурой» совокупность экономических, политических и правовых институтов, как то государство, конституция, частная собственность, семья, свобода слова и пр. Именно они очерчивают любые жизненные перспективы и способы реализации жизненных проектов как отдельных индивидов, так и социального субъекта вообще.

Поскольку – как было сказано выше – человек-субъект в современном его философском представлении далек от метафизического сущностного

схватывания, поскольку он вовлечен в различные институциональные практики, выступает субъектом коммуникации и разного рода интересубъективных взаимодействий, сами эти социальные институты выстраиваются в некую единую перспективу, которую мы вправе оценивать с точки зрения воплощенности в ней идеала *справедливого распределения* наличествующего и планируемого *общественного блага* (последнее может быть трактуемо и как материальное, и как символическое). Так, требование социальной кооперации, созвучное аристотелевской идее «распределительной справедливости», у Г. Зиммеля находит выражение в том, как, например, *мода* действует в обстоятельствах начального неравенства стартовых возможностей и капиталов, в каком направлении движется следование модному образцу, чтобы положение дел в социальном поле складывалось «ко всеобщей выгоде» и «ко всеобщему удовольствию».

В случае Дж. Ролза социальную нормативность порождает справедливость, коррелирующая с рефлексивной способностью общественного субъекта. На деле – это способность сформулировать частное представление о благе и менять его по мере необходимости (чем не следование *моде*?); в идеале же – рационально ему следовать. В демократическом сообществе субъекты вынуждены приходить к согласию. В сущности, они вырабатывают своеобразные «постулаты договоренности».

В этом горизонте исключительно важным представляется тезис Г. Зиммеля о том, что мода может существовать только в обществах, покончивших с непреодолимыми сословными барьерами, т.е. в таких, где пропасть между неравноценными в классовом, экономическом, финансовом и политическом отношении социальными группами и общностями не носит характера радикального социального размежевания, где уже созданы и работают социальные лифты, где затраченное усилие действительно *обменивается* на приобретение в виде более высокого общественного статуса в собственных глазах и в глазах окружающих. Вторым условием служит обстоятельство того рода, что рефлексивная способность субъектов как залог их успешного продвижения по социальной лестнице должна быть уже сформирована и апробирована. Причем в масштабе, убедительном для того, чтобы признать эту способность определяющей характеристикой самого типа общественного устройства. Когда и в связи с чем это происходит?

Думается, речь идет о преобразовании исторически отжившего типа мышления «допросвещенческой эпохи» и приращении рефлексивности на всех этажах социальной иерархии. Просвещение формирует серьезные предпосылки для возрастания самосознания индивидов: субъект все в большей степени становится носителем выгодных представлений о себе самом и претензии по адресу окружающего мира. С известного момента перед нами – прямая конкуренция способов интерпретации, реинтерпретации и «присвоения» социальной реальности. И настоящий – «телесный» – субъект это отчетливо почувствовал. Борьба аффектов и «возгонка» естественной рефлексивности взаимно стимулировали друг друга: ассимиляция рефлексивных приемов просветительской критики запустила механизмы откровенной состязательности в поле социальности. Для отражения рефлексивных атак обе стороны – привилегированный класс и низшие слои – вынуждены были использовать все новые техники и средства. Сама же практика взаимного

рефлексивного разоблачения усиливала ответные реакции сопротивления и, например, в высших слоях порождала «практики ускользания» (в нашем случае – практику резкого обновления модного образца).

Характеризуя моду, Г. Зиммель всячески подчеркивает: «Как только моду начинают перенимать низшие сословия, тем самым переходя поставленную высшими сословиями границу, прорывают единство их символизированной таким образом сопричастности друг другу, высшие сословия сразу же отказываются от данной моды и принимают новую, которая позволяет им вновь дифференцироваться от широких масс, и игра начинается вновь» [9. С. 240]. Существенно, что наряду с демократическим «уравниванием во мнении», Просвещение *экономически* освобождает европейского субъекта от феодалной связанности и создает единый рынок труда и капитала с пресловутым «всеобщим эквивалентом» в виде денежного обеспечения. Г. Зиммель – помимо прочего, автор «Философии денег» – описывая модную «гонку на опережение», прямо пишет: «... всепроникающее денежное хозяйство заметно ускоряет этот процесс и делает его зримым, ибо предметы моды, как внешняя сторона жизни, в первую очередь доступны при наличии денег, поэтому в обладании ими легче установить равенство с высшим слоем, чем в других областях, требующих индивидуального, не покупаемого за деньги подтверждения» [Там же].

Подобное видение способно скорректировать более позднюю – и более жесткую – схему Дж. Ролза, который действительно апплицирует классическую либеральную теорию общественного договора и рационального выбора на проблематику социальной справедливости, однако осуществляет такую процедуру аппликации с позиций, оставляющих за скобками *фактичность* самих субъектов: у Дж. Ролза они мыслятся как лишенные начального предрассудка и исторического желания стать еще кем-то. В противоположность Дж. Ролзу Г. Зиммель толкует отношение уравнивания в правах и обязанностях *как процесс* в достижении взаимности и справедливого общественного взаимодействия. Именно *историчность* социального агента – на примере персонажа модной истории – постепенно делает его действующим лицом неких «идеальных общностей», формирование которых в конечном итоге дает новую конфигурацию социального поля и тем самым создает условия для нового – подлинно справедливого – перераспределения социальных ролей в отношении равного доступа к общественному благу и специфическому чувству социальной удовлетворенности. Заканчивая свой социологический обзор, Г. Зиммель пишет: «...мода предстает как лишь одно, особенно характерное из тех многочисленных образований, социальная и индивидуальная целесообразность которых объективирует противоположные течения жизни, придавая им *равные права* (курсив мой. – В.П.)» [9. С. 259].

Таким образом, усиление вектора социализации – на примере «философской» социологии Г. Зиммеля – в пользу справедливого функционирования общества посредством *моды* (как институции, значимой социокультурной практики и «культурной формы») фактически учреждает новое априори современного общественного порядка. Мы вправе обозначить его *как справедливость в ее историческом становлении-развертывании*, где сами принципы справедливого общежития увязаны с определенной, но исторически изменчивой конфигурацией социального. Основанием ему служит демократиче-

ское устройство европейского коммьюнити, а практически востребованной «формой обобществления» – экономический институт *всеобщего обмена*, на складывание которого уже в XIX в. работала *мода* как поставщик символически значимого и социально привлекательного способа самопроявления, как прообраз тех социальных лифтов, что в будущем станут восприниматься в качестве «подручного» социального праксиса и естественного механизма экспроприации и освоения «чужого» по превращению в «свое».

Литература

1. Макклоски Д. Риторика экономической науки / пер. с англ. О. Якименко ; научн. ред. перевода Д. Расков : 2-е изд. М. ; СПб. : Изд-во Института Гайдара ; Международные отношения, 2015. 328 с.
2. Яхтина Л.И. Мода глазами социолога. СПб. : Элексис Принт, 2006. 176 с.
3. Гофман А.Б. Мода // Культурология. XX век : словарь. СПб. : Университетская книга, 1997. С. 288–290. (Культурология. XX век).
4. Emerson R.M. Social Exchange Theory // Annual Review of Sociology. 1976. Vol. 2. P. 335–362.
5. Николаев В. Джордж Герберт Мид и его «Философия настоящего» // Мид Дж.Г. Философия настоящего / под ред. А.И. Мерфи ; пер. с англ. В.Г. Николаева, В.Я. Кузьминова. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. С. 237–271. (Социальная теория).
6. Зиммель Г. Изменение форм культуры // Избранное. Созерцание жизни. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив ; Университетская книга, 2014. С. 302–307.
7. Мид Дж.Г. Объективная реальность перспектив // Философия настоящего / под ред. А.И. Мерфи ; пер. с англ. В.Г. Николаева, В.Я. Кузьминова. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. С. 203–218.
8. Хабермас Ю. Зиммель как диагност времени / пер. М.И. Левиной // Зиммель Г. Избранное. Созерцание жизни. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив ; Университетская книга, 2014. С. 357–367.
9. Зиммель Г. Мода // Избранное. Созерцание жизни. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив ; Университетская книга, 2014. С. 236–260.
10. Лукач Г. фон. Душа и формы. Эссе / пер. с нем. и предисл. С.Н. Землянова ; послесл. А.С. Стыкалина. М. : Логос – Альтера ; Есеhomo, 2006. 264 с.
11. Марков А. Георг Зиммель : оживающая мода // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. М. : Новое литературное обозрение, 2011. № 21 (3/2011). Осень. С. 265–274.
12. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск : Изд-во НГУ, 1995. 535 с.

Valeriya V. Petrenko, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); West Siberian Branch of the Russian University of Justice (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: vptomsk@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 44. pp. 82–93.

DOI: 10.17223/1998863X/44/8

JUSTICE AS A TRANSCENDENTAL A PRIORI OF SOCIALITY: THE ECONOMIC COMPONENT OF MODERN SOCIAL THEORY (ON THE EXAMPLE OF GEORG SIMMEL'S "PHILOSOPHICAL" SOCIOLOGY OF FASHION)

Keywords: fashion; sociality; G. Simmel; justice.

The article reveals the methodological importance of the principles of economy and modern social theory. The question of the possibility of thorough thematisation of the newest type of sociality by converging the discursive tools of economy and modern social theory is posed on the example of Georg Simmel's philosophical position on fashion. The prospects for interpretations of fashion as a cultural form that establishes social justice, as a form of the social "universal" responsible for the establishment of a universal public order are discussed. It is shown that the general theoretical reception of fashion as a social practice demonstrates its special hybrid status due to which fashion is in contact with diverse discourse fields responsible for the variety of representations of sociality. The subject of the discussion is Simmel's philosophical sociology. His concept of "forms of socialisation" treats the latter in the spirit of the universal cultural and social universals. One can talk about them in isolation

from a specific historical content. But this does not prevent Simmel as a theorist from describing separate cultural forms as historically transitory and changeable. They declare themselves at a certain historical moment, have their own reasons for the emergence and their own history of “cultural socialisation”. All this is only to indicate the general direction in the movement of a social formation as such. Simmel names fashion among similar forms. The article reveals the methodological significance of the economic horizon of representation, the mechanisms of the accumulation and exchange for the adoption of fashion as a significant cultural social practice that contributes to the establishment of a more equitable redistribution of public goods.

References

1. McCloskey, D. (2015) *Ritorika ekonomicheskoy nauki* [The Rhetoric of Economics]. 2nd ed. Translated from English by O. Yakimenko. Moscow; St. Petersburg: The Gaidar Institute.
2. Yakhtina, L.I. (2006) *Moda glazami sotsiologa* [Fashion Through the Eyes of a Sociologist]. St. Petersburg: Eleksis Print.
3. Gofman, A.B. (1997) Moda [Fashion]. In: Levit, S.Ya. (ed.) *Kul'turologiya. XX vek: slovar'* [Culturology. The Twentieth Century: A Dictionary]. St. Petersburg: Universitetskaya kniga. pp. 288–290.
4. Emerson, R.M. (1976) Social Exchange Theory. *Annual Review of Sociology*. 2. pp. 335–362. DOI: 10.1146/annurev.so.02.080176
5. Nikolayev, V. (2014) Dzhordzh Gerbert Mid i yego “Filosofiya nastoyashchego” [George Herbert Meade and his “Philosophy of the Present”]. In: Meade, G.H. *Filosofiya nastoyashchego* [Philosophy of the Present]. Translated from English by V.G. Nikolayev, V.Ya. Kuzminov. Moscow: HSE. pp. 237–271.
6. Simmel, G. (2014a) *Izbrannoye. Sozertsaniye zhizni* [Selected Works. Contemplation of Life]. Translated from German. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga. pp. 302–307.
7. Meade, G.H. (2014) *Filosofiya nastoyashchego* [Philosophy of the Present]. Translated from English by V.G. Nikolayev, V.Ya. Kuzminov. Moscow: HSE. pp. 203–218.
8. Habermas, J. (2014) Zimmel' kak diagnost vremeni [Simmel as a Diagnostician of Time]. In: Simmel, G. (2014) *Izbrannoye. Sozertsaniye zhizni* [Selected Works. Contemplation of Life]. Translated from German. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga. pp. 357–367.
9. Simmel, G. (2014b) *Izbrannoye. Sozertsaniye zhizni* [Selected Works. Contemplation of Life]. Translated from German. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga. pp. 236–260.
10. Lukács, G. von (2006) *Dusha i formy. Esse* [Soul and Forms. Essays]. Translated from German by S.N. Zemlyanov. Moscow: Logos–Al'tera: Eccehomo.
11. Markov, A. (2011) Georg Zimmel': Ozhivayushchaya moda [Georg Simmel: Reviving Fashion]. *Teoriya mody. Odezhda. Telo. Kul'tura*. 21. pp. 265–274.
12. Rawls, J. (1995) *Teoriya spravedlivosti* [A Theory of Justice]. Translated from English by V. Tselishchev. Novosibirsk: Novosibirsk State University.

УДК 329.12

DOI: 10.17223/1998863X/44/9

Л.Г. Фишман

ЖЕРТВА И РЕНТА¹

Статья посвящена трансформации современного социального либерализма, происходящей под воздействием приобретающей все большее влияние в западных обществах «культуры жертвоприношения». Мутация современного социального либерализма заключается в том, что он одновременно считает своих подопечных «страдающими классами» и политическими субъектами, которые обязаны пользоваться статусом жертв для решения своих проблем посредством поиска политической ренты.

Ключевые слова: социальный либерализм, политическая рента, культура жертвоприношения.

По мере «заката общества труда» и его трансформации в «рентное общество» политическая борьба все более сводится к борьбе за перераспределение ренты. Также происходит и преобразование политических идеологий и движений в «рентный формат», свидетельством чего является рост правого и левого радикализма и популизма [1]. Но в этом случае речь идет о радикальных и даже отчасти маргинальных идеологиях, претендующих на то, чтобы изменить существующий порядок вещей. Как же обстоит дело с идеологиями мейнстримными? Здесь мы хотим показать, каким образом трансформируется в рентный формат «либерализма жертвоприношения» одна из таких идеологий – социальный либерализм.

Давно не является новостью, что в ряде современных обществ происходит «восстание меньшинств» и укореняется «культура жертвоприношения». Все новые группы, требующие льгот и привилегий на том основании, что они являются «жертвами», становятся субъектами политической жизни и социальных конфликтов. Как выразился британский историк и телекомментатор Д. Старки, «очень печально наблюдать этот бесконечный поток людей – группа за группой – желающих присвоить себе статус жертв. Это ужасно» [2].

Социокультурные процессы, которые приводят к становлению «культуры жертвоприношения», достаточно давно стали объектом внимания зарубежных исследователей. Наиболее рельефно характерные черты этой культуры описаны Б. Кэмпбеллом и Дж. Мэннингом [3].

В «культуре жертвоприношения», отмечают авторы, субъекты настаивают на своей виктимности. Таким образом они приобретают более высокий моральный статус сравнительно с преступниками. Однако в таких условиях, которые порождают каталоги микроагрессии, когда нарушители являются угнетателями и жертвами угнетенных, также повышается моральный статус жертв. Это только усиливает стимул для новых жалоб и означает, что пострадавшие стороны особенно склонны настаивать на статусе жертвы, подчеркивая свои собственные страдания и невинность. Их противники привилегиро-

---

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 18-011-00211 «Общественное согласие в России: механизмы идеологической и институциональной регуляции».

ваны и заслуживают порицания, но сами они жалки и безупречны [3. P. 707–708].

Кэмпбелл и Мэннинг противопоставляют культуру жертвоприношения, основанную на бесконечных жалобах на «микроагрессию», культурам «чести» и «достоинства». Люди традиционалистской «культуры чести» чрезвычайно чувствительны к оскорблениям, и поэтому они полагают, что микроагрессии, даже если они непреднамеренны, являются серьезными преступлениями, требующими жесткого ответа. Однако в «культуре чести» такая чувствительность к оскорблениям сочетается с презрительным отношением к призывам о помощи. Человеку чести позорно выставлять себя жертвой, нуждающейся в помощи других для отстаивания своей чести. Это почти равнозначно тому, что у него своей чести нет. Люди же гораздо более современной «культуры достоинства» (т.е. культуры, в которой уважаются и гарантируются права человека) не видят стыда в обращении к третьим сторонам, например к полиции и судам, но не одобряют такого обращения по незначительным поводам, вроде чисто словесных оскорблений. Вместо этого они обычно пытаются либо решить проблему с нарушителем без посредников путем обсуждения, либо, еще лучше, игнорировать его нападки вообще [Ibid. P. 714–715].

«Культура жертвоприношения», в отличие от двух описанных выше, сочетает в себе высокую чувствительность даже к намекам на «оскорбление» и большую зависимость от третьих сторон. Даже непреднамеренные оскорбления должны быть доведены до сведения властей и широкой общественности. В качестве оскорблений воспринимается любая форма «доминирования». При этом виктимизация «оскорбленного» – главный способ привлечения сочувствующих. Поэтому вместо того, чтобы подчеркивать свою силу либо внутреннее достоинство, пострадавшие акцентируют внимание на собственной угнетенности и социальной маргинализации. Таким образом, жалоба третьим сторонам вытесняет как терпимость, так и переговоры. «Жертвы» все чаще требуют помощи от других и рекламируют свое угнетение в качестве доказательства того, что они заслуживают уважения и помощи [Ibid. P. 715].

Главные опасения по поводу «культуры жертвоприношения» связаны с тем, что таким образом она породит социальный конфликт, который, в свою очередь, приведет к возникновению все более могучего, действующего принуждением правительства, которому поручено пытаться его подавить. Таким образом, это приведет к уничтожению как либерализма, так и демократии [4].

Те, кто не в восторге, осмысливают данные процессы как формирование «культуры жертвоприношения», как «восстание меньшинств», являющееся едва ли не закономерным итогом увлечения социальным разнообразием и усложнения современных обществ, как зловредную мутацию либерализма под влиянием всякого рода леваков (мотивация которых сводится к банальному рессентименту [5. С. 32–33]) и произведенной ими культурной революции. Обличая новую либеральную «культуру жертвоприношения», упрекают ее в слишком далеко зашедшем эгалитаризме и «велфэризме», которые несовместимы с человеческой природой. Распространение этой культуры объясняют тем, что люди западных обществ иррационально потребовали от правительств заботиться о них и управлять их жизнью, а не защищать их собственные права. Это заблуждение привело к массовым нарушениям этих прав и поощрению разного рода психопатологий, поскольку либеральная повестка

дня удовлетворяет различные типы патологической зависимости, усиливает примитивные чувства зависти и неполноценности, поощряет параноидальное восприятие виктимизации, реализует маниакальные иллюзии величия, использует правительственную власть ради удовлетворения частных стремлений к господству и жажды мести и удовлетворяет инфантильные претензии на права, побряжки и компенсации [6]. Отмечается, что поступающие таким образом ищут себе на самом деле привилегий, а не равенства. Рекомендации оппонентов «культуры жертвоприношения» обычно сводятся к тому, что следовало бы изменить политическую культуру так, чтобы люди не воспринимали себя жертвами, а приняли ответственность за свое положение на себя.

В целом описанные процессы, как правило, либо некритически воспринимаются как неизбежный этап социального прогресса и последовательного развития либеральных принципов, либо описываются с морализаторско-консервативной точки зрения как признаки социальной деградации. Идеологическая мифология «культуры жертвоприношения» провоцирует такой же отягощенный мифологией ответ со стороны консервативных критиков. Их лицемерие заключается в представлении дела таким образом, будто не существует объективных процессов, чьими жертвами действительно являются очень многие люди. Консервативная критика говорит: «Хватит ныть, вы обленились и развратились, наслушавшись левацких идеологов. Идите работать и тогда вы добьетесь большего!», – как будто «жертвы» живут не в реальных условиях современного капитализма, а в мифической стране равенства возможностей, где каждый может достигнуть любых высот. Но объективная реальность говорит «жертвам» другое: сегодня действительно гораздо реалистичней поправить свое благосостояние путем приобретения политической ренты, чем «пахать» всю жизнь, гонясь за несбыточной «американской мечтой».

Так или иначе, консервативное морализаторство не позволяет объяснить «жертвенную» мутацию либеральной культуры иначе, чем с конспирологической точки зрения – как следствие в течение долгого времени проводимой зловредными леваками стратегии по завоеванию «культурной гегемонии» в духе Грамши [7]. Мы попытаемся объяснить ее в парадигме концепции сдвига к рентному обществу, в связи с чем «культура жертвоприношения» описывается как стратегия поиска ренты теми социальными группами, которым объективный ход вещей не оставляет иного пути.

«Культура жертвоприношения» как основание для поиска ренты

Что такое рента? В самом общем смысле это получение каких-то преимуществ, связанное не с твоими личными достижениями, а с положением в социальной структуре [8]. Положение в социальной структуре в данном случае является дающим ренту ресурсом. Обладание таким ресурсом должно быть гарантировано с правовой и, что не менее важно, с моральной точки зрения. Если в качестве ресурса рассматривается определенный социальный и политический статус, например в виде обладания административной должностью или депутатским мандатом, то речь идет о политической ренте. Последнюю путем логроллинга при принятии каких-либо законов, постановлений и тому подобного обеспечивают себе и своим сторонникам лоббирующие свои интересы группы. Это занятие – привычное дело элит:

«Поиск ренты и торговля голосами – универсальны и повсеместны. И вовсе не очевидно, что это так уж плохо» [9. С. 153].

И, конечно, понятно, что поиск такого рода ренты должен иметь под собой легитимное идеологическое обоснование – в данном случае теорию демократического представительства групп интересов, подкрепленную наличием соответствующих политических институтов. Конечно, теория и институты несовершенны, и постоянно возникает ситуация своекорыстного перераспределения ресурсов в пользу одних групп и в ущерб другим, а то и всему «обществу». Но это считается приемлемыми издержками конституционного правления: в конце концов, желающие, чтобы одеяло с них стягивали не слишком сильно, должны проявлять достаточную политическую активность.

Теперь обратимся к ситуации, в которой некий аналог политической ренты может стать доступным «низам», а не только элитам. Для извлечения ренты требуется определенный статус, который должен быть гарантирован с правовой и с моральной точки зрения. Трудно не заметить, что статус «жертвы» в «культуре жертвоприношения» полностью удовлетворяет этим требованиям. Так, О. Зур, отмечает, что «понятия „права“ и „жертвы“ часто тесно связаны», «борьба за право слишком часто означает требование *статуса* жертвы», что «заявляя о статусе жертвы и возлагая всю вину на других, человек может достичь *морального превосходства*». Далее, «по иронии судьбы, движение за права часто требует жертв от одной группы, освобождая другую», как и в том случае, когда элиты путем логроллинга, «перетягивают одеяло на себя». Наконец, жертва, апеллируя к правовой системе, рассчитывает на *выплату компенсации* [10], т.е., в сущности, ренты со своего статуса «жертвы».

Итак, «либерализм жертвоприношения», по сути, является разновидностью идеологии, обосновывающей право на получение политической ренты социальными группами, которые не обладают дающими ренту ресурсами элит, но в текущей ситуации способны моральными и политическими средствами легитимировать в качестве дающего ренту ресурса свой статус «жертвы».

Неудобный вопрос: «политика памяти» – тоже поиск ренты?

Неудобный вопрос, которого здесь, однако нельзя избежать, связан с ассоциациями, которые возникают в связи понятием «жертвы» как социальной или этнической группы, которая вправе требовать компенсаций за перенесенные страдания.

Нет сомнения, что, так сказать, технически современный поиск ренты меньшинствами восходит к тем культурным процессам, которые в настоящее время привели к формированию новой «политики памяти». Произошла «виктимизация истории», вследствие чего «традиционная история, описывавшая деяния королей и полководцев, история государства и национального величия, привилегированное орудие патриотического воспитания», уступила место «истории тех, по ком тяжелой поступью „прошла“ история политическая. Тех, кто своим трудом и страданиями оплатил ее „триумфы и трагедии“ [11]. Следствием этого является представление, что статус жертвы может стать едва ли не главным основанием для национальной, культурной, политической и социальной идентичности. «Если в старые времена в чести были победы, героизм и храбрость, то в последние десятилетия роль жертвы все

более считается доказательством моральной силы и превосходства. С ее помощью легче выдвигать свои морально-политические притязания против других народов, иногда объяснять наличием у представителей одного народа общего национального сознания их участие в установлении преступного режима или сотрудничество с ним» [12]. И прежде всего, имеется в виду Холокост, память о котором стала основанием для культивации чувства исторической вины у немцев по отношению к евреям, послужила основанием для материальных компенсаций и дала евреям в некотором смысле моральную привилегию народа-жертвы, позволяющую требовать этой компенсации. Можно сколько угодно возмущаться тем, что современные «идушие друг за другом группы» нередко пытаются выставить себя такими же «жертвами» и даже осмеливаются сравнивать себя с пострадавшими от Холокоста [10]. Однако трудно отрицать, что «когда другие группы жертв ссылаются на Холокост, то в этом проявляется... стремление к формированию парадигмы глобального характера в борьбе за признание» [13]. И все это не отменяет вопроса: почему появилось столько желающих примерить на себя роль «жертвы», а не какую-либо иную, для удовлетворения своей жажды справедливости и решения своих проблем? Почему в современных обществах статус жертвы для столь многих стал главным основанием для поиска ренты? Закономерно, что на этом фоне возмущающиеся неправомерным сравнением жертв Холокоста с современными «жертвами» начинают рассматриваться как охраняющие собственную ренту – ренту с жертв уже далекого прошлого, которых они уже в подавляющем большинстве не приносили сами.

Итак, почему даже новая «политика памяти» все больше начинает выглядеть как поиск ренты? С нашей точки зрения, это обусловлено глобальным процессом трансформации современных обществ, которая влечет за собой потерю прежней социальной субъектности у сходящих со сцены трудящихся классов, что побуждает их искать ренту в виде компенсаций за эту утрату. И не удивительно, что уже легитимированный в парадигме новой «политики памяти» путь осмысления себя в качестве жертвы (которая, по определению, радикальным образом лишена субъектности), оказывается привлекательным морально-идеологическим оправданием такого поиска.

Бурный рост «политики идентичности» и «идушие друг за другом группы», которые представляют себя жертвами», находятся в этом же ряду. Его политическим выражением является рост радикально левого и радикально правого популизма, что сопровождается переформатированием идеологического консенсуса в рентный формат. Поскольку же этот формат подразумевает трансформацию идеологий с целью наиболее эффективной легитимации борьбы за перераспределение ренты, главным в риторике радикальных политических сил является перераспределительный момент [14]. В русле этой же самой трансформации происходит аналогичная мутация в рентный формат социального либерализма, который превращается в «либерализм жертвоприношения».

Эта мутация происходит потому, что в определенном смысле ключевые социальные группы «общества труда» возвращаются к статусу «страдающих классов». Характерно, что последние, например в концепции «прекариата» Г. Стэндинга, описываются как *жертва* различных глобальных и локальных процессов, которая только в последние годы перестает осознавать себя в ка-

честве таковой и превращаться в «класс для себя» [15]. С другой, дополняющей первую, точки зрения прекариат вообще следует рассматривать не как некий «класс», а как «множество», неоднородное сцепление страдающих (и конкурирующих между собой) *меньшинств* [16].

Либерализм «страдающих классов»

Отношение к угнетенным классам как к «страдающим» характерно скорее для классического либерализма, который в лучшем случае предлагал бедным благотворительность и работные дома, но никак не видел их полноправными политическими и социальными субъектами. Аналогичным образом осуществляется регрессия давно не воспринимаемых в качестве жертв женщин в радикальном феминизме. Как замечает в связи с этим американский анархист Боб Блэк, происходит даже не фактический возврат к восприятию женщины как пассивного объекта, характерный для викторианских времен, но и, более того, к не существовавшему даже в традиционных религиях восприятию женщины как абсолютной жертвы. Тут даже не иудейское отношение к женщине как источнику скверны или средневековое христианское как к олицетворению неконтролируемой соблазнительной плоти: иудеи и христиане могли считать женщину «злом», но злом вовсе не бессильным [17].

Если мы обратимся к социальному либерализму времен его становления и расцвета, то без труда заметим его отличие от нынешнего: вслед за социализмом он не рассматривает трудящиеся классы как страдающие, напротив, признает их политическую и социальную субъектность – вплоть до права переустроить общество в соответствии со своими нуждами. Таковы же были еще в 1960-е гг. борцы за права чернокожих в США. Как отмечает социальный критик, консерватор афроамериканского происхождения Шелби Стил, герои эпохи борьбы за гражданские права не были людьми, которые воспринимали себя в качестве жертв, но воинами, готовыми противостоять самому жестокому и кровавожадному врагу [18].

Мутация современного социального либерализма заключается в том, что он одновременно считает своих подопечных «страдающими классами» и признает (и даже настаивает на этом) их социальными и политическими субъектами, которые просто обязаны пользоваться своим положением жертв для решения собственных вопросов. Вот только решение это, как было неоднократно замечено, возлагается не на самих «жертв», а на арбитра в виде государства. То есть моральное и идеологически обоснованное превосходство жертвы ведет к закреплению ее виктимного статуса, который становится основанием для требования привилегий. Либерализм жертв – в определенном смысле либерализм времен своей победы и «конца истории». В нем реализуются некоторые из потенциалов аутентичного либерализма, которые ранее не могли реализоваться, поскольку тогда либерализм был ограничен предлагающими альтернативный общественный строй оппонентами. В конечном счете такой «либерализм жертв» обращается не против несправедливого общественного строя, а против его частных проявлений. А эти частные проявления персонифицируются в каком-либо «оскорбительном» или подобном ему поведении таких же «простых людей», как и сами «жертвы». Противоречивое сочетание политической субъектности и статуса «жертвы» дает двойное преимущество по отношению к другим социальным группам, вызы-

вая их справедливое и часто даже бессознательное возмущение подобными культурными манипуляциями.

Собственно, это и есть, как неоднократно утверждали марксисты, реализация извечной мечты «эксплуататоров»: развести трудящихся по национальным, культурным, расовым, гендерным и прочим квартирам-меньшинствам, чтоб они враждовали друг с другом и не помышляли о социализме и коммунизме. Политическое оформление этой стратегии, основанное на апелляции к государственному арбитражу, превращает ее в то, что давно уже описывается в категориях «поиска политической ренты» и ведет к своего рода «рентной демократии» [19]. Но теперь этот поиск ренты становится стратегией все большего числа представителей социальных низов, а не только элитарных или приближенных к ним социальных групп, как это было ранее. Трудящиеся классы, утрачивая как свое ключевое экономическое и социальное положение, так и, вместе с ним, возможность радикального преобразования общественного строя [20], вновь становятся «страдающими классами», а затем распадаются на меньшинства, для которых единственно доступной стратегией улучшения своего положения становится поиск ренты.

Литература

1. Фишман Л.Г. Популизм – это надолго // Полис. 2017. № 3. С. 55–70.
2. Starkey D. Attacks ‘Victim Status’ Of Blacks, Muslims And Disabled People, Saying They Must ‘Take Control’ // HuffPost. 2015.11.04. URL: http://www.huffingtonpost.co.uk/2015/04/11/david-starkey-black-people-victims-ethnic-minorities_n_7045784.html (accessed 20.09.2017).
3. Campbell B., Manning J. Microaggression and moral cultures // Comparative sociology. 2014. Vol. 13. P. 692–726.
4. Bailey R. Victimhood Culture in America: Beyond Honor and Dignity // Reason.com. 2015.09.11. URL: <https://reason.com/blog/2015/09/11/victimhood-culture-in-america-beyond-dig> (accessed 20.09.2017).
5. Ионин Л.Г. Восстание меньшинств. М. ; СПб. : Университетская книга, 2012. 237 с.
6. Rossiter Lyle H. The Liberal Mind: The Psychological Causes of Political Madness // Evangelizationstation.com. URL: <http://www.evangelizationstation.com/Pamphlets/502%20The%20Liberal%20Mind.pdf> (accessed 20.09.2017).
7. Бьюкенен П.Дж. Смерть Запада / пер. с англ. А. Башкирова. М. : АСТ, 2003. 444 с.
8. Сёренсен О. Структурный базис социального неравенства / пер. с англ. Л.Г. Фишман, Е.А. Вахрушева // Научный ежегодник ИФиП УРО РАН. 2016. № 3. С. 61–97.
9. Таллок Г. Общественные блага, перераспределение и поиск ренты / пер. с англ. Л. Гончаровой. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2011. 224 с.
10. Zur O. Rethinking «Don't Blame the Victim»: Psychology of Victimhood // Journal of Couple Therapy. 1994. № 4 (3/4). P. 15–36. URL: <http://www.zurinstitute.com/victimhood.html> (accessed 20.09.2017).
11. Копосов Н. Политика памяти и мемориальные законы // Gefter.ru. 2012.28.02. URL: <http://gefter.ru/archive/3302> (дата обращения: 20.09.2017).
12. Эгберт Ян. Спорные политические вопросы с точки зрения современной истории / пер. с нем. М.А. Елизарьевой. М. : Политическая энциклопедия, 2014. 359 с.
13. Ассман А. Длинная тень прошлого : мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
14. Фишман Л.Г. Закат «общества труда»: современная идеологическая констелляция // Политика. 2016. № 3. С. 116–129.
15. Guy Standing: About societies where every man, woman and child have an unconditional basic income // Strelka.com. 2016.11.29. URL: <http://strelka.com/en/magazine/2016/11/29/standingprecariat> (accessed 20.09.2017).
16. Raunig G. The Monster Precariat // Translate.eipcp.net. 2007.10.03. URL: <http://translate.eipcp.net/strands/02/raunig-strands02en#redir> (accessed 20.09.2017).
17. Black B. Feminism as Fascism // Inspiracy.com. URL: <http://www.inspiracy.com/black/abolition/feminism.html> (accessed 20.09.2017).

18. *Shelby Steele On Race And The Exhilaration And Terror Of Freedom* // Thefederalist.com. 2014.05.27. URL: <http://thefederalist.com/2014/05/27/shelby-steele-on-race-and-the-exhilaration-and-terror-of-freedom/> (accessed 20.09.2017).

19. *Мартынов В.С.* Рентная демократия // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2016. Т. 16, № 3. С. 41–60.

20. *Митчел Т.* Углеродная демократия. Политическая власть в эпоху нефти. М. : Дело, 2014. 401 с.

Leonid G. Fishman, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation).

E-mail: lfishman@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 44. pp. 94–102.

DOI: 10.17223/1998863X/44/9

VICTIMHOOD AND RENT

Keywords: social liberalism; political rent; victimhood culture.

With the “decline of labour society” and its transformation into the “rental society”, the political struggle comes down to a struggle for the redistribution of rents. Political ideologies and movements also undergo a transformation into a “rental format”, as evidenced by the growth of right and left radicalism and populism. The article shows how exactly the transformation of social liberalism into the rental format of “victimhood liberalism” occurs. The article describes the most characteristic features of the “victimhood culture”, under the influence of which this transformation takes place. In the “victimhood culture”, subjects insist on their victimisation. Thus, they acquire a higher moral status than criminals. In a situation where violators are oppressors and victims of the oppressed, it also increases the moral status of victims. This reinforces the incentive for new complaints and means that oppressed parties are particularly inclined to emphasise their victim status. The “victimhood culture” combines high sensitivity even to hints of “insult” and greater dependence on third parties. One perceives any form of “domination” as an insult. Victimisation of the “insulted” is the main way to attract sympathisers. Therefore, instead of emphasising one’s strength, or internal dignity, victims emphasise their oppression and social marginalisation. This study regards “victimhood liberalism” as an ideological rationalisation for the search for political rent by various kinds of “minorities”. In it, the status of the victim is a resource that gives rent. The mutation of modern social liberalism lies in the fact that this kind of liberalism simultaneously considers its subjects as “suffering classes” and accepts them as social and political subjects who are obliged to use their position of victims to solve their problems. The political design of this strategy, based on an appeal to state arbitration, turns it into a search for political rent. But now this search is becoming a strategy of an increasing number of people from the lower classes, and not just from elite groups and their close associates.

References

1. Fishman, L.G. (2017) Populism will be long lasting. *Polis – Polis. Political Studies.* 3. pp. 55–70. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2017.03.04
2. Starkey, D. (2015) *Attacks ‘Victim Status’ Of Blacks, Muslims And Disabled People, Saying They Must ‘Take Control’*. [Online] Available from: http://www.huffingtonpost.co.uk/2015/04/11/david-starkey-black-people-victims-ethnic-minorities_n_7045784.html. (Accessed: 20th September 2017).
3. Campbell, B. & Manning, J. (2014) Microaggression and moral cultures. *Comparative Sociology.* 13. pp. 692–726. DOI: 10.1163/15691330-12341332
4. Bailey, R. (2015) *Victimhood Culture in America: Beyond Honor and Dignity*. [Online] Available from: <https://reason.com/blog/2015/09/11/victimhood-culture-in-america-beyond-dig>. (Accessed: 20th September 2017).
5. Ionin, L.G. (2012) *Vosstaniye men'shinstv* [A Revolt of Minorities]. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga.
6. Rossiter, L.H. (n.d.) *The Liberal Mind: The Psychological Causes of Political Madness*. [Online] Available from: <http://www.evangelizationstation.com/Pamphlets/502%20The%20Liberal%20Mind.pdf>. (Accessed: 20th September 2017).
7. Buchanan, P.J. (2003) *Smert' Zapada* [The Death of the West]. Translated from English by A. Bashkirov. Moscow: AST.

8. Sorensen, O. (2016) Structural basis of social inequality. *Nauchnyy yezhegodnik IFiP URO RAN – Research Yearbook of The Institute of Philosophy and Law. The Urals Division of the Russian Academy of Sciences*. 3. pp. 61–97. (In Russian).
9. Tullock, G. (2011) *Obshchestvennyye blaga, pereraspredeleniye i poisk renty* [Public goods, redistribution and search for rent]. Translated from English by L. Goncharova. Moscow: Gaydar Institute.
10. Zur, O. (1995) Rethinking “Don't Blame the Victim”: Psychology of Victimhood. *Journal of Couple Therapy*. 4(3/4). pp. 15–36. [Online] Available from: <http://www.zurinstitute.com/victimhood.html>. (Accessed: 20th September 2017). DOI: 10.1300/J036v04n03_03
11. Kopusov, N. (2012) *Politika pamyati i memorial'nyye zakony* [Politics of Memory and Memorial Laws]. [Online] Available from: <http://gefter.ru/archive/3302>. (Accessed: 20th September 2017).
12. Egbert, I. (2014) *Spornyye politicheskiye voprosy s tochki zreniya sovremennoy istorii* [Controversial political issues from the point of view of modern history]. Translated from German by M.A. Yelizaryeva. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.
13. Assman, A. (2014) *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics]. Translated from German by B. Khlebnikov. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye.
14. Fishman, L.G. (2016) Decline of “Work Society”: Current Ideological Constellation. *Politiya – Politeia*. 3. pp. 116–129. (In Russian).
15. Sivtsova, A. (2016) *Guy Standing On Societies Where Every Man, Woman and Child has an Unconditional Basic Income*. [Online] Available from: <http://strelka.com/en/magazine/2016/11/29/standingprecarariat>. (Accessed: 20th September 2017).
16. Raunig, G. (2007) *The Monster Precariat*. [Online] Available from: <http://translate.eipcp.net/strands/02/raunig-strands02en#redir>. (Accessed: 20th September 2017).
17. Black, B. (1983) *Feminism as Fascism*. [Online] Available from: <http://www.inspiracy.com/black/abolition/feminism.html>. (Accessed: 20th September 2017).
18. Masciotra, D. (2014) *Shelby Steele On Race And The Exhilaration And Terror Of Freedom*. [Online] Available from: <http://thefederalist.com/2014/05/27/shelby-steele-on-race-and-the-exhilaration-and-terror-of-freedom/>. (Accessed: 20th September 2017).
19. Martyanov, V.S. (2016) Rent Democracy. *Nauchnyy yezhegodnik IFiP URO RAN – Research Yearbook of The Institute of Philosophy and Law. The Urals Division of the Russian Academy of Sciences*. 16(3). pp. 41–60. (In Russian).
20. Mitchell, T. (2014) *Uglerodnaya demokratiya. Politicheskaya vlast' v epokhu nefti* [Carbon Democracy Political Power in the Age of Oil]. Translated from English by D. Kralechkin. Moscow: Delo.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 130.2

DOI: 10.17223/1998863X/44/10

С.А. Гашков

ЯЗЫК И ИСТОРИЯ ПО М.ФУКО И Э. КОСЕРИУ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

На основании сравнения основных положений двух ученых – М. Фуко и Э. Косериу – относительно взаимосвязи языка и истории, предпринята попытка показать эвристичность позднего структурализма в отношении разрешения антиномий, стоявших перед классической философией языка: «синхрония» и «диахрония», структура и изменение, деривация и причинность, – и заставлявших ее безоговорочно принимать естественнонаучные методы как единственно строгие и научные. Однако, стремясь выйти из антиномий классического структурализма, авторы создают почву для формирования новых «антиномий», связанных с ролью сознания в языковой реальности.

Ключевые слова: язык, история, Фуко, Косериу, философия языка, структурализм, сравнительный анализ.

Необходимо поставить проблему бытия языка в качестве задачи, чтобы не вернуться снова к уровню наук XVIII века, уровню эмпиризма.

М. Фуко

Наше фундаментальное положение состоит в том, что лингвистическая история соответствует реальному бытию языка как такового...

Э. Косериу

Введение

Сравнение между «археологией» М. Фуко (в «Словах и вещах») и трудами Э. Косериу продиктовано нашими попытками ответить на вопрос о сущности эпистемы у М. Фуко. Проблема, которую ставит и не решает Фуко в «Словах и вещах» состоит, на наш взгляд, в противоречии «археологии» и «эпистемы». Археология является, по существу, эмпирическим методом, в то время как эпистема предполагает трансцендентальную проблематику «условий возможности знания». Сам Фуко, избегая упреков в трансцендентализме, вскоре отказывается от эпистемы в пользу дискурсов, архивов и, наконец, «генеалогии». Однако вопрос, на наш взгляд, остается открытым: как возможны «неметафизические» философии истории и языка?

В поисках ответа на этот вопрос мы и обратились к трудам Эуджена Косериу, который является не только лингвистом, а тем философом языка, ко-

торый поставил вопрос о языковых изменениях в качестве «коррелятива» исторического процесса. Как и у Фуко, язык и история у Косериу коррелятивно взаимосвязаны. Однако нам представляется, что Косериу удастся по-своему поставить вопрос, поставленный (и оставленный неразрешенным) Фуко, и продвинуться в нем значительно дальше. Известно, что Фуко активно выступает против «гуманизма», диалектики, «метафизики» как «норм» современного научного процесса. Пытаясь доказать их ограниченность, он допускает в своей «археологии» недопустимое, по сути, упрощение, так как рассматриваемые им языковые, исторические, а также научно-мировоззренческие или культурологические феномены могут иметь различную природу. Идет ли речь только о языке или о структуралистской «экспансии» языковых феноменов на историческую действительность? Очевидно, что в «Словах и вещах» эпистемологическое поле одним языком не ограничено. Остается два пути: или «двигаться» от Фуко к неоклассической философии, пытаясь обосновать бытийно-историческую возможность знания, или же показать возможность систематической структурности и в то же время событийности языкового бытия. При этом необходимо мыслить языковое бытие как живую, творческую и сознаваемую основу изменений, как это и делает Косериу.

Таким образом, мы ставим задачу доказать следующее. Вопреки тому что Фуко заставил думать о себе преимущественно как о философе норм, дискурса и власти, благодаря сравнению с Косериу мы показываем, как ими воссоздается историчность сущего как бытийная основа языка. Благодаря сравнению Фуко с Косериу мы приходим к выводу, что при общей критике структурализма часто упускается из виду его эвристическая составляющая: дело не только в том, что он противопоставляет себя классическим философиям языка и истории, но и в том, что он имеет с ними общие существенные моменты в решении задач познания языковой и исторической реальности, которые остаются актуальными до сих пор.

Оригинальность вклада Фуко здесь, на наш взгляд, состоит в том, что он бросил вызов позитивистскому толкованию структур в рамках «гуманистического» подхода, выведя эпистемологию «по ту сторону» диалектики и персонализма. Оригинальность же вклада Косериу состоит в том, что он перевел эпистемологию из поля семиотики в поле семантики, обеспечив прочную коррелятивную связь языкового бытия и исторического мышления, предотвратил «постмодернистское» толкование структур как дискурсов. Тем самым он не только показал возможность лингвистики как науки «по ту сторону» естественнонаучных методов, но и структуралистской философии языка «по ту сторону» оппозиции означающего и означаемого, чего не удалось, на наш взгляд, сделать Фуко, остановившему свой выбор на анализе дискурсивностей (совокупностей означающих).

Фуко и Косериу как поздние структуралисты

Общее основание для сравнения этих исследователей состоит в активном поиске обоими общей рациональной составляющей в антиномии детерминизма и дескриптивизма в самом широком смысле слова. Модели постижения истории и языка, построенные на принципах причинности, деривации, оказываются недостаточными. В свою очередь, структурный подход кладет в

свою основу антиномию «синхронии» и «диахронии», т.е. противопоставляет историю и язык между собой. Известно, что Соссюр сравнивал лингвистику с шахматной игрой, говоря о том, что как для умения сыграть партию в шахматы знание истории шахмат бесполезно, так и знание истории языка бесполезно для языковедения. Каждый язык представляет собой самодостаточную структуру, в которой знаки служат референцией друг для друга. Как Фуко, так и Косериу стремятся сохранить достижения структуралистского подхода, но не спешат отказаться от истории, которая становится важнейшим инструментом языкового и философского познания. Общей основой для такого решения антиномии является для обоих исследователей исторический процесс, в ходе которого неоднородные явления получают структуры, необязательно носящие детерминированный или деривационный характер.

Работы Фуко и Косериу выразили собой, с одной стороны, критическое развитие структурализма. С другой стороны, они явились, на наш взгляд, своеобразной реакцией на экзистенциализм и тезис М. Хайдеггера о том, что язык – это дом бытия, тезис, возродивший философский интерес к бытию языка как таковому и историчности человеческого присутствия. Вклад Хайдеггера мы усматриваем прежде всего в отказе от натуралистического, объективистского и эссенциалистского подхода к языку. У Фуко и Косериу, как и у Хайдеггера, язык является выражением повседневного присутствия человека в мире. В «Словах и вещах» Фуко подчеркивает, что человек раскрывает себя в мире как говорящее, трудящееся и живущее существо. Мало сказать, что языковые значения возникают из практики, но и важно подчеркнуть, что эта практика имеет изменяющуюся природу и не сводится к одному классу причин: экономических, природных или общественно-политических, как на то претендовал бы лингвистический натурализм. Таким образом, Фуко и Косериу (оригинально и каждый по-своему) продолжают идею Хайдеггера о языке как о «доме бытия»: язык обладает сущностным единством, которое не противоречит многообразию языковых форм. Однако Фуко здесь ближе к Канту, а Косериу к романтикам: ведь для Фуко речь идет не о реально существующих языках, а об априорных логических структурах, делающих возможным язык как «говорение истинь».

Наконец, бурное развитие теоретической лингвистики как науки в XX в. и, в частности, достижения трех основных школ лингвистического структурализма (Пражской, Американской и Копенгагенской) привели к постановке вопроса о формальной структуре языка, науке о языке, отличной от традиционной грамматики. Бурное развитие структурализма во Франции (особенно в этнографии, литературоведении, медиевистике, психоанализе, неомарксизме и т.д.) обусловило переосмысление теоретических оснований этих наук, их относительную автономизацию от естествознания и нравственно-политической философии.

Косериу публикует свой трактат «Синхрония, диахрония и история. Проблема языкового изменения» на испанском языке в 1958 г. Критикуя абсолютизацию Соссюровского противопоставления «синхронии» и «диахронии», исторического и структурного, лингвист достигает «синтеза двух противоположных направлений» «в результате критического пересмотра их основных положений и выявления в них рациональных элементов» [1. С. 127]. Фуко с его книгой «Слова и вещи» (1966) Н. Автономова относит к

«третьему этапу структурализма», для которого «язык... служит уже не источником методологических схем, сколько метафорой для обозначения некоего общего принципа... тех продуктов культуры, которые в готовом виде кажутся несоразмерными...» [2. С. 11]. Таким образом, мы можем отметить близость методов этих «позднеструктуралистских» авторов: для обоих философов речь идет о поиске принципов синтеза противоположных позиций для преодоления апорий и антиномий, унаследованных от «больших теорий» прошлого.

Косериу отмечает, что когда предъявляется требование сделать науку о языке точной наукой, предлагается заимствовать методы точных (физических) наук. Ведь тот же Соссюр не скрывал своего стремления превратить лингвистику в науку, подобную математике. «На самом деле, – пишет он, определенная наука является точной не потому, что она физическая наука, а потому, что она соответствует природе *своего* метода... Науки о культуре обладают точностью своего типа, и уподоблять их физическим наукам (наукам другого типа) – это значит превратить их в ... «лженауки» [3. С. 272]. Тот тип причинности, который соответствует естественным наукам, в лингвистике неприменим.

В предисловии к английскому изданию «Слов и вещей» Фуко также сетует на то, что престиж гуманитарных наук во Франции значительно упал из-за признания естественнонаучного знания единственным идеалом научности. Он отмечает, что сложно применять традиционные методы для определения причинности в эмпирических науках: объяснять *изменения* духом времени, степенью технологического развития и т.п.

Вопрос о наследии классической философии ставится как Фуко, так и Косериу. Возрождение интереса к классике продиктовано здесь критикой натурализма. Дело в том, что структурализм и позитивизм продолжали носить черты, присущие натурализму и антропологизму. Археология Фуко, ставит заново критические вопросы Канта (за исключением последнего из них: «что есть человек?») и опирается на критическое наследие классики в противовес натуралистической интерпретации той же классики в виде прогрессизма и объективизма. В отличие от философской классики, Фуко настаивает на принципе прерывности, идущем из французской эпистемологии (Ж. Кавайес, Ж. Кангилем, Г. Башляр).

Методы Фуко и Косериу являются, таким образом, не полностью структуралистскими, а черпают у классики ее интерес к смыслу, бытию и истории.

Бытие языка

Язык как по замыслу Фуко, так и по замыслу Косериу не сводится к его функциональности. Вопрос о бытии языка напрямую связан с вопросом об условиях возможности языка в культуре. В эволюции своей мысли от «Слов и вещей» к «Археологии знания» Фуко отказывается от изначального представления об эпистеме, служащей привязкой языка к знанию, показывая, что человек живет в культуре и что в культуре нет безусловных значений. История («археология») языка, как по Фуко, так и по Косериу, служит единственным путем к языковой реальности.

Как Фуко, так и Косериу ставят на первый план эмпиричность, противопоставляя ее спекулятивным антиномиям. Историчность знающих, по Фуко и

по Косериу, ничем не отличается от историчности говорящих. Не существует «трансцендентальной» инстанции, с точки зрения которой мы можем строить науку о языке, как это происходит в обычной лингвистике. Каким же образом мы можем говорить о языке вообще, тогда как мы имеем дело с множеством эмпирических языков, которые, к тому же, могут быть рассмотрены с точки зрения различных типологий? Также мы можем спросить о том, каким образом происходит отбор знаний в рамках эпистем. Ведь, например, «археология» Фуко и отличается от истории наук тем, что она не делает различия и не строит иерархических и генеалогических отношений между философскими, юридическими и естественнонаучными текстами.

Важно, что Косериу подчеркивает тот факт, что язык является не просто одним из социальных фактов, но важнейшим социальным фактом. Язык обладает, согласно Косериу, не надчеловеческой, а межчеловеческой природой. Косериу подчеркивает, что язык является не просто продуктом общества, а «универсальной человеческой деятельностью», «которая осуществляется отдельными индивидами как членами исторических сообществ» [4. С. 166]. В этом высказывании для нас важны все моменты: универсальность, деятельность, историчность. Эпистема в «археологии» Фуко строится также вокруг проблемы языка. Дело в том, что при внимательном анализе «Слов и вещей» обнаруживается, что системообразующей является «классическая» эпистема XVII в., а основой для нее служит, в свою очередь, «Универсальная Грамматика» Арно и Лансло, которая, по Фуко, является своего рода семиотической матрицей классического периода.

«Эпистема» также обладает характеристиками универсальности и историчности. Но в отличие от Фуко, Косериу настаивает на том, что язык обладает двумя измерениями: язык как *εἶδος* и язык как *ἐνεργεία* (тезис, идущий от Гумбольдта). Наука стремится изучать язык как *εἶδος* (объект), но язык в собственном смысле всегда есть *ἐνεργεία* (деятельность). Язык, по Косериу, определяется пятью универсальными измерениями: креативность (*ἐνεργεία*), материальность, семантичность, инаковость (*alterita*), историчность. Язык (*language*) есть свободная, творческая деятельность, которая представляет себя в форме частного языка (*langue*). Семантичность есть отличие языка от других культурных форм, а историчность представляет собой «постоянное проявление солидарности с сообществом говорящих субъектов» [5. С. 81].

Если мы восстановим «теорию языка» в «Словах и вещах» Фуко, то получим следующую картину. В эпистеме XVI в. язык представляет собой часть мира, «часть великого распределения подобий и примет» [6. С. 71]. В XVII в. самостоятельное существование языка прекращается, язык начинает «фиксировать представление, разлагать и снова соединять» его [Там же. С. 115], предпочтительное значение языка по отношению к другим системам знаков определяется его способностью производить *последовательность* языковых знаков. Таким образом, «классическая дискурсия» сводится к именованию вещей и двоякому употреблению глагола «быть»: «*приписывать имя вещам и именовать этим именем их бытие*» [Там же. С. 154]. К XIX же веку язык сводится к статусу «простого объекта», т.е., с одной стороны, служит для наиболее нейтрального описания природы, с другой стороны, язык сам становится объектом исследования «духа народов». Классическая дискурсия, согласно Фуко, выразилась в противопоставлении формализованного

уровня уровню интерпретации. Следующим шагом является «аналитика конечного человеческого бытия», в которой каждый язык учреждается не на «общей глагольной», а на «собственной основе» ([6. С. 58], т.е. фактически обнаружение того различия, которое Соссюр наблюдает между *языком* и *речью*. Также такая позиция соответствует взгляду на язык А. Гумбольдта, стремившегося раскрыть «внутреннее содержание языка». Обычно принято противопоставлять гумбольдтианство структурализму Соссюра. Фуко (как и Косериу) удается показать, в каком смысле эти противоположные, казалось бы, позиции имеют общую основу.

Косериу в этом смысле и определяет язык как *εφερευειν* или как «речь, создающую знаки» [7. С. 168], т.е. как деятельность, в то же время обусловленную исторической необходимостью и свободную (в том, что она производит значение). Косериу указывает (и в этом он практически солидарен с Фуко), что до начала XIX в. не существовало философии языка, в которой язык рассматривался бы сам по себе, которая бы ставила вопрос о смысле использования языка человеком. Таким образом, ученые «классической эпохи» не могут быть рассматриваемы как «философы языка», а как представители гносеологии познания. Важное место в теории Косериу (как и в классической теории знака, по Фуко) занимает Дж. Локк, которого он рассматривает как предшественника современной семантики. Локк расширил представление о произвольности знаков «не только на отношение звуков и идей, но и составление обозначенных идей. Локк объяснял специфическую разницу значений слов в каждом языке разницей идей и потребностями народов в коммуникации». Э. Кондильяк, согласно Косериу, вслед за Локком выстраивает сенсуалистическую систему, в центре которой находится понятие произвольного знака. Значения сложных знаков также институционализированы, экстралингвистическая реальность не дает основания для унификации терминов языка. «Итак, Косериу находил семантические идеи у сенсуалистских авторов, которые совпадали с его семантическими позициями: идею того, что каждый язык организует значение по-своему, и того, что язык есть система, которая определяет значимость слов» [8. С. 34]

Перефразируя известное высказывание Локка, Косериу утверждает, что ничто не существует в языке, что раньше не было бы в речи. В пику Соссюру, противопоставлявшему речь языку, Косериу усматривает различия между речью, нормой и системой. «Конкретно, – пишет он, – существуют только лингвистические акты, лингвистическая реальность, реальность, одновременно социальная и индивидуальная, которая сама по себе несистематична, поскольку соответствует выражениям устных (*ineditas*) интуиций» [9. С. 64]. Так что, если исследователю кажется, что он выстроил достаточно стабильную систему, это не означает, что он получил другую реальность, отличную от языковой исторической действительности¹.

Параллель с Фуко нам видится в следующем: Фуко также обращает, по сути, внимание на различие «нормы» и «системы». Его «эпистемы» не являются сами по себе измышлениями или эмпирическими фактами. В «Словах и

---

¹ Языковая норма разнится в зависимости от того сообщества, в котором язык употребляется. Великие создатели языка – Данте, Сервантес, Пушкин – порывали с нормой, реализуя в высокой степени возможности системы. Таким образом, Косериу описывает язык как взаимосвязанную цепь «система – норма – индивидуальная норма – конкретное говорение».

вещах», преследуя широкие философские и культурологические цели, Фуко берет за основу некоторую «модель» или «систему» знания определенной эпохи и отличает ее от того содержания, которое обычно («норма») вкладывают в нее историки науки. Дело в том, что история науки, как и история философии, часто пользуются «гуманистическими» (в терминах Фуко) принципами в целях объяснения внутренней взаимосвязи событий знания. Эти принципы зачастую являются просто некоторыми «подпорками», унаследованными современностью от философской классики. Фуко убирает эти ненадежные «подпорки», пытаясь укрепить здание гуманитарных наук с помощью системных структур, «эпистем».

В структурализме Фуко увидел попытку объективации смысла и знака. Структурализм как для Фуко, так и для Косериу является не просто набором прописных истин, а чем-то противоположным этому: творческой инструментализацией живого познавательного процесса, механизмом поиска взаимосвязи современности и классики. К тому же структурализм для обоих означает определенное осознание специфики современного научного поиска. Фуко не видит для современного философствования возможности или смысла (если не говорить об исторической перспективе) целиком отказаться от предпосылок «гуманизма». Также и Косериу ясно видит невозможность для лингвиста совершенно отказаться от языка, на котором он излагает свои мысли.

История и историчность

Вопрос о том, как возможен исторический объект как таковой, непосредственно связан с тем, как возможно *изменение*. Вопрос о возможности изменения ставится непосредственно Косериу. Ошибка Соссюра, считает он, состоит в предположении, «будто строя описание состояния языка, мы выходим за пределы истории. В действительности описание исторического объекта – это момент его истории» [3. С. 320]. Противопоставляя «диахронию» «синхронии», Соссюр тем самым противопоставил между собой язык и историю, делая необъяснимым языковое изменение. Косериу же настаивает на том, что язык создается посредством изменения.

Фуко, в отличие от Косериу, говорящего о непрерывности истории, мыслит историю как череду прерывностей. Итак, мы имеем две разные, и даже противоположные, точки зрения на язык как на исторический объект. С одной стороны, для Косериу, история делает возможным бытие языка в силу своей непрерывной изменчивости. С другой стороны, согласно Фуко, та же история делает возможным бытие языка именно в силу своего неоднородного характера, делая такой исторический объект, как язык, возможным в качестве объекта знания.

В «Археологии знания» Фуко выделяет историю в первую очередь как область знания, вбирающую в себя все большее количество вопросов, в том числе входивших ранее в сферу философии истории, а также соприкасающуюся с условным «структурализмом» (этнографией, экономикой, литературным анализом) [10. С. 52]. В этом смысле он говорит об «эпистемической мутации истории», все более вбирающей в себя те вопросы, которые ранее относились к ведению философских наук.

В таком случае, как он правильно отмечает далее, возникает проблема исторического объекта: *тот ли же самый объект мы называем* тем или

иным образом? Философ приводит пример «безумия»: одно ли то же мы называем «безумием» в контексте средневековой мистики, просветительского рационализма, романтизма или научной психиатрии второй половины XIX в.? И мы настаиваем на том, что это – проблема, коренным образом семантическая. Сам Фуко в «Словах и вещах», очевидно, считает доказанным, что семантика исторического языкового объекта является «подчиненной» вопросу об отношении языка и знака. Но в «Археологии знания» этот вопрос ставится с особой остротой. Фуко выходит из многочисленных теоретических затруднений, связанных с проблемой единства объекта и правил его описания, говоря о дискурсивном единстве, описываемом не по принципу связности, а по принципу «рассеивания». То есть, не вдаваясь в подробности его метода, речь идет о том, чтобы описать не «внутреннее строение» объекта, а то, «что позволяет ему появиться... быть помещенным в поле взаимодействия внешнего характера (*champ d'extériorité*)» [11. С. 102].

Иными словами, перенося все эти рассуждения на почву языка и истории, мы можем сделать вывод, что исторические изменения языковых значений можно увидеть из наблюдений за чередой неординарных употреблений тех или иных «высказываний» в своеобразном историческом контексте. Мы никогда не поймем, например, что называли «безумием» в Средние века, если не обнаружим некое совершенно неожиданное для нас употребление этого термина в истории.

Как и Фуко, Косериу уделяет важнейшее место истории. В истории они видят принцип реального бытия языка вообще и частных языков. Как и Фуко, Косериу настаивает на том, что основное требование современной науки – абсолютная объективность, и что она может быть наиболее оптимальным образом достигнута историческим анализом бытия и знания.

Принципиальное отличие Фуко от Косериу в вопросах истории в том, что Косериу не признает принципиальной «прерывности» исторического процесса. В фактах культуры Косериу хочет видеть целенаправленность, т.е. видит в языке прежде всего сознательную деятельность. В отличие от него Фуко не рассматривает ни конкретные языки, ни частные языковые явления. Его интересует «коллективное бессознательное», позволяющее нам считать нечто языковым феноменом или феноменом физическим [10. С. 54].

Косериу обращает внимание на то, что семантика в языках часто продиктована «знанием самих вещей». «Семантическое поле, – пишет он, – представляет лексическую парадигму, которая возникает при сегментации лексико-семантического континуума на различные отрезки, соответствующие отдельным словам языка» [7. С. 9]. Слова могут объединяться в классы благодаря «архилексемам» и «классемам». Но что нам представляется здесь наиболее интересным, это – понятие ориентированной «лексической солидарности». Несомненно, интуитивно понятно, что такие слова, как «кусать» и «зуб», «валить» и «деревья», «распродавать» и «книги» связаны некоторой внутренней связью, происходящей не из языка, а из знания вещей.

История языка – это предпочтительная наука о языке, – пишет лингвист. История отдельных языков – это описательная наука, но описывает она не «вещи», а «структуры стратегий» (*Gefüge der Verfahrensweisen*). «Синхрония системы конституируется через диахронию норм, а синхрония языкового типа через диахронию системы» [4. С. 14]. Такой подход к истории приближа-

ется к фукальдианской «генеалогии»: генеалогия, в отличие от археологии, предусматривает, по Фуко, не создание параллельных истории науки методов, а дополнительное прикладное изучение сложившихся норм, обычаев, стратегий поведения, которые часто ускользают от внимания историков.

Таким образом, исследовательские методы Фуко и Косериу в применении к истории языка обнаруживают много существенно общего: избегая телеологии, с одной стороны, и оппозиций – с другой, они рассматривают историю как опосредующую среду, в которой производятся нормы, стратегии, порядки дискурсов, конфигурации. *История представляет собой у обоих философов не онтологически определяющий, а семантически ориентирующий прогрессивный (в пределах «только рассудка») процесс*, подобно тому, как Кант представляет свою «археологию знания» в «Критике способности суждения». С другой стороны, авторы имеют ряд принципиальных различий, в особенности касающихся направляющей роли сознания в формировании языка и культуры, что находит, на наш взгляд, конечное выражение в *антиномии языковой деятельности и «бессознательной» дискурсивности*.

Заключение

В чем нам видится относительный философский прогресс Косериу по сравнению с Фуко? Несмотря на то, что Фуко постоянно возвращается к проблеме языка, для него язык не является преимущественным объектом исследования. «Археология» Фуко, как известно, исследует систематические отношения, рассматриваемые независимо от связанной с ними предметности. Все эти отношения могли бы быть широко охарактеризованы как языковые (дискурсивные) или исторические, если бы это не приводило к парадоксальной констатации наличия языка и истории, лишенных своей субстанции. Отношения между языковой и исторической реальностью в том виде, в котором их обнаруживает структуралистская критика этой проблематики, заданной еще романтизмом, проясняются Фуко в некоей семиотической плоскости, к тому же ставятся в зависимость от перспективы отношений знания и власти. Тем самым язык может рассматриваться как универсальная фигура европейской метафизики, подверженная историческим разломам и преобразованиям¹. При этом проблематика речи как осознанного говорения, семантики как сознательного понятийного творчества, историчности языка как повседневности отходят на второй план. Это порождает необходимость тех исследований, которые бы проблематизировали историчность языка независимо от его «метафизических» функций, связанных с представлением субъекта в универсальном сознании. Ведь в языке запечатлевается не столько научная, сколько наивно-поэтическая картина мира, отображающая попытку сознательного понимания и описания мира «до» структур власти и знания. Коммуникативная, когнитивная и прагматическая функции языка также «приносятся в жертву» одной его означающей функции. «Археология» представляет язык тем, чем он стал у Соссюра, но не раскрывает его эвристического потенциала, обнаруживаемого в языке неогумбольдтианцами.

---

¹ При этом можно попутно поспорить и с тем и с другим относительно значимости языкового знака для формирования метафизических принципов «классической» эпохи с ее математизацией и физикализацией знания. Но это – отдельный сюжет.

Важно остановиться на «археологии» Фуко и осмыслить ее критическое значение. Но сам Фуко не дает нам ответа на вопрос, кто он есть, и открывает путь к самостоятельному поиску. В этом смысле работа Косериу, на наш взгляд, продвигается дальше в попытках ответить на вопрос, как возможна философия языка, которая не представляет собой двойника истории метафизики, а видит в языке, прежде всего, живое творчество звуков, знаков, понятий и значений в его гармоничном сочетании с историческим процессом.

Литература

1. Звезгинцев В.А. Теоретические аспекты причинности языковых изменений // Новое в лингвистике / под ред. В.А. Звезгинцева. М. : Изд-во иностр. лит., 1963. Вып. 3. С. 124–142.
2. Автономова Н.С. Предисловие // Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В.П. Визгина и Н.С. Автономовой. СПб. : А-сэд, 1994. С. 7–32.
3. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история (проблема языкового изменения) // Новое в лингвистике / под ред. В.А. Звезгинцева. М. : Изд-во иностр. лит., 1963. Вып. 3. С. 142–343.
4. Coseriu E. Humanwissenschaft und Geschichte. Der Gesichtspunkt eines Linguisten. Oslo : Die Norweg. Akademie des Wissensch., 1979.
5. Coseriu E. Linguistique historique et l'histoire des langues (Linguistica storica e storia delle lingue) // Cahiers Ferdinand de Saussure. 1992.
6. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В.П. Визгина и Н.С. Автономовой. СПб. : А-сэд, 1994.
7. Coseriu E. Les procédés sémantiques dans la formation des mots // Cahiers Ferdinand de Saussure. 1982. P. 1–17.
8. Haßler G. La relation entre la philosophie du langage et la sémantique chez Coseriu // Cahiers de l'Université de Potsdam. P. 20–36.
9. Coseriu E. Teoria del lenguaje y linguística general. Gredos. Madrid, 1973.
10. Фуко М. Археология знания : пер. с фр., СПб. : А-сэд, 1994.
11. Foucault M. La philosophie structuraliste permet de diagnostiquer ce qu'est aujourd'hui // La Presse de Tunisie. 1967. 12 avril. P. 3 // Dits et Ecrits. 1994. T. I. P. 101–110.

Sergey A. Gashkov, Baltic State Technical University named after D.F. Ustinov (St. Petersburg, Russian Federation).

E-mail: sgachkov@hotmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 44. pp. 103–113.

DOI: 10.17223/1998863X/44/10

LANGUAGE AND HISTORY BY MICHEL FOUCAULT AND EUGEN COSERIU: A COMPARATIVE ANALYSIS

Keywords: language; history; Foucault; Coseriu; philosophy of language; structuralism; comparative analysis.

The point in common of the French philosopher Michel Foucault and the German linguist (and philosopher of language) Eugen Coseriu (who wrote in several languages, Spanish and French, German and Italian) is that they belonged to the latest (“third”) generation of structuralists. Structuralism moved beyond particular disciplines (linguistics, ethnology, history) and became an interdisciplinary philosophical methodology of human sciences. Also, it preserved a particular interest in classic problems of philosophy and linguistics: being of language, history and historicity, sign and meaning. This paper aims to compare the main ideas of both scholars about the connection of language and history. The author of the paper shows that the structuralism of Foucault and Coseriu tried to solve the antinomies of the classical philosophy of language: synchrony and diachrony, structure and change, derivation and determination (classical philosophy of language was often based on the methodology of physical sciences). Our authors solved some important antinomies of classical structuralism, but they seem to have created some other ones, especially those of conscientious and unconscientious structures in linguistic activity.

References

1. Zvegintsev, V.A. (1963) Teoreticheskiye aspekty prichinnosti yazykovykh izmeneniy [Theoretical aspects of the causality of linguistic changes]. In: Zvegintsev, V.A. (ed.) *Novoye v lingvistike* [New in Linguistics]. Moscow: Izd-vo Inostrannoy literatury. pp. 124–142.
2. Avtonomova, N.C. (1994) Predisloviye [Foreword]. In: Foucault, M. (1994) *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [Words and things. Archeology of the Humanities]. Translated from French by V.P. Vizgin, N.S. Avtonomova. St. Petersburg: A-cad. pp. 7–32.
3. Coseriu, E. (1963) Sinkhroniya, diakhroniya i istoriya (problema yazykovogo izmeneniya) [Synchrony, diachrony and history (the problem of linguistic change)]. In: Zvegintsev, V.A. (ed.) *Novoye v lingvistike* [New in Linguistics]. Moscow: Izd-vo Inostrannoy literatury. pp. 142–343.
4. Coseriu, E. (1979) *Humanwissenschaft und Geschichte. Der Gesichtspunkt eines Linguisten* [Human Science and History. The point of view of a linguist]. Oslo: Die Norweg. Akademie des Wissensch.
5. Coseriu, E. (1992) Linguistique historique et l'histoire des langues (Linguistica storica e storia delle lingue) [Historical linguistics and the history of languages]. *Cahiers Ferdinand de Saussure*. 46.
6. Foucault, M. (1994) *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [Words and things. Archeology of the Humanities]. Translated from French by V.P. Vizgin, N.S. Avtonomova. St. Petersburg: A-cad.
7. Coseriu, E. (1982) Les procédés sémantiques dans la formation des mots [Semantic processes in the formation of words]. *Cahiers Ferdinand de Saussure*. 35. pp. 1–17.
8. Haßler, G. (n.d.) La relation entre la philosophie du langage et la sémantique chez Coseriu [The relation between the philosophy of language and semantics at Coseriu]. *Cahiers de l'Université de Potsdam*. pp. 20–36.
9. Coseriu, E. (1973) *Teoria del lenguaje y linguistica general* [Theory of language and general linguistics]. Madrid: Gredos.
10. Foucault, M. (1994) *Arkheologiya znaniya* [Archeology of Knowledge]. Translated from French by M. Rakova, A. Serebryannikova. St. Petersburg: A-cad.
11. Foucault, M. (1994) La philosophie structuraliste permet de diagnostiquer ce qu'est aujourd'hui [The structuralist philosophy makes it possible to diagnose what is today]. *La Presse de Tunisie*. 12th April. pp. 3.

УДК 1 (091)

DOI: 10.17223/1998863X/44/11

О.А. Коваль, Е.Б. Крюкова

ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ СЛОВ: ЛИТЕРАТУРНАЯ ТЕОРИЯ РОЛАНА БАРТА

Предпринимается попытка показать, что развиваемая Роланом Бартом идея о смерти автора вовсе не предполагает конца литературы, а напротив, влечет за собой в качестве необходимого следствия утверждение ее бессмертия. Такое вечное становление искусства слова связано не с личностью писателя или провозглашаемыми им непреходящими ценностями, а с самим языком, воплощением динамической жизни которого и выступает литература.

Ключевые слова: литература, текст, автор, читатель, Ролан Барт.

С тех пор как Ролан Барт объявил о смерти автора, прошло почти полвека. Однако вроде бы ожидаемой, логически закономерной смерти литературы так и не случилось. Вероятно, потому, что провокативный лозунг Барта, подхваченный многими¹, хотя и ассоциировался со знаменитой формулой Ницше «Бог умер», вовсе не был прогнозом будущему художественному творчеству и уж тем более приговором литературе как таковой. Напротив, своей констатацией смерти автора Барт стремился спасти литературу, понимая ее не как возможность осуществления личностных амбиций писателя, а как пространство реализации самого языка. Традиционно бессмертие литературе обеспечивала ее причастность к высшим ценностям, художественным выражением которых она всегда и считалась. Замена же автора, существа конечного и временного, бесконечно пишущимся текстом, надиктовываемым языком, позволяет наполнить истершуюся метафору о бессмертии новым смыслом. Уже не трансцендентное идейное содержание, а языковая форма как стихия развертывания бытия гарантирует литературе приобщение к вечности.

Приписывать Барту авторство идеи смерти автора было бы в определенном отношении даже не совсем корректно – и вовсе не по причине автоматически из этой идеи вытекающей презумпции его невиновности, но, прежде всего, потому, что речь здесь идет о тенденции, существующей внутри самой художественной литературы. На протяжении долгого времени не было представления о том, что литературу можно рассматривать сугубо как язык. Лишь с момента зарождения неклассической культуры «литература стала ощущать свою двойственность, видеть в себе одновременно предмет и взгляд на предмет, речь и речь об этой речи, литературу-объект и металитературу» [1. С. 131]. Этот процесс, по мнению Барта, начался с Флобера и, пройдя через художественный опыт Малларме, который первым предоставил право говорить непосредственно

---

¹ Эссе Барта вышло в свет во Франции в 1968 г., в разгар революционных событий, и в среде политически ангажированного и бунтарски настроенного студенчества было с энтузиазмом воспринято в качестве призыва к действию: предполагалось, что Барт, отказав тексту, а вслед и всему миру как тексту, в существовании однозначного, «правильного» прочтения, посягнул не только на господствующие в литературной традиции принципы критики и чтения, но и на сам механизм функционирования власти.

языку, Пруста, рискнувшего поменять местами литературу и собственную жизнь, сюрреалистов, разработавших технику автописьма, свободного от власти разума, завершился феноменом «нового романа» с его экспериментами по нейтрализации всякого смысла ради полного высвобождения языка. Хотя стиль флюберовских описаний бесконечно далек от стиля Роб-Грийе и Саррот, между ними есть нечто общее. Флобер, как отмечает Жерар Женетт, впервые в своих романах смог посредством слов ничего не выражать: «очарованно вглядываясь в какую-нибудь материальную подробность, он позволял смыслу ускользать в бесконечном трепете вещей» [2. С. 220]. Сам Флобер воспринимал недостаток действия в романе как эстетическую неудачу. Однако с этой неудачи и начинается вся современная литература.

Для Ролана Барта реальной опасностью, подстерегающей изящную словесность, оказывается отнюдь не появление новых форм художественного творчества, доходящих в своих предельных опытах то до неконтролируемого потока речи, то до косноязычия и бессмыслицы, а иной раз – до утверждения молчания. Новаторство подобного рода, безусловно, есть риск, зачастую чреватый утратой читательской аудитории, но этот риск и оправдан, и неизбежен, поскольку он составляет сам нерв литературы, ее живую, движущую силу. К умиранию литературу приводит не столько экспериментирование, стремящееся развенчать культ автора во славу языка, сколько догматизация общепризнанного, канонизированного «прекрасного». Литературоведение, довлеющее к традиционным типам письма и ориентирующееся на идеал классического произведения, за которым стоит фигура автора, предлагает всякому творению исчерпывающее объяснение и тем самым завершает его, в прямом смысле кладет ему конец. Но не познание требуется изящной словесности, а свобода: «Литература наша, – пишет Барт, – уже сто лет ведет опасную игру со смертью, как бы переживает свою смерть; она подобна расиновской героине (Эрифиле в «Ифигении»), которая умирает, познав себя, а живет поисками своей сущности» [1. С. 132]. Как и всякий вид искусства, литература апеллирует не к одному лишь разуму, роль которого взялась исполнять критика, беззащитно полагающаяся своим назначением быть посредником между произведением и читателем: обращаясь к человеку прежде всего как к субъекту чувствующему, литература противится единственному (единственно верному) толкованию, сглаживающему углы и тем самым нивелирующему мощь ее воздействия. Барт пытался развенчать миф однозначной интерпретации, видя в ней излишний, а подчас и откровенно разрушительный способ подачи художественных произведений. Адаптируя словотворчество для публики, критика устраняет ту дистанцию, которая позволяет произведению сохранять свою чистоту и сакральность, необходимые для того, чтобы читатель мог всякий раз заново выстраивать собственные взаимоотношения с текстом.

Провозглашая смерть автора, Барт не имеет в виду возвращение к анонимности народного фольклора, упразднение профессии писателя или даже нейтрализацию авторского стиля. Будучи воспринят буквально, его тезис вполне справедливо вызывает возмущение. Вокруг книги сегодня могут выстраиваться любые стратегии прочтения, она может подвергаться любому профессиональному суду, ее создателем может быть кто угодно – один человек, группа людей, подставное или вымышленное лицо, но сомневаться в его существовании не приходится: «...у текста всегда есть какой-нибудь автор –

не Сервантес, так Пьер Менар» [3. С. 62]. Барт посягает не на жизнь автора, а на приписывание ему значения законодателя смысла, на сам институт авторства. Смерть здесь понимается символически, «как если бы». Пафос научной мысли Барта направлен в первую очередь против психоаналитического и биографического подходов к проблеме автора, задававших тон в литературоведении 1960-х гг. и представленных известными во Франции теоретиками Лансоном и Сен-Бёвом, которые отводили существенную роль личности писателя при интерпретации его произведений. Барт критикует подобный метод чтения, где прошлое автора, его политические взгляды, особенности вероисповедания и другие личные пристрастия выступают главным мотивом написания текста и указывают на якобы однозначное его толкование. Во-первых, автор в жизни и автор в произведении – не одно и то же лицо, во-вторых, что более важно, присвоить тексту единственную интерпретацию – значит лишить его жизни, замкнуть в узком круге навязанных коннотаций.

Демистифицируя фигуру автора, Барт стремится перенести центр тяжести с писателя на произведение, которое, вопреки расхожему мнению, находится в иного рода соподчинительных взаимоотношениях со своим творцом. Если традиционное представление о создании и восприятии литературного текста всегда возвращалось к личности автора как к той первопричине, благодаря которой, согласно законам каузальной связи, произведение возникало с необходимостью следствия, то Барт переворачивает привычную схему и показывает, что произведение не есть предикат автора, автоматически возводимого в статус субъекта. Даже в том, как писатель одержим своим произведением в процессе его создания, проявляется та власть, которую еще не родившееся сочинение имеет над автором. «Писатель принадлежит творению, но то, что принадлежит ему самому – всего лишь книга, немое скопище бесплодных слов, и в мире нет ничего менее значимого» [4. С. 13]. Этой фразой Морис Бланшо подчеркивает парадоксальную невозможность автора обладать своим произведением. В том и заключается трагедия письма, что, поставив финальную точку, писатель вынужден самоустраниться; все муки творчества и весь процесс письма остаются за пределами текста, оборачиваясь не более чем моментом его персональной биографии (этой привилегии писателя никто лишить не вправе). Отныне он не может вторгаться в жизнь своего сочинения, что-то менять в нем, уточнять и даже разъяснять: утрачивая авторитет, автор становится сторонним наблюдателем, безличным соглядатаем, более того, он единственный человек в мире, который не в состоянии воспринять собственное произведение искусства: «Писатель никогда не читает свое творение. Оно оказывается для него не прочитываемым – тайной, перед лицом которой не существует его самого. Секретом, потому что сам он от него отделен» [Там же. С. 14].

Ситуация усугубляется еще и тем, что писателя нет не только до его произведения, вопреки тому, как это представляется дискурсивно-логическому сознанию, мыслящему в парадигме линейного времени, нет не только после, когда он уступает место своему сочинению, но его как будто нет и в процессе самого созидания: здесь автор превращается в скриптора, в функцию самого письма¹. Этой терминологической подменой Барт пытается уйти

---

¹ Идею об авторе-функции развивает и Мишель Фуко, только в «археологическом» ключе; можно сказать, что у него письмо принимает масштаб историко-идеологического конструкта, индивидуальной проекцией которого оказывается любой текст (см.: [5]).

от стереотипного видения работы писателя, доказывая, что произведение – творение не автора, конкретного человека и, безусловно, личности, а языка. Безликость скриптора, лишенного имени и судьбы, его подчиненность диктату речи, его полное совпадение с тем, что пишется, призваны не дискредитировать ремесло писателя, а утвердить первородство слова. «Скриптор, пришедший на смену автору, несет в себе не страсти, настроения, чувства или впечатления, а только такой необъятный словарь, из которого он черпает свое письмо, не знающее остановки; жизнь лишь подражает книге, а книга сама соткана из знаков, сама подражает чему-то, уже забытому, и так до бесконечности» [6. С. 389]. Если обозначать скриптора в традиционных субъект-объектных категориях, то максимум, что ему может быть приписано, это статус субъекта высказывания, т.е. чисто грамматическая форма. Его бытие лингвистической природы. Он возникает с началом говорения и существует, только пока длится высказывание.

Ни о какой другой субъективности речь у Барта идти не может. Напротив, в продолжение всей своей многоэтапной и разноплановой профессиональной карьеры он стремился поколебать ту уверенность в самоидентификации мыслящего субъекта, которая на протяжении столетий была главным мотивирующим фактором возвышения этой эпистемологической модели. Осуществляемая Бартом критика автора тоже представляет собой попытку выйти за пределы философии субъекта, субъекта, мыслимого в качестве дарителя смысла. Источник смысла кроется не в индивиде и не в случайных конstellациях вещей, а в самом языке. Любое высказывание есть лишь актуализация возможностей, заложенных в языковой структуре, которой неосознанно подчиняется говорящий. А так как ни один вариант высказывания не совпадает с инвариантом, то не должно быть и привилегированного значения. Содержание каждого отдельно взятого литературного текста изоморфно определенному числу других содержаний. И единственное, что неизменно сохраняется в подобном изоморфизме, – это живая форма языка, которая реализуется в письме. «Письмо – та область неопределенности, неоднородности и уклончивости, где теряются следы нашей субъективности, черно-белый лабиринт, где исчезает всякая самоидентификация, и в первую очередь телесная тождественность пишущего» [Там же. С. 384]. Однако неверно было бы думать, что Барт просто редуцирует автора к функции письма; напротив, писатель у него, скорее, расширяется до деятельности (энергии в гумбольдтовском смысле¹), осуществляемой языком: он есть деятельность, в которой себя создает текст.

Схожего понимания языка как самостоятельной онтологической структуры, предопределяющей любое говорение и всякого говорящего, придерживается и философская школа герменевтики. Согласно Хансу-Георгу Гадамеру, язык есть априорное условие каждого акта понимания, пространство его осуществления и одновременно итог, выражающийся в тотальной «оговорен-

---

¹ Именно Вильгельму фон Гумбольдту мы обязаны возвышением роли языка в организации духовного мира как конкретного человека, так и целой нации. Согласно немецкому лингвисту, язык представляет собой не статичный набор знаков, а динамичное явление, для обозначения которого Гумбольдт прибегает к аристотелевскому понятию *ἔνερυεια*, намеренно противопоставляемому *ἔργον* как созданному, законченному продукту. По Гумбольдту, язык – это прежде всего деятельность духа, возобновляющаяся всякий раз, когда возникает необходимость придать мысли форму или осуществить «превращение мира в мысль» (см.: [7. С. 77–81]).

ности» мира словом: мир, который мы имеем и который по праву называем своим миром, человеческим, сконструирован при посредстве языка, на языке, языком. Мир нам близок и понятен лишь постольку, поскольку мы всякий раз имеем дело с ним как с языковым образом. Так, у Гадамера язык приобретает статус первостепенной реальности, формирующей и координирующей все измерения, в которых разворачивается человеческое существование – историю, культуру, традицию (см.: [8. С. 147–167]). Поздний Хайдеггер, отводя языку роль артикуляции самого бытия и, соответственно, определяя человека не как создателя языка или его обладателя, а как посредника, через которого проговаривается слово, впервые своим нареканием только и открывающее мир, пишет: «Мы говорим не только *на* языке, мы говорим *от* него. Говорить мы можем единственно благодаря тому, что всякий раз *уже* услышали язык. Что мы тут слышим? Мы слышим, как язык – говорит» [9. С. 266]. Эта мысль непосредственно перекликается с бартовской: «...говорит не автор, а язык как таковой» [6. С. 385]. Но если Хайдеггер и Гадамер в своих мировоззренческих построениях исходят из сакрализации языка, то Барт начинает с его критики. Как бы ни совпадали их конечные выводы, изначальные интенции этих философов были прямо противоположны.

Для Барта язык выступал прежде всего тем полем, в котором зарождается и функционирует идеология, главное манипулирующее орудие власти. В этом отношении показательно одно из ранних произведений Барта, «Мифологии» (1957), где прослеживается, каким образом «мифы» – расхожие представления, возникающие как вторичные (коннотативные) смысловые образования на первичном (денотативном) уровне языка и незаметно подменяющие собой непосредственные значения – становятся идеологическими инструментами принуждения, даже если вовсе не выглядят таковыми. И если поначалу Барт верил в возможность действенного сопротивления идеологии коллективного сознания путем использования чисто денотативного языка, то позднее он отказался от этого намерения, заключив, что избежать коннотаций не удастся, поскольку они составляют ткань самого языка. Из такой ситуации выход один – обманывать язык: «Нам, людям не являющимся ни рыцарями веры, ни сверхчеловеками, по сути дела не остается ничего, кроме как плутовать с языком, дурачить язык. Это спасительное плутовство, эту хитрость, этот блистательный обман, позволяющий расслышать звучание вневластного языка, во всем великолепии воплощающего перманентную революцию слова, – я со своей стороны называю его: литература» [10. С. 550]. Тем самым литература для Барта представляет ценность не ввиду передаваемого ею содержания, а по причине неисчерпаемости языковых возможностей, не только не оспаривающих друг друга, как то свойственно идеологическим картинам мира, но самим своим многообразием утверждающих принцип свободы. Эта свобода находит свое воплощение в полисемантической художественного текста, что заведомо предполагает различность его восприятия. Поэтому столь большое значение бартовская теория литературы отводит фигуре читателя. Отныне читатель не просто пассивный потребитель смыслов, намеренно внесенных автором в свое произведение. Поскольку нет больше инстанции, ответственной за «правильную» интерпретацию, что вовсе не избавляет от необходимости понимать, то читатель оказывается сотворцом смысла: «произведение в чтении всегда впервые достигает присут-

ствия – в уникальном прочтении, каждый раз первым и каждый раз единственным» [11. С. 205].

Таким образом, литературный текст понимается как самодостаточное явление, включающее в себя два равнозначных процесса – письмо и чтение. Именно текст становится местом встречи автора и читателя, скриптора и реципиента, которые, каждый со своей стороны, обеспечивают действительность и действенность произведения, будучи равноценными условиями его существования. До текста и вне его нет ни послания, с которым автор намеревается обратиться к читателю, ни самого автора, ни читателя. Для писателя его произведение рождается в процессе письма, для читателя – в процессе чтения, нигде более оно не существует. «Сценическое пространство текста лишено рамп, – пишет Барт, имея в виду, что фигура автора не скрывается позади текста, а фигура читателя не находится перед ним, – текст – это то неделимое око, о котором говорит один восторженный автор: „Глаз, коим я взираю на Бога, есть тот же самый глаз, коим он взирает на меня“» [12. С. 473]. И действительно, вплоть до XX в. читателю отводилась скромная роль зрителя, молчаливо наблюдающего разыгрываемую перед ним мистерию. Наделяя автора неоспоримыми полномочиями демиурга, литература, будь то легкое чтиво или нравоучительный роман, лишала читателя каких бы то ни было прав на произведение, но взамен и избавляла его от всяких обязанностей, в том числе и от необходимости думать: чтение, являясь, по сути, актом считывания, не предполагало творческой работы со стороны внимающей аудитории. Барт же, если продолжать театральную метафору, выводит читателя на сцену, делая его даже не статистом, а одним из главных действующих лиц семиотического спектакля. Тот, кто пишет, и тот, кто читает, уравниваются друг с другом в смысле значимостей тех функций, которые они исполняют для текста. Они становятся соучастниками великого действия, бесконечно разыгрываемого языком. Женетт сравнивает художественный текст с лентой Мёбиуса, где «внутренняя и внешняя стороны – сторона письма и чтения – безостановочно крутятся и меняются местами, письмо непрерывно читается, а чтение пишет и запечатлевает себя» [13. С. 260].

Эта бесконечная деятельность языка, реализуемая в практике чтения и письма, и составляет основу литературы. Символическая смерть автора, размыкающая временные и пространственные границы текста, символическое рождение читателя, открывающее перспективу неисчерпаемого множества интерпретаций, обеспечивают отнюдь не символическое бессмертие литературе. Ее бессмертие и стремится увековечить вся поэтика Барта, предлагая понимать литературу не как готовую сущность, а как процесс. Когда литература утрачивает свою эссенциальность, она превращается в нескончаемый акт письма, в тот необъятный горизонт производства смыслов, который не подвластен ни читателю, ни писателю, но который вовлекает всякого в свободную стихию языка, единственного подлинного субъекта говорения. «Писать – значит сделать себя эхом того, что не может перестать говорить...» [4. С. 18].

Литература

1. *Барт Р.* Литература и метаязык // Избранные работы : семиотика; поэтика. М. : Прогресс, 1989. С. 131–132.

2. *Женетт Ж.* Моменты безмолвия у Флобера // Фигуры : в 2 т. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1998. Т. 1. С. 217–234.

3. *Компаньон А.* Демон теории. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2001.
4. *Бланио М.* Сущностное одиночество // *Пространство литературы.* М. : Логос, 2002. С. 9–26.
5. *Фуко М.* Что такое автор? // *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности : работы разных лет.* М. : Касталь, 1996. С. 7–46.
6. *Барт Р.* Смерть автора // *Избранные работы : семиотика; поэтика.* М. : Прогресс, 1989. С. 384–391.
7. *Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию. М. : Прогресс, 1984.
8. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. М. : Прогресс, 1988.
9. *Хайдеггер М.* Путь к языку // *Время и бытие : статьи и выступления.* М. : Республика, 1993. С. 259–273.
10. *Барт Р.* Лекция // *Избранные работы : семиотика; поэтика.* М. : Прогресс, 1989. С. 545–573.
11. *Бланио М.* Произведение и коммуникация // *Пространство литературы.* С. 191–210.
12. *Барт Р.* Удовольствие от текста // *Избранные работы : семиотика; поэтика.* М. : Прогресс, 1989. С. 462–518.
13. *Женетт Ж.* Обоснование чистой критики // *Фигуры : в 2 т.* М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1998. Т. 1. С. 252–263.

Oxana A. Koval, Russian Christian Humanitarian Academy (St. Petersburg, Russian Federation).
E-mail: ox.koval@gmail.com

Ekaterina B. Kryukova, Russian Christian Humanitarian Academy (St. Petersburg, Russian Federation).

E-mail: antikukuruza@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 44. pp. 114–121.

DOI: 10.17223/1998863X/44/11

THE SECRET LIFE OF WORDS: THE LITERARY THEORY OF ROLAND BARTHES

Keywords: literature; text; author; reader; Roland Barthes.

In 1968 a significant essay by Roland Barthes called “The Death of the Author” was published. It was a kind of manifesto of a new type of literature. This small text reflected a turning point in Western culture, when the very historical situation required the development of new values; it has not lost its relevance today, half a century later. The traditional role of the author as the legislator of the meaning of a work was called into question in Barthes’ revolutionary project. However, this did not imply, as it might seem, the end of fiction. On the contrary, the idea of the author’s death entails, as a necessary consequence, the statement of the immortality of literature. There is an attempt in this paper to reconstruct the main intentions that motivated Barthes to create his theory of literature, which he understood as the embodiment of the dynamic life of the language. Another task is to reconstruct his theory in the form of a holistic system of views on the contemporary literary process. The art of the modern era – compared with the classical one – underwent fundamental changes. Not the author, but the language is the main actor, which directs and determines any narrative. In such a linguocentric model, language from the medium of the transmission of ideological content turns into the space of the emergence of thought. First of all, it asserts the plurality of equal readings, challenging the habitual position of literary criticism, according to which the author’s interpretation is the only true one. Such a polyphony of interpretations presupposes an increase in the role of the reader, who – as a co-creator of meaning – is now endowed with the same rights as the writer. Desacralisation of the author changes the status of literature itself: being deprived of the functions of “teaching and witnessing”, which, according to Barthes, make it an instrument of ideology, literature acquires the necessary freedom to capture the spirit of the time, which, in addition to the will of the author, is preserved in the very fabric of the language.

References

1. Barthes, R. (1989a) *Izbrannyye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected Works: Semiotics. Poetics]. Translated from French. Moscow: Progress. pp. 131–132.
2. Genette, J. (1998a) *Figury: v 2 t.* [Figures: In 2 vols]. Vol. 1. Translated from French by E. Vasilieva. Moscow: Sabashnikovy. pp. 217–234.
3. Compagnon, A. (2002) *Demon teorii* [Demon Theory]. Translated from French. Moscow: Sabashnikovy.

4. Blanchot, M. (2002a) *Prostranstvo literatury* [The Space of Literature]. Translated from French by S. Zenkin et al. Moscow: Logos. pp. 9–26.
5. Foucault, M. (1996) *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti* [The Will to Truth: Beyond knowledge, power and sexuality]. Translated from French. Moscow: Kastal'. pp. 7–46.
6. Barthes, R. (1989b) *Izbrannyye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected Works: Semiotics. Poetics]. Translated from French. Moscow: Progress. pp. 384–391.
7. Humboldt, W. (1984) *Izbrannyye trudy po yazykoznaniiu* [Selected Works on Linguistics]. Moscow: Progress.
8. Gadamer, H.-G. (1988) *Istina i metod* [Truth and Method]. Translated from German. Moscow: Progress.
9. Heidegger, M. (1993) *Vremya i bytiye: Stat'i i vystupleniya* [Time and Being: Articles and speeches]. Translated from German by V.V. Bibikhin. Moscow: Respublika. pp. 259–273.
10. Barthes, R. (1989c) *Izbrannyye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected Works: Semiotics. Poetics]. Translated from French. Moscow: Progress. pp. 545–573.
11. Blanchot, M. (2002b) *Prostranstvo literatury* [The Space of Literature]. Translated from French by S. Zenkin et al. Moscow: Logos. pp. 191–210.
12. Barthes, R. (1989d) *Izbrannyye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected Works: Semiotics. Poetics]. Translated from French. Moscow: Progress. pp. 462–518.
13. Genette, J. (1998b) *Figury: v 2 t.* [Figures: In 2 vols]. Vol. 1. Translated from French by E. Vasilieva. Moscow: Sabashnikovy. pp. 252–263.

УДК 1 (091)

DOI: 10.17223/1998863X/44/12

В.И. Коротких

ПРОБЛЕМА МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ ПСИХОЛОГИИ В «ФЕНОМЕНОЛОГИИ ДУХА» ГЕГЕЛЯ

На основе анализа пятой главы «Феноменологии духа» рассматривается вопрос о месте Гегеля в истории психологии. Демонстрация Гегелем невозможности познания индивидуальности вне учета деятельности в социальном окружении побуждает признать его подход близким поискам, которые велись в отечественной психологии прошлого века (Л.С. Выготский и его последователи).

Ключевые слова: философия Гегеля, душа, метод научной психологии, культурно-историческая психология.

Исследователи, стремящиеся проследить путь становления психологии как науки, обычно не слишком высоко оценивают гегелевские размышления на психологические темы. Так, по словам В.В. Васильева, Гегель лишь «воспроизводит традиционные психологические учения, «разбавляя» их общими формулами своей спекулятивной философии» [1. С. 129]. Казалось бы, появление подобных оценок можно объяснить уже тем, что творчество мыслителя приходится на переходный период в истории психологии. Философская психология, ставившая задачу рационального познания сущности души, к началу XIX в. исчерпала свои возможности, а экспериментальные методы изучения психических феноменов хотя и использовались в «эмпирической психологии», выделенной в самостоятельную дисциплину Х. Вольфом, но не были еще способны привести к созданию психологии как самостоятельной, независимой от метафизического обоснования научной дисциплины.

При этом заключения о месте Гегеля в истории психологической мысли делаются почти исключительно на основании его учения о Субъективном духе, представленного в «Энциклопедии философских наук» [2. С. 38–325] и в лекционных курсах, для слушателей которых она была подготовлена [3]. Между тем наиболее интересным произведением, позволяющим заново поставить вопрос о месте Гегеля в истории становления психологии, является «Феноменология духа». В более поздних работах философа его новаторские поиски в области психологии, нашедшие отражение на страницах «Феноменологии», не получили продолжения. В какой-то мере это связано с тем, что они инициировались именно специфическим контекстом «Феноменологии», поскольку в «опыте сознания» должны были выступить все типы предметности, в том числе и «душа», в какой-то мере – самим форматом «Энциклопедии», пособия для слушателей лекций. По-видимому, философ не верил, что парадоксы познания «души», которые он обнаружил в процессе описания «опыта сознания», могут стать элементом университетского преподавания. Вместе с тем именно в границах «Феноменологии» дана обстоятельная критика современного Гегелю состояния психологии и заново ставится вопрос о ее методологических основаниях, а следовательно, и оценка места мыслителя

в истории становления психологии не может основываться лишь на материале «Энциклопедии» и соответствующих лекционных курсов, она должна учитывать и оригинальное содержание «Феноменологии духа»¹.

По существу, в обращающихся к психологическому материалу критических фрагментах «Феноменологии» Гегель начинает движение к новой, «научной» психологии. Однако использование понятия научной психологии в отношении гегелевских построений нуждается в пояснении. Научная психология в современном понимании сложилась лишь к концу XIX в., когда экспериментальной психологии удалось вписаться в сформировавшуюся в атмосфере господства идеологии позитивизма систему научного знания. Но только ли экспериментальная психология заслуживает статуса науки? Не претендуя на строгое определение понятия научной психологии и ее хронологических границ, в настоящей статье я попытаюсь показать, что первая попытка установить специфику метода научной – «опытной» в широком смысле – психологии, которая была бы свободна как от метафизических предпосылок догегелевской эпохи, так и от редукционизма, сопровождающего экспериментальную психологию с момента ее становления до наших дней, была предпринята в «Феноменологии духа». Систематически воссоздаваемый в ней «опыт сознания» выступает как имманентная критика («завершающий себя скептицизм», по выражению философа) всех известных способов отношения сознания к предмету («гештальтов» сознания), конструирующих и определенные типы предметности. И «душа» как предмет «философской психологии» должна была появиться в этом ряду, став (в силу объективной исчерпанности методологических возможностей прежней психологии) едва ли не самой легкой добычей гегелевского «скептицизма».

Вряд ли жанру научной статьи соответствует предвосхищение выводов, основательность которых читателю только еще предстоит оценить. Однако в данном случае речь идет о материале, к которому исследователи редко обращались в контексте рассмотрения истории психологии, поэтому подобное предвосхищение представляется целесообразным для понимания читателем основной идеи и направленности предлагаемой статьи: переходя от описания тупиковых подходов современной ему психологии к анализу рассматриваемой в социальном контексте деятельности индивида как единственному научному методу познания «души», Гегель в действительности предвосхищает тот стиль мышления, который получит развитие в отечественной психологии прошлого века, начиная с концепции Л.С. Выготского².

Поиски Гегелем адекватного метода психологии локализованы в первом разделе V главы (а. Наблюдающий разум) и занимают в ней завершающую часть первого параграфа, а также второй и третий параграфы [7. С. 137–187]. Эти фрагменты можно условно назвать «психологическими главами» «Феноменологии духа». Их анализ требует учитывать некоторые формальные особенности рассматриваемой части текста гегелевского труда, поскольку здесь явственно выступает вовлеченность Гегеля в научные споры его времени.

¹ Тот факт, что «Феноменология» остается на периферии интересов исследователей психологии Гегеля, наглядно проявляется в обобщающих работах по этой тематике или коллективных публикациях, например [4, 5].

² На точки соприкосновения гегелевской психологии с культурно-исторической теорией иногда указывается в научной литературе, например в работе Р.Д. Винфилда [6], однако содержание «Феноменологии» при этом во внимание не принимается.

По-видимому, на момент публикации книги V глава оставалась последовательностью набросков разной степени проработанности, и Гегель попросту не успел избавиться от тех конкретных «примет времени», которые, согласно замыслу, не должны были остаться в тексте «Феноменологии». Поэтому перед читателем встает задача выявить собственно философскую позицию Гегеля относительно метода изучения психических явлений, не сводящуюся к упомянутым дискуссиям, не увязнуть в деталях оставшихся в прошлом споров, которые рискуют заслонить собой главный сюжет развития «опыта сознания».

Однако еще более сложной оказывается задача содержательного определения позиции Гегеля относительно метода психологии. Думается, к ее решению мы сможем приблизиться, если поймем, во-первых, как гегелевский подход соотносится с традицией философской психологии XVIII в., во-вторых, в чем именно состоит психологическое содержание гегелевского повествования, значительная часть которого обусловлена местом рассматриваемого фрагмента в структуре «Феноменологии» как целого, в-третьих, какие линии мысли в последующей истории психологии можно считать «параллельными» гегелевским поискам, поскольку только таким образом мы сможем увидеть результаты, к которым в действительности должен прийти психолог, если он последует методологическим установкам «Феноменологии духа».

Путь к пониманию природы разрыва «Феноменологии» с традицией указывает давно отмеченный комментаторами факт: в тексте книги очень редко встречается слово «душа» (*die Seele*), – значительно реже, чем можно было бы ожидать, учитывая очевидную тематическую преемственность гегелевского труда по отношению к гносеологии и философской психологии XVIII в. Более того, даже там, где это слово появляется, оно, как правило, не обладает терминологической определенностью, часто выступает в роли метафоры «внутреннего», «существенного», как, например, в конце III главы, где Гегель говорит о «бесконечности» как «простой сущности жизни, душе мира, общей крови» и т.д. [7. С. 89]. Однако удовлетворительного объяснения этого известного факта до сих пор предложено не было. А.Д. Власов высказал предположение, что речь может идти о «сознательной мере предосторожности» со стороны Гегеля в связи с возможными обвинениями в отрицании бессмертия индивидуальной души [8. С. 141–142]. Однако в тексте как раз этого произведения молодой философ часто проявляет полную беззаботность относительно каких бы то ни было «мер предосторожности», поэтому следует признать, что эта гипотеза не выглядит убедительной.

На мой взгляд, ключ к решению этой загадки следует искать в опыте наблюдения органического, в котором вскрываются предпосылки становления понятия души в предшествующих философии и психологии. Момент «опыта сознания», открывающий путь к понятию души философской психологии, – это органическое как «особый вид» [7. С. 137] предметности. По Гегелю, «душа» – это и есть органическое, взятое лишь как «внутреннее», точнее, «органическая субстанция как *внутреннее*» определяется в качестве «простой души» [Там же. С. 143], – может быть, это единственный фрагмент «Феноменологии», где «душа» обладает статусом термина. «Простая душа» – это высвеченная «наблюдающим разумом» индивидуальность, которая долж-

на была бы сохранять субъектность в движении к духу. Однако вследствие того, что для «наблюдающего разума» это «внутреннее», как замечает Гегель чуть выше, «должно в такой же мере обладать внешним бытием и обликом», как и внешнее, так как оно само – «предмет» и «установлено как сущее и наличествующее для наблюдения» [7. С. 143], то оказывается, что «наблюдение» принципиально не может схватить именно «внутреннюю природу» органического, в опыте «лишь воспринимающего рассудка» «природа понятия оказывается подавленной» [Там же. С. 150]. Следует заметить, что наряду с «внутренним» (душой) в качестве модусов спекулятивно-конкретного в сфере рассмотрения органического выступают также, например, цель или род. Однако во всех этих случаях «наблюдающий разум» сводит органическое, предполагающее, что «часть» должна целиком содержать в себе и «целое», к механизму. Так, движение телеологического отношения открывает, что цель органического не может находиться вне его самого, но только сам «наблюдающий разум» видеть этого пока не может. «Понятие как таковое при этом исключено» [Там же. С. 142], поэтому о цели как внешней органическому сущности Гегель замечает, что она «возникает способом темным и поверхностным, при котором мысль низведена до уровня представления» [Там же. С. 142], но эту характеристику можно было бы с полным правом повторить и в отношении «души».

Неспособность «наблюдающего разума» найти адекватный способ постижения органического как «простого единства», его «внутреннего», нашедшая отражение в отказе от понятия души, предопределяет появление у Гегеля тезиса, получившего широкую известность и нелестные оценки у многих поколений читателей философа, – тезиса об отсутствии у органического мира истории. Однако это положение имеет в «Феноменологии» тот более точный смысл, что «наблюдающий разум» не способен постигать органическое как внутренне упорядоченную целостность, разворачивающую все богатство своего содержания также и в необходимом движении внешних проявлений, более того, исчерпывающего в этом движении все структурное многообразие содержания. В качестве подобной целостности в «Феноменологии» выступает, как это уже знает (начало IV главы) «феноменолог», самосознание. В одном месте Гегель прямо говорит, что органический род, который соответствовал бы критериям спекулятивной конкретности, «был бы сознанием» [Там же. С. 157]. Но род конкретен на ступени «наблюдающего разума» только «в себе», разум обнаруживается пока лишь как «жизнь вообще», «всеобщая жизнь» [Там же. С. 159]. И поскольку род – не самосознание, в котором всеобщее и единичное соотносились бы, подобно тому как это имеет место в духе, через систему формообразований, «упорядочивающую себя в целое» [Там же. С. 159], Гегель формулирует парадоксальное учение о земле как «всеобщем индивиде», со стороны которого род «претерпевает насилие» [Там же. С. 158–160], в связи с чем его жизнь и не может составить «историю». Поэтому и «опыт сознания», не находя более спекулятивного интереса в «наблюдении органического», оказывается вынужденным перейти к «наблюдению самосознания».

Как видим, именно в процессе «наблюдения органического» Гегель осуществляет своего рода «феноменологическую деконструкцию» «души», делая решающий шаг от прежних метафизических учений о душе в направле-

нии научной психологии. Не узнавая себя в органическом, «наблюдающий разум» пытается вынести его «внутреннее» вовне, уподобляя при этом «внутреннее» и «внешнее» устойчивым определениям своего прежнего опыта наблюдения неорганической природы, который успешно описывался с помощью «законов». Подобное «внутреннее» органической субстанции и оказывается прообразом «души». Итак, «душа» – это «внутреннее» органического как насильственно удерживаемый «наблюдающим разумом» момент спекулятивной структуры «бесконечности», который «для удобства наблюдения» наделяется изолированным бытием и устойчивой определенностью. «Опыт сознания» конституирует «душу», но тут же открывает и ее недоступность для «наблюдающего разума». Но тем самым вскрывается и отсутствие реальности у этого центрального понятия философской психологии, устанавливается его «недействительность». Если бы вывод Гегеля относительно возможностей современной ему психологии был сформулирован уже в тексте первого параграфа, он должен был звучать определенно критически. Доказательством этому служит разоблачение любых ухищрений «наблюдающего разума» в попытках непосредственно «наблюдать» «внутреннее». Та же мысль воспроизводится и в соответствующем месте «Философии природы»: в действительности, замечает здесь Гегель, «душа проста, она тоньше точки» [9. С. 462]. Более того, рассудок впадает в противоречие уже в том, что стремится наделить субстанциальным существованием и устойчивой определенностью то, что проявляется, как увидим ниже, лишь в деятельности индивидуальности: «Долго старались найти душу; но сами эти поиски противоречивы» [Там же. С. 462].

Критическое суждение о современных ему психологических учениях Гегель произносит в двух следующих параграфах: в) Наблюдение самосознания в его чистоте и в его отношении к внешней действительности; логические и психологические законы и с) Наблюдение самосознания в его отношении к своей непосредственной действительности; физиогномика и френология. Первый из них открывается очерком критики формальной логики, основные идеи которого будут подробно развиты в «Учении о сущности». В качестве «реальности» логических законов выступает «действующее сознание», предмет «наблюдающей психологии». Но наблюдение условий его становления не объясняет индивидуальность, «влияние среды» порождает слишком неопределенные и двойственные объяснения. Поэтому оказывается необходимым возвратиться к наблюдению индивидуальности, и «опыт сознания» вступает в область «наблюдения самосознания в его отношении к своей непосредственной действительности». Психологическое содержание этого параграфа состоит в том, что указанный способ наблюдения самосознания заходит в тупик «психофизиологической проблемы» (представляемой Гегелем с комическими нотками), и тогда движение «опыта сознания» прорывается к рассмотрению деятельности индивида в социальном окружении.

Смысл гегелевской критики не здесь сводится к разоблачению попыток «наблюдающего разума» постичь «внутреннее» как особое обладающее собственной определенностью сущее. Действительным результатом гегелевского рассмотрения становится осознание неизбежности решительного отказа от подобного пути и поиска принципиально иного взгляда на новый вид предметности, к которому приходит сознание в попытке усмотреть внутреннюю

сущность органического, его «простое единство». Гегель произносит свой приговор прежним попыткам постичь «душу», замечая, что в конце концов «наблюдающий разум», не способный постичь «внутреннее» органического, превращаемое по аналогии с вещами в устойчивое существование, «вынужден покинуть самого себя и перевернуться; ибо лишь совершенно дурное содержит в себе непосредственную необходимость превратиться в противоположное» [7. С. 183].

В чем же, однако, должен заключаться тот метод постижения «внутреннего», который будет означать выхождение движения «опыта сознания» за границы «Наблюдающего разума»? Заметим прежде, что его обоснование не может быть дано здесь, в рамках статьи, ограничивающейся психологической проблематикой, в полном объеме, поскольку оно связано с движением сюжета «Феноменологии» как целого, но результат Гегель представляет вполне ясно. Уже в контексте полемики с точкой зрения физиогномики Гегель замечает, что *«истинное бытие человека... есть его действие; в последнем индивидуальность действительна* [Там же. С. 172]. Подобно тому, как содержание субъекта высказывания раскрывается в последовательности предикатов (фундаментальная гегелевская тема, нашедшая отражение и в «Феноменологии», и в «Логике»), так и содержание индивидуальности раскрывается в деятельности, а не в неких якобы присущих ей неизменных свойствах. И самое главное, что эта деятельность может осуществляться лишь в социальном окружении, последнее – это и есть та самая всеобщая, «универсальная» индивидуальность, которой недоставало органическому, чтобы выявить спекулятивное содержание вовне, и которое вследствие этого оказалось во власти насилия со стороны «земли». Поэтому если на ступени «Наблюдающего разума» сознание удовлетворялось рассмотрением своего отношения к вещи, которой оно безуспешно пыталось уподобить и «внутреннее» органического, то теперь, осознав свою несводимость к какому-либо устойчивому существованию, оно проходит стадию «удвоения самосознания», повторяя на новой основе опыт начала IV главы: «Предмет, с которым оно... соотносится, есть... некоторое самосознание» и т.д. [Там же. С. 187]. Но тем самым «внутреннее», «душа» перестает восприниматься сознанием как «единичное», происходит выход в то измерение «опыта сознания», которое иллюстрируется социальным бытием («нравы» и т.д.), что проявляется уже во втором и третьем разделах V главы и в еще большей степени в VI главе. Социальное измерение «опыта сознания» оказывается следствием перехода от созерцающего «сознания» к деятельному «самосознанию», как и на границе III и IV глав: «Сознание более не хочет *непосредственно находить* себя, а хочет порождать себя своей деятельностью. Оно само есть себе цель своего действия, как в наблюдении для него важны были только вещи» [Там же. С. 185].

Гегель показывает, таким образом, как в движении «опыта сознания» переплетаются мотивы деятельности и социальности – и тот и другой возникают в качестве следствий снятия устойчивого существования «вещи». Этот результат может оцениваться с разных точек зрения, но в данном случае, обсуждая вопрос о предвосхищении Гегелем метода научной психологии, можно констатировать, что преодолевший границы метафизического понятия души «опыт сознания» движется к социальным измерениям деятельности, т.е.

к тому образу научной психологии, который будет сформирован отечественными психологами лишь в середине прошлого века¹.

В самом деле, специфика подхода к определению метода изучения психологических феноменов в культурно-исторической школе и состоит как раз в том, что они переносятся в социальный контекст и рассматриваются в качестве проявлений формирующейся под влиянием общественных условий индивидуальности. При этом чем более сложной является психическая функция, тем в большей степени именно социальные факторы влияют на ее формирование. Этот подход Л.С. Выготского и его последователей должен быть признан не менее «научным», чем метод эмпирической психологии, но исследование психических явлений в его границах уже не предполагает неизбежного возвращения психологии в ловушку «картезианской парадигмы». Однако именно Гегель – и прежде всего благодаря своей «Феноменологии» – должен быть признан инициатором такого подхода. Всецело негативный результат поисков способа познания индивидуальности, завершающихся упомянутым «переворачиванием», осознанием «непосредственной необходимости превратиться в противоположное», и открывает путь к «удвоению самосознания» и рассмотрению деятельности индивида в социальном окружении как способу раскрытия его «внутреннего мира», того, что «наблюдающий разум» стремился установить в качестве «души». Таким образом, то, что именуется сегодня в психологии деятельностным и культурно-историческим подходами, легко вычитывается в «психологических главах» «Феноменологии».

Правда, при этом следует различать содержательный и исторический аспекты сравнения поисков Гегеля и Л.С. Выготского в методологии психологического познания. По-видимому, доказательств знакомства Л.С. Выготского с «Феноменологией духа», тем более с крайне трудной для прочтения V главой, нет. Хотя упоминания об интересе к Гегелю у Выготского и встречаются, но, по мнению специалистов, этот интерес не всегда вел к знакомству с текстами самого философа. А вот содержательное единство подходов, как я стремился показать на материале прочтения «психологических глав», очевидно. Более того, знакомство с гегелевским описанием «опыта сознания» имеет и актуальный научный (а не только «исторический») интерес, поскольку вскрывает связь идей деятельности и социальности в той модели психологии, набросок которой два века назад впервые была сделана в «Феноменологии духа» и которая затем независимо от этого опыта была реализована Л.С. Выготским и его последователями.

Литература

1. Васильев В.В. Учение о душе в метафизике XVIII века. Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2000. 131 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. М. : Мысль, 1977. Т. 3 : Философия духа. 471 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии духа. Берлин 1827/1828 : в записи И.Э. Эрдмана и Ф. Вальтера. М. : Дело, 2014. 304 с.
4. Henrich D. (Hg.) Hegels philosophische Psychologie. Bonn : Bouvier, 1979. 234 S. (Hegel-Studien, Bh. 19).

---

¹ Выражаю искреннюю признательность исследователю творчества Л.С. Выготского Е.Ю. Завершневой, поддержавшей идею статьи и высказавшей ряд ценных замечаний как о характере знакомства Л.С. Выготского с философией Гегеля, так и об условиях соотнесения идей, высказанных в контексте классической философии, с установками культурно-исторической психологии.

5. Herrmann-Sinai S., Siglioli L. (ed.) *Hegel's Philosophical Psychology*. New York : Routledge, 2016. 306 p.
6. Winfield R.D. *Hegel and Mind. Rethinking Philosophical Psychology*. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2010. 170 p.
7. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа // Сочинения. М. : Изд-во соц.-экон. лит., 1959. Т. IV. 440 с.
8. Власов А.Д. Словарь по философии Гегеля (Феноменология духа). М. : МИФИ, 1997. 540 с.
9. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. М. : Мысль, 1975. Т. 2 : Философия природы. 695 с.

Vyacheslav I. Korotkikh, Yelets State Ivan Bunin University (Yelets, Russian Federation).

E-mail: shortv@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 44. pp. 122–130.

DOI: 10.17223/1998863X/44/12

THE PROBLEM OF METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF PSYCHOLOGY IN HEGEL'S PHENOMENOLOGY OF SPIRIT

Keywords: Hegel's philosophy; soul; method of scientific psychology; cultural-historical psychology.

The article deals with the problem of Hegel's place in the history of psychology based on the analysis of Chapter V of his *Phenomenology of Spirit*. The author tries to demonstrate that the identification of Hegel's psychological conception with the doctrine of the Subjective Spirit in the *Encyclopedia of the Philosophical Sciences* is wrong, because it is in the *Phenomenology of Spirit* that the philosopher reveals the prerequisites for the formation of the concept of soul in the "experience of consciousness" and carries out a thorough criticism of contemporary psychology. According to Hegel, the emergence of the concept of soul is associated with the attempt of "observing reason" to reveal the "inner" of the organic and to attribute to it a stable existence by analogy with objects of inanimate nature. However, actual experience disproves these attempts. The concept of soul arises in it, but immediately opens the inaccessibility of "soul" for "observing reason". Thus, Hegel reveals the lack of reality in the central concept of philosophical psychology. The author claims that this way Hegel makes a decisive step from the former metaphysical theory about soul to the creation of the new model of psychology. The result of the "experience of consciousness" is the awareness of the inevitability of abandoning the dead-end approaches of the former psychology and the transition to the analysis of an individual's activity in the social context as a productive method of cognition of mental phenomena. In the following sections of Chapter V, Hegel demonstrates that the nature of individuality is revealed in activity, and not in some supposedly inherent invariable attributes, and this activity can be carried out only in a social context. Hegel's demonstration of the impossibility of knowing individuality outside of its activities prompts to recognise his approach to those searches that were conducted in the Russian psychology of the 20th century (Lev Vygotsky and his followers). The author argues the idea that Hegel's views can be considered as the first attempt to develop a method of scientific psychology.

References

1. Vasilyev, V.V. (2000) *Ucheniye o dushe v metafizike XVIII veka* [The doctrine of the soul in the metaphysics of the eighteenth century]. Barnaul: Altai State University.
2. Hegel, G.V.F. (1977) *Entsiklopediya filosofskikh nauk* [Encyclopedia of Philosophy]. Vol. 3. Translated from German. Moscow: Mysl'.
3. Hegel, G.V.F. (2014) *Leksii po filosofii dukha. Berlin 1827/1828. V zapisi I.E. Erdmana i F. Val'tera* [Lectures on the philosophy of the spirit. Berlin 1827/1828. Recorded by I.E. Erdman and F. Walter]. Translated from German by K. Aleksandrov. Moscow: Delo, RANKhiGS.
4. Henrich, D. (ed.) (1979) *Hegels philosophische Psychologie* [Hegel's Philosophical Psychology]. Bonn: Bouvier.
5. Herrmann-Sinai, S. & Siglioli, L. (eds) (2016) *Hegel's Philosophical Psychology*. New York: Routledge.
6. Winfield, R.D. (2010) *Hegel and Mind. Rethinking Philosophical Psychology*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

7. Hegel, G.V.F. (1959) *Sochineniya* [Works]. Vol. 4. Translated from Germa. Moscow: Izd-vo sots.-ekon. lit.

8. Vlasov, A.D. (1997) *Slovar' po filosofii Gegelya (Fenomenologiya dukha)* [The Dictionary on Hegel's Philosophy of (Phenomenology of the Spirit)]. Moscow: MIFI.

9. Hegel, G.V.F. (1975) *Entsiklopediya filosofskikh nauk* [Encyclopedia of Philosophy]. Vol. 2. Translated from German. Moscow: Mysl'.

УДК 1 (091)

DOI: 10.17223/1998863X/44/13

Р.М. Хамитов

ПРОБЛЕМА ПОЗНАНИЯ ИСТОРИИ В ФИЛОСОФИИ В. ДИЛЬТЕЯ

Аналізу подлежить антиметафізическа позиція В. Дильтея в отношении положення історическої науки, утверджується його приверженність емпірическим методам в гуманітарних науках, рассматривается суть історического об'єкта, його границі.

Ключевые слова: В. Дильтей, история, науки о духе, интерпретация.

Философ, которому посвящены размышления в настоящей статье, рассматривал тексты, акты творчества, его результаты как то, внутреннее содержание чего подлежит интерпретации; исследование сферы духа для него было ближе к пониманию творений поэтов или художников, чем к изучению природных явлений с помощью экспериментов. Находясь под влиянием герменевтики Ф. Шлейермахера, В. Дильтей признавал, что понимание любого исторического источника зависит от времени его создания и актуальности, но был уверен и в том, что ум историка способен вжиться в «текст» и с не меньшим успехом, чем современник, понять его. Пересмотрев свое мнение по поводу понимания после критики своей инстропспективной позиции, а также примкнув к положениям неокантианцев, в частности идее о зависимости культурных произведений от формальных тенденций, соответствующих временным интервалам, В. Дильтей пришел к выводу, что рассматриваемые «тексты» являются результатами той или иной культурной эпохи, а смыслы их формируются в зависимости от актуальных ценностей соответствующего периода и культурного горизонта автора. В. Дильтей настаивает на том, что большего успеха можно достичь, расширяя знания об авторе и эпохе, в которой он творит, нежели из ощущения реальности осмысливающего текст, так как эта процедура определяет рамки исследуемого, уменьшая возможность вмешательства, искажающего истинное положение вещей, элементов. Чем большее расстояние между интерпретатором и автором, тем меньшая надежность понимания, но возможность интерпретационной модели сохраняется. Но так ли «просто» обстоит дело, когда речь идет о поиске смысла истории, которую можно рассматривать как вечно продолжающийся текст, вмещающий в себя все, что было с человеком?

Провозвестник свободы гуманитарных наук от гегемонии естествознания В. Дильтей выносил свои суждения о значении философии истории в рамках наук о духе, указывал на отсутствие конечного решения, выражающего общий смысл истории, но вовсе не нивелировал возможность изучения истории как некоторого целого, существующего по определенным закономерностям, которые возможно исследовать. Философ занимался разработкой методов рассмотрения исторически-общественной действительности, что уже отмечает наличие смысла у обозначенной выше области. Сознание человека имеет

доступ к исторической реальности благодаря историчности феномена, стоящего во главе угла всей дильтеевской философии, жизни, что представляет собой культурное бытие человека. Именно тотальность как качественная характеристика исторической реальности, значимость которой, по определению, трудно демаркировать, низвергает в зародыше идеалистические тенденции в творчестве В. Дильтея. По примеру Э. Гуссерля наш исследователь не представлял возможности достижения истины из простой формальной работы сознания безотносительно материала, который задействован в этой работе. Связь гносеологических методов с различными условиями переживаемого опыта, обладающего богатым спектром значений, для В. Дильтея была решающей. В отличие от эмпирических материалов естествознания, данными исторических наук являются не разобщенные внешние природные структуры, а связанные с человеческим бытием внутренне упорядоченные феномены, познаваемые вследствие того, что исследователь имеет тесную корреляцию с предметом изучения, при этом обладая способностью самосознания. Путь исследования «человеческого» через самое себя был подсказан В. Дильтею в незаконченном «опыте» И.Г. Фихте: «Всякий объект доходит до сознания исключительно при том условии, что я имею сознание о себе самом как сознающем» [1. С. 555]. В данном случае изучение помещается в круг, который разрешается слиянием объекта и субъекта.

Трудно переоценить влияние на творчество В. Дильтея исторических идей Г.В.Ф. Гегеля; освободителю гуманитарного знания импонировала идея коллеги по перу создать универсальную историю, но рассмотрение духа как имманентной субстанции, последовательно развивающейся во времени, претило намерениям и взглядам В. Дильтея, поскольку «в своей внутренней сущности, соответствующей мысли, дух сам уже является продуктом закономерного движения общественного мира» [2. С. 322]. В этом и состоит одна из основных причин недопустимости В. Дильтеем в сферу своей историософии метафизических поисков тайной квинтэссенции, из которой происходит тело истории, следует отвергнуть попытки найти смысл истории за ее пределами, более того, нужно остерегаться внеэмпирических обоснований истории. Только реалистический подход на основе фактов приводит к тому, что отборный материал путем кропотливого анализа приводит к значению, которое само по себе является результатом этой работы, именно оно (значение) способно быть предпосылкой настоящего. Но Г.В.Ф. Гегель – отнюдь далеко не единственный из «учителей», основные идеи которых были не приняты. Еще Г.В. Лейбниц пытался подчинить действительность логическому порядку, после Г.В.Ф. Гегеля этим занялся А. Шопенгауэр, повсюду возникали противоречия, вообще вся прошлая метафизика, вплетающая мир в категориальную сетку, неприемлема для исторических штудий В. Дильтея, так как человеческий разум полностью не определен рациональными функциями, как было в метафизических концепциях, его содержание гораздо богаче, его нельзя до конца редуцировать до выполнения мыслительных операций, хотя метафизика и не есть просто размышления о разуме, в ней скрыты многие человеческие характеристики. По этой причине он делает акцент на доказательность, определенность в схемах постижения гуманитарных явлений, а также научность, с помощью которых весь «человек» выйдет на поверхность, в противовес метафизическим системам. Философия наук о духе направлена

на исследование человека сквозь призму истории и культурного творчества. Значения имеют все произведения человеческого ума, поскольку они являются материалами, несущими информацию о человеке и его жизни; именно мыслящий субъект, изъятый цивилизацией из природного мира в свою собственную духовную вселенную, представляет собой предмет познания в рамках реалистического учения В. Дильтея. Дифференциацию подходов В. Дильтей наследовал от И.Г. Фихте, который предполагал два варианта научной деятельности, направленной на исследование гуманитарных проблем: первый из них – философский, представляющий собой возведение в ранг значимых тех событий, что обладают какой-то абсолютной ценностью, другой же – исторический, основанный на опыте, в котором манипулируют фактами и рассматривают прошлые события как предпосылки настоящих. При таком подходе значение выводится в процессе исследования, а исторические взаимосвязи являются продуктом независимого анализа.

В. Дильтей, как указывалось выше, был противником идеализма в истории, одной из причин этого противостояния было наличие в подобном рассмотрении исторических явлений противоречия, согласно которому порядок находится там, где его нет. Иллюстрацией этого состояния науки о прошлом служит кантианская рациональная историческая схема, заполняемая необходимым материалом, отвечающим определенным критериям. Подобного рода недостатком, как думал В. Дильтей, обладал Г.В.Ф. Гегель, для него субстанциализм восемнадцатого века, наследником которого был философ, имел позицию одновременно истинную и недостаточную, поскольку она являлась четко зафиксированной, но абсолютный дух Г.В.Ф. Гегеля представляет собой активную самодвижущуюся субстанцию, «дух... должен обладать реальностью, наличным бытием, должен быть объективным для себя...» [З. С. 399]. Отсюда напрашивается вывод, что гегелевская субстанция существует в историческом измерении, что является яркой иллюстрацией отличия гегелевской позиции от концепта И. Канта. У Г.В.Ф. Гегеля происходит логизация истории, но только для того, чтобы быть средой для обнаружения духа, который наличествовал в бытии, имея одну и ту же природу, и проявлял ее в различных формах на всем протяжении истории, которая для Г.В.Ф. Гегеля была исключительно рациональным проявлением. Даже философия И.Г. Фихте, к которой В. Дильтей питал глубокий интерес, не подходит для средства достижения историей статуса «свободной науки». Позиция И.Г. Фихте критикуется за свой провиденциализм, последователь И. Канта полагал, что развитие истории происходит благодаря божественному замыслу, но вместе с тем В. Дильтею импонировала идея И.Г. Фихте о телеологичности истории.

Только подход, основанный на кропотливом анализе фактов, способен внести ясность в историческую науку и исследовать явления прошлого с большей достоверностью, он отвергает саму возможность познания безотносительных ценностей, созданных в истории «дланью господ», пласт обоснования гуманитарных наук не приемлет вмешательство всяческой исторической метафизики, В. Дильтей был против подчинения исторических единиц какому-либо властному началу. Хотя и всякое историческое явление относительно, но это не является препятствием для поисков знания о духовной действительности, данная относительность имеет свойство следовать в ногу за временем и иметь точкой отсчета данный момент, в котором существует изу-

чаемая действительность. Возвратимся к мысли о борьбе с метафизикой; отрицая божественное влияние в историческом процессе мы не становимся ближе к истине. Несмотря на то, что эмпирический подход был взят В. Дильтеем у позитивистов, не все их идеи были приняты положительно, например, рассмотрение истории с возникновения жизни на Земле не приемлемо для автора «Введения в науки о духе». История сводится к событиям, в процессе свершения которых руководящую роль принимало на себя человеческое сознание. В исследовании истории В. Дильтей использует старый герменевтический инструмент помещения частного во всеобщее и считает его применимым как в биографических обзорах, так и в рассмотрении мировой истории. Но и здесь возникают существенные затруднения. В первом случае вердикт относительно смысла жизни того или иного индивида может вынести либо биограф, либо сам индивид на закате своих возможностей. Относительно мировой истории применение герменевтического круга возможно только условно, в рамках прогноза, исходя из существующего положения дел.

Историческая школа Германии XIX в. повально страдала бессилием, используя метод романтической герменевтики, доставшийся в наследство от Ф. Шлейермахера, в эту ловушку попали Л. Ранке, И. Дройзен, не смог ее избежать и В. Дильтей. Если эти герменевтические изобретения отлично работали внутри текста, то в исторической области они не могли действовать с тем же успехом. Основной закон герменевтики гласит, что понимание общего состоит из постижения частей, которые принадлежат этому общему. Рассмотрение истории как одного большого текста, который можно анализировать, используя приемы герменевтики, имеет существенный недостаток, поскольку герменевтика имеет дело с некоторым завершенным целым; относительно истории нельзя сказать, что она имеет свое завершение вне человеческого мира, она актуальна в своей активности пока существует человечество. По выражению Г.Г. Гадамера, «для каждой современности книга истории есть обрывающийся в темноте фрагмент [4. С. 247]. Историю, по словам В. Дильтея, одновременно мыслят и участвуют в ней, что делает человека автономным субъектом в «книге истории», а также ее автором, по крайней мере в пределах собственной жизни, которая рассматривается уже как личное произведение. Данная свобода является только кажущимся потенциалом выбора того или иного сюжета развития событий, но жизнь не дана актуально, в этой связи история не является открытой картой, где весь путь имеет зримые очертания. Конец истории мы можем только представить себе, и это явно будет лишь гипотезой не без большой доли субъективности. Для просветителей завершение истории представлялось в свете расцвета их собственных идей: гуманности, просвещения и т.д., подобного рода подход вносит в историю элемент обязательности. Та тенденция исследовательских поисков, к которой имел непосредственное отношение В. Дильтей, считая, что в ее рамках имеется возможность открытия объективных законов истории путем безоценочного анализа воспроизведенных фактов, являлась не совсем верной, поскольку область исторических фактов слишком богата для дословного изложения, в ней необходим отбор, а уже он происходит не без участия противостоящих фактам ценностных норм. По поводу подхода к научному исследованию относительно фактов, который

можно применить к нашему рассмотрению, К. Поппер писал: «Все научные описания фактов в значительной степени избирательны и селективны, они всегда зависят от соответствующих теорий» [6. С. 300]. Резюмируя все указанное по поводу сущности истории, выводятся два варианта разрешения проблемы. В первом историк работает с условными завершенными элементами, такими как государства, эпохи и т.д. При таком подходе рассмотрение всеобщей истории либо исключается вообще в силу отсутствия объекта исследования, либо ограничивается формальностями, которые могут иметь отношение к индивидуальной истории.

Второй вариант решения проблемы предполагает помещение объекта всемирной истории в некоторые рамки, позволяющие рассматривать историю как нечто продолжающееся, суждения в области истории в этом варианте подлежат множественной переинтерпретации, т.е. в истории не может быть какого-то одного навсегда законченного смысла. Так как история представляет собой нечто вечно длящееся, то даже говоря о давно прошедших эпохах, в разное время будут выноситься абсолютно различные суждения, зависящие от целей, мотивов, нужд выражающего свою точку зрения субъекта, независимо от того, насколько этот субъект причастен к историческим событиям, о которых идет речь.

В отношении творчества В. Дильтея обозначенные варианты решения проблем сущности истории уживаются вместе. Мировая история обозначена учением об общих структурных регулярностях в истории, в последней своей работе «Построение исторического мира в науках о духе» В. Дильтей высказывает точку зрения открытости истории, где ответ на ее вопросы корректируется в зависимости от конкретной ситуации. Философ разрабатывает учение о реальных категориях, чтобы показать, каким образом ученый постигает предмет истории. «Значение» определяется с помощью герменевтического круга. Оно выражается при соотношении жизни отдельного человека и истории мира. Поэтому человек может написать завершённый документальный опус о своей жизни только в конце своего существования. Значение каждого отдельно взятого момента проявляется при его соотношении со всем временем жизни. Категории значимости и цели возникают из переживания: смысл исторического явления появляется из соотношения с целевыми ориентирами познающего субъекта.

История сама по себе не имеет смысла, по мнению В. Дильтея, так как этой категории в истории в чистом виде нет, она привносится извне и существует в виде динамически-относительной категории, в каждом поколении смысл истории меняет свои характеристики в зависимости от жизненных установок в каждое конкретное время, есть лишь закономерные тенденции, в которые встраиваются цели, существующие в пределах становящихся актуальными норм. Изучение истории в дильтеевском рассмотрении непременно происходит через призму ее «эмерджентности», она представляет собой систему взаимодействия всей области гуманитарных наук, включая такие культурные области, как религия и философия, поскольку изучение области человеческого существования сложно ввиду многомерного социального характера его формирования. Но общее не поглощает частное, и обратного процесса не происходит, важен как смысл одной дисциплины, так и суть систем, внутри которых она функционирует.

Литература

1. Фихте И.Г. Сочинения : в 2 т. СПб. : Мифрил, 1993. Т. I. 687 с.
2. Дильтей В. Построение исторического мира в науках о духе. М. : Три квадрата, 2004. 418 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М. : Мысль, 1990. 524 с.
4. Гадамер Х.Г. Истина и метод. М. : Прогресс, 1988. 704 с.
5. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1986. 445 с.
6. Поннер К. Открытое общество и его враги. М. : Феникс, 1992. 528 с.

Ramil M. Khamitov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: rams2601@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 44. pp. 131–136.

DOI: 10.17223/1998863X/44/13

THE PROBLEM OF KNOWLEDGE OF HISTORY IN WILHELM DILTHEY'S PHILOSOPHY

Keywords: Dilthey; history; humanities; interpretation.

Dilthey's Critique of Historical *Reason* is the result of a profound analysis of metaphysical concepts from the Antiquity to the end of the 19th century. In this period, historical science did not exist from a methodological point of view. It was heavily influenced by philosophy or natural sciences. Dilthey's negative attitude towards philosophy of history is predetermined by his anti-metaphysical position. According to Dilthey, the search of the essence of historical science beyond its limits is not allowed. Therefore, the historian must occupy the position of a scientist, in whose interests there are only facts that are subject to impassive study. Human culture, in Dilthey's view, deserves the status of an object of an independent scientific study no less than nature because it possesses its specific properties that do not lend itself to the tools of natural sciences, in the application of which a proper result is obtained. History as a science has its advantages and drawbacks because of the subject and the object of the research that coincide in it. Self-awareness is the ability that allows us to successfully penetrate into the human world and create the most complete picture of humankind. We ourselves create sources of history, which become a "text". Scientists will be able to extract a part of the whole studied area and build it into a scientific knowledge in the future. However, it is impossible to finish the "history book". It needs to be studied within certain boundaries. It is possible to investigate the states or ages chosen for this, or one can accept the fact that it is an ongoing project that has certain regularities that cannot be predicted. For Dilthey, the existence of humankind takes an eternity, which is an area subordinate to history.

References

1. Fichte, I.G. (1993) *Sochineniya v dvukh tomakh* [Works in 2 vols]. Vol. I. Translated from German. St. Petersburg: Mifril.
2. Dilthey, W. (2004) *Postroyeniye istoricheskogo mira v naukakh o dukhe* [The Construction of the Historical World in the Sciences of the Spirit]. Translated from German by V.A. Kurennoy. Moscow: Tri kvadrata.
3. Hegel, G.V.F. (1990) *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Translated from German. Moscow: Mysl'.
4. Gadamer, H.G. (1988) *Istina i metod* [Truth and Method]. Translated from German. Moscow: Progress.
5. Bakhtin, M.M. (1986) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow: Iskusstvo.
6. Popper, K. (1992) *Otkrytoye obshchestvo i yego vragi* [The Open Society and Its Enemies]. Translated from English by V.N. Sadovsky. Moscow: Feniks.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 314.74

DOI: 10.17223/1998863X/44/14

И.Б. Бритвина, Е.Л. Могильчак, Г.А. Савчук

ОТНОШЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ УРАЛЬСКОГО МЕГАПОЛИСА К ИНОЭТНИЧНЫМ МИГРАНТАМ ИЗ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ

Авторы статьи на основе факторного анализа выделяют три группы установок в позициях жителей Екатеринбурга по отношению к иноэтничным мигрантам из стран Центральной Азии. Зафиксированы следующие группы факторов, определяющих отношение к мигрантам: осознание приемлемости принадлежности к одной социальной общности с мигрантами, степень благожелательности к пребыванию мигрантов в городе и ориентация на оптимизацию взаимодействия местного населения и мигрантов.

Ключевые слова: отношение к мигрантам, Екатеринбург, Центральная Азия, опрос, факторный анализ.

Отношение к иноэтничным мигрантам в силу масштабности внешних миграций является очень актуальной проблемой практически для всех стран планеты, отпускающих и принимающих мигрантов. Между толерантной и интолерантной позициями членов принимающего сообщества есть целый ряд позиций, характеризующих это отношение, сущность которых изучена недостаточно. Кроме того, в зависимости от ситуации и сферы взаимодействия членов мигрирующего и принимающего сообщества эти позиции меняются. По мнению авторов статьи, изучение обстоятельств, определяющих отношение принимающего сообщества к иноэтничным мигрантам, является актуальным направлением исследования.

Анализ проблемы формирования отношения местного населения к внешним мигрантам связан прежде всего с изучением влияния социально-демографических характеристик принимающего сообщества на это отношение. Используя данные других исследователей, мы выяснили, что в научной литературе нет единой точки зрения по этому вопросу.

К первой группе работ относятся те, в которых доказывается, что социально-демографические показатели являются определяющими для формирования отношения к иноэтничным мигрантам. Прежде всего коррелирующим признаком является пол респондентов. Так, в конце XX в. Г. Хернс и К. Кнудсен доказывали, что уровень толерантности выше среди женщин [1]. С. Кеткаев и Р. Naruetharadhol по исследованиям в Таиланде и сегодня утверждают, что существует значительная разница в отношении местных мужчин и женщин к проблемам, связанным с тем, что трудящиеся-мигранты являются носителями болезней, а также конкурируют с местным населением за работу [2]. И. Маркаки и С. Лонги считают, что женщины более оппозици-

онно настроены по отношению к мигрантам, чем мужчины [3]. С другой стороны, если говорить о пограничном контроле, то мужчины – большие изоляционисты. Женщины больше боятся интеграции нелегальных мигрантов, приезда мигрантов из бедных стран в Европу. Мужчины же больше чувствуют культурную угрозу. По данным К. Амуедо-Орантес и Т. Путтитанун, женщины больше обеспокоены социальной интеграцией и экономической ассимиляцией иммигрантов [4]. Российские авторы также отмечают важность этих характеристик. Так, В. И. Мукомель пишет о более выраженной толерантности женщин по сравнению с мужчинами [5. С. 36]. По мнению В.С. Хамидулина и К.Ю. Колесниченко, мигранты вызывают больше отрицательных эмоций у мужчин, чем у женщин [6].

Заметную роль в формировании отношения к приезжим играет и возраст членов принимающего сообщества. Так, еще в конце XX в. западные исследователи писали, что увеличение возраста отрицательно влияет на отношение к мигрантам [1, 7]. Кроме того, пожилые люди больше поддерживают исключение аутгрупп. Пожилые люди с низким образованием, которые не удовлетворены своим доходом, с большей вероятностью имеют негативное отношение к иммиграции [3]. По данным общеевропейского исследования 2017 г., молодые люди относятся более благожелательно к иммиграции, чем старшие респонденты [8. С. 18].

Данные ряда российских авторов, напротив, свидетельствуют о повышенной толерантности пожилых людей. Так, В.И. Мукомель пишет о более выраженной толерантности людей старшего возраста по сравнению с молодежью [5. С. 36]. Есть и другое мнение среди российских авторов. М.К. Горшков и Ф.Э. Шереги отмечают, что российской молодежи в меньшей степени присуща ксенофобия, чем представителям старшего поколения [9. С. 207]. И.М. Кузнецов также пишет, что тезис об особой националистичности российской молодежи не находит своего подтверждения [10. С. 58].

Вторая группа работ связана с неоднозначностью оценок влияния демографических характеристик принимающего сообщества на отношение к внешним мигрантам. Так, Л.М. Дробижева на примере данных западных авторов отмечает противоречивость действия социально-демографических характеристик [11. С. 11–12]. Ряд исследователей упоминают о неоднозначности влияния социально-демографических показателей на отношение к внешним мигрантам [12].

Кроме демографических характеристик в литературе отражены и другие факторы, воздействующие на отношение к приезжим. Многие авторы изучают влияние идентичности россиян на их отношение к внешним мигрантам [5, 11]. Они приходят к выводу, что существует тесная связь между общегражданской идентичностью россиян и их отношением к мигрантам.

Исследуется и влияние межэтнических установок на отношение к приезжим [10, 11]. Зафиксировано наличие в российском обществе избирательного отношения к тем или иным этническим группам, определяемое мерой их интеграции в данное локальное сообщество.

Есть работы о влиянии образования членов принимающего сообщества на отношение к мигрантам. По данным К. Амуедо-Орантес и Т. Путтитанун, более образованные местные жители менее склонны выступать против как нелегальных, так и законных мигрантов [4]. В.А. Понизовский указывает, что

социально-демографические факторы объясняют лишь 6% вариации аттитюдов, при этом образование является самым сильным фактором [13. С. 264]. Важным направлением исследований в русле обозначенной проблематики является анализ сложной структуры аттитюда [14–16] и несоответствия аттитюда и поведения [17–20]. Исследователи отмечают, что аттитюд предполагает позицию, отношение к чему-то [14. С. 23]. Аттитюд, или социальная фиксированная установка, обладает сложной структурой, содержит оценочный, когнитивный и собственно поведенческий (поведенческую готовность) аспекты [16. С. 37].

В мае 2016 г. авторами статьи по репрезентативной выборке был проведен анкетный опрос 485 жителей Екатеринбурга, более пяти лет проживающих в этом городе. Отбор респондентов производился в соответствии с квотной выборкой по полу, возрасту и районам проживания в Екатеринбурге. Авторов интересовало отношение к иноэтничным мигрантам из стран Центральной Азии (казахи, киргизы, таджики, узбеки, туркмены), так как это самая большая группа мигрантов в данном городе. Отношение к мигрантам измерялось с помощью различных шкал.

Затем к эмпирическому материалу был применен факторный анализ. С точки зрения классического подхода аттитюд (социальная фиксированная установка) содержит оценочный, когнитивный и поведенческий аспекты. Следуя за одним из методических решений по изучению аттитюда, авторы рассматривают его как предрасположенность, приводящую к благожелательным или неблагоприятным реакциям, и это дает возможность представить аттитюд как фактор F , а реакции респондентов – как параметры, наблюдаемые переменные [19. С. 187]. Таким образом, аттитюд в данном исследовании рассматривается как многомерная латентная переменная, проявляющаяся через совокупность наблюдаемых признаков. Применение факторной модели аттитюда позволяет использовать индикаторы, отражающие все компоненты аттитюда: оценочный, когнитивный и поведенческий. Использование множества индикаторов аттитюда позволило нам избежать неудовлетворительной дискриминантной валидности для шкал, описанной Д.С. Григорьевым [21. С. 283].

Одной из шкал, измеряющих отношение жителей территории к иноэтничным мигрантам, была шкала социальной дистанции Эмори Богардуса. Мы рассчитывали этот индекс от 1 до 7 баллов. Соответственно, чем индекс, полученный как средняя взвешенная суммы всех выборов, ближе к 1, тем социальная дистанция между этническими группами короче (табл. 1).

Таблица 1. Индекс социальной дистанции с этническими группами

Ранг группы	Этническая группа	Индекс социальной дистанции
1	Казахи	4,49
2	Киргизы	5,14
3	Туркмены	5,17
4	Узбеки	5,18
5	Таджики	5,25

Подсчеты показывают, что жители Екатеринбурга ощущают социальную дистанцию по отношению к мигрантам из стран Центральной Азии как довольно длинную: применительно ко всем группам она составляет выше

4 баллов. Вместе с тем можно отметить, что этнические казахи социально более близкая группа жителям Екатеринбурга, чем мигранты из других стран. Группа этнических таджиков, напротив, – наиболее социально далекая.

В нашем исследовании мы использовали измерение отношения екатеринбуржцев к росту числа иноэтничных мигрантов через соответствующий вопрос. Анализируя полученные данные, можно отметить, что преобладает отрицательное отношение, так ответили 60,2% респондентов, не имеют четко выраженной позиции 30,9% и только 8,9% респондентов отметили, что относятся положительно к данному процессу. Более половины опрошенных жителей Екатеринбурга (56,3%) считают проблемой увеличение числа иноэтничных мигрантов в городе. Лишь четверть респондентов воспринимают этот процесс как «решение других проблем города» (24,3%).

О том, что это устойчивое мнение, свидетельствует выявленная связь между отношением к росту числа мигрантов и оценкой этого процесса как проблемы для Екатеринбурга. Среди тех респондентов, кто отрицательно относится к росту числа мигрантов в Екатеринбурге, 76,0% считают это проблемой для города. Среди респондентов, которые не имеют четко выраженной позиции, так считают 28,7% опрошенных. Среди тех, кто положительно относится к росту мигрантов, только 18,6% считают это проблемой для Екатеринбурга. Соответственно, менее трети опрошенных екатеринбуржцев привыкли к присутствию большого числа мигрантов из стран Центральной Азии в городе (29,7%). Половина опрошенных привыкли лишь частично (49,3%), а пятая часть совершенно не могут к этому привыкнуть (19,2%). Эти данные подтверждают установку екатеринбуржцев на социальную дистанцированность от большинства этнических групп из стран Центральной Азии.

При анализе влияния национальной и конфессиональной принадлежности, образования, а также социально-демографических характеристик на отношение к иноэтничным мигрантам было выявлено отсутствие статистических корреляций.

С целью найти взаимосвязи между различными аспектами отношения жителей Екатеринбурга к иноэтничным мигрантам был проведен факторный анализ. Перечислим индикаторы, относящиеся к разным аспектам аттитюда, положенные в основу проведения факторного анализа.

Когнитивный аспект: известность отрицательной или положительной информации о мигрантах; знание культурных особенностей мигрантов.

Поведенческий аспект: готовность: 1) меняться под влиянием новых культурных норм мигрантов; 2) оказать мигрантам помощь; 3) контактировать с мигрантами в деловых отношениях как с партнерами или руководителями.

Оценочный аспект: отношение к росту численности мигрантов; число предъявляемых требований к мигрантам; оценка: 1) степени привыкания к присутствию большого числа представителей Центральной Азии, 2) культуры поведения мигрантов, 3) числа факторов увеличения похожести мигрантов и местного населения; приемлемость: 1) брачных отношений с мигрантами, 2) личной дружбы с ними, 3) быть коллегами по работе с мигрантами, 4) быть жителями одного города с мигрантами, 5) быть согражданами одной страны с мигрантами из Центральной Азии.

Таблица 2. Матрица факторных нагрузок¹

Индикатор		Фактор		
		1	2	3
1	Известность отрицательной или положительной информации о мигрантах	0,160	0,577	0,116
2	Отношение к росту численности мигрантов в городе	0,073	0,743	0,078
3	Готовность меняться под влиянием новых культурных норм мигрантов	0,031	0,567	0,047
4	Оценка степени привыкания к присутствию в городе большого числа представителей Центральной Азии	0,238	0,600	0,339
5	Оценка культуры поведения мигрантов	0,131	0,690	0,073
6	Приемлемость брачных отношений с мигрантами	0,743	0,051	-0,021
7	Приемлемость личной дружбы с мигрантами	0,871	0,116	0,208
8	Приемлемость соседства с мигрантами	0,909	0,141	0,182
9	Приемлемость быть коллегами по работе с мигрантами	0,903	0,166	0,200
10	Приемлемость быть жителями одного города с мигрантами	0,821	0,262	0,207
11	Приемлемость быть согражданами одной страны с мигрантами	0,770	0,220	0,170
12	Оценка числа факторов увеличения похожести мигрантов и местного населения	0,218	0,035	0,688
13	Число предъявляемых требований к мигрантам	0,012	-0,357	0,433
14	Знание культурных особенностей мигрантов	0,055	0,168	0,479
15	Готовность в деловых отношениях контактировать с мигрантами как с партнерами или руководителями	0,172	0,144	0,694
16	Готовность оказать мигрантам помощь (число видов помощи)	0,179	0,374	0,577
17	Отношение к получению мигрантами гражданства	0,240	0,565	0,154

В результате проведения факторного анализа, мы получили матрицу факторных нагрузок, которая позволила присвоить названия трем полученным латентным установкам (табл. 2).

Фактор 1. Осознание приемлемости принадлежности к одной социальной общности с мигрантами. Высокие значения данного фактора предполагают широкую распространенность оценки приемлемости отношений с мигрантами как брачными партнерами, личными друзьями, коллегами по работе, жителями одного города, согражданами одной страны. Все параметры, относящиеся к данному фактору, относятся к оценочному аспекту attitudes. С точки зрения интерпретации можно предположить, что данный attitude характерен как умозрительное рассуждение для респондентов, которые оценивают свои предполагаемые взаимодействия с мигрантами только как возможные, но в настоящий момент они не задумываются о характеристиках этой общности и не вступают с ее представителями в реальное взаимодействие.

Фактор 2. Степень благожелательности к пребыванию мигрантов в городе. Высокие значения второго фактора предполагают известность жителям города в большей степени положительной, а не отрицательной информации о мигрантах, положительное отношение к увеличению мигрантов в городе, получению ими российского гражданства, готовность меняться под влиянием новых культурных норм, привыкание к большому числу мигрантов в городе, оценка поведения мигрантов как вполне культурного. Указанные параметры отражают как оценочный, так и когнитивный и поведенческий аспекты atti-

¹ Выделение факторов производилось методом главных компонент, ротация – методом Varimax.

туда. В этом случае можно предположить, что аттитюд базируется на согласии с целесообразностью притока мигрантов в город, и поэтому появляется стремление увидеть в мигрантах и в их присутствии в городе положительные стороны, вместе с тем в этой установке проявляется определенная пассивность по отношению к взаимодействию с мигрантами, нет готовности к прямому взаимодействию.

Фактор 3. Ориентация на оптимизацию взаимодействия местного населения и мигрантов. Высокие значения третьего фактора предполагают знание культурных особенностей мигрантов, готовность оказать им помощь, готовность в деловых отношениях контактировать с ними как с партнерами, выделение факторов нарастания похожести мигрантов и местного населения, а также установление большого числа требований к ним. Как и в случае второго фактора, параметры отражают как оценочный, так и когнитивный и поведенческий аспекты аттитюда. Данный аттитюд демонстрирует высокую требовательность к мигрантам, понимание обстоятельств, которые объективно могут способствовать нарастанию похожести коренных жителей и мигрантов, на основе знания культурных особенностей мигрантов; екатеринбуржцы готовы выстраивать с ними непосредственные деловые отношения.

При поиске объяснений, что именно может влиять на наличие того или иного аттитюда, выяснилось, что выделенные латентные переменные статистически взаимосвязаны с культурно-национальными установками и реальными практиками в отношении мигрантов.

Таблица 3. Коэффициенты корреляции γ факторов и культурно-национальных и поведенческих установок

Поведенческая установка	Фактор		
	1. Оценка приемлемости принадлежности к одной социальной общности с мигрантами	2. Степень благожелательности к пребыванию мигрантов в городе	3. Ориентация на оптимизацию взаимодействия местного населения и мигрантов
Интерес к русской литературе и истории	0,130	-0,368	0,323
Значимость собственной национальности	-0,082	-0,446	0,037
Оценка определяющей роли русской культуры в обществе	0,049	-0,356	-0,048
Число используемых источников информации о мигрантах	0,108	-0,136	0,355
Неприязнь к некоторым национальностям	-0,241	-0,406	-0,160
Широта контактов с мигрантами (число групп мигрантов, с которыми контактируют)	0,232	0,168	0,357
Указание на проблемы, связанные с мигрантами	0,063	-0,451	0,300

Из табл. 3 видно, что благожелательность к пребыванию мигрантов в городе снижается с усилением степени значимости собственной национальности, оценки определяющей роли русской культуры в обществе, интереса к собственной литературе и истории. Увеличение числа проблем, связанных с мигрантами, и наличие национальных групп, вызывающих психологическое отторжение, также снижает благожелательность.

Ориентация на оптимизацию взаимодействия местного населения и мигрантов усиливается вместе с расширением реальной практики общения с мигрантами и получением информации о них из большого числа источников. В отличие от фактора благожелательности, данный фактор испытывает не отрицательное, а положительное воздействие числа осознаваемых проблем, связанных с мигрантами. Та же самая закономерность проявляется в позитивном, а не негативном влиянии на данную переменную интереса к русской литературе и истории. Таким образом, хорошее знание мигрантов и их проблем на основе реального общения стимулирует осознание способов достижения более благоприятной ситуации во взаимодействии местного населения и приезжих. Интерес к собственной культуре только усиливает процесс данного осознания. Что важно, этот аттитюд, единственный из трех, связан с наличием опыта реального взаимодействия с мигрантами в разных ситуациях, в отличие от двух других аттитюдов, основанных на умозрительной оценке возможного опыта взаимодействия с ними.

Осознание приемлемости принадлежности к одной социальной общности с мигрантами представляет наиболее автономизированную латентную переменную, здесь зафиксированы наиболее слабые статистические связи с указанными в таблице установками. Индикаторы, относящиеся к первому фактору, представляют собой абстрактную оценку возможности взаимодействия с мигрантами в различных сферах. Поэтому крайне низкими оказались коэффициенты корреляции в первом столбце табл. 2, что говорит о более слабой связи данной многомерной переменной с культурно-национальными и поведенческими установками. В этом проявляется высокая автономизация данного признака по сравнению с двумя другими многомерными переменными.

Отдельно нужно отметить, что на первую и третью латентные переменные оказывает влияние такой признак, как осознание принадлежности к определенным национально-политическим общностям. Так, жители города, ощущающие себя прежде всего гражданами России, проявили наименьшую развитость ориентации на осознание приемлемости принадлежности к одной социальной общности с мигрантами. Аттитюды анализируемой группы, по всей видимости, выполняют защитную функцию по отношению к жителям города, не имеющим гражданства.

Ощущающие себя россиянами «потому, что родились здесь, как большинство соотечественников», продемонстрировали максимальную направленность на оптимизацию взаимодействия местного населения и мигрантов. Прежде всего это проявляется в готовности оказать разнообразную помощь мигрантам и в готовности контактировать с ними в деловых отношениях как с партнерами. Для этих респондентов идентификация связана в первую очередь с местом (страной) рождения, а не с принадлежностью к национальной группе или государству.

Интересным результатом исследования стало то, что оно показало возможности факторного анализа в выявлении аттитюдов, демонстрирующих установку на взаимодействие с мигрантами. Можно говорить о существовании принципиально разных аттитюдов, представленных в виде трех латентных переменных и их взаимосвязи с культурно-национальными установками и реальными практиками в отношении мигрантов. На материалах нашего ис-

следования выяснилось, что социально-демографические характеристики респондентов не влияют на их отношение к иноэтничным мигрантам. Более значимое влияние оказывают отношение жителей Екатеринбурга к собственной национальности и культуре и наличие опыта взаимодействия с мигрантами.

Литература

1. Hernes G., Knudsen K. Norwegians' Attitudes toward New Immigrants // *Acta Sociologica*. 1992. Vol. 35, is. 2. P. 123–139.
2. Ketkaew C., Naruetharadhol P. Gender Differences in Attitudes toward Migrant Workers in Thailand: Evidence from Khon Kaen // *International Journal of Interdisciplinary Global Studies*. 2016. Vol. 11, is. 3. P. 25–33.
3. Markaki Y., Longhi S. Determines Attitudes to Immigration in European Countries? An Analysis at the Regional Level // *Migration Studies*. 2013. Vol. 1, is. 3. P. 311–337.
4. Amuedo-Dorantes C., Puttitanun T. Gender Differences in Native Preferences toward Undocumented and Legal Immigration: Evidence from San Diego // *Contemporary Economic Policy*. 2011. Vol. 29, is. 1. P. 31–45.
5. Мукомель В.И. Ксенофобы и их антиподы: кто они? // *Мир России*. 2017. Т. 26, № 1. С. 32–57.
6. Хамидулин В.С., Колесниченко К.Ю. Влияние социально-экономических факторов на восприятие иммиграции и иммигрантов жителями Владивостока // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2013. № 6. С. 36–46.
7. Quillian L. Prejudice as a Response to Perceived Group Threat: Population Composition and Anti-Immigrant and Racial Prejudice in Europe // *American Sociological Review*. 1995. Vol. 60, is. 4. P. 586–611.
8. *Attitudes towards Immigration in Europe: Myths and Realities* (Presentations of Academic Experts, 19 June 2017, European Parliament). URL: https://www.europeansocialsurvey.org/docs/findings/IE_Handout_FINAL.pdf
9. Гориков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2010. 592 с.
10. Кузнецов И.М. Баланс межнациональных установок как индикатор состояния межэтнических отношений // *Мир России*. 2017. Т. 26, № 1. С. 58–80.
11. Дробижеева Л.М. Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма // *Мир России*. 2017. Т. 26, № 1. С. 7–31.
12. Kim H.J., Yoo H.Y., Chung Y.K. Social Distance towards the North Korean Refugees in South Korean Society // *Korea Observer*. 2015. Vol. 46, is. 2. P. 295–320.
13. Ponizovskiy V.A. Values and Attitudes towards Immigrants: Cross-Cultural Differences across 25 Countries // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2016. Т. 13, № 2. С. 256–272.
14. Thomas W.I., Znaniecki F. *The Polish Peasant in Europe and America: A Classic Work in Immigration*. Urbana, Chicago : University of Illinois Press, 1996. 127 p.
15. LaPiere R.T. Attitude vs. Action // *Social Forces*. 1934. Vol. 13. P. 230–237.
16. Ядов В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция. 2-е изд. М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2013. 376 с.
17. Ajzen I. Attitude Theory and the Attitude-Behavior Relation // *New Directions in Attitudes Measurement* / ed. by D. Krebs, P. Schmidt. Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 1993. P. 41–57.
18. Sparks P. Subjective Expected Utility-Based Attitude-Behavior Models: The Utility of Self-Identity // *Attitudes, Behavior, and Social Context: The Role of Norms and Group Membership* / ed. by D.J. Terry, M.A. Hogg. Mahwah, NJ, 2000. P. 31–46.
19. Saris W.E. Attitude Measurement is There Still Hope? // *New Directions in Attitudes Measurement* / ed. by D. Krebs, P. Schmidt. New York : Walter de Gruyter, 1993. P. 187–205.
20. Manstead A.S.R. The Role of Moral Norm in the Attitude-Behavior Relation // *Attitudes, Behavior, and Social Context: The Role of Norms and Group Membership*. Mahwah, NJ, 2000. P. 11–30.
21. Григорьев Д.С. Ценности, социальная дистанция и установки по отношению к миграции: кросс-культурное исследование в Бельгии, Германии, Франции и Нидерландах // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2016. Т. 13, № 2. С. 273–298.

Irina B. Britvina, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation).

E-mail: galina.savchuk@urfu.ru

Elena L. Mogilchak, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation).

E-mail: e.l.mogilchak@urfu.ru

Galina A. Savchuk, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation).

E-mail: irina.britvina@urfu.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 44. pp. 137–146.

DOI: 10.17223/1998863X/44/14

THE ATTITUDE OF THE RESIDENTS OF THE URAL MEGAPOLIS TO MIGRANTS OF DIFFERENT ETHNICITY FROM CENTRAL ASIAN COUNTRIES: FACTOR ANALYSIS

Keywords: attitude towards migrants; Yekaterinburg; Central Asia; survey; factor analysis.

The attitude towards migrants of different ethnicity is an urgent problem for most countries due to the scale of external migration. The results of the analysis of the degree of tolerance to migrants can be influenced by the lack of understanding of the complex structure of the attitude, because it consists of several components, the content and essence of which are insufficiently studied. In Western and Russian scientific literature there is no unity of opinion about the conditions and factors that determine the attitude to migrants of different ethnicity. In May 2016, the authors of the article conducted a questionnaire survey on a representative sample of 485 residents of Yekaterinburg, living in this city for more than five years. The selection of respondents was made in accordance with the quota sample by sex, age and areas of residence in Yekaterinburg. The authors were interested in the attitude towards migrants of different ethnicity from Central Asian countries (Kazakhs, Kirghiz, Tadjiks, Uzbeks, Turkmen). The attitude to migrants was measured using different scales. For example, the application of the social distance scale developed by Emory Bogardus showed that ethnic Kazakhs are perceived by the inhabitants of Yekaterinburg as a more socially close ethnic group than migrants of different ethnicity from other Central Asian countries. The analysis of the influence of national and religious affiliation, education, as well as socio-demographic characteristics on the attitude of migrants of different ethnicity, revealed the absence of statistical correlations. Using factor analysis the authors were able to analyse the attitudes revealing the position of the residents of Yekaterinburg relative to migrants. This is the recognition of the acceptability of belonging to the same social community with migrants, the degree of benevolence for the stay of migrants in the city and focus on optimising the interaction of local population and migrants. It is possible to talk about the existence of fundamentally different attitudes presented in the form of three latent variables and its relation to national cultural attitudes and real practices in the field of relations with migrants. It was shown that the attitude of the receiving community towards migrants of different ethnicity is influenced not by the socio-demographic characteristics of the residents of Yekaterinburg, but by their national-cultural and behavioural characteristics: the attitude to their own nationality and culture, as well as the experience of interaction with migrants.

References

1. Hernes, G. & Knudsen, K. (1992) Norwegians' Attitudes toward New Immigrants. *Acta Sociologica*. 35(2). pp. 123–139. DOI: 10.1177/000169939203500204
2. Ketkaew, C. & Naruetharadhol, P. (2016) Gender Differences in Attitudes toward Migrant Workers in Thailand: Evidence from Khon Kaen. *International Journal of Interdisciplinary Global Studies*. 11(3). pp. 25–33. DOI: 10.18848/2324-755X/CGP/v11i03/25-33
3. Markaki, Y. & Longhi, S. (2013) Determines Attitudes to Immigration in European Countries? An Analysis at the Regional Level. *Migration Studies*. 1(3). pp. 311–337. DOI: 10.1093/migration/mnt015
4. Amuedo-Dorantes, C. & Puttitanun, T. (2011) Gender Differences in Native Preferences toward Undocumented and Legal Immigration: Evidence from San Diego. *Contemporary Economic Policy*. 29(1). pp. 31–45. DOI: 10.1111/j.1465-7287.2010.00210.x
5. Mukomel, V. (2017) Xenophobes and their opposites: Who are they? *Mir Rossii – Universe of Russia*. 26(1). pp. 32–57. (In Russian).

6. Khamidulin, V.S. & Kolesnichenko, K.Yu. (2013) The influence of socioeconomic factors on the attitude of Vladivostok citizens towards immigration and immigrants. *Gumanitarnyye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke – Humanities Research in the Russian Far East*. 6. pp. 36–46. (In Russian).
7. Quillian, L. (1995) Prejudice as a Response to Perceived Group Threat: Population Composition and Anti-Immigrant and Racial Prejudice in Europe. *American Sociological Review*. 60(4). pp. 586–611. DOI: 10.2307/2096296
8. European Social Survey. (2017) *Attitudes towards Immigration in Europe: Myths and Realities (Presentations of Academic Experts, 19 June 2017, European Parliament)*. [Online] Available from: https://www.europeansocialsurvey.org/docs/findings/IE_Handout_FINAL.pdf
9. Gorshkov, M.K. & Sheregi, F.E. (2010) *Molodezh' Rossii: sotsiologicheskii portret* [The Youth of Russia: A Sociological Portrait]. Moscow: Centre for Social Forecast and Marketing.
10. Kuznetsov, I.M. (2017) The Balance of Interethnic Attitudes as an Indicator of State of Interethnic Relations. *Mir Rossii – Universe of Russia*. 26(1), pp. 58–80. (In Russian).
11. Drobizheva, L.M. (2017) National Identity as a Means of Reducing Ethnic Negativism. *Mir Rossii – Universe of Russia*. 26(1). pp. 7–31. (In Russian).
12. Kim, H.J., Yoo, H.Y. & Chung, Y.K. (2015) Social distance towards the North Korean refugees in South Korean society. *Korea Observer*. 46 (2). pp. 295–320.
13. Ponizovskiy, V.A. (2016) Values and Attitudes towards Immigrants: Cross-Cultural Differences across 25 Countries. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 13(2). pp. 256–272.
14. Thomas, W.I. & Znaniecki, F. (1996) *The Polish Peasant in Europe and America: A Classic Work in Immigration*. Urbana, Chicago, USA: University of Illinois Press.
15. LaPiere, R.T. (1934) Attitude vs. Action. *Social Forces*. 13. pp. 230–237. DOI: 10.2307/2570339
16. Yadov, V.A. (2013) *Samoregulyatsiya i prognozirovaniye sotsial'nogo povedeniya lichnosti: dispozitsionnaya kontseptsiya* [Self-Regulation and Prediction of Social Behaviour of a Personality: A Dispositional Concept]. 2nd ed. Moscow: Centre for Social Forecast and Marketing.
17. Ajzen, I. (1993) Attitude Theory and the Attitude-Behavior Relation. In: Krebs, D. & Schmidt, P. (eds) *New Directions in Attitudes Measurement*. Berlin, New York: Walter de Gruyter. pp. 41–57.
18. Sparks, P. (2000) Subjective Expected Utility-Based Attitude-Behavior Models: The Utility of Self-Identity. In: Terry, D.J. & Hogg, M.A. (eds) *Attitudes, Behavior, and Social Context: The Role of Norms and Group Membership*. Mahwah, New Jersey: L. Erlbaum Associates. pp. 31–46.
19. Saris, W.E. (1993) Attitude Measurement is There Still Hope? In: Krebs, D. & Schmidt, P. (eds) *New Directions in Attitudes Measurement*. Berlin, New York: Walter de Gruyter. pp. 187–205.
20. Manstead, A.S.R. (2000) The Role of Moral Norm in the Attitude-Behavior Relation In: Terry, D.J. & Hogg, M.A. (eds) *Attitudes, Behavior, and Social Context: The Role of Norms and Group Membership*. Mahwah, New Jersey: L. Erlbaum Associates. pp. 11–30.
21. Grigoriev, D. (2016) Values, Social Distance and Attitudes toward Immigration: A Cross-Cultural Study of Belgium, Germany, France and the Netherlands. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 13(2). pp. 273–298. (In Russian).

И.А. Вершинина

«КОННЕКТОГРАФИЯ» ПАРАГА ХАННЫ: СЕТИ ГОРОДОВ В XXI ВЕКЕ

Рассматривается роль глобальных городов и новых урбанистических образований, которые П. Ханна считает главными центрами нового формирующегося мирового порядка. Анализируется значение инфраструктуры для формирования связанности, которая становится основой функциональной географии – коннектографии. Выявляются причины процесса деволуции, который сопровождает урбанизацию, а также расширение территории и рост влияния новых урбанистических образований.

Ключевые слова: урбанистика, глобальные города, связанность, деволуция, функциональная география.

Роль городов в XXI в. – тема, которой уделяется значительное внимание в современной социологии. Города подробно рассматривают такие современные социологи, как, например, С. Сассен [1] и Й. Терборн [2]. Однако их идеи уже хорошо известны в отечественной литературе (см., напр.: [3, 4]). В 2016 г. публикуется работа политолога Парага Ханны «Коннектография: нанесение на карту будущей глобальной цивилизации»¹ [5, 6], в которой также предлагается видение роли городов в формирующейся глобальной системе. Главная тема исследований П. Ханны² – международные отношения в глобальном мире, возможные риски современности и траектории ее развития. В большинстве работ в той или иной степени П. Ханна анализирует города, которые считает главными центрами нового формирующегося мирового порядка [5. Р. 49].

Исследователь прогнозирует, что уже через два десятилетия население мира достигнет примерно 10 млрд человек, из которых почти три четверти будут жить в крупных городах [8]. В современном мире победителями и проигравшими становятся не столько государства, сколько отдельные города или корпорации. Он говорит о том, что эпоха «неприсоединения» прошла, наступило время присоединяться ко всем сразу, причем новая «коннектография», т.е. функциональная география, по мнению П. Ханны, становится более важной, чем традиционная политическая география [5. Р. 15]. Он прогнозирует приход эры связанности.

Американский социолог С. Сассен с начала 1990-х гг. анализирует процесс формирования сети глобальных городов и указывает на тот факт, что глобальные города не могут функционировать по одному, для эффективной работы необходимо их объединение в сети [1. Р. 98]. И П. Ханна соглашается с ней в том, что глобальные города играют в «собственной лиге» [9], во мно-

¹ В Великобритании работа опубликована с другим подзаголовком – «Коннектография: нанесение на карту глобальной сетевой революции».

² Параг Ханна (род. 1977) – американский аналитик индийского происхождения, который работает в Национальном университете Сингапура. Он посетил более 100 стран на всех континентах, что позволяет ему называть себя гражданином мира и «глобальным интеллектуалом» [7].

гом денационализированной, привлекающей таланты со всего мира и накапливающей капитал для своего развития и расширения. Сети городов предлагают транспортные и коммуникационные платформы, которые облегчают межличностное и деловое взаимодействие, расширяют возможности связанности как внутри, так и между городами благодаря устойчивым и доступным в цифровым технологиям [8]. Исследователь отмечает, что постоянно расширяющиеся сети окружают мегаполисы, тем самым повышая их значимость. Новые урбанистические образования, таким образом, становятся основой эффективной глобальной экономики завтрашнего дня. Однако если в центре внимания С. Сассен больше находятся особенности глобальных городов и их социальные проблемы, то П. Ханна концентрируется на связанности, которая обеспечивается инфраструктурой.

На глобальную связанность городов как на новую и важную тему исследований указывает и шведский социолог Й. Терборн [2. Р. 314–316], хотя для него связанность предполагает не столько объекты инфраструктуры, сколько политические взаимосвязи. Это неудивительно, поскольку в центре его внимания, как правило, находятся столичные города. Для шведского социолога связанность – это, прежде всего, различные сферы конкуренции и соревнования, хотя он также рассматривает культурные аспекты и сети, связанные с туризмом и миграцией [10. Р. 283]. Таким образом, понимание связанности Й. Терборном и П. Ханной существенно различается.

П. Ханна отрицает тот факт, что мир разделен на страны с помощью границ, которые имеют большое значение для Й. Терборна, поскольку общие километры инфраструктуры, соединяющей города, намного превосходят протяженность границ, которые делят общества и народы [11]. Современные карты отражают политическую картину мира. Однако исследователь полагает, что наши карты неверны, поскольку не отражают функциональных возможностей. Он создает новые карты мира (в работе 2016 г. их 38), которые демонстрируют связанность внутри регионов и между ними. Связанность – это, в сущности, физическая вещь, поскольку речь идет об инфраструктуре: дорогах и мостах, энергетических сетях, Интернете и т.д. Развитие различных сетевых объектов находится в основе глобальной революции связанности, которая только начинается. Инфраструктурная интеграция – это функциональная интеграция, для которой нет необходимости объединять территории и правительства разных стран, можно просто объединить сети.

П. Ханна полагает, что основой дипломатии в XXI в. становится экономическая, а не военная мощь [12. Р. 21–22], причем главную роль он отводит не финансовому сектору, а связанности, возникающей благодаря промышленному производству и сфере услуг. Глобализация сопротивляется централизации и формирует мир, в котором предложение всегда может удовлетворить спрос. Вот почему, когда мы отображаем функциональные географические маршруты (энергетические сети, финансовые сети, интернет-кабели и т.п.) в дополнение к нашей естественной и политической географии, мы отмечаем пути глобализации.

Современная инфраструктура предоставляет нам множество возможностей для путешествий, бизнеса, политики и т.д. Основными факторами связанности П. Ханна называет транспортные сети, энергетическую инфраструктуру, мобильность и бесперебойные электронные платежи [8]. Новые

технологии расширили возможности взаимодействия и связали отдаленные места. Вместе с тем исследователь высказывает предположение, что наиболее значимыми геополитическими конфликтами окажутся не военные, а инфраструктурные [12. Р. 121]. Доступ к инфраструктуре обозначает подключение к глобальным сетям, т.е. к связанности. Следовательно, необходимо составлять карты дорог, железнодорожных путей, мостов, туннелей, линий электропередач, подводных кабелей, станций сотовой связи, рек, каналов, т.е. всех объектов, соединяющих поставщиков с клиентами, друзей, членов семей и т.д. Таким образом, коннектография – это триумф функциональной географии над географией политической. Это отражение того, как можно использовать мир вместо того, чтобы разделять его границами.

Сегодняшняя реальность и мегатренд XXI в. – масштабное расширение объема трансграничных связей внутри регионов мира и между ними, а также количества перемещений людей и транзакций товаров, услуг, капиталов и данных [13]. Логика развития такова, что наибольшее влияние будет иметь самая связанная сила [5. Р. 18]. П. Ханна говорит о том, что понять реалии XXI в. можно, лишь учитывая всех современных акторов: «Вместо того чтобы сравнивать только яблоки с яблоками (страны со странами, компании с компаниями и т.д.), как это делают все существующие рейтинги власти, богатства, узнаваемости бренда и других активов, необходимо создать матрицу, которая будет включать в себя страны, города, компании, кибер-сообщества и других игроков, действующих на одном и том же поле» [14]. Они обладают разными ресурсами, но при определенных условиях могут конвертировать их во власть.

Фундаментальной характеристикой формирующейся глобальной матрицы, по мнению исследователя, является не переход от однополярности к многополярности, который предполагают лишь структурные изменения, а переход от государствоцентричного порядка к многоакторному, т.е. смена систем [14]. Структурные изменения происходят каждые несколько десятилетий, в то время как системы меняются только раз в несколько столетий. Наиболее важных акторов новой матрицы П. Ханна объединяет в так называемые пять «С»:

– страны (*countries*), среди которых США являются лидером в военной и финансовой сферах, а Китай – в области инвестиций, торговли и создании инфраструктуры;

– содружества (*commonwealths*), в которые объединяются страны для усиления своего влияния (валютные и таможенные союзы, зоны свободной торговли и другие региональные объединения), причем исследователь считает эти региональные конфедерации гораздо более важными элементами будущего мирового порядка, чем страны;

– города (*cities*), которые постоянно расширяют свою географию и превращаются в «городские архипелаги», зачастую связанные с глобальными сетями не меньше, чем с государствами, на территории которых они находятся;

– компании (*companies*), отдельные из которых располагают большими активами, чем некоторые страны, а потому превращаются в самостоятельные сверхдержавы; транснациональные компании соперничают с правительствами за глобальную власть, чтобы максимально увеличить свою прибыль;

– сообщества (*communities*), к которым П. Ханна относит разнообразные транстерриториальные образования, например диаспоры и религиозные объединения, авторитет которых может быть не меньше, чем у некоторых стран [5. Р. 45–58].

Отдельно стоит отметить «облачные сообщества» (*cloud communities*), размеры и влияние которых растут благодаря распространению Интернета. У социальных сетей нет суверенной территории и граждан, но они преумножают свое благосостояние в эпоху, когда все большая часть нашей личной, профессиональной и коммерческой жизни опосредуется Интернетом.

Однако в центре внимания данной работы находятся города. Они существуют дольше, чем национальные государства, поэтому рассматриваются П. Ханной как «самые древние и стабильные формы социальной организации» [5. Р. 49], наиболее фундаментальные для нашей цивилизации. С его точки зрения, города, в которых мы живем около 5 000–6 000 лет, гораздо более реальны, чем границы, разделяющие национальные государства. Фактическое расселение человечества связано с городами, существующей инфраструктурой и сетями поставок, а нации, границы и государства исследователь рассматривает как утрачивающие свое доминирующее значение [15]. По его мнению, человечество превращается в глобальную сетевую цивилизацию, в которой ключевую роль играют именно города.

Происходит конституирование мира, в котором города будут иметь большее значение, чем государства, а цепочки поставок станут более важным источником власти, чем вооруженные силы, основная цель которых будет заключаться в защите цепей поставок, а не границ [5. Р. 6]. Традиционная картография, представляющая географические или политические образования, почти ничего не говорят нам о новом формирующемся мире. По мнению П. Ханны, необходимо воссоздание карты мира с нанесением на нее основных мегаполисов, которые значительно лучше позволяют понять, где живут люди и циркулируют капиталы, чем обычные карты с изображением 200 отдельных стран [9]. Например, Сингапур – это всего лишь точка на карте мира, где проживает всего 0,1% мирового населения. Вместе с тем ВВП Сингапура больше ВВП гораздо более крупных стран (ЮАР, Колумбия, Чили, Греция, Бангладеш, Перу, Казахстан и т.д.) [16]. Поэтому скромные размеры и небольшая численность населения не мешают играть важную роль в мировой экономике.

П. Ханна считает, что параллельно с урбанизацией мы наблюдаем такое явление, как деволуция – процесс, в результате которого регионы и города становятся более автономными от национальных государств, на территории которых они находятся [5. Р. 64]. В этом мире национальные границы – не что иное, как раздражители, которые могут быть преодолены.

П. Ханна рассматривает будущие мегаполисы не как отдельные субъекты, а как целые кластеры городов (*multi-city clusters*) [5. Р. 50], связанные передовыми инфраструктурными системами. Именно эти новые урбанистические образования, по его словам, станут основными факторами экономического роста. Города, разделенные сотнями километров, сливаются в массивные экономические центры. Самым крупным сегодня является японский пояс Токайдо, который включает в себя почти две трети населения страны в мегаполисе (*megalopolis*) Токио – Нагоя – Осака [9]. В Китае также есть ряд

стремительно развивающихся городских кластеров, например в дельте реки Чжуцзян.

Зачастую значительная доля экономики страны связана с функционированием ее основного мегаполиса. Поэтому даже высказываются предположения о том, что страны могут стать пригородами городов [17]. Это свидетельствует о том, что в настоящее время существует слишком большая зависимость стран от одного города. П. Ханна указывает на то, что страна должна стремиться иметь как можно больше стабильных деловых и демографических центров, для создания которых необходимо инвестировать в города второго уровня [15]. Эту стратегию развития уже начинают реализовывать некоторые страны.

Рисуя не столько географическую, сколько коннектографическую карту, П. Ханна отмечает некоторые из потенциальных городов-регионов пунктирными линиями [5. Мар 13], понимая, что границы подвижны и легко меняются. Тем не менее он прогнозирует слияние городов Абу-Даби и Дубай в Объединенных Арабских Эмиратах в единое образование «Абу-Дубай». В США также формируются городские архипелаги. Потенциальный мегалополис на северо-востоке страны, уже описанный Ж. Готтманном [18], будет охватывать Бостон, Нью-Йорк и Вашингтон в округе Колумбия. Он включает в себя более 50 миллионов человек и производит примерно пятую часть валового внутреннего продукта страны [5. Мар 13]. На Западном побережье кластер мегаполисов будет сосредоточен вокруг Силиконовой долины и может распространяться от Сан-Франциско до Лос-Анджелеса. Даже африканский континент с самым низким уровнем урбанизации включается в глобальные сети. В Западной Африке активно развивается прибрежная городская территория между Лагосом и Бенин-Сити в Нигерии, которая стремится пересечь национальные границы и включить в себя часть территории нескольких стран до Кот-д'Ивуара [Там же. Мар 13]. Это не будет единым городом с одним названием, но это может превратиться в обширный городской кластер.

Таким образом, мы движемся к миру, где мегаполисы, сети поставок и соединительные технологии перекраивают карту мира, где вместо государственных границ появляются связи, обеспеченные инфраструктурой. Однако мега-города должны избрать стратегию полицентричности и превратиться в несколько городов [19]. Деволуция ведет к размыванию традиционных границ и появлению новых урбанистических образований. Они становятся центрами принятия решений, которые больше заинтересованы в развитии связей и сетей, чем в ограничении территорий и участии в конфликтах. Города стремятся расширить свою географию [15], т.е. преодолеть границы. Новые экономические центры не стремятся завоевать новые территории, они хотят с ними торговать и налаживать другие связи. П. Ханна полагает, что высокая связанность позволяет избежать борьбы за ресурсы, «*prax urbanica*» может развиваться без конфликтов, поскольку предпочитает не побеждать, а соблазнять [5. P. 391]. Конфликты негативно сказываются на связанности, поэтому невыгодны тем, кто извлекает благодаря ей прибыль.

Литература

1. Sassen S. The Global City: Enabling Economic Intermediation and Bearing Its Costs // City & Community. 2016. Vol. 15, № 2. June. P. 97–108.

2. *Therborn G.* Cities of Power: The Urban, The National, The Popular, The Global. London : Verso, 2017.
3. *Вершинина И.А.* Локализация мировой экономической системы в глобальных городах // Вестн. Московского университета. Сер. 18 : Социология и политология. 2017. № 3. С. 58–76.
4. *Мартыненко Т.С.* Глобальная социология Г. Терборна: теория социальных неравенств // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. Т. 1, № 29. С. 185–193.
5. *Khanna P.* Connectography: Mapping the Future of Global Civilization. New York : Random House, 2016.
6. *Khanna P.* Connectography: Mapping the Global Network Revolution. London : Weidenfeld & Nicolson, 2016.
7. *Parag Khanna.* Long Bio. URL: <https://www.paragkhanna.com/about-parag-khanna/> (accessed: 28.12.2017).
8. *Khanna P.* Connected Cities, Productive Cities // Governing: the States and Localities. URL: <http://www.governing.com/columns/urban-notebook/parag-khanna-data-cities-lead-economic-progress.html> (accessed: 28.12.2017).
9. *Khanna P.* Megacities, not nations, are the world's dominant, enduring social structures. URL: <https://qz.com/666153/megacities-not-nations-are-the-worlds-most-dominant-enduring-social-structures-adapted-from-connectography/> (accessed: 30.12.2017).
10. *Therborn G.* End of a Paradigm. The Current Crisis and the Idea of Stateless Cities // Environment and Planning A. 2011. Vol. 43, № 2. P. 283. DOI: 10.1068/a42328.
11. *Nutt D.* Parag Khanna: A Future Without Borders. URL: <https://www.52-insights.com/parag-khanna-a-world-without-borders-politics/> (accessed: 28.12.2017).
12. *Khanna P.* The Second World: Empires and Influence in the New Global Order. New York : Random House, 2008.
13. *Khanna P.* Connectivity, Not Primacy, Is the Way of the World. URL: <https://worldview.stratfor.com/article/connectivity-not-primacy-way-world> (accessed: 28.12.2017).
14. *Khanna P.* The New World Order Is Ruled By Global Corporations And Megacities – Not Countries. URL: <https://www.fastcompany.com/3059005/the-new-world-order-is-ruled-by-global-corporations-and-megacities-not-countries> (accessed: 30.12.2017).
15. *Khanna P.* Megacities: We Need To Build Bridges, Not Walls. URL: <http://www.billionaire.com/people/2480/megacities-we-need-to-build-bridges-not-walls> (accessed: 30.12.2017).
16. *GDP.* World Bank national accounts data, and OECD National Accounts data files. URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?end=2016&start=2016&view=bar&year_high_desc=true (accessed: 30.12.2017).
17. *Weller C.* Why it's useless to have borders between countries. URL: <http://www.businessinsider.com/useless-to-have-borders-between-countries-says-ted-speaker-2016-2> (accessed: 30.12.2017).
18. *Gottmann J.* Megalopolis: The Urbanized Northeastern Seaboard of the United States. New York : The Twentieth Century Fund, 1961.
19. *Luchsinger N.* Cities always want to support each other: Interview with Parag Khanna. URL: <https://medium.com/asia-society-switzerland/parag-khanna-on-urbanization-ad6015239c5f> (accessed: 28.12.2017).

Inna A. Verшинina, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: urbansociology@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 44. pp. 147–154.

DOI: 10.17223/1998863X/44/15

PARAG KHANNA'S CONNECTOGRAPHY: URBAN NETWORKS IN THE 21ST CENTURY

Keywords: urban studies; global cities; connectivity; devolution; functional geography.

The article examines the role of global cities and new urban forms, which Khanna considers as the main centres of the new emerging world order. Khanna argues that the new “connectography” is functional geography that becomes more important than traditional political geography. He predicts the advent of the era of connectivity. Connectivity is a physical thing because it means infrastructure: roads and bridges, energy networks, the Internet, and so on. Cities, separated by hundreds of kilome-

ters, are connecting into multi-city clusters. These new urban forms become the main factors of economic growth. Megacities, new transportation corridors, power grids and connectivity technologies are replicating the map of the world, where instead of state borders there are connections provided with infrastructure. Humankind is actually transformed into a global networked civilisation, in which the key role is played by cities. In this world, national boundaries are nothing but irritants that can be overcome. The process of devolution accompanies urbanisation and expansion of the territory and the growth of the influence of new urban forms. Devolution leads to the erosion of traditional boundaries and the emergence of new urban formations. Multi-city clusters become decision-making centres that are more interested in developing connections and networks than in restricting territories and participating in conflicts. Conflicts have a negative impact on connectivity, and, therefore, are disadvantageous to those who extract profit from connectivity. Khanna argues that new energy discoveries and innovations have eliminated the need for resource wars, global financial assets are being deployed to build productive infrastructure. We are accelerating into a future shaped less by countries than by connectivity. Humankind has a new maxim – Connectivity is destiny. Khanna argues that the most connected powers, countries and cities will win in the new world order.

References

1. Sassen, S. (2016) *The Global City: Enabling Economic Intermediation and Bearing Its Costs*. *City & Community*. 15(2). pp. 97–108. DOI: 10.1111/cico.12175
2. Therborn, G. (2017) *Cities of Power: The Urban, The National, The Popular, The Global*. London: Verso.
3. Verzhinina, I.A. (2017) Localization of the global economic system in global cities. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18: Sotsiologiya i politologiya – Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 3. pp. 58–76. (In Russian).
4. Martynenko, T.S. (2015) G. Therborn's global sociology: theory of social inequalities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 1(29). pp. 185–193. (In Russian). DOI 10.17223/1998863y/29/20
5. Khanna, P. (2016) *Connectography: Mapping the Future of Global Civilization*. New York: Random House.
6. Khanna, P. (2016) *Connectography: Mapping the Global Network Revolution*. London: Weidenfeld & Nicolson.
7. Khanna, P. (n.d.) *Long Bio*. [Online] Available from: <https://www.paragkhanna.com/about-parag-khanna/>. (Accessed: 28th December 2017).
8. Khanna, P. (n.d.) *Connected Cities, Productive Cities*. [Online] Available from: <http://www.governing.com/columns/urban-notebook/parag-khanna-data-cities-lead-economic-progress.html>. (Accessed: 28th December 2017).
9. Khanna, P. (2016) *Megacities, not nations, are the world's dominant, enduring social structures*. [Online] Available from: <https://qz.com/666153/megacities-not-nations-are-the-worlds-most-dominant-enduring-social-structures-adapted-from-connectography/>. (Accessed: 30th December 2017).
10. Therborn, G. (2011) End of a Paradigm. The Current Crisis and the Idea of Stateless Cities. *Environment and Planning A*. 43(2). pp. 283. DOI: 10.1068/a42328.
11. Nutt, D. (2016) *Parag Khanna: A Future Without Borders*. [Online] Available from: <https://www.52-insights.com/parag-khanna-a-world-without-borders-politics/>. (Accessed: 28th December 2017).
12. Khanna, P. (2008) *The Second World: Empires and Influence in the New Global Order*. New York: Random House.
13. Khanna, P. (2017) *Connectivity, Not Primacy, Is the Way of the World*. [Online] Available from: <https://worldview.stratfor.com/article/connectivity-not-primacy-way-world>. (Accessed: 28th December 2017).
14. Khanna, P. (2016) *The New World Order Is Ruled By Global Corporations And Megacities – Not Countries*. [Online] Available from: <https://www.fastcompany.com/3059005/the-new-world-order-is-ruled-by-global-corporations-and-megacities-not-countries>. (Accessed: 30th December 2017).
15. Khanna, P. (2016) *Megacities: We Need To Build Bridges, Not Walls*. [Online] Available from: <http://www.billionaire.com/people/2480/megacities-we-need-to-build-bridges-not-walls>. (Accessed: 30th December 2017).

16. GDP. (2016) *World Bank national accounts data, and OECD National Accounts data files*. [Online] Available from: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?end=2016&start=2016&view=bar&year_high_desc=true. (Accessed: 30th December 2017).
17. Weller, C. (2016) *Why it's useless to have borders between countries*. [Online] Available from: <http://www.businessinsider.com/useless-to-have-borders-between-countries-says-ted-speaker-2016-2>. (Accessed: 30th December 2017).
18. Gottmann, J. (1961) *Megalopolis: The Urbanized Northeastern Seaboard of the United States*. New York: The Twentieth Century Fund.
19. Luchsinger, N. (2016) *Cities always want to support each other: Interview with Parag Khanna*. [Online] Available from: <https://medium.com/asia-society-switzerland/parag-khanna-on-urbanization-ad6015239c5f>. (Accessed: 28th December 2017).

УДК 316. 334. 2

DOI: 10.17223/1998863X/44/16

Н.В. Дулина, Д.В. Моисеева

РЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ФИНАНСОВЫХ ПРАКТИКАХ И УСТАНОВКАХ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПРИКЛАДНОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Рассматривается вопрос необходимости учета региональных различий в финансовых практиках и установках населения при реализации федерального проекта «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации». В качестве эмпирической базы использованы результаты авторского межрегионального социологического исследования (Волгоград, Омск, Тюмень).

Ключевые слова: финансовая грамотность, финансовое поведение, финансовые установки, студенты, регион.

Введение

С 2011 г. на территории Российской Федерации реализуется проект «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации». На первом этапе этого проекта были выбраны два региона – Волгоградская и Калининградская области – для апробации материалов, разрабатываемых в рамках проекта. В 2013 г. на территории еще семи субъектов Российской Федерации (Алтайский край, Архангельская область, Краснодарский край, Саратовская область, Ставропольский край, Республика Татарстан, Томская область) был запущен ряд мероприятий, положительно зарекомендовавших себя на пилотных площадках. На данный момент согласованно реализуются как мероприятия федерального проекта (более чем в 40 регионах), так и мероприятия, запланированные в рамках региональных программ повышения финансовой грамотности населения (9 регионов) [1]. Актуальность и необходимость подобного проекта в современных условиях не вызывает сомнений, но эффективная его реализация зависит от множества факторов. В рамках данной статьи предлагается к обсуждению проблематика учета дифференциации регионов Российской Федерации при реализации федерального проекта, выполнения условия адресности программ повышения финансовой грамотности населения.

Региональные различия в финансовых практиках: постановка проблемы

Есть все основания говорить о том, что методология социологических исследований финансового поведения населения характеризуется слабой разработанностью. Строго говоря, общая идеология научного поиска непротиворечивых и совместимых между собой теоретических и эмпирических ре-

зультатов, согласованного понимания предмета, объекта и методов отсутствует. Видимо, идет вполне объективный процесс накопления эмпирических данных, критический объем которых позволил бы справиться с обозначенной выше проблемой. То, что пока идет именно процесс накопления эмпирических данных, легко подтверждается тем, что в настоящее время изучение финансового поведения населения характеризуется преобладанием прикладных исследований (зачастую маркетинговых), в которых вопросы методологии не поднимаются, а решаются скорее интуитивно, на основе исследовательского опыта конкретных социологов. Однако значительное приращение числа подобного рода исследований позволяет формулировать множество научных проблем, решение которых невозможно без серьезной методологической базы. Кроме того, нельзя упускать из внимания тот факт, что Россия – большая и очень разная страна. Иллюстрацией данного утверждения могут стать слова Президента России В. Путина, что доходы пяти самых бедных и богатых регионов России отличаются в 43 раза. Понятно, что с одним и тем же аршином к разным регионам подходить нельзя, о чем постоянно напоминают исследователи, занимающиеся изучением природы и характера дифференциации регионов Российской Федерации, которые единодушны во мнении, что без учета региональных особенностей невозможно реализовывать никакие федеральные проекты [2–7]. Первые российские исследования, посвященные оценке уровня финансовой грамотности и изучению финансового поведения населения, наглядно продемонстрировали наличие региональных различий [8, 9]. Межрегиональные различия в уровне финансовой грамотности населения были отмечены и в исследовании, реализованном на территории Республики Беларусь [10].

В исследованиях западных ученых также представлены результаты, фиксирующие региональные особенности финансового поведения жителей, как правило, одной страны [11–13]. Отдельного внимания заслуживает опыт исследователей из США: в 2009 г. по результатам социологического исследования ими была составлена «карта финансовой грамотности» США. Для всех 50 штатов был рассчитан индекс финансовой грамотности, выполнена оценка корреляции финансовой грамотности и некоторых важных агрегированных переменных, например уровня бедности. Исследователи пришли к выводу, что различия в финансовой грамотности можно объяснить демографическими и экономическими характеристиками штатов [14].

Исследований подобного масштаба в России пока не проводилось, на данный момент на сайте Минфина России представлены сопоставимые данные по 15 регионам (2015 г.) [15], это исследование с максимальной географией. Кроме того, в свободном доступе есть материалы исследований по отдельным регионам, но они реализованы с использованием различного инструментария и в разные периоды времени [16–18], поэтому сопоставить данные по представленным материалам и отследить динамику не представляется возможным. Отсутствие данных, позволяющих охарактеризовать финансовую грамотность населения большинства регионов Российской Федерации, является серьезным препятствием для обеспечения результативности проекта, оценки его эффективности.

Возвращаясь к вопросам методологии социологических исследований финансового поведения населения, заметим, что, по нашему мнению, значи-

тельным эвристическим потенциалом в поиске решения обозначенной научной проблемы обладает социокультурный подход, основные положения которого сформулированы М. Вебером, П.А. Сорокиным, А.С. Ахиезером, Н.И. Лапиным [19–24]. Использование социокультурного подхода, в основе которого лежит измерение человеческого бытия в трех основных «координатах» – человек в его отношениях с обществом, характер культуры, тип социальности – определило следующие теоретические рамки нашего исследования:

1) выбор финансовых практик и установок в качестве предмета исследования. По мнению В.В. Волкова, практики конституируют и воспроизводят идентичности или «раскрывают» основные способы социального существования, возможные в данной культуре и в данный момент истории. Повседневные практики связаны с культурой данного общества и передаются от поколения к поколению в обычаях, привычках, навыках деятельности и стереотипах. Повседневные практики воспринимаются как данность и организуют взаимодействие. Они выступают фоном, как знание о том, как нужно поступать для достижения определенных целей в данной культуре. Будучи включенным в социальное взаимодействие, человек усваивает и воспроизводит мифы, стереотипы, нормы и схемы поведения данного общества [25. С. 12, 15].

2) финансовая грамотность человека формируется в ходе финансовой социализации, которая происходит в социокультурной среде ближайших общностей (семья, референтная группа, социальная группа, социальный класс). Как подчеркивает в своей работе О.И. Шкаратан, определяющей в процессах социализации является принадлежность к той или иной территориальной общности: «сущность функций территориальной общности состоит в том, что именно здесь осуществляется потребительская деятельность людей, продуктом которой и является индивид. Здесь же совершается процесс овладения ценностями и нормами, присущими данному социуму... Именно эта «малая родина», т.е. территориальная общность, – основная среда производства людей» [26. С. 40].

3) финансовое действие глубоко укорено в социальной структуре (М. Аболафия, М. Грановеттр): культурные особенности хозяйственной деятельности устанавливают допустимость и приемлемость стратегий поведения, целей и средств их достижения, а также предписанные способы действия и оценивания;

4) при изучении финансовой грамотности населения необходим учет финансовой культуры той страны, где она изучается (измеряется), разворачиваются программы ее повышения.

Именно в рамках данного подхода представляется возможным наиболее полно описать природу региональных различий в финансовых практиках населения.

Эмпирическая база исследования

Для изучения региональных особенностей финансовой грамотности и финансового поведения в 2017 г. авторами было реализовано межрегиональное сравнительное исследование. География исследования представлена тремя крупными городами: Волгоград, Омск и Тюмень. В территорию исследования вошли города, в которых исследователи проявили научный интерес к

теме и присоединились к инициативному проекту авторов. «Визитки» городов могут быть представлены следующим образом:

– г. Волгоград – областной центр пилотной площадки проекта «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации», город-миллионник;

– г. Омск – областной центр региона, в котором нет региональной программы повышения финансовой грамотности населения, город-миллионник;

– г. Тюмень – областной центр региона, в котором нет региональной программы повышения финансовой грамотности населения, город с численностью населения до 1 млн жителей.

Сравнение ряда показателей, характеризующих социально-экономическую ситуацию в городах, вошедших в территорию исследования, представлено в табл. 1.

Таблица 1. Показатели, характеризующие социально-экономическую ситуацию в регионах исследования, 2015 г.*

Показатель	г. Волгоград, Волгоградская область, ЮФО	г. Омск, Омская область, СФО	г. Тюмень, Тюменская область, УФО
<i>Данные по городу</i>			
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата, руб.	29 902,4	31 077,4	46 959,6
Инвестиции в основной капитал (в фактически действовавших ценах), млн руб.	101 042,1	57 710,6	94 737,6
Численность студентов вузов, тыс. человек	71,6	88,7	95,2
<i>Данные по субъекту</i>			
Среднедушевые денежные доходы (в месяц), руб.	21 724	25 858	41 625
Потребительские расходы в среднем на душу населения (в месяц), руб.	16 178	17 255	26 317
Инвестиции в основной капитал на душу населения (в фактически действовавших ценах), руб.	75 771	49 085	534 501
Валовой региональный продукт в 2014 г., млн руб.	715 050,4	598 911,6	5 178 490,2
Валовой региональный продукт на душу населения в 2014 г., руб.	278 961,2	303 088,5	1 453 073,3

* Составлено по [27–28].

Регионы, на территории которых было реализовано исследование, дифференцированы следующим образом:

а) в г. Волгограде и Волгоградской области самые низкие среднедушевые доходы, среднемесячная номинальная начисленная заработная плата и потребительские расходы в среднем на душу населения, незначительно отличаются эти показатели по г. Омску и Омской области, а г. Тюмень и Тюменская область идут с большим отрывом;

б) по макроэкономическим показателям (инвестиции в основной капитал и валовой региональный продукт) г. Волгоград и Волгоградская область сопоставимы с г. Омском и Омской областью, а г. Тюмень и Тюменская область демонстрируют превышение в несколько раз.

В качестве носителя необходимого для реализации задач исследования социального знания нами была выбрана социальная группа студентов. Студенты – наиболее активная, заинтересованная аудитория, которая во многом будет определять финансовое поведение населения в ближайшем будущем.

Кроме того, молодежь определена как одна из целевых групп проекта «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации». Ориентируясь на студентов, мы понимали, что большинство из них только начинают самостоятельно принимать финансовые решения, нести за них ответственность. Финансовое поведение начинающих взрослых, с одной стороны, опирается на практики семьи, в которой они выросли, с другой – на молодежные практики, принятые в среде, где они учатся; и то, какие из моделей финансового поведения, освоенные в молодости, окажутся эффективнее, во многом определит их дальнейшие финансовые практики. Кроме того, современные студенты дневных отделений совмещают учебу и работу. Правда, для большинства из них в целом характерна тенденция *«работа мешает учебе»*. Так, по данным федерального опроса, вполне успешно два занятия (работа и учеба) сочетали менее трети участников, для 16% респондентов такое совмещение было очень проблематичным [29. С. 524].

Объектом исследования стала финансовая грамотность студентов очных отделений вузов, предметом – финансовые установки и практики студентов очных отделений вузов.

Технические параметры исследования следующие:

1) сроки проведения полевого этапа исследования: 16.10.2017–10.11.2017 г.;

2) территория исследования: города Волгоград, Омск, Тюмень;

3) в исследовании приняли участие студенты 23 вузов (Волгоград – 4 вуза, Омск – 15 вуза, Тюмень – 4 вуза);

4) общее число анкет в исходном массиве – 1 127 шт. В ходе редактирования и визуального контроля качества поступивших анкет для обработки было отобрано 1 087 анкет, в том числе в Волгограде – 589 анкет, Омске – 268 анкет, в Тюмени – 230 анкет;

5) выборка направленная, квотная (квотируемые признаки – направление образования (естественнонаучное, гуманитарное, техническое) и курсы обучения);

6) Максимальная статистическая погрешность общей выборки такого объема при уровне значимости 0,05 не превышает 3,0%, для отдельных единиц, вошедших в территорию исследования, – 6,43%;

7) метод сбора информации: онлайн-анкетирование.

Как показывает практика, такой опрос, строго говоря, не может рассматриваться как представительный в полном смысле этого слова, т.е. говорить о репрезентативности выборки (как и о статистической погрешности) не приходится. В условиях, когда математические условия репрезентации не соблюдаются, ограничения, которые налагаются на выборку, становятся благом. В сформированной совокупности оказываются респонденты одного статуса, одного возраста, но при этом дисперсно распределенные по всей территории исследования. По мнению В.А. Мансурова и М.Ф. Черныша, «данная выборка, как всякая квотная, таит в себе возможность устойчивых искажений, но в большинстве случаев – и это неоднократно доказывалось исследовательскими практиками – точно воспроизводит характеристики генеральной совокупности» [30. С. 60].

В табл. 2 представлено распределение ответов на выявление таких финансовых практик, как ведение финансового учета (учета доходов и расходов), повседневные стратегии распоряжения доходами и финансовое планирование.

Таблица 2. Финансовые практики российских студентов, %

Варианты ответа на вопрос	Территория исследования			
	Волгоград	Омск	Тюмень	В целом по массиву
<i>Принято ли в Вашей семье вести учет доходов и расходов?</i>				
Да, мы ведем учет всех средств, фиксируя все поступления и все расходы	23	16	20	21
Да, мы ведем учет всех средств, но не все поступления или расходы фиксируются	23	25	25	24
Нет, учета средств семьи не ведется, но в целом известно, сколько денег было получено и сколько было потрачено за месяц	44	45	41	44
Нет, учета средств семьи не ведется, и даже приблизительно неизвестно, сколько денег получили и сколько потратили за месяц	5	9	7	6
Затрудняюсь ответить	5	5	7	5
<i>Как Вы, Ваша семья обычно распорядитесь своими доходами в повседневной жизни?</i>				
Сначала что-то откладываю (на крупные покупки, другие расходы, а остальное трачу на текущие нужды)	34	32	32	33
Трачу деньги на текущие нужды, а то, что остается, откладываю	43	45	47	44
Трачу все деньги на текущие нужды, ничего не откладываю	13	17	13	14
Затрудняюсь ответить, отказ	10	6	9	9
<i>На какой срок обычно осуществляется финансовое планирование в Вашей семье?</i>				
Финансового планирования нет, живем «от зарплаты до зарплаты»	34	31	22	31
Есть планы на срок до полугода	23	25	24	24
Есть планы на срок от полугода до года	13	18	22	16
Есть планы на срок от года до трех лет	5	7	6	6
Есть планы на срок от трех до пяти лет	1	2	2	2
Есть планы на срок от пяти до 10 лет	1	0	1	1
Есть планы на срок более 10 лет	1	1	1	1
Затрудняюсь ответить, отказ	20	14	22	19

Половина из всех опрошенных студентов указали, что учет доходов и расходов в их семьях не ведется, и только каждый пятый указал на практику строгого финансового учета. Анализ значимых различий распределения ответов студентов, проживающих в разных регионах, позволил выделить, что среди омских студентов практика строгого учета встречается реже, чем в других регионах (16%), а волгоградские студенты, наоборот, наиболее дисциплинированы (23%).

В ответах на вопрос о повседневных финансовых стратегиях студенты всех трех городов продемонстрировали единодушие: на приоритет сбережений указали 32–34% опрошенных, ориентацию на текущее потребление и в случае возникновения неистраченных денежных средств их сбережение отметили 43–47% опрошенных, приоритет текущего потребления без сбережений вообще – 13–17%.

Финансовое планирование отсутствует в 31% семей студентов, финансовое планирование с коротким горизонтом (сроком до года) встречается у 40% опрошенных, финансовое планирование сроком от 1 года осуществляют 10% опрошенных. Надо отметить, что этот вопрос вызвал затруднения у каждого пятого (19%) от общего числа опрошенных. Возможно, самостоятельно они еще не задумывались о необходимости финансового планирования, а в их семьях эти вопросы не обсуждаются. В ответах на этот вопрос есть региональные различия. Студенты Волгограда чаще других отмечали полное отсутствие финансового планирования (34%), и горизонт планирования у тех, кто его осуществляет, короче. Студенты Тюмени наоборот, реже других указывали, что финансового планирования нет (22%), а также чаще встречаются те, кто затруднился ответить или указал наличие планов от полугода до года (по 22% ответивших).

Далее представлены оценки благоприятности внешней среды для сберегательных и кредитных практик (рис. 1).

Общая логика расчета индексов отношения к кредитам и сбережениям сводится к следующему:

1. По вопросу, характеризующему отношение к той или иной финансовой практике, рассчитываются распределения ответов респондентов.

2. Каждое из полученных распределений используется для построения частного индекса, который рассчитывается следующим образом: из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных (средние и несодержательные варианты ответов не учитываются), и к этой разнице прибавляется 100, чтобы исключить появление отрицательных величин.

3. Значения индекса могут изменяться в пределах от 0 до 200. Индекс равен 200, когда все население положительно оценивает экономическую ситуацию. Индекс равен 100, когда доля положительных и отрицательных оценок одинакова. Значения индекса ниже 100 означают преобладание в обществе негативных оценок.

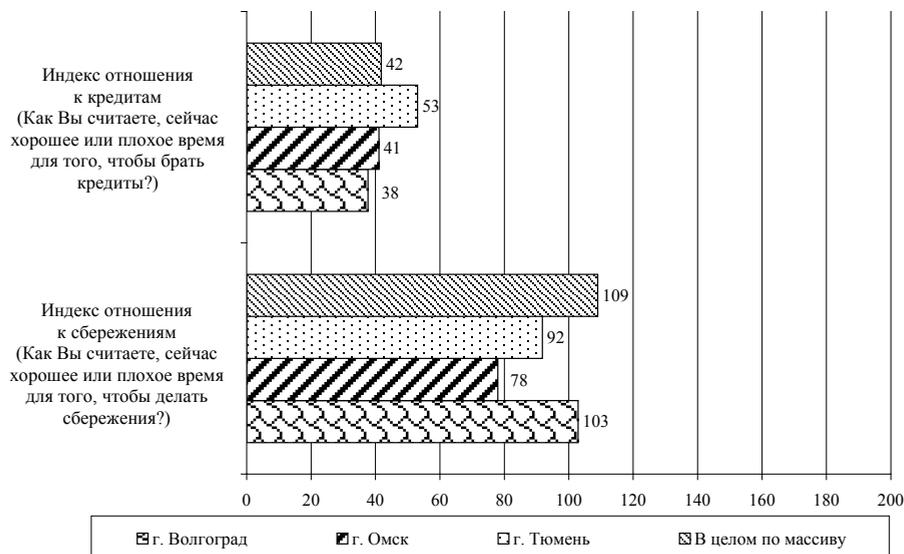

Рис. 1. Индексы отношения к сбережениям и кредитам, %

В оценках студентами благоприятности внешней среды для сберегательных практик наблюдается равенство положительных и отрицательных оценок, а вот в отношении кредитных практик преобладают негативные оценки. Индекс отношения к сбережениям в 2,6 раза больше индекса отношения к кредитам. Региональные отличия статистически значимы: наиболее лояльны к сбережениям волгоградские студенты (индекс равен 103%), они же демонстрируют резко негативное отношение к кредитам (38%); тюменские студенты менее негативны в условиях для кредитования (53%); омские студенты настроены более отрицательно в оценках условий для создания сбережений (78%).

Ответы на вопрос о приоритетной стратегии финансового поведения (Если у Вас не хватает денег, чтобы купить то, что Вы желаете приобрести (например, что-то из одежды или спортивного оборудования), что Вы, вероятнее всего, будете делать?) подтверждают, что студенты более ориентированы на сбережения. Так, 57% опрошенных студентов ответили, что будут копить деньги на покупку, против 12% опрошенных, которые указали, что попробуют занять деньги.

Также были изучены оценка материального положения семьи (своей и / или родительской) студентами (табл. 3) и их самооценка финансовой грамотности (рис. 2).

Распределение ответов на вопрос об оценке материального положения семьи характеризуется региональной дифференциацией. Вполне ожидаемо, что ответы студентов, проживающих в Волгограде и Омске, практически полностью совпадают (как и уровень средней заработной платы как в городе, так и в регионе в целом). Также ожидаемо, что студенты Тюмени дают более высокую оценку (что вполне согласуется с уровнем доходов в этом регионе, который в 1,6–2 раза выше, чем в двух других). В ответах по самооценке финансовой грамотности региональная дифференциация не прослеживается: 15% считают, что обладают отличными или хорошими знаниями, 36% определили свои знания в области финансов как удовлетворительные, 32% – как неудовлетворительные или указали на их полное отсутствие, велик процент затруднившихся в самооценке – 17%.

Таблица 2. Оценка студентов материального положения своей семьи, %

Ответы на вопрос: Как Вы оцениваете материальное положение Вашей семьи?	Территория исследования			
	г. Волгоград	г. Омск	г. Тюмень	В целом по массиву
Денег не хватает даже на питание и предметы первой необходимости	3	2	0,4	2
Денег едва хватает от зарплаты до зарплаты	12	9	5	10
На самое необходимое денег хватает, но уже покупка одежды и обуви вызывает затруднение	23	25	12	21
Денег в основном хватает, однако испытываем затруднения при покупке товаров длительного пользования	26	26	25	26
Вызывает затруднение только покупка дорогостоящих вещей	26	29	39	29
В настоящее время семья практически может ни в чем себе не отказывать	4	5	10	6
Затрудняюсь ответить	7	3	8	6

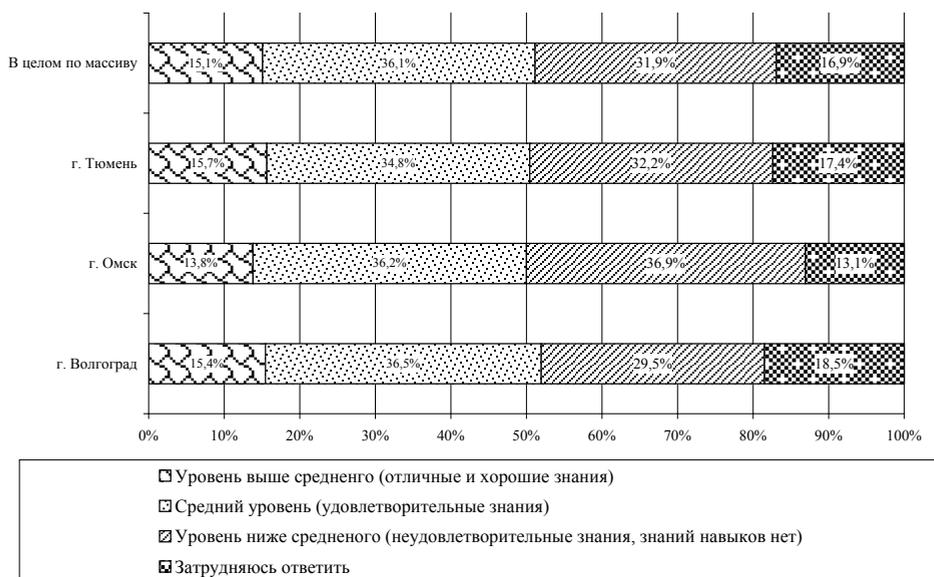

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Считаете ли Вы себя финансово грамотным человеком? Как Вы считаете, есть ли у Вас необходимые знания и навыки в области финансов или таких знаний и навыков нет?»

Обращение к самооценке основывается на предыдущих работах авторов, в которых доказывались два тезиса: 1) самооценка финансовой грамотности имеет объективные основания (финансовые знания и навыки, которыми обладает человек); 2) существует взаимосвязь между самооценкой финансовой грамотности респондента и уровнем его дохода [31, 32]. В исследовании была поставлена задача проверить выявленные зависимости на материалах другого исследования.

Полученное распределение ответов подтверждает оба выдвинутых тезиса. Студенты, не имея большого опыта в принятии финансовых решений, дают объективную оценку своей финансовой грамотности. Формирование самооценки финансовой грамотности связано с процессом финансовой социализации, приобретением собственного опыта получения дохода и управления им, поэтому, несмотря на более высокий уровень доходов семей, к которым принадлежат студенты-очники в Тюмени, их самооценки уровня финансовой грамотности не выделяются на фоне студентов из регионов с более низкими доходами населения.

Результаты проведенного исследования наглядно свидетельствуют о наличии региональных различий в финансовых практиках и установках современного российского студенчества. Студенты, обучающиеся в Волгограде, демонстрируют более ответственное управление денежными средствами, осторожное отношение к кредитованию; омские студенты реже указывают на осуществление практики учета расходов и доходов и в меньшей степени осознают необходимость создания сбережений; студенты Тюмени имеют более длинные горизонты финансового планирования и в большей степени одобряют кредиты. Для успешной реализации проекта «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и

развитию финансового образования в Российской Федерации», основной целью которого является формирование у российских граждан разумного финансового поведения, развитие навыка принятия обоснованных решений и формирование ответственного отношения к личным финансам, необходим учет региональных особенностей финансовой грамотности. При запуске региональных программ повышения финансовой грамотности важно обеспечить грамотный отбор мероприятий, имеющийся в арсенале федерального проекта. Нам представляется, что этот отбор можно осуществить на базе данных социологических исследований, выполненных на региональном уровне. Получение объективной, полной социологической информации о состоянии финансовой грамотности жителей региона должно стать отправной точкой запуска мероприятий, направленных на содействие повышению финансовой грамотности населения.

Литература

1. *Содействие* повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации [Электронный ресурс] : проект Минфина России. URL: <http://вашифинансы.рф/upload/docs/project-presentation-2017.pdf> (дата обращения: 23.11.2017).
2. *Зубаревич Н.В.* Социальное развитие регионов России : проблемы и тенденции переходного периода. М. : Ленанд, 2016.
3. *Россия* регионов: в каком социальном пространстве мы живем? [Электронный ресурс] / под ред. Н.В. Зубаревич. М. : Поматур, 2005. URL: <http://www.socpol.ru/publications/book.shtml> (дата обращения: 23.11.2017).
4. *Лавин Н.И.* Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы. М. : Весь Мир, 2016.
5. *Агеева С.Д., Мишура А.В.* Региональная неравномерность развития банковских институтов // Регион: экономика и социология. 2016. № 1 (89). С. 34–61.
6. *Бахтизин А.Р., Бухвальд Е.М., Кольчугина А.В.* Ранжирование субъектов Российской Федерации по потенциалу и темпам социально-экономического развития // Регион: экономика и социология. 2016. № 2 (90). С. 3–22.
7. *Буфетова А.Н.* Тенденции концентрации экономической активности и неравномерность пространственного развития России // Регион: экономика и социология. 2016. № 2 (90). С. 23–41.
8. *Результаты* базового исследования уровня финансовой грамотности россиян : исследование, выполненное Консорциум компаний ЗАО «Демоскоп» и ЗАО «Прогностические решения» [Электронный ресурс]. URL: http://www.opec.ru/data/2014/10/28/1233966216/ВГ-ОК-%2023_10_2014.pdf (дата обращения: 01.09.2015).
9. *Исследование* измерения уровня финансовой грамотности [Электронный ресурс] : отчет. URL: <https://www.minfin.ru/ru/om/fingram/directions/evaluation/#> (дата обращения: 15.09.2017).
10. *Кройтор С., Образжей О., Подвальская В.* Финансовая грамотность населения Республики Беларусь: факты и выводы [Электронный ресурс]. URL: <http://fingramota.by/files/2016/5/17/635991043252830344.pdf> (дата обращения 23.11.2017).
11. *Fornero E., Monticone C.* Financial literacy and pension plan participation in Italy // Journal of Pension Economics and Finance. 2011. Vol. 10, № 4. P. 547–564.
12. *Jorgensen B., Foster D., Jensen J., Vieira E.* Financial Attitudes and Responsible Spending Behavior of Emerging Adults: Does Geographic Location Matter? // Journal of Family and Economic Issues. 2017. Vol. 38, is. 1. P. 70–83.
13. *Panos G.A., Klapper L.* Financial Literacy and Retirement Planning: The Russian Case. Policy Research Working Paper 5827 [Electronic resource]. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/3591/WPS5827.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed: 15.09.2017).
14. *Bumcrot C.D., Lin J., Lusardi A.* The Geography of Financial Literacy [Electronic resource]. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/working_papers/2011/RAND_WR893.pdf (accessed: 23.11.2017).

15. Исследование измерения уровня финансовой грамотности [Электронный ресурс] : отчет. URL: <https://www.minfin.ru/ru/om/fingram/directions/evaluation/#> (дата обращения: 15.09.2017).
16. Финансовая грамотность и финансовое поведение жителей Калининградской области. 2014 г. [Электронный ресурс] / Калининградская социологическая служба. URL: http://minfin.gov39.ru/program/soc_research/ (дата обращения: 23.11.2017).
17. Оценка уровня финансовой грамотности жителей Архангельской области [Электронный ресурс] / ГАУ «Центр изучения общественного мнения». URL: http://fingramota.onedu.ru/materials/section.php?SECTION_ID=104 (дата обращения: 16.02.2015).
18. Белехова Г.В. Оценка финансовой грамотности населения и пути ее повышения // Проблемы развития территории. 2012. № 4. С. 96–109.
19. Вебер М. Избранные произведения : пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайдено. М. : Прогресс, 1990. 808 с.
20. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество : пер. с англ. / общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. М. : Политиздат, 1992. 543 с.
21. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (социокультурный словарь). М. : Новый хронограф, 2008. 934 с.
22. Латин Н.И. Актуальные теоретико-методологические аспекты исследований российской модернизации // Социологические исследования. 2015. № 1. С. 5–10.
23. Латин Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 3–12.
24. Латин Н.И. Пути России: социокультурные трансформации / Российская акад. наук, Ин-т философии. М., 2000. 191 с.
25. Волков В.В. О концепции практик в социальных науках // Социологические исследования. 1997. № 6. С. 9–23.
26. Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М. : Аспект Пресс, 1996. 318 с.
27. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_14t/Main.htm (дата обращения: 23.11.2017).
28. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_14p/Main.htm (дата обращения: 23.11.2017).
29. Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чередниченко Г.А. Молодежь России на рубеже XX–XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие. М. : ЦСП и М, 2014. 548 с.
30. Мансуров В.А., Черныш М.Ф. Социальная справедливость: теоретический и эмпирический аспекты // Студенчество России о социальном неравенстве и социальной справедливости : сб. науч. статей / под общ. ред. Ю.Р. Вишневого. Москва : Российское общество социологов ; Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2016. С. 9–96.
31. Дулина Н.В., Моисеева Д.В. Финансовая грамотность и повседневные финансовые практики населения Волгоградской области (на материалах социологического исследования «Волгоградский омнибус») // Философия социальных коммуникаций. 2014. № 3. С. 70–78.
32. Моисеева Д.В. Финансовая грамотность населения: экономико-социологический анализ : дис. ... канд. социол. наук. Волгоград, 2017. 203 с.

Nadezhda V. Dulina, Volgograd State University (Volgograd, Russian Federation).

E-mail: nv-dulina@yandex.ru

Darya V. Moiseeva, Volgograd State Technical University (Volgograd, Russian Federation).

E-mail: Moiseeva-D@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 44. pp. 155–168.

DOI: 10.17223/1998863X/44/16

REGIONAL DIFFERENCES IN FINANCIAL PRACTICES AND ATTITUDES OF MODERN RUSSIAN STUDENTS (ON THE MATERIALS OF AN APPLIED SOCIOLOGICAL RESEARCH)

Keywords: financial literacy; financial behavior; financial intension; students; region.

One of the important conditions for an effective implementation of the Federal Project “Assistance in Raising the Level of Financial Literacy of the Population and Developing Financial Education in the Russian Federation” is the targeting of its programmes. Federal events are held in more than 40 regions of Russia; in 9 regions the regional programmes have been approved. The lack of data that would make it possible to characterise the financial literacy of the population in most regions of the Russian Federation is a serious obstacle to the impact of the project and its efficiency assessment. The problem of the authors’ research is the question of the effectiveness of activities carried out without considering the existing differentiation of Russian regions in terms of socio-economic development. The research hypothesis consists in the following: there are regional differences in the financial practices and attitudes of the population. To test the hypothesis an inter-regional comparative study was implemented. The geography of the research is represented by three major cities: Volgograd, Omsk and Tyumen. The cities are differentiated according to two criteria: the income level of the population and the availability of regional programmes to improve the financial literacy of the population. The object of the research is the financial literacy of full-time students of higher education. The subject of the research is their financial attitude and practices. Students are not chosen randomly. They are the target group of the Federal Project and, therefore, the question of targeting programmes is also of great importance. In the data obtained as a result of the study, regional differences in the financial practices and attitudes of students were recorded. Volgograd students are more responsible in accounting for current expenses and incomes, more circumspect in relation to loans. Students of Omsk are less responsible in planning their budget, less often they realise the importance of savings. The authors emphasise that the income level in these regions differs slightly, but the financial culture is different. The incomes of Tyumen residents are 1.5 times higher than in Volgograd and Omsk, while students indicate longer horizons for personal finance planning and are more likely to approve loans. The revealed peculiarities of financial behaviour and financial culture make it possible to substantiate the thesis that planning and implementing the activities of the project “Assistance in Raising the Level of Financial Literacy of the Population and Developing Financial Education in the Russian Federation” at the level of a particular region should ensure targeting. It is necessary to have a clear idea of the level of the financial literacy of the population of this region. Monitoring sociological research will allow: 1) to plan events correctly; 2) to assess their effectiveness; 3) to provide “feedback”, i.e., provide information necessary to adjust and improve the effectiveness of these activities.

References

1. Ministry of Finance of the Russian Federation. (2017) *Proyekt Minfina Rossii “Sodeystviye povysheniyu urovnya finansovoy gramotnosti naseleniya i razvitiyu finansovogo obrazovaniya v Rossiyskoy Federatsii”* [The project of the Ministry of Finance of the Russian Federation “Assistance in raising the level of financial literacy of the population and the development of financial education in the Russian Federation”]. [Online] Available from: <http://vashifinansy.rf/upload/docs/project-presentation-2017.pdf>. (Accessed: 23rd November 2017).
2. Zubarevich, N.V. (2016) *Sotsial'noye razvitiye regionov Rossii: problemy i tendentsii perekhodnogo perioda* [Social development of Russia's regions: Problems and trends in the transition period]. Moscow: Lenand.
3. Zubarevich, N.B. (2005) *Rossiya regionov: v kakom sotsial'nom prostranstve my zhivom?* [Regional Russia: What social space do we live in?]. Moscow: Pomatur. [Online] Available from: <http://www.socpol.ru/publications/book.shtml>. (Accessed: 23rd November 2017).
4. Lapin, N.I. (2016) *Atlas modernizatsii Rossii i yeye regionov: sotsioekonomicheskiye i sotsiokul'turnyye tendentsii i problem* [Modernisation Atlas of Russia and Its Regions: Socio-Economic and Socio-Cultural Trends and Problems]. Moscow: Ves' Mir.
5. Ageyeva, S.D. & Mishura, A.V. (2016) Regional development disparity of banking institutions. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya – Region: Economics and Sociology*. 1(89). pp. 34–61. (In Russian).
6. Bakhtizin, A.R., Bukhvald, Ye.M. & Kolchugina, A.V. (2016) Ranking the Subjects of the Russian Federation Based on Their Potential and Rates of Socio-Economic Development. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya – Region: Economics and Sociology*. 2(90). pp. 3–22. (In Russian).
7. Bufetova, A.N. (2016) Trends for the Concentration of Economic Activity and Uneven Spatial Development of Russia. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya – Region: Economics and Sociology*. 2(90). pp. 23–41. (In Russian).
8. Opec.ru. (2014) *Rezultaty bazovogo issledovaniya urovnya finansovoy gramotnosti rossiyan: issledovaniye, vypolnennoye Konsortsium kompaniy ZAO “Demoskop” i ZAO “Prognosticheskiye resheniya”* [The results of a basic study of the level of financial literacy of Russians: carried out by the

Consortium of ZAO "Demoskop" and CJSC "Prognosticheskiye resheniya"]. [Online] Available from: http://www.opec.ru/data/2014/10/28/1233966216/VG-OK-%2023_10_2014.pdf. (Accessed: 1st September 2015).

9. Ministry of Finance of the Russian Federation. (2017) *Otchot: issledovaniye izmereniya urovnya finansovoy gramotnosti* [Report: a study of measuring the level of financial literacy]. [Online] Available from: <https://www.minfin.ru/ru/om/fingram/directions/evaluation/#>. (Accessed: 15th September 2017).

10. Kroytor, S., Obrazhey, O. & Podval'skaya, V. (2016) *Finansovaya gramotnost' naseleniya Respubliki Belarus': fakty i vyvody* [Financial literacy of the population of the Republic of Belarus]. [Online] Available from: <http://fingramota.by/files/2016/5/17/635991043252830344.pdf>. (Accessed: 23rd November 2017).

11. Fornero, E. & Monticone, C. (2011) Financial literacy and pension plan participation in Italy. *Journal of Pension Economics and Finance*. 10(4). pp. 547–564. DOI: 10.1017/S1474747211000473

12. Jorgensen, B., Foster, D., Jensen, J. & Vieira, E. (2017) Financial Attitudes and Responsible Spending Behavior of Emerging Adults: Does Geographic Location Matter? *Journal of Family and Economic Issues*. 38(1). pp. 70–83. DOI: 10.1007/s10834-016-9512-5

13. Panos, G.A. & Klapper, L. (n.d.) *Financial Literacy and Retirement Planning: The Russian Case. Policy Research Working Paper 5827*. [Online] Available from: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/3591/WPS5827.pdf?sequence=1&isAllowed=y>. (Accessed: 15th September 2017).

14. Bumcrot, C.D., Lin, J. & Lusardi, A. (2011) *The Geography of Financial Literacy*. [Online] Available from: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/working_papers/2011/RAND_WR893.pdf. (Accessed: 23rd November 2017).

15. Ministry of Finance of the Russian Federation. (n.d.) *Otchot: issledovaniye izmereniya urovnya finansovoy gramotnosti* [Report: a study of measuring the level of financial literacy]. [Online] Available from: <https://www.minfin.ru/ru/om/fingram/directions/evaluation/#>. (Accessed: 15th September 2017).

16. Kaliningrad Sociological Service. (2014) *Finansovaya gramotnost' i finansovoye povedeniye zhiteley Kaliningradskoy oblasti. 2014 g.* [Financial literacy and financial behaviour of residents of the Kaliningrad region. 2014]. [Online] Available from: http://minfin.gov39.ru/program/soc_research/. (Accessed: 23rd November 2017).

17. Centre for the Study of Public Opinion. (n.d.) *Otsenka urovnya finansovoy gramotnosti zhiteley Arkhangel'skoy oblasti* [Assessment of the level of financial literacy in Arkhangelsk region]. [Online] Available from: http://fingramota.onedu.ru/materials/section.php?SECTION_ID=104. (Accessed: 16th February 2015).

18. Belekhova, G.V. (2012) Assessment of populations' financial literacy and ways of its increasing. *Problemy razvitiya territorii – Problems of Territory's Development*. 4. pp. 96–109.

19. Weber, M. (1990) *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. Translated from German by Yu.N. Davydov. Moscow: Progress.

20. Sorokin, P.A. (1992) *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo* [Human. Civilization. Society]. Translated from English. Moscow: Politizdat.

21. Akhiezer, A.S. (2008) *Rossiya: kritika istoricheskogo opyta (sotsiokul'turnyy slovar')* [Russia: Criticism of Historical Experience (A Sociocultural Dictionary)]. Moscow: Novyy khronograf.

22. Lapin, N.I. (2015) Crucial theoretical and methodological aspects of Russian modernization studies. *Sotsiologicheskiye issledovaniya – Sociological Studies*. 1. pp. 5–10. (In Russian).

23. Lapin, N.I. (2000) Sotsiokul'turnyy podkhod i sotsiyetal'no-funktsional'nyye struktury [Sociocultural approach and societal functional structures]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya – Sociological Studies*. 7. pp. 3–12.

24. Lapin, N.I. (2000) *Puti Rossii: sotsiokul'turnyye transformatsii* [The Ways of Russia: Sociocultural Transformations]. Moscow: RAS.

25. Volkov, V.V. (1997) O kontseptsii praktik v sotsial'nykh naukakh [On the concept of practices in the social sciences]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya – Sociological Studies*. 6. pp. 9–23.

26. Radaev, V.V. & Shkaratan, O.I. (1996) *Sotsial'naya stratifikatsiya* [Social Stratification]. Moscow: Aspekt Press.

27. Federal State Statistics Service. (2016a) *Regiony Rossii. Osnovnyye sotsial'no-ekonomicheskiye pokazateli gorodov. 2016 g.* [Regions of Russia. The main socio-economic indicators of cities. 2016]. [Online] Available from: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_14t/Main.htm. (Accessed: 23rd November 2017).

28. Federal State Statistics Service. (2016b) *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskiye pokazateli. 2016 g.* [Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2016]. [Online] Available from: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_14p/Main.htm. (Accessed: 23rd November 2017).

29. Konstantinovskiy, D.L., Voznesenskaya, Ye.D. & Cherednichenko, G.A. (2014) *Molodezh' Rossii na rubezhe XX–XXI vekov: obrazovaniye, trud, sotsial'noye samochuvstviye* [The Youth of Russia at the turn of the 21st century: Education, work, social well-being]. Moscow: TSSP i M.

30. Mansurov, V.A. & Chernysh, M.F. (2016) *Sotsial'naya spravedlivost': teoreticheskiy i empiricheskiy aspekty* [Social justice: theoretical and empirical aspects]. In: Vishnevskiy, Yu. R. (ed.) *Studenchestvo Rossii o sotsial'nom neravenstve i sotsial'noy spravedlivosti* [Russian Students on Social Inequality and Social Justice]. Moscow: Russian Society of Sociologists; Yekaterinburg: UMTS UPI. pp. 9–96.

31. Dulina, N.V. & Moiseyeva, D.V. (2014) Financial literacy and financial everyday practice of people of Volgograd Region (on data of social research “Volgograd omnibus”). *Filosofiya sotsial'nykh kommunikatsiy – Philosophy of Social Communications*. 3. pp. 70–78. (In Russian).

32. Moiseyeva, D.V. (2017) *Finansovaya gramotnost' naseleniya: ekonomiko-sotsiologicheskii analiz* [Financial literacy of the population: economic and sociological analysis]. Sociology Cand. Diss. Volgograd.

УДК 316:42.35

DOI: 10.17223/1998863X/44/17

В.И. Козачок

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ПЕРСОНАЛА КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КОРПОРАЦИИ

Статья посвящена проблеме социально-диагностической оценки человека в системе управления обеспечением информационной безопасности корпорации. Рассмотрены не технические меры, а социальные механизмы совершенствования деятельности подразделений по защите информации. В статье подтверждается тенденция роста числа инцидентов утечек информации по вине персонала подразделений обеспечения информационной безопасности. Автор приводит методику социологической оценки готовности персонала к эффективному решению задач по предупреждению утечек конфиденциальной информации. Предлагаемая авторская методика позволяет в кратчайшие сроки и наиболее полно провести диагностику персонала: потенциальных претендентов, работающих сотрудников, обеспечивающих информационную безопасность корпорации.

Ключевые слова: утечки информации, угрозы информационной безопасности, диагностика персонала, социальное управление, социальная компетентность, социальная готовность, социальная совместимость, социальное ядро личности.

Введение

По мнению аналитиков 2015 г. стал годом утечек, и не только благодаря нашумевшему взлому аккаунта военного командования Соединенных Штатов Америки в социальных сетях так называемой группировкой «Киберхалифат» или взлому почтового аккаунта Натальи Тимаковой – пресс-секретаря Дмитрия Медведева хакерской группой «Анонимный интернационал» [1]. Именно данные аналитических отчетов [2–4] подтвердили общую сумму ущерба по причине утечек конфиденциальной информации, которая выросла в 2015 г. почти на одну четвертую и превысила 25 млрд долларов США. Каждая значительная утечка информации оценивается суммой потерь в среднем приблизительно 31 млн долларов. Процессы утечек не оставили в стороне и отечественные корпорации, их убытки составляют 6% от общей суммы ущерба [3, 4]. В 2015 г. по сравнению с 2014 г. суммарный ущерб увеличился на 33%. Для всех зафиксированных инцидентов общей является тенденция, выявленная в ходе расследования: почти 37% нарушений случились по вине сотрудников, но не умышленно (сознательно), а из-за невнимательности или вследствие допущенных ошибок [5–8]. По данным компании InfoWatch² 37% инцидентов произошли по вине сотрудников, только в первом полугодии 2016 г. 67% случаев утраты данных произошли из-за вины внутреннего нарушителя, при этом 1% происшествий допущены высшими руководителями организаций [3, 4].

---

¹ InfoWatch – российская компания, специализирующаяся на информационной безопасности в корпоративном секторе. См.: URL: <https://www.infowatch.ru/>

В современной системе обеспечения информационной безопасности темпы роста числа инцидентов (утечек информации) и, как следствие, наносимого ущерба гораздо выше темпов роста финансовых затрат на защиту информации корпораций [6]. По данным компании PwC¹, в крупных компаниях затраты по этой статье расходов составляют почти 11 млн долларов США, малые компании вынуждены тратить до одного миллиона долларов. Лавинообразный рост числа инцидентов информационной безопасности существенно снижает эффективность значительных финансовых вложений, так как доля ущерба, наносимого утечками, составляет от 40 до 60% [6, 7].

Общая сумма ущерба из-за утечек конфиденциальной информации, по оценке международных экспертов, в 2015 г. выросла на 25% и превысила 25 млрд долларов. За 2015 г. в США произошло 859 утечек информации, в России – 118 инцидентов, в Великобритании – 112 [6]. Поэтому не случайно в экспертной среде 2015 г. назван годом утечек информации.

Распределение известных инцидентов различной направленности выглядит следующим образом: 20,2% инцидентов в медицинских учреждениях, 15,9% – в государственном секторе, 14,9% – в образовательных учреждениях, 10,9% – на предприятиях розничной торговли [6]. Причем стоит отметить, что в госучреждениях «совершенная» система сохранности тайны систематически контролируется специальными подразделениями.

Анализ отчетов и аналитических материалов компании InfoWatch [3, 4] позволил сделать вывод, что распределение утечек информации по воздействию угроз практически не является субстанциальным. Диапазон изменений значений процентов достаточно большой, что подтверждает необходимость внесения корректирующих изменений в существующую систему управления информационной безопасностью. Особое внимание при этом следует обратить на аспекты социального управления информационной безопасностью корпорации, так как за последние три года почти 70% инцидентов произошли по вине персонала, работающего в корпорации.

Более детальный анализ составляющих векторов утечек конфиденциальной информации по категориям виновников позволяет утверждать, что наряду с постепенным снижением числа нарушений со стороны руководителей из года в год возрастает количество инцидентов, происходящих по вине рядовых сотрудников корпораций.

В целом анализ инцидентов, приводящих к утечкам конфиденциальной информации, подтверждает неуклонный рост числа нарушений, с одной стороны, а с другой – прослеживается перекоп в сторону совершенствования и финансирования технической стороны обеспечения информационной безопасности корпорации [9, 10]. Проблема заключается в том, что социальный аспект остается вне рамок методического обеспечения, отсутствует инструментарий оценивания готовности персонала корпорации компетентно решать задачи по обеспечению информационной безопасности. Следовательно, система организационно-режимных мер обеспечения информационной безопасности корпорации нуждается в вовлечении механизмов социального управления в арсенал защиты информации [11, 12]. Одним из них является

---

¹ PwC – группа международных аудиторско-консалтинговых компаний. См.: URL: <http://www.pwc.com/>

формирование метрик персонала системы обеспечения информационной безопасности, а именно социологического обеспечения [13].

Социологическое обеспечение по результатам диагностики персонала корпорации

Решение практических задач в сфере информационной безопасности определяется прикладными интересами корпораций [14–16], которые связаны с системой отбора, подготовки, расстановки кадров обеспечивающих защиту информации.

Социологическое обеспечение – совокупность информации и алгоритмы ее обработки, связанные с решением следующих задач:

– оценка реального состояния эффективности социального управленческого воздействия на процессы обеспечения информационной безопасности корпорации;

– установление степени влияния определяющих факторов;

– предложение научно-обоснованных рекомендаций по осуществлению требуемых управленческих воздействий по предотвращению инцидентов информационной безопасности.

Под результатами социологического обеспечения процессов управления состоянием информационной безопасности корпорации понимается предоставление руководителям или сотрудникам службы обеспечения информационной безопасности актуальной обобщенной систематизированной информации, требуемой для принятия управленческого решения на основании результатов социологического исследования сотрудников корпорации с целью формирования обоснованных управленческих решений по предотвращению утечек и хищений конфиденциальных данных [17].

Формальная постановка задачи по социальной оценке персонала в процессе решения задач обеспечения информационной безопасности корпорации

Формальная постановка задачи

Для описания формальной постановки задачи социальной квалиметрии персонала необходимо ввести ряд обозначений:

$C = \{c_i\}$ – множество значений параметра социальной компетентности (Ск);

$R = \{r_i\}$ – множество значений параметра социальной готовности (Сг);

$E = \{e_i\}$ – множество значений параметра социальной совместимости (Сс);

$i = \overline{1, 3}$ – числовые значения соответствующих категориальных значений (низкий, средний, высокий);

$H = \{h_j\}, j = \overline{1, N}$ – множество сотрудников корпорации;

$T = \{t_k\}, k = \overline{1, M}$ – множество решаемых задач в сфере информационной безопасности;

$Q(h, t)$ – потенциально возможный ущерб от действий сотрудника h при решении задачи t .

Каждого сотрудника корпорации h можно описать в базисе CRE (СкСгСс) с помощью тройки значений:

$$h = \langle c, r, e \rangle. \quad (1)$$

Необходимо построить отображение при условии минимизации:

$$F : H \rightarrow T \mid \min_H Q(h, t). \quad (2)$$

Требуется:

Разработать подход эффективного подбора, расстановки и управления персоналом системы обеспечения информационной безопасности корпорации, позволяющий повысить эффективность мероприятий по обеспечению информационной безопасности.

С этой целью провести:

1. Разработку модели социального ядра личности для сотрудников корпорации, обеспечивающих информационную безопасность. Нормировав их уровни сформированности социальной готовности, социальной компетентности, а также социальной совместимости, соотнести оцениваемого кандидата к конкретному субтипу личности.

2. Синтез алгоритма по выбору рациональных подмножеств субтипов социального ядра личности, которая наиболее предпочтительна для работы в подразделении по защите информации в корпорации.

3. Обоснование научно-практических предложений по реализации социального управления обеспечением информационной безопасности корпорации.

Основные допущения:

– программно-аппаратные комплексы и системы обеспечения информационной безопасности являются исправными;

– руководители корпорации имеют возможность фиксации и анализа социально-психологических метрик сотрудников корпорации и кандидатов для работы в системе обеспечения информационной безопасности;

– персонал корпорации в рамках своих должностных полномочий обучен специфике обеспечения информационной безопасности.

Ограничения:

– задача решается в условиях мирного времени;

– корпорация не относится к секретным объектам государства.

В содержании настоящей работы описаны результаты решения первой частной научной задачи исследования.

Итоги диагностики персонала в числовых показателях отображают значение уровня социализации конкретной личности, с одной стороны, и результат самопроецирования человека по отношению к социуму, окружающему его, – с другой. Сведения, полученные в результате диагностики, дают возможность оценить кандидата и его взаимоотношения с обществом и происходящими в нем процессами. Внутренняя мотивация человека и его реальные действия определяются не только и не столько обстоятельствами, а во многом или в основном результатом социализации личности. Пример: если сотрудник, выполняя свои обязанности, в условиях выбора действия или бездействия не ставит во главу угла интересы корпорации в рамках обеспечения информационной безопасности, а считает более важным личную выгоду, то в этих условиях подобная жизненная позиция не является его «личным делом», так как она может нанести или наносит ущерб корпорации. Поэтому предметом детального анализа со стороны руководителей корпорации должны быть особенности результата социализации диагностируемого кандидата. Очевидно, что измеренные показатели социализации изучаемого сотрудника корпо-

рации не представляют собой секретных данных, так как они проявляются им открыто, совершенно осознанно и целенаправленно. Кроме того, показатели социализации остаются практически неизменными на определенном промежутке времени, что позволяет зафиксировать эту информацию, применяя предлагаемую автором методику диагностики, которая не нарушает права личности, и не является запретом на определенную профессию. Исследования подтверждают, что в ходе целенаправленной работы кандидата над собой может измениться не только темперамент, но и результат предшествующей социализации.

Поэтому данные, полученные в результате применения методики социальной диагностики, позволяют в короткий срок и при минимальных затратах обеспечить администрацию корпорации объективной, достаточно полной количественной информацией о результатах предшествующей социализации сотрудника и его значимых особенностях [14]. При этом весьма важным является тот факт, что приобрести данную информацию за столь короткое время не представляется возможным другими способами или средствами. Это подтверждает практика рекрутинговых компаний: даже отличные рекомендации с прежнего места работы или длительное наблюдение за кандидатом не позволяют обеспечить требуемую достоверность оценок и выводов о совокупности конкретных особенностей кандидата. Кроме того, зафиксированные по результатам диагностики сведения позволяют сопоставить и сравнить кандидатов между собой, а при необходимости выявить интересующие тенденции, провести прогнозирование и сформулировать обоснованные выводы. Результат оценки уровня социализации требуется прежде всего для целенаправленной организации управленческого воздействия на сотрудников корпорации. Оптимальная расстановка сотрудников, их обучение и актуализация их адекватной мотивации, выявление реальных причин, приведших к тем или иным нарушениям требований обеспечения информационной безопасности в корпорации [18], немыслимы без принятия обоснованных социально выверенных управленческих решений.

Модель социального ядра личности сотрудника

Социальное ядро личности отражает результаты процессов социализации человека на протяжении его развития, образования и взаимодействия с сотрудниками и обществом. Понятие ядра личности подробно рассматривается в психологии как полуизменяемая часть индивида, сформированная по максимуму в детстве и на первых этапах развития структура. По мнению А.Н. Леонтьева, «личность человека „производится“ – создается общественными отношениями» [18]. Очевидно, что не только психическое становление личности индивида, но и ее социальное развитие обеспечивает формирование полноценного члена общества. Проведенные автором исследования [17] позволяют утверждать о существовании социального ядра личности, представленного триединой структурой: социальной компетентности, социальной готовности и социальной совместимости. Предложенный автором подход не противоречит существующим подходам в психологии и позволяет уточнить отдельные положения в социологии управления.

Судить о сформированности или не сформированности той или иной составляющей части социального ядра конкретного человека можно тогда, ко-

гда выполнено шкалирование полученных результатов диагностической оценки личности кандидата на должность по обеспечению информационной безопасности корпорации. Графическое представление интервальных шкал значений диагностики показывает различные варианты распределения результатов (рис. 1).

Результат агрегирования полученных сведений социальной диагностики представлен в виде набора трех оценок, при этом каждая из них отражает сформированность составляющей социального ядра личности в абсолютных величинах на конкретной шкале. Таким образом, результат оценивания заносится на шкалу в интервале от 0 до 100. Социализация сотрудника считается нормой, если результат диагностики находится в диапазоне 40–60 единиц. Низкими результатами социализации личности считаются показатели ниже 40 по конкретной составляющей социального ядра. Учитывая важность и сложность задач по обеспечению информационной безопасности, а также последствия возможного ущерба для корпорации с учетом существующих рисков результат социализации предпочтительного кандидата должен быть выше 60 баллов [19].

Рис. 1. Интервальные шкалы оценивания компонентов социального ядра человека

Каждой интервальной шкале оценивания компонент социального ядра диагностируемого сотрудника дан содержательный шифр, который при записи обозначается биграммой от собственного названия:

- Ск – шкала социальной компетентности;
- Сг – шкала социальной готовности;
- Сс – шкала социальной совместимости.

Интерпретация результатов измерений

Трактовка конкретных оценок результатов диагностики требует подробного описания сути и критериев оценивания социальной готовности личности к выполнению задач по защите информации. С одной стороны, такая интерпретация позволит администрации, принимающей решение, осознать недопустимость метаморфозы результатов диагностики социального ядра личности в догму, ярлык или штамп, с другой – является подходом редуцирования индивида как свободной в своем формировании личности многомерной общественной сущности до значения предсказуемого и программируемого на необходимый результат объекта. Поэтому представленная совокупность сведений о диагностических шкалах позволяет рассматривать кандидата или сотрудника подразделения по обеспечению информационной безопасности более полно, объемно и оценивать его особенности с позиции целевого функционала как работника корпорации. Исследования показывают, что по данным шкалам требуется проводить оценивание не только штатных сотрудников подразделений по обеспечению информационной безопасности, но и

всех работников корпорации, связанных с обработкой конфиденциальной информации. Эти сотрудники в процессе работы в той или иной мере решают задачи по обеспечению неразглашения или недопущению хищения конфиденциальной информации в ходе повседневной деятельности.

В процедуре диагностики социального ядра конкретного лица социальная компетентность личности (Ск) отражает оценку навыков, умений и знаний конкретного сотрудника корпорации, усвоенных и приобретенных им вследствие взаимодействия с социумом, это предполагает выделение из полного множества навыков, умений и знаний личности тех, которые напрямую характеризуют ее социализацию. Социальная компетентность личности – это способность правильно ориентироваться в социальном пространстве.

Оценки в интервале **от 60 до 100 баллов** означают, что кандидат обладает исключительными способностями, которые позволят ему организовать рациональное взаимодействие в коллективе корпорации на основе имеющихся интеллекта и сформированных компетенций. Благодаря этому диагностируемый кандидат не испытывает сложностей при выполнении должностных обязанностей. Кроме того, его результаты обладают устойчивой положительной динамикой в деятельности корпорации. Высокие потенциальные возможности кандидата не ограничивают пределов его карьерного роста.

Полученные оценки в интервале **40–60 баллов** позволят сопоставить диагностируемого кандидата с типовым среднестатистическим индивидом. Администрация корпорации сможет оценить степень соответствия его образования, соответствует ли он квалификационным требованиям к конкретной должности, и как при наличии профессиональной и специальной подготовки кандидат справится с имеющимся объемом задач на конкретной должности. В целом имеющиеся опыт и навыки дают возможность работать продуктивно, эффективно и грамотно. Однако постоянство высоких результатов деятельности потребует значительных усилий со стороны кандидата. На определенном этапе при изменении статуса сотрудника возможны сбои, так как диагностируемый кандидат обладает ограниченным запасом определенных возможностей.

Показатели диагностической оценки социальной компетентности кандидата **менее 40 баллов** свидетельствуют о том, что в процессе диагностики исследуемая личность, несмотря на выполнение квалификационных требований по образовательному цензу, не продемонстрировала минимального набора необходимых компетенций. Этот факт обуславливает прогноз низкой эффективности при выполнении служебных задач, отсутствие необходимой самостоятельности. Слабые задатки к осмыслению происходящих событий и рациональному познанию не позволяют наращивать темпы положительной динамики и результативности деятельности; человек испытывает сложности в решении больших объемов разнородных нетиповых задач. Именно поэтому для такого кандидата потребуется значительная по объему и времени формирующе-развивающая доподготовка в целях повышения уровня «социальной компетентности».

Диагностика социальной готовности (Сг) кандидата позволяет провести оценку его сложившегося мировоззрения, отношения и понимания собственной миссии в социальной действительности. Собственно, через призму его

мировоззрения кандидат воспринимает окружающую действительность, перерабатывает поступившую информацию, реализует принятые им решения.

Когда результаты диагностического оценивания по шкале социальной готовности **превосходят 60 баллов**, диагностируемый кандидат характеризуется повышенной активностью по осуществлению принятых решений, а его превосходные организаторские качества и настойчивость позволяют вовлечь в эти процессы других сотрудников корпорации и подтверждают лидерский характер диагностируемого. Обычно такие кандидаты испытывают постоянную потребность в работе, решении сложных и нестандартных задач, а также познании нового. Как правило, кандидаты такого типа отличаются высокой нормативностью поведения и постоянным стремлением соответствовать духовным, моральным и нравственным нормам общества, при невозможности получения удовлетворенности условиями быта или работы стараются изменить положение вещей, высокоэффективно и рационально используют как личное, так и рабочее время в корпорации.

Оценка в интервале **40–60 баллов** представляет, что диагностируемый кандидат обладает хорошими организаторскими качествами, систематически проявляет деловую активность, обязательность и дисциплинированность. Достаточные потребности в самоутверждении и самореализации выражаются в формировании конкретных целей и оптимальных программ их достижения, время при этом используется рационально. Кандидат данного типа соблюдает принятые в коллективе корпорации правила поведения, но способен по некоторым позициям отстаивать личное мнение в створе общепринятых моральных и нравственных норм. Неудовлетворенность обстоятельствами на работе или в быту иногда служит причиной проявления деловой инициативности.

Оценки в интервале **от 0 до 40 баллов** характеризуют диагностируемого кандидата как человека со слабыми организаторскими и деловыми качествами и поэтому сниженной социальной активностью: присущая пассивность обуславливает низкое проявление потребности в познании и труде. Поведение оцениваемого кандидата на работе в корпорации не всегда соответствует общепринятым нормам в коллективе. Отмечается неудовлетворенность условиями быта и работы, но кандидат не принимает никаких усилий для изменения сложившегося положения дел. Личное и рабочее время распределяется малорационально, возможно накопление незавершенных основных задач с ликвидацией методами «авралов» сверх рабочего времени. Такой тип оцениваемого кандидата догматичен, практически всегда лоялен к общественному мнению, в первую очередь лидеров или руководителей, обладающих высоким авторитетом или властью. Воспринимает верность общепринятых представлений как внешнюю непреодолимую силу, поэтому не принимает на себя ответственность за истинность своих и чужих суждений, отдает предпочтение авторитетным суждениям. Если выявляет в общепринятом мнении противоречие, то просто игнорирует его. Очень часто такой кандидат является высокоинтеллектуальной личностью с широкой эрудицией и блестящим образованием.

Интервальная шкала социальной совместимости (Сс) кандидата отражает устойчивое свойство личности выстраивать, а также поддерживать межличностные отношения с окружающими людьми. Понятие социальной совместимости следует рассматривать более широко, чем просто морально-психологический климат в подразделении корпорации. Социальная совме-

стимость подразумевает ее проявление как в устойчивых коллективах (семья, работа, друзья, партнеры), так и в эпизодических отношениях (общественные места, общественный транспорт и др.). Именно социальная совместимость кандидата в коллективе подразделения информационной безопасности определяет результативность работы команды в целом и отдельных сотрудников в частности, гордость за принадлежность к коллективу и результатам, полученным в ходе совместных действий, взаимовыручку, сплоченность команды, будущее успешное развития всего коллектива подразделения.

Высокой оценкой по шкале социальной совместимости считается результат от **60 баллов и более**, он показывает, что кандидат целиком адаптировался в конкретной социальной среде, для него характерны значительная потребность в согласованном взаимодействии с каждым членом команды и высокая социальная мобильность на основе добротных коммуникативных способностей. Взаимоотношения в коллективе и со случайными людьми диагностируемый кандидат строит на основе личных материальных и духовных потребностей. Доброжелательность и непосредственность во взаимодействии с коллегами позволяют оцениваемому кандидату в коллективе строить выверенные межличностные отношения, а широкий круг друзей и знакомых позволяет верно определить род и сферу занятий, а также поддерживать свое материальное положение. Кроме того, умение сотрудничать с разными людьми способствует повышению результативности его труда, что в целом положительно влияет на динамику общих результатов деятельности команды. Вероятно, такой кандидат более успешен при командном решении задач по обеспечению информационной безопасности и способен эффективно руководить коллективом.

Оценки в интервале **40–60 баллов** позволяют утверждать, что кандидат обладает обычными способностями межличностной социально-психологической совместимости. При этом общение не является доминирующей потребностью в его деятельности, однако кандидат обладает хорошими коммуникативными способностями и испытывает значительную потребность в разумном взаимодействии с социумом. Его работа и ее результативность в основном определяются умением классически строить взаимоотношения с членами команды, хотя в основном эти отношения носят, как правило, сугубо деловой характер. Устойчивая система внутренних установок и стереотипов, сформированная у кандидата, позволяет адекватно оценивать коллег, а также при необходимости привлекать их к реализации актуальных задач по обеспечению информационной безопасности корпорации.

Результаты оценивания **ниже 40 баллов** свидетельствуют о том, что диагностируемый кандидат соответствует такому типу личности, для которого социальное взаимодействие – это не потребность, а производственная или коммерческая необходимость. Низкие показатели коммуникативности и недостаточная социальная мобильность предопределяют значительные трудности в коллективной работе при решении задач по обеспечению информационной безопасности в корпорации. Обычно человек такого типа чувствует себя комфортно в условиях, когда порученная ему задача требует лишь персональных усилий, отсутствует потребность в привлечении других сотрудников команды. В любом коллективе подобные работники практически малоза-

метны, хотя могут и успешно решают сложные и важные задачи, не требующие согласованных действий с коллегами.

Сочетание трех интервалов диагностических оценок на трех шкалах служит основой для формирования полного множества оценивания результатов измерений. Число гипотетически возможных комбинаций субтипов оцениваемых кандидатов равно 27 [20]. Множество комбинаций субтипов в интервале: наилучший кандидат – **ВВВ** (высокие значения показателей социальных компетентности, готовности и совместимости кандидата), наихудший – **ННН** (низкие значения составляющих социального ядра диагностируемого кандидата), – приведены в таблице.

Результаты диагностики социального ядра личности

Позиции	Ск	Сг	Сп		Позиции	Ск	Сг	Сс
01	В	В	В		15	Н	С	В
02	В	В	С		16	Н	В	Н
03	С	В	В		17	Н	Н	В
04	В	С	В		18	В	Н	С
05	С	С	В		19	С	Н	В
06	В	С	С		20	В	Н	Н
07	С	В	С		21	С	С	Н
08	С	С	С		22	Н	С	С
09	В	В	Н		23	С	Н	С
10	В	Н	В		24	Н	С	Н
11	Н	В	В		25	Н	Н	С
12	С	В	Н		26	С	Н	Н
13	В	С	Н		27	Н	Н	Н
14	Н	В	С					

Примечание. Ск – социальная компетентность; Сг – социальная готовность; Сс – социальная совместимость; **В** – высокий уровень, более 60; **С** – средний уровень, от 40 до 60; **Н** – низкий уровень, менее 40.

Рассмотрение приведенного в таблице полного множества возможных комбинаций результатов измерений (составляющие социального ядра кандидата) позволило разделить их на три группы. Результаты измерений, соответствующие позициям 21–27, свидетельствуют об очевидной незавершенности процессов социализации личности и нежелательности использовать таких сотрудников для решения задач по обеспечению информационной безопасности. Совокупность позиций 14–17 соответствует группе кандидатов с несформированной социальной компетентностью, а результаты измерений с 18-й до 20-й позиции определяют кандидатов с низкой социальной готовностью. Потенциально конфликтными, что неприемлемо для подразделений обеспечения информационной безопасности, являются кандидаты, набравшие по результатам диагностики оценки, соответствующие 12-й и 13-й позициям. Оцениваемый кандидат характеризуется как профессионал при получении результатов диагностики, соответствующих позиции 08. В свою очередь, подмножество позиций с 09-й по 11-ю определяют типаж недоученного, бесцельного и несовместимого сотрудника корпорации. Особенную

группу представляет совокупность позиций 01–07, соответствующих характеристике так называемых готовых (позиции с 01 по 04), а также потенциально готовых (позиции с 05 по 07) кандидатов к успешному решению задач по обеспечению информационной безопасности.

Таким образом, множество кандидатов с определенной комбинацией результатов по шкалам оценивания сформируют однотипную социальную группу, принадлежащую к установленному субтипу. Сотрудники такого субтипа реализуют похожие принципы по отношению к социуму, для них характерны подобные мотивы деятельности для конкретных условий труда при решении тех или иных задач, как правило, такие кандидаты однотипно реагируют на внешние раздражители или обстоятельства [21].

Заключение

Предлагаемая автором методика позволяет эффективно использовать социологический инструментарий в системе обеспечения информационной безопасности корпорации. Данная методика успешно апробирована ПАО «Орелтекмаш». В результате применения данной методики осуществляется реорганизация системы социального управления. Методика апробирована в малых и средних корпорациях. Результаты оценивания социального ядра личности позволяют сформировать социологическое обеспечение, на основе которого администрация корпорации сможет принимать обоснованные решения по назначению и перемещению на должности лиц, которые по уровню социального развития способны выполнять работу с конфиденциальной информацией без нарушения требований по обеспечению информационной безопасности.

Литература

1. *Хакерские атаки* – 2015. URL: <https://www.gazeta.ru/tech/2015/12/24/7989839/best-hacks-2015.shtml> (дата обращения: 09.11.2016).
2. *Аналитика*. Международные новости утечек информации, ежегодные аналитические отчеты и статистика по инцидентам за прошедшие годы URL: <http://www.infowatch.ru/analytics/reports#> (дата обращения: 14.09.2016).
3. *Глобальное исследование утечек конфиденциальной информации в 2015 году* // InfoWatch. URL: https://www.infowatch.ru/sites/default/files/report/analytics/russ/InfoWatch_Global_Report_2015.pdf (дата обращения: 14.05.2018).
4. *Глобальное исследование утечек конфиденциальной информации в 2016 году* // InfoWatch. URL: https://www.infowatch.ru/sites/default/files/report/analytics/russ/InfoWatch_Global_Report_2016.pdf (дата обращения: 14.05.2018).
5. Ruiz R., Winter R., Amatte F. The leakage of passwords from home banking sites: a threat to global cyber security? // *Journal of Payments Strategy & Systems*. 2017. Т. 11, № 2. С. 174–186.
6. *Управление киберрисками во взаимосвязанном мире : глобальное исследование по вопросам обеспечения информационной безопасности* // PricewaterhouseCoopers. 2015. URL: <http://www.pwc.ru/ru/riskassurance/publications/assets/managing-cyberrisks.pdf> (дата обращения: 25.07.2016).
7. Thomas K. et al. Data Breaches, Phishing, or Malware?: Understanding the Risks of Stolen Credentials // *Proceedings of the 2017 ACM SIGSAC Conference on Computer and Communications Security*. ACM, 2017. С. 1421–1434.
8. Das S. et al. Breaking! A Typology of Security and Privacy News and How It's Shared // *Proceedings of the 2018 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems*. ACM, 2018. С. 1–12.
9. *Data loss prevention. Insights on governance, risk and compliance. Keeping your sensitive data out of the public domain* // Ernst & Young. 2011. URL: <http://www.ey.com/Pub>

lication/vwLUAssets/EY_Data_Loss_Prevention/\$FILE/EY_Data_Loss_Prevention.pdf (accessed: 14.05.2018).

10. Козачок А.В. Распознавание вредоносного программного обеспечения на основе скрытых марковских моделей : дис. ... канд. техн. наук. Воронеж, 2012.

12. Журавлев Н.Ю., Лобжанидзе Н.Д., Белоусов Р.Г. Сравнительная характеристика подходов к обеспечению информационной безопасности в РФ и США // Актуальная направления научных исследований XXI века: теория и практика. 2015. № 7–4 (18–4), т. 3. С. 176–179.

12. Воронцов С.А., Штейнбух А.Г. О необходимости совершенствования подходов к обеспечению национальной безопасности России в информационной сфере // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2015. № 9 (64). С. 100–108.

13. Козачок В.И. Исследование существующей системы отбора кандидатов на должности руководителей // Среднерусский вестник общественных наук. 2012. № 2. С. 35–38.

14. Savola R.M. Towards a Taxonomy for Information Security Metrics // Proceedings of the 2007 ACM Workshop on Quality of Protection. New York : ACM, 2007. P. 28–30.

15. Von Solms R., Van Niekerk J. From information security to cyber security // Computers Security. 2013. Vol. 38. P. 97–102.

16. Киреева О.Ф. Социологическая диагностика информационной безопасности информационно-коммуникационной среды // Труд и социальные отношения. М. : Академия труда и социальных отношений. 2013. № 12. С. 35–42.

17. Козачок В.И. Социологическое обеспечение процессов формирования аппарата управления в федеральных органах исполнительной власти : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Орел, 2007. 51 с.

18. Психологические теории личности URL: http://studbooks.net/1340405/psihologiya/psihologicheskie_teorii_lichnosti (дата обращения: 17.05.18).

19. Козачок В.И. Методология социологического обеспечения формирования аппарата управления // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Т. 11, № 4. С. 18–25.

20. Козачок В.И. Диагностика управленческого потенциала персонала федерального органа исполнительной власти // Право и образование. 2005. № 2. С. 191–204.

21. Козачок В.И. Информационная безопасность корпорации как объект социального управления // Власть. 2017. Т. 284, № 5. С. 74–82.

Vasily I. Kozachok, Academy of Federal Security Service of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

E-mail: kosachok@list.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 44. pp. 169–182.

DOI: 10.17223/1998863X/44/17

SOCIOLOGICAL ASSESSMENT OF PERSONNEL AS A FACTOR IN ENSURING CORPORATION INFORMATION SECURITY

Keywords: information leakage; information security threats; personnel diagnostics; social management; social competence; social readiness; social compatibility; social core of personality.

The article is devoted to the problem of a person's social diagnostic assessment in the corporate information security management system. Non-technical information security techniques and social mechanisms to improve information security management are considered. The article confirms the tendency of increasing the number of information leaks due to the information security units faults. The author gives the description of staff readiness sociological assessment methodology to prevent confidential data leakage. The author's methodology is based on the results of corporation information security management sociological support. It means providing top managers (or information security staff) with relevant generalised and systematised information required to make management decisions based on the results of corporate employees sociological examination. The personality social core model for information security staff was developed. The levels of social readiness, social competence and social compatibility are normalised, which makes it possible to correlate the assessed candidate to a specific subtype from 27 hypothetically possible ones. The author's research allows stating that assessing a person's social core formation level makes it possible to permit a specific employee or candidate to work at an information security unit. The proposed author's methodology provides decision-makers with tools for personnel diagnostics and assesses potential applicants or employees from information security staff.

References

1. Korotkin, A. (2015) *Khakerskiye ataki – 2015* [Hacker attacks – 2015]. [Online] Available from: <https://www.gazeta.ru/tech/2015/12/24/7989839/best-hacks-2015.shtml>. (Accessed: 9th November 2016).
2. InfoWatch. (n.d.) *Analitika. Mezhdunarodnyye novosti utechek informatsii, yezhegodnyye analiticheskiye otchety i statistika po intsidentam za proshedshiyey gody* [Analytics. International news leaks, annual analytical reports and incident statistics for past years]. [Online] Available from: <http://www.infowatch.ru/ana-lytics/reports#>. (Accessed: 14th September 2016).
3. InfoWatch. (2015) *Global'noye issledovaniye utechek konfidentsial'noy informatsii v 2015 godu* [Global investigation of leakage of confidential information in 2015]. [Online] Available from: https://www.infowatch.ru/sites/default/files/report/analytics/russ/InfoWatch_Global_Report_2015.pdf. (Accessed: 14th May 2018).
4. InfoWatch. (2016) *Global'noye issledovaniye utechek konfidentsial'noy informatsii v 2016 godu* [Global research on leakage of confidential information in 2016]. [Online] Available from: https://www.infowatch.ru/sites/default/files/report/analytics/russ/InfoWatch_Global_Report_2016.pdf. (Accessed: 14th May 2018).
5. Ruiz, R., Winter, R. & Amatte, F. (2017) The leakage of passwords from home banking sites: A threat to global cyber security? *Journal of Payments Strategy & Systems*. 11(2). pp. 174–186.
6. PricewaterhouseCoopers. (2015) *Upravleniye kiberriskami vo vzaimosvyazannom mire. Global'noye issledovaniye po voprosam obespecheniya informatsionnoy bezopasnosti* [Management of cyberberies in an interconnected world. Global research on the issues of information security]. [Online] Available from: <http://www.pwc.ru/riskassurance/publications/assets/managing-cyberberisks.pdf>. (Accessed: 25th July 2016).
7. Thomas, K. et al. (2017) Data Breaches, Phishing, or Malware?: Understanding the Risks of Stolen Credentials. *Proceedings of the 2017 ACM SIGSAC Conference on Computer and Communications Security*. ACM, 2017. pp. 1421–1434.
8. Das, S. et al. (2018) Breaking! A Typology of Security and Privacy News and How It's Shared. *Proceedings of the 2018 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems*. ACM, 2018. pp. 1–12.
9. Ernst & Young. (2011) *Data loss prevention. Insights on governance, risk and compliance. Keeping your sensitive data out of the public domain*. [Online] Available from: [http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/EY_Data_Loss_Prevention/\\$FILE/EY_Data_Loss_Prevention.pdf](http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/EY_Data_Loss_Prevention/$FILE/EY_Data_Loss_Prevention.pdf). (Accessed: 14th May 2018).
10. Kozachok, A.V. (2012) *Raspoznaniye vredonosnogo programmogo obespecheniya na osnove skrytykh markovskikh modeley* [Malware detection based on hidden Markov models]. *Engineering Cand. Diss. Voronezh*.
11. Zhuravlev, N.Yu., Lobzhanidze, N.D. & Belousov, R.G. (2015) *Sravnitel'naya kharakteristika podkhodov k obespecheniyu informatsionnoy bezopasnosti v RF i SSHA* [Comparative characteristics of approaches to ensuring information security in the Russian Federation and the USA]. *Aktual'naya napravleniya nauchnykh issledovaniy XXI veka: Teoriya i praktika*. 7–4 (3). pp. 176–179.
12. Vorontsov, S.A. & Shteynbukh, A.G. (2015) *O neobkhodimosti sovershenstvovaniya podkhodov k obespecheniyu natsional'noy bezopasnosti Rossii v informatsionnoy sfere* [On the need to improve approaches to ensuring the national security of Russia in the information sphere]. *Nauka i obrazovaniye: khozyaystvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravleniye*. 9(64). pp. 100–108.
13. Kozachok, V.I. (2012) *Issledovaniye sushchestvuyushchey sistemy otbora kandidatov na dolzhnosti rukovoditeley* [The research of the existing system of selection of candidates for leadership positions]. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk – Central Russian Journal of Social Sciences*. 2. pp. 35–38.
14. Savola, R.M. (2007) *Towards a Taxonomy for Information Security Metrics*. *Proceedings of the 2007 ACM Workshop on Quality of Protection*. New York, USA: ACM. pp. 28–30.
15. Von Solms, R. & Van Niekerk, J. (2013) From information security to cyber security. *Computers Security*. 38. pp. 97–102. DOI: 10.1016/j.cose.2013.04.004
16. Kireyeva, O.F. (2013) *Information- and communications environment: sociological diagnostics of information security*. *Trud i sotsial'nyye otnosheniya – Labour and Social Relations*. 12. pp. 35–42. (In Russian).
17. Kozachok, V.I. (2007) *Sotsiologicheskoye obespecheniye protsessov formirovaniya apparata upravleniya v federal'nykh organakh ispolnitel'noy vlasti* [Sociological support of the processes of formation of the administrative apparatus in the federal executive bodies]. *Abstract of Sociology Dr. Diss. Orel*.

-
18. Studbooks.net. (n.d.) *Psikhologicheskiye teorii lichnosti* [Psychological Theories of Personality]. [Online] Available from: http://studbooks.net/1340405/psihologiya/psihologicheskie_teorii_lichnosti. (Accessed: 17th May 2018).
19. Kozachok, V.I. (2016) Methodology of sociological support of management staff formation. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk – Central Russian Journal of Social Sciences*. 11(4). pp. 18–25. (In Russian). DOI: 10.12737/21314
20. Kozachok, V.I. (2005) Diagnostika upravlencheskogo potentsiala personala federal'nogo organa ispolnitel'noy vlasti [Diagnostics of management personnel potential of the federal executive body]. *Pravo i obrazovaniye – Law and Education*. 2. pp. 191–204.
21. Kozachok, V.I. (2017) Corporation Information Security as an Object of Social Management. *Vlast' – Power*. 284(5). pp. 74–82. (In Russian).

УДК 314.74

DOI: 10.17223/1998863X/44/18

Н.П. Погодаев

ОСИЁВИ, ҲАМЧУН РУСИ НАВИН: ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ ИЗ ТАДЖИКИСТАНА В РОССИЮ КАК РЕСУРС ФОРМИРОВАНИЯ ТРАНСГРАНИЧНОГО ОБЩЕСТВА

Исследуется попытка руководства двух стран преодолеть противоречие между ухудшением качества образования в Таджикистане и возросшими требованиями к уровню подготовки таджикской молодежи, поступающей в российские университеты, с помощью рекрутинга российских учителей для работы в школах Таджикистана. Рассматривается вопрос о том, что, окончив университеты, часть таджикской молодежи останется в России, формируя слой «новых русских азиатов», являющихся активными субъектами различных сфер жизни обеих стран. В качестве методологической основы используются работы П. Бурдье, в качестве эмпирической основы – материалы индивидуальных глубинных интервью со студентами-таджиками и руководителями таджикских диаспор городов Сибири.

Ключевые слова: трансграничное общество, образовательная миграция, Россия, Таджикистан, новые русские азиаты, культурный капитал, символический капитал.

Феномен массовой миграции из стран Центральной Азии в Россию ставит нас перед необходимостью осмысления перспектив этого процесса. Трудовая и образовательная миграция обеспечивает соединение территориально распределенных средств производства с рабочей силой и территориально распределенных образовательных ресурсов с теми, кто стремится к получению качественного образования. Эти процессы, имея массовый и пролонгированный характер, не просто оказывают существенное влияние на отдающее и принимающее общества, но и порождают качественно новые явления социальной реальности. Так институционализированные миграционные потоки из Таджикистана в Россию ведут к формированию трансграничного общества¹. Последнее возникает не просто в процессе взаимодействия двух стран, а в процессе «разделения» индивидом себя между homeland и hostland – страной происхождения и страной проживания. Родина все еще живет во многих культурных стереотипах и ностальгических воспоминаниях индивида, а принимающая страна требует больших усилий для интеграции в новое общество [1. С. 79].

Сармоя аз Донишгоҳҳои Русия / Капитал от российской Alma Mater

Активными агентами трансграничного общества являются студенты из Таджикистана, оканчивающие российские вузы. Выпускники университетов претендуют на обладание не только культурным капиталом в виде знаний, но и символическим капиталом в виде дипломов. Понятие «символический

---

¹ То же самое, конечно, можно сказать и по поводу взаимодействия России с Узбекистаном и Киргизией.

капитал», введенное в социологический тезаурус французским социологом Пьером Бурдьё, позволяет выделить внеэкономическую составляющую взаимодействия индивидов и социальных групп. Объяснению этого понятия посвящен одноименный раздел в его работе «Практический смысл» [2. С. 96–104]. Анализируя феномен символического капитала на примере отношений среди крестьян в различных сферах жизнедеятельности – от возделывания земли и покупки скота до заключения браков, Бурдьё показывает, как эта внеэкономическая составляющая не только облегчает процессы социального обмена, но и ведет к приращению материального капитала. «Материальный капитал конвертируется в капитал символический, – пишет он, – а тот, в свою очередь, подлежит конвертации в капитал материальный» [Там же. С. 101]. Критикуя «экономизм», Бурдьё анализирует общественные отношения с точки зрения «социальной физики», которая, подобно физике как таковой, раскрывает механизмы, лежащие в основе жизни общества. Символический капитал создается немалыми усилиями индивида или социальной группы для того, чтобы в дальнейшем увеличивать уже не символический, а вполне реальный финансовый или экономический ресурс агента. «Зная, что символический капитал – это кредит, но только в самом широком значении слова, т.е. своего рода аванс, задаток, ссуда, которые одна лишь вера всей группы может предоставить давшему ей материально-символические гарантии, легко понять, что демонстрация символического капитала (всегда весьма дорогостоящая в экономическом плане) составляет, вероятно повсеместно, один из механизмов, благодаря которым капитал идет к капиталу» [Там же. С. 102].

Понятие «символического капитала» в качестве аналитического инструмента используется П. Бурдьё и в других его работах. Так в «Социологии социального пространства» автор пишет, что «логика официальной номинации видна как никогда хорошо на примере звания – дворянского, ученого, профессионального, т.е. символического капитала, гарантированного юридически... Профессиональное или ученое звание – это определенного рода юридическое правило социальной перцепции, воспринимаемое бытие, гарантированное как право. Это институционализированный и законный (а не просто легитимный) символический капитал, все более и более неотделимый от ученого звания, поскольку система образования стремится все более и более предоставлять дальнейшие и верные гарантии для всех профессиональных званий. Символический капитал обладает также самооценностью... получая всю возможную символическую прибыль (и блага, которые не продаются за деньги)» [3. С. 30]. Трансграничное общество в процессе своего развития и функционирования также с неизбежностью включает «символический капитал» в круг своих ресурсов. Университетские дипломы, получаемые выходцами из Таджикистана в России, являются одной из его разновидностей.

Хати монета дар фазои забонӣ ва хосиятҳои масофаи фарҳангӣ / Полоса препятствий в языковом пространстве и оптика культурной дистанции

По данным Минобрнауки, в 2014 г. в российских вузах учились 8 777 студентов из Таджикистана, в 2015 – 11 731 [10]. В 2016 г., по словам российского посла в Таджикистане Игоря Лякина-Фролова, в российских университетах учились более 20 тыс. выходцев из Таджикистана [14]. Выбор студентов

объясняется тем, что в обмен на затрачиваемые ресурсы (материальные, физические, моральные) они хотят получить диплом, который гарантирует им более качественные знания и обеспечит более высокие позиции на рынке труда, нежели диплом таджикского университета. Но путь к обретению этого символического ресурса тернист. Об этом свидетельствуют материалы интервью с таджикскими студентами, которые учились и учатся в университетах Томска и других городов Сибири.

Материалы интервью цитируются с сохранением лексических и грамматических особенностей речи респондентов. Особенности речи в ряде случаев выделены в тексте жирным шрифтом и подчеркиванием. Это дает возможность показать и степень владения русским языком, и те трудности, с которыми сталкиваются в языковом пространстве и молодежь, недавно приехавшая на учебу в Россию, и те, кто живет здесь давно.

«Так как у нас преподавателев... на русском языке мало кто преподает сейчас. Так как они уехали. Вот. Приехали в Россию, чтобы тоже зарабатывать, так как там (в Таджикистане. – Н.П.) зарплаты маленькие. Поэтому... можно сказать, что не по профессии они преподают, люди, которые просто, ну знают немножко русский язык, они преподают. Поэтому я плохо училась в школе, но, как бы... оценка отличная, но на самом деле я плохо знала русский язык. Я понимала, но... трудно было разговаривать, и сказать свои там... рассказать что-то, если хотела. Вот. А приехала в Россию, и среди русских живу, и начала разговаривать» [17]. «...тут высококвалифицированные преподаватели, очень хорошие. Вот. Вот из-за этого, мне кажется. Специалистов тут много (больше. – Н.П.), чем у нас, у нас там маловато. Ну, по моему мнению» [16]. Не скрывали студенты в интервью и некоторых особенностей организации учебного процесса у себя на родине: «Ну, разница в том, что... там берут взятки! Они требуют прямо! А здесь требуют знания! Вот. Поэтому мне не нравилось там учиться» [17].

Банком символического капитала в виде дипломов выступает государство [3. С. 240–241]. Именно ему принадлежит право контроля качества обучения. Качество владения иностранцами русским языком в России определяется утвержденными государством тестами [11]. Процесс освоения русского языка как ключевого условия получения выходцами из Центральной Азии образования в России лежит в лоне систем образования обеих стран: их размежевания в условиях постсоветского развития и поиска путей нового взаимодействия. Представление о трудностях изучения русского языка таджиками дает нарративное интервью с магистрантом, приехавшим из Таджикистана в один из томских университетов для совершенствования владения русским языком [19]. Этот предмет он начал изучать в таджикской школе в конце 1990-х гг., когда там уже не было ни одного носителя русского языка. Несмотря на это, окончив школу, молодой человек решил стать преподавателем русского языка и с этой целью поступил на факультет русского языка и литературы в один из провинциальных университетов Таджикистана. Там среди преподавателей тоже не было русских. Только, говорит респондент, *«когда мы были в четыре курс... на четвертом курсе, ну была одна, да, русская женщина. Но у нее профессия, ну, можно сказать только училище. Образование у нее... – не высшее образование... Вела **предмет** (предмет. – Н.П.) по фразеологизм... еще методика преподавания русского языка... Из-за не-*

хватка кадров, тем более русские... с кафедры русского языка и литературы может ее принять».

Преподавание в вузе велось в основном на русском языке. Исключение составляли лишь предметы, касавшиеся непосредственно Таджикистана: история страны и родной язык. Из 25 студентов группы до выпуска дошли 18. По завершении бакалавриата мой собеседник и его сокурсники не писали выпускную квалификационную работу, а лишь сдавали госэкзамены по педагогике, психологии, русскому языку и русской литературе. По оценке самого респондента, уровень знания русского языка после окончания бакалавриата в таджикском университете был невысок: *«Когда я закончил я не очень хорошо учил русский язык, да, владел русский язык – то, что я хотел»* (так, как я бы хотел. – Н.П.). После университета работал учителем: *«...работал в школе три года. Обычно я работал там в младших школе сначала, потом в высшим... эээ... старшим. В школе два ставка было у меня: первый – русский язык я преподавал, и второй у меня этот... как можно сказать, заместитель директора по часть обучать... – да, завуч».*

Человек, проработавший три года не только учителем, но и завучем в провинциальной таджикской школе, конечно же, хорошо знает систему преподавания там русского языка: *«Обычно завуч составляет всю программу в школе. Я могу сказать – русский язык, как второй язык в Таджикистане, в нэдэли три раза преподается в школе... со второго класса начинается... по одиннадцатый, как второй государственный язык».* Более того, говорит респондент, преподавание русского языка улучшается: *«Количество часы они дополняют... собираются... дополнить это количество часы, во-первых, во-вторых... они хотят создать... параллельные группы – именно русские группы... Мы создали, в том числе, „Дэн русского языка“... в этот ден мы полно говорим по-русски – преподаватели, ученики, все».* Работа завучем была связана с организацией учебного процесса на родном языке, что у моего собеседника, по его словам, хорошо получалось. Он очень быстро получил звание учителя первой категории. Но для освоения русского языка решил ехать в Россию: *«...причина в том, что у меня проблема с русским языком. Я хочу узнать и овладеть русский язык и совершенствоваться в его знании... Для меня трудно это, действительно трудно... Но возврат нече (возврата нет. – Н.П.)».* Появилась возможность сравнить содержание подготовки по русскому языку на родине и в России: *«Ну, обычно то, что мы там учили, здесь нет... Те предметы, которые я здесь **учил**, там не было. Лингвокультурология, ну, риторика. У меня не было никаких информации об **этим**... И риторика здесь и культура речи тоже здесь... Никаких из них там я не учил... там элементарные вещи, можно сказать, в бакалавриате учатся... А здесь, ну, боле сложное... То, что мы учили дополнительно занятий, то есть русский язык для иностранцев... мне нравится это... Программа очень прекрасна, но жаль, что эта была мала».* То есть больше всего ему понравился курс по русскому языку как иностранному. Это именно то, говорит, что его интересует: *«То, что я хотел в Таджикистана, видел на этом программа было (в программе РКИ. – Н.П.). ...Падежи изучили, рассказ, ну, как можно рассказать – развитие речи, ну, части **речи**, **изУчили** части речи».*

Парадоксальным выглядит его признание по поводу затруднений в освоении разговорной лексики в Томске: *«Потому что ми не разговариваем по-*

русски – здесь даже. Когда есть занятия, ну толко в занятии. Магистерский занятий, ну, мало... в неделю два дня – некоторые три пара, некоторые два». Его огорчает отсутствие возможности совершенствовать язык, живя с его носителями в одной комнате: «В общежитии вместе с таджики – вместе живем... У меня не письменный заявление, но устный заявление было у меня, когда я приехал сюда, заведующей общежития, что нас заселяй, пожалуйста, с русскими, чтобы ми... эээ... ми приехали сюда учить русский язык. Но, к сожалению, я... не знаю почему нас не заселил с русским – все таджики или, ну, иногда туркмены или узбеки... Я против этого. Я даже в деканате этого сказал, что ви не прав. Мы приехали учить русский язык в русской пространстве. Но обычно ви создавали нас таджикский пространство». Ряд обстоятельств, как говорит, препятствует и тому, чтобы общаться с русскими вне стен кампуса: «У нас нет времени, чтобы с ним говорить или с ним пойти куда-нибудь. Русские обычно всегда гуляют, а у нас нет (времени. – Н.П.). Если мы пойти на прогулка или чё типа того, на другие месте или что, или с ним играть в какой-то игры с русским, ну у нас занятия, надо готовиться к занятий – сдать все, экзамен или зачет... Мы пишем свою научную работу, какой-то задание, другие задачи».

Оптика трансграничного пространства рассматривает обучение в университете не только как систему передачи знаний, но и как коммуникацию между студентами и преподавателями, выделяя особенности педагогических паттернов двух культур. В томском университете, говорит респондент, «...удивил толко отношение преподавателей со студенти, все... Их отношение со студентом – не только с иностранцем, но и с родным студентом – очень отличные, можно сказать. Близкие отношения, они питаются, чтобы действительно выполнять они свои профессии, педагогические задачи. Они тщательно работают со студентом». В отличие от таджикского университета, где «студент не свободно сможет задать свои вопросы преподавателю... У них нет близкий отношений с преподавателем... Статус преподавателя совсем в другом части, а студента – в другом. (А в Томске. – Н.П.) студен свободный, он то, что хочет сказать и задать вопрос, то, что хочет спросить у преподавателя свободно – сможет спросить». Более жесткая регламентация внутриуниверситетской жизни таджикских вузов проявляется, говорит, в существовании обязательной формы для юношей: темный костюм с галстуком и белая рубашка. Для девушек форму ввели позже, но теперь есть определенные требования по одежде и для них.

Среди деталей повседневного быта отмечает то, в чем ходят студентки в томском общежитии, чем это отличается от Таджикистана: «...здесь абсолютно по-другому. Ну, они обычно... ну, как сказать... (долгая пауза) ну, белые... как можно сказать... (снова долгая пауза) об этим мне трудно будет сказать... они ходят в общежитии более неодетые, можно сказать, а у нас одетые». Но это как элемент свободы в целом, которую он не раз отмечал в ходе разговора: «Свобода слов, свобода применения одежды, свобода учеба, конечно. В общем, везде можно встретить свободу... Студент или человек может... или имеет право выразить свое мнение». Иную природу отношений в Таджикистане объясняет тем, что «с точки зрения культура нас так воспитывают, во-первых... есть такое выражение „Пред взрослыми людьми младших нельзя говорить“. Так нас воспитывают. А потом – у нас нет сво-

бодный пресс, свободное слово, когда мы говорим, в одну сторону (с одной стороны. – Н.П.). В другой – закон у нас не позволяет, чтоб мы будем свободны. А тот, кто пытается говорить свободно (здесь респондент даже рассмеялся) конечно, ясно что будет – ответит перед законом, ответит перед сотрудником... ну, как можно сказать... касающийся орган, перед касающийся орган (перед карающими органами. – Н.П.)».

Есть и строгий регламент по поводу использования сотовых телефонов в университете: *«...использовАние мобильный телефон у нас абсолютно запрещено... если во время занятия ви используете телефон – разговор... ну, первый раз... объяснение от вас требуют, а второй раз, все, автоматически исключают».*

Темпорально-топологические характеристики символического капитала

Диплом российского университета может иметь разный вес в пространствах отдающего и принимающего обществ. В России выходец из Таджикистана, получивший диплом российского университета, конкурирует на рынке труда с российскими носителями этого символического капитала. Результаты этой конкуренции неоднозначны: талантливый потомок персов и саманидов вполне может ее и выиграть. Но ему, вероятно, придется приложить больше усилий для доказательства своих профессиональных компетенций, так как на первых порах его background может уступать позициям коренных представителей принимающего общества. Об этом в интервью рассказывал один из руководителей таджикской диаспоры в Красноярске, окончивший российский вуз: *«...здесь, вот, в нашем крае вот такая проблема, что иностранные студенты, которые заканчивают, сложно их... эээээээ... по поводу... ээээ... в дальнейшем работать здесь. Потому что не берут таких, не каждого берут, и не каждый может по профессии работать... Это очень большая головной бол для нас тоже, для молодежь, потому что мы сколько лет учились здесь, заканчивали, да, мы не можем здесь по диплому работать уже»* [20]. Примерно о тех же проблемах говорит и респондент из Томска: *«У меня племянник закончил (называет один из томских университетов. – Н.П.)... И в ходе практики он работал на одной предприятии по сборку... э... плат в Академгородке. И там, в принципе, постепенно он стал успешным... Вот... а ему хотелось... не остановиться на достигнутом... Ну, и находит другую работу, там испытательный срок. На испытательном сроке он показывает себя... достаточно хорошо. А... напарник отстает от него... и в результате потом руководитель говорит, что ты не прошел испытательный срока, мы, мол, тебя не берем. А была причина именно в зависти и то, что он нерусский, а хотя он хороший специалист»* [21]. Подобную ситуацию подтверждают и представители административных структур принимающего общества: *«В ИТР им попасть очень сложно – в категорию ИТР – инженерно-технических работников. Потому что у нас есть свой, что называется, здесь контингент и работодатель, вот опять-таки... ну есть же какие-то там предрассудки, наверно, определенные, традиции уже. Ну, наверно, он предпочтительно возьмет местного – именно из соображений предсказуемости. Не из фашистских каких-то там или шовинистических этих, а вот предсказуемости»* [12].

Что касается отдающего общества, то на том поле таджики-выпускники российских университетов конкурируют с обладателями дипломов таджикских вузов: «А на родине российский диплом очень такие авторитетные и везде все берут их на работе» [20]. «...в прошлом году я прочитал объявление в мерии в самом Душанбе. Мерия принимает... подала объявление... принимает на работу молодежь... выпускников российских вузов» [21]. Очевидно, распространенность подобной точки зрения в общественном мнении Таджикистана и является одним из основных стимулов таджикской молодежи ехать на учебу в Россию.

Символический капитал российского диплома, полученного выходцем из Таджикистана, может рассматриваться с темпорально-топологической точки зрения. С темпоральной (временной) точки зрения речь идет о том, что значение диплома имеет вполне реальный шанс сохраняться на протяжении всей жизни индивида. «Звание само по себе, – пишет Бурдьё, – институция более прочная, чем внутренние характеристики труда. Вознаграждение за звание может сохраняться, несмотря на изменения в труде и его относительной ценности: не относительная ценность труда определяет ценность имени, но институционализованный характер звания служит средством, позволяющим защитить и сохранить ценность труда» [3. С. 31]. Для таджиков в России пролонгированный характер символического капитала – диплома российского университета – связан с тем, что номинация «выпускника российского университета» легитимизирует дальнейшее пребывание в России, выход на российский рынок труда и процесс дальнейшей социализации в принимающем обществе. Последнее связано с вхождением в более высокие социально-профессиональные слои «специалистов с высшим образованием» и возможностями последующей карьеры. С топологической точки зрения (с точки зрения места обучения) диплом российского университета означает, в частности, знакомство индивида с условиями того региона России, где он учился, с культурой местного населения, с условиями на местном рынке труда, включенность в местную национальную диаспору и т.п. Важно не просто знание языка, но и тех культурных локаций, где происходит его изучение.

Don't put all your eggs in one basket

«Диверсификация» языковой сферы Таджикистана является ответом на вызов экономической отсталости страны. Одним из способов ее преодоления является развитие контактов с более развитыми государствами. Взаимодействие с Россией не является единственным направлением. Несмотря на большую культурную и экономическую дистанцию с передовыми странами англоязычного мира, в Таджикистане закладываются основы программы подготовки специалистов с университетским образованием на английском языке. Ее организатором является духовный лидер памирских исмаилитов-низаритов принц Карим Ага-Хан IV. В Хороге – центре Горно-Бадахшанской автономной области – он строит Университет Центральной Азии, о котором студенты-таджики говорят с надеждой и пиететом: «Сейчас наш духовный руководитель открывает Университет Центральной Азии. В Казахстане открылась, в Кыргызстане – в Бишкеке и вот в этом году или в следующем – в Хороге» (интервью проводилось в мае 2017 г. – Н.П.) [18]. Преподавание на английском языке объясняется и тем, что это создаст возможность продол-

жать образование в англоязычных странах, и тем, что учиться в университете Ага-Хана смогут исмаилиты из целого ряда государств. Известно, что Горный Бадахшан поделен между Таджикистаном и Афганистаном, а общины исмаилитов существуют более чем в двух десятках стран. Но, несмотря на этот англоязычный проект, так или иначе ориентированный на развитие коммуникаций с развитыми странами Запада, Ага-Хан поддерживает и активные связи с Россией – и на уровне существующих здесь общин мигрантов, и на уровне российского истеблишмента. На встрече с министром иностранных дел России Сергеем Лавровым в апреле 2017 г. в Москве Карим Ага-Хан сказал, что встреча очень важна для него, так как «...сотрудничество с Россией является критически важным не только для моего сообщества, но и для всей Центральной Азии, где мы сейчас создаем совместные институты, которые будут иметь большое значение для региона» [13].

В Москве Ага-Хан поддерживает таджиков-исмаилитов, создавших Региональную общественную организацию «Нур». Там, в частности, учат и русскому языку, говорит респондентка: «Это как школа... они договариваются с определенными компаниями, с определенными школами, с преподавателями... Наши офис трехэтажный... там как раз расположены наши офисы все... по разным вопросам – кто отвечает за учебу, кто-то за спорт... и часть – процентов семьдесят оплачивает Фонд (Представительство «Фонда Ага-Хана» в Российской Федерации. – Н.П.), процентов тридцать... – родители. А потом, если дети у них достижения лучше, они с уровня на уровень проходят и каждый уровень на 10 процентов меньше и в итоге это становится вообще бесплатно... У нас теперь открылась такая же большая центр в Екатеринбурге» [18].

Муаллими Рус, ҳамчун супориши махсус ва захираи ҷомеаи байнисарҳадӣ / Русский учитель как миссия и ресурс трансграничного общества

Увеличение численности таджикских мигрантов в России ведет и к расширению дипломатических структур Таджикистана в РФ. Помимо посольства в Москве, по данным на 2017 г., в России существует еще 4 Генеральных консульства Таджикистана. Первое из них – в Екатеринбурге – было открыто в 2009 г. В 2011 г. – в Уфе. Его создание связывалось с открытием Генерального консульства России в столице Согдийской области Таджикистана – Худжанде. Сразу два – в Санкт-Петербурге и Новосибирске – были открыты в 2017 г. Как правило, создание этих дипломатических представительств объяснялось наличием большого количества таджиков, которые живут на территории соответствующих федеральных округов России, проблемами, с которыми они сталкиваются при оформлении необходимых документов и патентов на право работы. По разным данным, на территории России в 2017 г. проживали от 600 тысяч до миллиона таджиков.

В то же самое время в последние годы ряд российских университетов стал отказываться от приема абитуриентов из Таджикистана. Причиной этого стало не только слабое знание русского языка, но и слабая подготовка по базовым предметам: «Тенденция, к сожалению, ухудшается, – говорит представитель приемной комиссии одного из томских университетов, – из Таджикистана мы уже почти не набираем. В основном это произвольный самоток,

который идет, так скажем, через Россотрудничество, либо через какие-то знакомые связи – может друг сюда приехал, родственники приехали, вот, и они их перетягивают. Что касается наших выездов туда, эээ... ну опять же говорю, знание русского языка оставляет желать лучшего» [15]. Возникли два противоположных тренда: понижение качества преподавания русского языка и других базовых предметов в Таджикистане и повышение требований к уровню знаний в отношении таджиков, с теми или иными целями въезжающих в Россию. Объективация этих проблем привела к формированию соответствующих рефлексий на межгосударственном уровне. Посетив с официальным визитом Таджикистан в октябре 2016 г., Председатель Совета Федерации Валентина Матвиенко заявила, что Россия поможет с улучшением изучения русского языка в Таджикистане [8]. Визит Президента России Владимира Путина в страну в феврале 2017 г. добавил динамики решению этой проблемы [4]. К началу 2017/2018 учебного года в Таджикистан выехали около трех десятков учителей русского языка, математики, информатики, физики, химии и биологии. Вероятно, что при отборе первой группы учителей использовалась определенная тактика. Обращает на себя внимание то, что среди участников этого пилотного проекта нет учителей из российских столиц – Москвы и Петербурга. Российская провинция представлена Кемеровской и Костромской областями, а также тремя республиками с преимущественно мусульманским населением – Татарстаном, Башкортостаном и Дагестаном. Поездка учителей из Дагестана связана, очевидно, еще и с тем, что в то время главой республики был Рамазан Абдулатипов, с 2005 по 2009 г. занимавший должность чрезвычайного и полномочного посла России в Таджикистане. Есть среди группы учителей и русские уроженцы Таджикистана, некогда покинувшие эту страну. Педагогический стаж учителя должен составлять не менее пяти лет. Изначально российским специалистам предлагается работать в таджикских школах в течение одного года, но при желании контракт может быть продлен. Причем учителя из России будут не только вести уроки, но и «оказывать методическую поддержку местным учителям». Вернувшись в Россию, педагог сможет занять свое прежнее рабочее место. С учебниками помогает проект «Русский мир». Учителям обещана высокая зарплата: 14 тыс. рублей за счет бюджета Таджикистана и 60 тыс. – из бюджета России. Она же предоставляет и медицинскую страховку. Жилье учителям обеспечивает Таджикистан. Он же оплачивает перелет педагогов. Оплата труда педагогов вызвала определенную рефлексию в обеих странах, где зарплаты учителей за работу на родине гораздо ниже [9].

То, что в Таджикистан поехали учителя из ряда российских регионов с преимущественно мусульманским населением, возможно, не случайно. Это ресурс усиления, вероятно, не только образования как такового, но и традиционного ислама в противовес попыткам определенных кругов Таджикистана формировать у тамошних школьников приверженность к радикальным течениям данной религии. Таким образом, транзиту религиозных идей из пространства, так или иначе связанного с идеей исламского халифата, могут быть противопоставлены гораздо более умеренные течения ислама, не противоречащие функционированию этой религии в условиях сложившихся национально-государственных образований [7]. Если пилотный проект будет удачным, то количество учителей из России в Таджикистан, возможно, будет

увеличиваться. Например, в пресс-релизе администрации Томской области по поводу встречи губернатора Сергея Жвачкина с генеральным консулом Таджикистана в Новосибирске Зарди Шамсиддином Курбонзода говорится, что на фоне иных проблем возможного взаимодействия они «отдельно обсудили сотрудничество в научно-образовательной сфере». В материале обращается внимание на причины, препятствующие приему студентов из Таджикистана в университеты Томска: «Сегодня в томских университетах учатся 240 студентов из Таджикистана. Это немного, и преградой для резкого увеличения численности таджикских студентов является языковой барьер. Мы готовы направить в вашу республику преподавателей русского языка, чтобы они готовили школьников к поступлению в наши университеты», – сказал губернатор Сергей Жвачкин [22]. Позиция губернатора в этой ситуации отражает, видимо, консолидированное мнение руководства томских университетов по поводу качества знаний молодежи, приезжавшей из Таджикистана в минувшие годы. Планы, о которых заявляет руководство России, идут еще дальше. В ходе вышеупомянутого визита Президента Владимира Путина было сказано, что Россия построит в Таджикистане 20 общеобразовательных школ, обучение в которых будет вестись на русском языке. Куратором этого проекта является вице-премьер Игорь Шувалов. Он сказал, что «это пока звучит так: это должна быть инвестиция российского государства, школы будет содержать Таджикистан. Но сама материальная инфраструктура будет создаваться за счет бюджетных инвестиций Российской Федерации» [4]. Планируется, что русские школы будут своеобразным пролонгированным проектом. Их статус будет выше обычных таджикских школ, а выпускники получают высокие шансы на продолжение обучения в российских вузах.

Осиёви, ҳамчун руси навин / Новые русские азиаты

Закладывая свою относительно зыбкую основу в первом поколении мигрантов, трансграничное общество получит реальное воплощение в последующих поколениях «новых русских азиатов» – интегрированных в российское общество выходцев из Центральной Азии. Институционализация этого феномена произойдет через соответствующие «стратегии воспроизводства», о которых говорит П. Бурдьё [3. С. 102]. Среди них – стратегия матримониального и репродуктивного поведения, а также образовательные стратегии. К особенностям матримониального поведения можно отнести смешанные браки части мужчин-таджиков с представительницами иных этносов из состава принимающего общества. Прежде всего это может касаться тех, кто, окончив российские университеты, решит остаться в России. Выход из-под контроля семьи в Таджикистане, общение в российской молодежной среде усиливают усвоение паттернов принимающего общества, что может привести к межнациональным бракам. А эти последние станут механизмом дальнейшего усвоения паттернов местной культуры. К их числу, возможно, будут относиться занятость женщин не в сфере домашнего хозяйства, а в сфере наемного труда, относительная малодетность семьи, увеличивающиеся вложения в формирование человеческого капитала детей. Именно этим качеством, а не количеством детей будет характеризоваться сила семейной группы. В последующих поколениях воспроизводство трансграничного общества окажется под влиянием детерминант демографического перехода, описанно-

го в работах А.Г. Вишневого [5]. Деликатной проблемой по-прежнему будет религиозная принадлежность членов семьи: необходимость и возможность принятия ислама женой, принадлежавшей ранее к одной из христианских конфессий или просто выросшей в условиях христианской культуры. Потомки нынешних выходцев из Центральной Азии в рамках механизма межпоколенческой трансмиссии будут наследовать воспринимаемый от старших поколений вариант культуры общества исхода и отсорбированные ими паттерны принимающего общества. Все это приведет к формированию особого габитуса семей, характерного для трансграничного общества. Образовательные стратегии новых русских азиатов будут направлены, если отталкиваться от методологии Бурдьё, «...на производство социальных агентов, достойных и способных наследовать свойства группы, т.е. передать их, в свою очередь, группе» [3. С. 103]. Критерием отбора этих качеств станет эффективность продвижения к обладанию дефицитными ресурсами общества.

Маълумоти оли барои дигаргуни (ояндаи дурахшон) / Высшее образование для преобразования

Трансграничное общество с неизбежностью становится частью общества исхода и принимающего общества. В континууме взаимодействия двух вышеупомянутых стран одним из направлений его воздействия на Таджикистан может быть преобразование клановых систем в системы, основанные на бюрократической целесообразности. Методологией подобного подхода служит рассуждение П. Бурдьё о периоде перехода в Англии от «династического государства к бюрократическому», когда велась борьба «между теми, кто не желал знать и признавать ничего, кроме стратегий семейного воспроизводства (братья короля), опиравшихся на кровное родство, и теми, кто прибегал к стратегиям бюрократического воспроизводства (министры короля), основанным на передаче культурного капитала через образовательную систему» [3. С. 107]. Сила клановой системы Таджикистана может постепенно размываться и заменяться более рациональной системой, построенной не на клановой принадлежности, а на профессиональной компетентности. Трансграничное общество, формирующееся в процессе взаимодействия двух культур, может сыграть в этом процессе заметную роль. Транснациональные экономические группировки и профессионалы высокого уровня, окончившие российские и западные университеты, могут стать той бюрократической силой, которая постепенно преодолет господство клановых группировок. Знания, профессиональные компетенции, в отличие от клановой принадлежности, не могут наследоваться непосредственно и потому становятся механизмом ротации агентов профессиональной сферы деятельности. Изменение положения в экономической сфере через опосредующие механизмы будет постепенно проникать и в сферу политики. Те или иные экономические группировки, основанные на бюрократических началах, а не на клановой принадлежности, будут стремиться получить свое представительство и на политическом уровне. Это путь от возникших на постсоветском пространстве нефеодалных отношений к рыночной бюрократической системе. Процесс подобен тому, что происходило в Европе в период перехода от династического правления к бюрократическому: «На историю европейских обществ оказа-

ло очень сильное влияние постепенное развитие внутри поля власти способа воспроизводства, основанного на образовании, влияние которого можно наблюдать внутри самого поля власти в виде перехода от династической логики „королевского дома“, опиравшейся на семейный способ воспроизводства, к бюрократической логике государственного интереса (*raison d'Etat*), в основе которой лежит образовательная модель воспроизводства» [3. С. 112]. Следуя мысли мэтра французской социологии, можно сказать, что диплом хорошего российского университета является для выходцев из Таджикистана «пропуском» в систему трансграничного общества. «Школа (в форме *grande école*) и корпус – социальная группа, которую школа производит, казалось бы, *ex nihilo* (но в действительности из характеристик агентов, связанных с семейной принадлежностью), занимают место семьи и родственных отношений. Кооптация однокурсников на основе студенческой солидарности и принадлежности к профессиональному корпусу играет ту же роль, что и кумовство и клановая солидарность на семейных предприятиях» [3. С. 113].

Условием формирования трансграничного общества является не только «разделение» личности между *homeland* и *hostland*, как говорилось в начале данной статьи, но и другое качество данного континуума – консолидация индивидов, попавших в трансграничное пространство, в определенные общественные группы. Создание таких корпусов на основе профессиональной солидарности выпускников российских и западных университетов может постепенно преобразовать общество, основанное на клановой консолидации. Обстоятельством, оказывающим косвенное воздействие на движение в данном направлении, может быть вышеупомянутое распределение учителей из России по всем регионам страны – в районы республиканского подчинения, в Хатлонскую и Согдийскую области и даже в Горно-Бадахшанскую автономную область на Памире [6]. Это свидетельствует о том, что запрос на хорошее школьное образование есть во всех регионах страны. Работать учителя из России будут, прежде всего, в «президентских лицах и школах для одаренных детей». То есть, скорее всего, их учениками будут дети таджикской (в том числе и региональной) элиты. Именно они затем смогут учиться в России и формировать трансграничное общество. В традициях прежних трендов взаимодействия России со странами Центральной Азии и в условиях новых трендов глобализации формирование трансграничного общества будет развиваться ровно настолько, насколько оно будет востребовано перманентными вызовами взаимодействия макрорегионов Северной Евразии и Центральной Азии. Перераспределение ресурсов будет вести к изменению не только социально-экономических, но и этнических реалий. В целом это будет лишь продолжением тех глобальных исторических процессов, которые со времен зарождения человеческой цивилизации шли на пространствах евразийского континента.

Оптика трансграничного

Таким образом, одним из значимых ресурсов формируемого российско-таджикского трансграничного сообщества является такой внеэкономический ресурс, как культурный и символический капитал, создаваемый в процессе получения таджикской молодежью высшего образования в России. Процесс

реализуется в рамках противоречивых трендов – понижения качества преподавания русского языка и других базовых предметов в Таджикистане, с одной стороны, и повышения требований к уровню знаний таджиков, намеренных жить в России, – с другой. Крайне слабое преподавание в Таджикистане русского языка, связанное с фактическим отсутствием там русскоязычного населения, усугубляется слабой учебно-методической базой обучения таджиков русскому языку в ряде российских университетов. Проект по набору российских учителей, три десятка которых в 2017 г. впервые поехали работать в Таджикистан, является попыткой преодоления этой ситуации. Неудача данного пилотного начинания грозит дальнейшим ростом препятствий в сфере транскультурных коммуникаций. Активная деятельность в Таджикистане лидера исмаилитов Ага-Хана IV, открывшего в Хороге Университет Центральной Азии и поддерживающего хорошие отношения с Россией, ведет не только к диверсификации языкового и культурного внешнего воздействия на Таджикистан, но и преумножает число таджиков, которые во взаимодействии с Россией смогут использовать английский язык, вливаясь в когорту англоговорящих россиян и расширяя ресурсы трансграничного сообщества. Рост численности таджиков, получивших образование в России, увеличит не только число «новых русских азиатов», обосновавшихся в нашей стране, но число тех, кто, вернувшись в Таджикистан, будет способствовать развитию культуры рационального бюрократического управления, постепенно преодолевающего клановую культуру. Основная функция формирующегося трансграничного общества – повышение эффективности освоения огромных пространств и ресурсов Северной Евразии. Некогда этот процесс получил свое интенсивное развитие за счет массовой миграции в Сибирь¹ населения из европейской части России. Теперь идет процесс прироста ресурсов Сибири за счет потенциала других соседних регионов. На данном этапе наиболее активное участие в этом процессе занимают страны Центральной Азии. Двухязычие в названиях ряда разделов данной статьи – определенная дань этому процессу. Не исключено, что в названиях статей по поводу трансграничного общества на территории Северной Евразии рано или поздно появятся и китайские иероглифы.

Используемые аббревиатуры:

ПОВТ – Представитель органов власти Томска и Томской области
СПКУ – Сотрудник Приемной комиссии университета
СТТ – Студент таджик из Таджикистана
ТДКр – Руководитель или активный член таджикской диаспоры в Красноярске
ТДТ – Руководитель или активный член таджикской диаспоры в Томской области

Литература

1. Бредников О., Ткач О. Дом для номады // *Laboratorium*. 2010. № 3. С. 72–95.
2. Бурдьё П. Практический смысл / пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. СПб.: Алетея, 2001. 562 с.
3. Бурдьё П. Социология социального пространства : пер. с франц. / отв. ред. перевода Н.А. Шматко. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетея, 2007. 288 с.

---

¹ В данном контексте под Сибирью понимается вся территория России от Урала до Тихого океана.

4. *Визит* президента РФ В. Путина в Республику Таджикистан (подборка статей) [Электронный ресурс] // Центральноазиатский портал. URL: <http://www.ca-portal.ru/article:33395> (дата обращения: 15.11.2017).

5. *Вишневский А.Г.* Время демографических перемен : избр. ст. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 517 с.

6. *Гайсина Л.* Зачем в Таджикистан приехали российские учителя [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ca-portal.ru/article:37565> (дата обращения: 15.11.2017).

7. *Джерелиевский Б.* Русские учителя потеснят в Азии религиозных экстремистов [Электронный ресурс] // Колокол России. URL: <http://kolokolrussia.ru/russkiy-mir/russkie-uchitelya-potesnyat-v-azii-religioznh-ekstremistov#&hqc=nSkY4Cq> (дата обращения: 15.11.2017).

8. *Из России* с учебниками. Валентина Матвиенко встретила с учителями, которые отправляются работать в Таджикистан [Электронный ресурс] // Российская газета 28.08.2017. URL: <https://rg.ru/2017/08/28/rossijskie-uchitelia-otpravivatsia-v-tadzhikistan-rabotat-v-shkolah.html> (дата обращения: 20.10.2017.)

9. *Кто* едет обучать таджикских детей: знакомство с учителями из регионов РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://sptnkne.ws/fWP8> Обращение 15.11.2017. (дата обращения 25.10.2017); В Таджикистан приехали первые учителя из России. Они будут зарабатывать по 74 тысячи рублей [Электронный ресурс]. URL: <https://www.currenttime.tv/a/28705292.html> (дата обращения 15.10.2017); Учителя из РФ поедут преподавать в Таджикистан [Электронный ресурс]. URL: <https://www.molbulak.ru/news/tadzhikistan/uchitelya-iz-rf-poedut-prepodavat-v-tadzhikistan/> (дата обращения: 15.11.2017).

10. *Министерство* образования и науки Российской Федерации. Департамент стратегии, анализа и прогноза [Электронный ресурс]. URL: <http://минобрнауки.рф/министерство/статистика/информация-2014> (дата обращения: 3.01.2016); Министерство образования и науки Российской Федерации. Департамент стратегии, анализа и прогноза [Электронный ресурс]. URL: <http://минобрнауки.рф/министерство/статистика/информация-2015> (дата обращения: 16.01.2016).

11. *Онлайн* тест по русскому языку как иностранному (ТРКИ) [Электронный ресурс]. URL: <https://mgu-russian.com/ru/learn/test-online/> (дата обращения: 23.10.2017).

12. *ПОВТ-2* – Архив автора.

13. *Принц Ага-Хан IV* встретился с главой МИД России Сергеем Лавровым [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.sputnik-tj.com/russia/20170420/102211837/aga-khan-IV-vstretilsya-s-sergeyem-lavrovym.html> (дата обращения 20.11.2017).

14. *Россия* увеличила количество квот для таджикских студентов // Информационное агентство Регнум 7 февраля 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/2236010.html> (дата обращения: 10.11.2017).

15. *СПКУ-1* – Архив автора.

16. *СТТ-6* – Архив автора.

17. *СТТ-10* – Архив автора.

18. *СТТ-15* – Архив автора.

19. *СТТ-16* – Архив автора.

20. *ТДКр-1* – Архив автора.

21. *ТДТ-6* – Архив автора.

22. *Томский* губернатор и генконсул Таджикистана обсудили сотрудничество региона с республикой [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tomsk.gov.ru/news/front/view/id/23432> (дата обращения: 25.11.2017.)

Nikolai P. Pogodaev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: nick-pogodaev@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 44. pp. 183–198.

DOI: 10.17223/1998863X/44/18

NEW RUSSIAN ASIANS: STUDENT MIGRATION FROM TAJIKISTAN TO RUSSIA AS A BASIS OF A CROSS-BORDER SOCIETY

Keywords: cross-border society; student migration; Russia; Tajikistan; new Russian Asians; cultural capital; symbolic capital.

The economic and demographic situation in Russia and the countries of Central Asia as well as the interaction between these states throughout the last twenty-five years support a number of trends in

labour and student migration that have gained sufficient stability. They affect not only the source and receiving societies but also create new social phenomena such as the formation of a cross-border society. This paper aims to analyse the temporal and topological traits of the cultural and symbolic capital of the Tajik youth that study at Russian universities, as well as the possibility for Tajikistan to provide world-class higher education in the English language for future professionals. The author provides a detailed study of the governmental initiatives of both countries that intend to resolve the contradiction between the falling quality of education in Tajikistan and the increasing requirements for entering Russian universities. Since a large number of the Tajik youth aspire to enter Russian universities, teachers from Russia are now invited to work in secondary schools in Tajikistan. In the paper, the author focuses on the situation when after graduation from Russian universities, a part of the Tajik youth stays in Russia, thus helping construct a society of the “new Russian Asians” – active participants in various aspects of life in both Russia and Tajikistan. The methodological basis of this paper is formed by the works of Pierre Bourdieu; the empirical data was collected in the course of individual in-depth interviews with students of Tajik origin and heads of national Tajik diasporas in Siberian cities.

References

1. Brednikov, O. & Tkach, O. (2010) Dom dlya nomady [House for nomads]. *Laboratorium – Laboratorium. Social research journal*. 3. pp. 72–95.
2. Bourdieu, P. (2001) *Prakticheskiy smysl* [Practical Meaning]. Translated from French by A.T. Bikbov, K.D. Voznesenskaya, S.N. Zenkin, N.A. Shmatko. St. Petersburg: Aleteyya.
3. Bourdieu, P. (2007) *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of Social Space]. Translated from French by N.A. Shmatko. Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aleteyya.
4. Ca-portal.ru. (2017) *Vizit prezidenta RF V. Putina v Respubliku Tadjikistan* [Visit of the President of the Russian Federation V. Putin to the Republic of Tajikistan]. [Online] Available from: <http://www.ca-portal.ru/article:33395>. (Accessed: 15th November 2017).
5. Vishnevskiy, A.G. (2015) *Vremya demograficheskikh peremen* [Time of Demographic Change]. Moscow: HSE.
6. Gaysina, L. (2017) *Zachem v Tadjikistan priyekhali rossiyanskiye uchitelya* [Why did Russian teachers come to Tajikistan?]. [Online] Available from: <http://www.ca-portal.ru/article:37565>. (Accessed: 15th November 2017).
7. Dzhereliyevskiy, B. (2017) *Russkiye uchitelya potesnyat v Azii religioznykh ekstremistov* [Russian teachers will press religious extremists in Asia]. [Online] Available from: <http://kolokolrussia.ru/russkiy-mir/russkie-uchitelya-potesnyat-v-azii-religioznh-ekstremistov#&hcq=nSkY4Cq>. (Accessed: 15th November 2017).
8. Mislivskaya, G. & Novoselova, E. (2017) *Iz Rossii s uchebnikami. Valentina Matviyenko vstretilas' s uchitel'yami, kotoryye opravlyayutsya rabotat' v Tadjikistan* [From Russia with textbooks. Valentina Matvienko meets with teachers who will work in Tajikistan]. *Rossiyskaya gazeta*. 28th August. [Online] Available from: <https://rg.ru/2017/08/28/rossijskie-uchitelia-otpraviatsia-v-tadjikistan-rabotat-v-shkolah.html>. (Accessed: 20th October 2017).
9. SputnikNews. (2017) *Kto yedet obuchat' tadjikskikh detey: znakomstvo s uchitel'yami iz regionov RF* [Who goes to teach Tajik children: Meet teachers from Russian regions]. [Online] Available from: <http://sptnkne.ws/fWP8>. (Accessed: 25th October 2017).
10. Ministry of Education and Science of the Russian Federation. (2014) *Departament strategii, analiza i prognoza* [Department of Strategy, Analysis and Forecast]. [Online] Available from: <http://minobrnauki.rf/ministerstvo/sta-tistika/informatsiya-2014>. (Accessed: 3rd January 2016).
11. MGU Russian Language Centre. (n.d.) *Onlayn test po russkomu yazyku kak inostrannomu* [Online test in Russian as a foreign language]. [Online] Available from: <https://mgu-russian.com/ru/learn/test-online/>. (Accessed: 23rd October 2017).
12. POVT-2. Author's Archive.
13. Sputnik. (2017) *Prints Aga-Khan IV vstretilsya s glavoy MID Rossii Sergeyem Lavrovym* [Prince Aga Khan IV meets with Russian Foreign Minister Sergei Lavrov]. [Online] Available from: <http://ru.sputnik-tj.com/russia/20170420/102211837/aga-khan-IV-vstretilsya-s-sergeyem-lavrovym.html>. (Accessed: 20th November 2017).
14. Regnum News Agency. (2017) *Rossiya uvelichila kolichestvo kvot dlya tadjikskikh studentov* [Russia increased the number of quotas for Tajik students]. 7th February. [Online] Available from: <https://regnum.ru/news/2236010.html>. (Accessed: 10th November 2017).
15. SPKU-1. Author's Archive.

16. STT-6. Author's Archive.

17. STT-10. Author's Archive.

18. STT-15. Author's Archive.

19. STT-16. Author's Archive.

20. TDKr-1. Author's Archive.

21. TDT-6. Author's Archive.

22. Official Website of Tomsk Region Administration. (2017) *Tomskiy gubernator i genkonsul Tadjikistana obsudili sotrudnichestvo regiona s respublikoy* [Tomsk Governor and Consul General of Tajikistan discussed the cooperation of the region]. [Online] Available from: <https://www.tomsk.gov.ru/news/front/view/id/23432>. (Accessed: 25th November 2017).

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 329

DOI: 10.17223/1998863X/44/19

С.А. Асланов

КОАЛИЦИОННАЯ ПОЛИТИКА КАК ФАКТОР ОСЛАБЛЕНИЯ ПОСРЕДНИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ (НА ПРИМЕРЕ ГЕРМАНИИ)

Традиционно считается, что нынешний кризис политических партий обусловлен в первую очередь изменением социально-экономических условий, в которых им приходится действовать. Однако не последнюю роль в ослаблении их позиций, в частности ухудшении выполнения функции посредничества между гражданским обществом и государством, играет все большее распространение практики формирования коалиционных правительств, что является закономерным результатом пропорциональной системы выборов, набирающей популярность во всем мире.

Ключевые слова: партии, выборы, коалиция, парламент, правительство.

Политические партии постепенно утрачивают свой авторитет в глазах граждан, и им все труднее выполнять одну из основных своих функций в демократическом обществе – служить посредником между гражданским обществом (избирателями) и государством, осуществляющим свою власть с помощью органов исполнительной и законодательной власти. Свидетельства упадка просматриваются в низком уровне доверия к этим организациям, снижении явки на выборах, появлении несистемных партий, быстро завоевывающих сердца избирателей, уставших от коррумпированности и закостенелости старых партийных машин.

Как правило, в качестве причин неудовлетворительного состояния современных политических партий указываются изменение социальной структуры общества, размывание социальных классов, принадлежность к которым в значительной мере определяла идеологические предпочтения избирателей, следствием чего стало уменьшение членской базы. В попытке компенсировать эти потери партии начали охоту за массовым избирателем, выходя за узкие рамки идеологических ниш. Однако далеко не последнюю роль в трансформации современных политических партий сыграла и практика коалиционных правительств, содействующая ухудшению позиций политических партий, осложняющая их идентификацию для избирателей, примером чему служат коалиционные правительства Германии на протяжении последнего десятилетия.

Об этом свидетельствует эволюция политических партий: возникшие как кадровые организации, стремящиеся к «подготовке выборов, их проведению и сохранению контакта с кандидатами» [1. С.117–118], со середины XIX в. они приобрели статус массовых, стремящихся к вовлечению в политику максимального количества избирателей, при этом активная позиция, жизненный

опыт сторонников партии и этика борьбы привели к идее усиления партийного единства и дисциплины, отсутствовавших в кокусных партиях [2. С. 30].

Со второй половины XX в. на политической арене начали появляться универсальные партии (*catch-all parties*), стремящиеся объединить вокруг себя максимальное количество избирателей с разной классовой, этнической, религиозной принадлежностью. Для них характерны наличие прагматических лидеров национального масштаба, ориентация на государство и финансовую поддержку с его стороны.

Следующими стали партии картельного типа, выделенные и проанализированные Р. Кацем и П. Мейром. По их мнению, такие партии являются результатом симбиоза партий и государства [Там же. С. 28], их члены рассматривают политику как профессиональную деятельность, а в основе партийной конкуренции лежат управленческие способности. В 1970-х гг. на базе общественных движений начали появляться «тематические» партии, отстаивающие расширение гражданских прав, защиту окружающей среды, равенство полов, идею мирного сосуществования государств и другие постмодернистские ценности.

Не последнюю роль в трансформации политических партий сыграли не только социально-экономические изменения – размывание границ между социальными классами, изменение ценностных установок граждан и демографического, этнического состава обществ, развитие информационно-коммуникационных технологий, но и реформы избирательной системы. Хотя между теоретиками продолжаются споры о том, избирательная система определяет тип партийной системы или же сами партии внедряют именно те избирательные правила, что укрепляют их позиции во власти, но в последние десятилетия тенденция к более широкому внедрению пропорциональной системы выборов в различных вариациях очевидна. В отличие от мажоритарной системы, по правилам которой победитель получает все, пропорциональная содействует партийному строительству и нивелирует внутренние конфликты, как убедительно продемонстрировал А. Лейпхарт в своей модели консенсусной демократии. Пропорциональная избирательная система не только позволяет более точно учитывать предпочтения избирателей, мнения которых «теряются» в борьбе за правилами мажоритарной системы, но и актуализирует проблему формирования коалиционного правительства. Ранние исследования этого феномена исходили из математических исчислений, сводившихся к конвертации депутатских мандатов партнеров по коалиции в министерские портфели. Такая связь исследовалась еще Э. Брауном и М. Франклином [3], анализировавшими пропорциональное распределение, выведенное В. Гэмсоном [4]. Актуальность этой формулы подтверждена и недавним исследованием взаимосвязи между размером партии и количеством ее министров в коалиционном правительстве [5].

По мере накопления эмпирического материала становилось все более очевидным, что математические расчеты не всегда способны объяснить стремление участников коалиции получить пост премьер-министра или же конкретные министерства. Ведь партия получила поддержку граждан для реализации своей избирательной программы, для чего необходим контроль над осуществлением государственной политики в определенных сферах с помощью своего представителя в правительстве.

Более того, следует учитывать и идеологические позиции, поскольку пребывание возможных коалиционных партнеров на различных флангах политического спектра сводит к нулю вероятность реализации эффективной государственной политики. Первыми обратили внимание на важность идеологии Э. Браун и К. Фест, разработавшие теорию партийной семьи [6], исходящую из допущения, что некоторые министерские должности имеют для партий большее значение для продвижения своих интересов, а также интересов лояльных групп или же избирателей.

В свою очередь, Я. Бадж и Г. Кемен [7. С. 90] предложили анализировать избирательные программы партий и определять, какие именно сектора государственной политики имеют для них первоочередное значение. Они определили, что в коалиционных правительствах умеренные левые партии (социалистические и социал-демократические) более чем в 80% случаев получают министерства труда, здоровья и социального обеспечения.

В целом можно определить четыре ключевых фактора, влияющих на формирование коалиции (ее состав, длительность переговоров и т.д.): фрагментированность (количество партий, победивших на выборах) и поляризованность парламента (количество мест, полученных центристскими, крайними левыми или правыми партиями), наличие влиятельной оппозиции и продолжительность правительственного кризиса (как долго существует временное правительство). Теоретические рассуждения и практика подтверждают, что больше всего шансов на формирование правительства имеет не столько партия, получившая наибольшее количество голосов, сколько так называемый «срединный законодатель» – партия, находящаяся в центре идеологического спектра, представленного парламентскими партиями.

Другими словами, коалиционные стратегии вынуждают политические партии отказываться от своих все более размытых идеологических установок в обмен на возможность осуществления более или менее эффективной государственной политики, которая в условиях современных демократических систем возможна, как правило, при наличии поддержки парламентского большинства.

Примером эрозии посреднической функции партии как результата коалиционной политики служит Германия, которая с 2005 г. демонстрирует противоестественный альянс консерваторов с социал-демократами, бессменно возглавляемый канцлером А. Меркель. На последних парламентских выборах, проведенных 24 сентября 2017 г., ведущие политические партии страны показали один из худших результатов в послевоенной истории страны: Христианско-демократический союз и Христианско-социальный союз (ХДС / ХСС) получили 246 из 706 мест в Бундестаге, что на 65 меньше, чем в предыдущем составе, Социал-демократическая партия Германии (СДПГ) – 153 (–40), крайне правая Альтернатива для Германии (АдГ) – 94 (+94), Свободные демократы – 80 (+80), Левая – 69 (+5), Союз 90 / Зеленые – 67 (+4). Учитывая невозможность создания союза с крайне правыми партиями, впервые прошедшими в законодательный орган за последние полстолетия, партия А. Меркель имела альтернативу для создания правительства большинства: вступать в переговоры со Свободными демократами и Зелеными (393 мандатов) или же возродить альянс с весьма ослабленными социал-демократами (399 мандатов). 10 ноября опрос общественного мнения зафик-

сировал, что только 45% немцев считают, что коалиция из трех партий – ХДС / ХСС, Свободных демократов и Зеленых – принесет пользу стране, что на 12% меньше, чем месяцем ранее. Тем не менее 68% опрошенных надеялись на формирование трехпартийного правительства. Но будущие партнеры так и не смогли достичь соглашения по климатическим и экологическим вопросам: 14 ноября Зеленые отказались от переговоров вместе со Свободными демократами и ХДС по созданию коалиции из-за отказа последних значительно снизить количество электроэнергии, производимой тепловыми (угольными) электростанциями. 1 декабря экономический совет ХДС предупредил, что возобновление большой коалиции с социал-демократами ослабит позиции обеих партий и усилит позиции крайне правых. Тем не менее формирование правительства меньшинства со Свободными демократами или же старт новой избирательной кампании не устраивали победителя выборов, решившего договориться с левыми. 15 декабря руководство СДПГ единогласно проголосовало за начало предварительных переговоров с консерваторами для создания коалиции.

Предварительное обсуждение началось 7 января 2018 г. по 15 направлениям, которые должны были лечь в основу коалиционного соглашения. Проведенный в середине января газетой Welt am Sonntag опрос общественного мнения зафиксировал, что 52% опрошенных не считают большую коалицию ни хорошей, ни плохой. При этом более 60% сторонников социал-демократов выступали против подобного соглашения, в то время как 67% консерваторов его поддерживали. 22 января конгресс СДПГ 362 голосами «за» и 297 «против» принял решение вступить в официальные переговоры о создании коалиции. Они начались 26 января – через четыре месяца после проведения выборов, когда 18 рабочих групп принялись согласовывать позиции сторон для оформления соглашения. Результатом их работы стал проект коалиционного соглашения [8] на 177 страницах, опубликованный 7 февраля. Соглашение гарантирует сохранение текущего статус-кво и не обещает проведения реформ, в которых нуждается страна. ХДС / ХСС удалось зарезервировать за собой часть бюджетного профицита для выплат на детей, пенсии, инвестиции в инфраструктуру, добиться незначительного уменьшения налогов и ограничить иммиграцию путем воссоединения семей. Социал-демократам удалось запретить кратковременные трудовые соглашения и пересмотр несоответствий между государственным и частным медицинским страхованием. Первый раздел соглашения «Новый старт для Европы», написанный под влиянием СДП, обещает более тесное сотрудничество с Францией в таких сферах, как оборона и миграция, увеличение взносов Германии в бюджет ЕС, усиление полномочий Европарламента и превращение созданного в 2012 г. антикризисного фонда Европейский стабилизационный механизм в постоянный Европейский валютный фонд. Но никаких конкретных предложений о создании банковского союза соглашение не содержит. Да и в общих чертах мало конкретики. Необходимость склонить социал-демократов к партнерству вынудила ХДС пойти на беспрецедентный шаг: они получили влиятельный портфель министерства финансов, что особенно важно для влияния на политику Евросоюза, сохранив за собой министерства иностранных дел и труда. ХДС оставили за собой пост канцлера, министерства экономики, обороны.

Однако это еще не конец затянувшейся «коалициады» в Германии. Коалиционное соглашение будет вынесено на голосование 4 марта 2018 г., в нем могут принять участие почти 460 тыс. членов СДПГ, поддержав его или же отвергнув. Но даже в случае негативных результатов сторонников социал-демократов и провала переговоров о создании большой коалиции А. Меркель готова вновь вернуться к рассмотрению возможности создания правительства меньшинства в соответствии со ст. 63 Конституции ФРГ. Согласно ее положениям, если Бундестаг большинством голосов не проголосует за кандидатуру федерального канцлера, то он в течение следующих четырнадцати дней может избрать федерального канцлера абсолютным большинством своих членов. Если эта попытка окончится неудачей, то незамедлительно проводится новый тур голосования, в котором избранным считается тот, кто получил наибольшее число голосов. Если избранный не получил такого большинства, то Федеральный Президент должен в течение семи дней либо назначить его, либо распустить нижнюю палату парламента.

Таким образом, отсутствие убедительного победителя парламентских выборов, что все чаще встречается во многих странах мира с пропорциональной и смешанной системой выборов, привело к возникновению правительственного кризиса, длящегося уже более четырех месяцев, в одной из наиболее развитых демократических стран. Как свидетельствует пример Германии, логика коалиционных переговоров способствует падению популярности крупных партий, чем непременно воспользуются крайние и популистские партии в случае проведения внеочередных парламентских выборов, дальнейшему отходу вероятных коалиционных партнеров от положений своих избирательных программ в поисках труднодостижимого компромисса и росту неудовлетворенности среди их сторонников. Другими словами, для избирателей все более актуальным становится вопрос представительства своих интересов, не искаженных интересами руководства политических партий и необходимостью идти на компромисс, в том числе и по ключевым вопросам, ради возможности управления государством в рамках коалиционного правительства.

Литература

1. Дюверже М. Политические партии. М. : Академический проект, 2000. 538 с.
2. Кац Р., Мэур П. Изменение моделей партийной организации и партийной демократии: возникновение картельных партий // Политическая наука: политические партии и партийные системы в современном мире. М. : ИНИОН РАН, 2006. С. 27–44.
3. Browne E.C., Franklin M.N. Aspects of coalition payoffs in European parliamentary democracies // American Political Science Review. 1973. Vol. 67. P. 453–469.
4. Gamson W. A theory of coalition formation // American Sociological Review. 1961. Vol. 26. P. 373–382.
5. Bäck H., Meier H.E., Persson T. Party size and portfolio payoffs: a study of the mechanism underlying the proportionality relationship in coalition governments // Journal of Legislative Studies. 2009. Vol. 15. P. 10–34.
6. Browne E.C., Feste K. Qualitative dimensions of coalition payoffs // American Behavioral Scientist. 1975. Vol. 18. P. 530–556.
7. Budge I., Keman H. Parties and democracy: Coalition formation and government functioning in twenty states. Oxford : Oxford University Press, 1990. 243 p.
8. Ein neuer Aufbruch für Europa Eine neue Dynamik für Deutschland Ein neuer Zusammenhalt für unser Land. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD [Electronic resource] : site – Elec-

tronic data. Berlin, 2018. URL: <http://bulgarianpresidency.eu/wp-content/uploads/2018/02/GroKo-Agreement.pdf> (access date: 09.02.2018).

Stellas A. Aslanov, Uzhhorod National University (Uzhgorod, Ukraine).

E-mail: stelas1969@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 44. pp. 199–204.

DOI: 10.17223/1998863X/44/19

COALITION POLITICS AS A FACTOR WEAKENING THE INTERMEDIARY FUNCTION OF POLITICAL PARTIES (THE CASE OF GERMANY)

Keywords: parties; elections; coalition; parliament; government.

Traditional reasons of the current crisis of political parties include changes in the social structure of society: the erosion of social classes that determine the ideological preferences of voters, which results in a decrease in their number. In an attempt to compensate these losses, the parties begin to hunt for a mass voter, going beyond the narrow ideological niche. However, the practice of coalition governments deteriorates the positioning of political parties and complicates their identification for voters. An important role in the transformation of political parties was played not only by social and economic changes – the blurring of borders between social classes, the changes in the values of citizens and the demographic and ethnic composition of societies, the development of information and communication technologies, but also by the reform of the electoral system. Proportional representation elections favour the representation in legislatures of all political and social groups in proportion to their strength in the electorate. At the same time this system leads to the creation of coalition governments, which require some compromises from partners at the expenses of their election promises. Thus, the absence of a convincing winner of the parliamentary elections, which is regular in many countries of the world with proportional and mixed electoral systems, led to a government crisis that lasted for more than four months in one of the most developed democracies. As the example of Germany shows, the logic of coalition negotiations contributes to the decline of the popularity of large parties, which the extreme and populist parties will certainly take advantage of in the event of extraordinary parliamentary elections. The further withdrawal of likely coalition partners from the provisions of their electoral programmes in search of an elusive compromise causes growing dissatisfaction among their supporters.

References

1. Duverge, M. (2000) *Politicheskiye partii* [Political parties]. Translated from French by L.A. Zimina. Moscow: Akademicheskii Proekt.
2. Katz, R. & Meir, P. (2006) *Izmeneniye modeley partiynoy organizatsii i partiynoy demokratii: Vozniknoveniye kartel'nykh partiy* [Changes in the models of party organization and party democracy: The emergence of cartel parties]. *Politicheskaya nauka: Politicheskiye partii i partiynyye sistemy v sovremennom mire*. 1. pp. 27–44.
3. Browne, E.C. & Franklin, M.N. (1973) Aspects of coalition payoffs in European parliamentary democracies. *American Political Science Review*. 67. pp. 453–469. DOI: 10.2307/1958776
4. Gamson, W. (1961) A theory of coalition formation. *American Sociological Review*. 26. pp. 373–382. DOI: 10.2307/2090664
5. Bäck, H., Meier, H.E. & Persson, T. (2009) Party size and portfolio payoffs: A study of the mechanism underlying the proportionality relationship in coalition governments. *Journal of Legislative Studies*. 15. pp. 10–34.
6. Browne, E.C. & Feste, K. (1975) Qualitative dimensions of coalition payoffs. *American Behavioral Scientist*. 18. pp. 530–556. DOI: 10.1177/000276427501800406
7. Budge, I. & Keman, H. (1990) *Parties and democracy: Coalition formation and government functioning in twenty states*. Oxford: Oxford University Press.
8. Bulgarianpresidency.eu. (2018) *Ein neuer Aufbruch für Europa Eine neue Dynamik für Deutschland Ein neuer Zusammenhalt für unser Land. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD* [A new departure for Europe A new dynamic for Germany A new cohesion for our country. Coalition agreement between CDU, CSU and SPD]. [Online] Available from: <http://bulgarianpresidency.eu/wp-content/uploads/2018/02/GroKo-Agreement.pdf>. (Accessed: 9th February 2018).

УДК 32.019.5

DOI: 10.17223/1998863X/44/20

С.В. Володенков

ТЕХНОЛОГИИ BIG DATA В СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ: ЦИФРОВЫЕ ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ

Работа посвящена проблематике применения технологий Big Data в современной политической практике. Автор акцентировал свое внимание на потенциальных вызовах и угрозах, связанных с использованием цифровых массивов информации в процессах общественно-политического развития. Определены ключевые, по мнению автора, вызовы и угрозы, связанные с формированием общества цифрового неравенства, характеризующегося активным применением технологий цифровой манипуляции и пропаганды на основе использования персональных данных.

Ключевые слова: *Big Data, цифровое неравенство, политический контроль, цифровой фрейминг.*

Операционализация проблемы

В современной политической науке феномен Big Data стал одним из актуальных и обсуждаемых специалистами феноменов, связанных с технологическими возможностями повышения эффективности таргетирования целевых аудиторий и осуществления информационно-коммуникационного воздействия на них [1–5]. При этом мы можем констатировать неоднозначность подходов к оценке инструментального потенциала Big Data в сфере современной политики. Во многом это связано с низким уровнем прозрачности тех методов и инструментов, которые используются в реальной политической практике. Тем не менее нам представляется важным и необходимым рассмотреть феномен Big Data применительно к тем возможностям и одновременно вызовам и угрозам, которые могут быть связаны с внедрением технологий работы с большими данными в общественно-политической сфере.

В первую очередь необходимо отметить, что потенциал технологий Big Data основан на обработке и использовании так называемых «цифровых следов» пользователей¹, на базе которых интересантам становится доступна возможность формирования цифровых профилей граждан. Как отмечает М. Косински, вы не можете жить в этом мире, не оставив позади существенного количества электронных следов [6. Р. 28]. Именно на основе анализа подобных цифровых профилей и осуществляется дальнейшая деятельность, направленная на достижение политических интересов субъектов политического управления.

С учетом того, что на сегодняшний день в мире насчитывается более 4 млрд интернет-пользователей, более 3 млрд из которых являются активными пользователями социальных медиа, можно представить тот

---

¹ Цифровые следы могут формироваться не только в Интернете, однако в данной работе мы акцентируем внимание именно на онлайн-пространстве.

объем информации, который доступен для формирования цифровых баз Big Data¹.

Формируемые массивы цифровой информации о поведении, предпочтениях и субъективных характеристиках интернет-пользователей, безусловно, позволяют говорить о существенном потенциале Big Data в аспекте более глубокого понимания учеными и специалистами содержания и специфики общественно-политических процессов, возможностей их оптимизации и повышения эффективности управления ими. Однако насколько при этом технологии Big Data способны формировать именно конструктивный потенциал для общественно-политического развития, каковы вызовы и угрозы, возникающие при имплементации технологий Big Data в процессы политического управления и воздействия на массовое сознание, – данные вопросы остаются открытыми и требуют своего детального изучения со стороны ученых-политологов, особенно учитывая непрозрачность процессов сбора и использования пользовательских данных. На наш взгляд, существует целый спектр угроз и вызовов в сфере использования технологий Big Data, рассмотрение которых уже сегодня представляется весьма актуальной задачей.

Цифровое неравенство и «дата-классы»

Одной из принципиальных проблем использования Big Data, которая представляется ученым актуальной уже сегодня, является проблема цифрового неравенства. Различные участники общественно-политических процессов имеют на сегодняшний день неравномерный доступ к данным. Более того, мы можем говорить и о неравномерности знаний и компетенций в области использования Big Data – большинство собранных данных не находится в открытом доступе и доступно преимущественно лишь определенным акторам процессов политического управления.

Не случайно Л. Манович [7] выделяет в своей работе три ключевых «дата-класса»:

– создатели данных (т.е. те, кто непосредственно генерирует цифровую информацию, цифровые следы). К данному классу мы можем отнести рядовых интернет-пользователей, которые становятся в дальнейшем объектом информационно-коммуникационного воздействия на основе Big Data со стороны представителей других «дата-классов»;

– акторы, обладающие возможностями и компетенциями сбора цифровых данных (в дальнейшем они становятся держателями «цифровых активов», осуществляющими распределение собранных массивов данных на основе собственных интересов);

– акторы, обладающие компетенциями анализа Big Data и имеющие доступ к цифровым массивам (способны использовать прогностический потенциал Big Data, а также формировать проекты и модели манипулятивного и пропагандистского воздействия на представителей первого «дата-класса»). По сути, именно на данном уровне осуществляется превращение массивов Big Data в структурированную Smart Data. Структурирование при этом осуществляется на основе тех целей и задач, которые необходимо достигнуть и

---

¹ Отметим, что в России интернет-аудитория по состоянию на начало 2018 г. насчитывала более 87 млн пользователей старше 16 лет, что позволяет говорить об актуальности проблемы использования технологий Big Data и в нашей стране.

решить в рамках дальнейшего информационно-коммуникационного воздействия.

Очевидно, что возможности доступа к данным Big Data и их использования различны для выделенных трех «дата-классов», что позволяет говорить о появлении новых вызовов в аспекте формирования глобального общества цифрового неравенства. При этом мы позволим себе выделить и четвертый «дата-класс», который представляет собой элитарную группу, способную контролировать остальные «дата-классы» в своих интересах. По сути, представители подобной «Data-кратии» способны использовать имеющиеся у представителей второго «дата-класса» массивы данных по своему усмотрению, используя Big Data для достижения собственных целей при помощи представителей третьего «дата-класса», способных структурировать массивы данных и конвертировать их в Smart Data, на основе которой в дальнейшем достигаются цели представителей четвертого «дата-класса».

«Цифровой паноптикум»

Помимо цифрового неравенства, связанного с неравномерностью распределения, доступности и возможностей использования Big Data, следует выделить и такую угрозу, как формирование полностью контролируемого цифрового пространства, в котором любая активность пользователя становится объектом анализа и составной частью BigData, на основе которой определяется лояльность конкретного пользователя политическому режиму. На сегодняшний день, по нашему мнению, технологические возможности формирования полностью контролируемого цифрового пространства существенно возросли. Поведение граждан в Интернете, их пользовательские реакции на публикации, информационные предпочтения становятся составной частью цифровых массивов данных, которые могут быть эффективно использованы для осуществления тотального контроля за любой личностью. Как демонстрирует современная практика, многие государства проводят активную работу по формированию контролируемых национальных сегментов интернет-пространства. Данная практика, на наш взгляд, в дальнейшем будет не только не прекращена, но и значительно расширена¹.

В рамках данной практики основными акторами могут выступать и выступают не только государственные структуры, но и крупные корпорации. В результате личные устройства пользователей (компьютер, планшет, смартфон) начинают выполнять не столько инструментальную функцию получения информации пользователем, но сами становятся источником данных для формирования цифровых профилей, а в дальнейшем – каналом получения таргетированной информации владельцем устройства, не требуя для этого какого-либо согласия со стороны пользователя [8. Р. 5802–5805].

Личные «умные» устройства становятся инструментом слежения, контроля и генерации информации о пользователе, его активностях и предпочтениях. Пользователь по собственной инициативе приобретает и использует устройства, которые в дальнейшем могут выполнять функцию контроля за

---

¹ Однако, на наш взгляд, успехи в сборе пользовательской информации на данный момент нивелируются весьма слабой методологической и инструментальной базой, которая позволила бы структурировать Big Data в Smart Data для последующего ее эффективного использования в интересах государственных структур.

ним. Как писал Б. Барбер, «новая технология может стать опасным проводником тирании... Более опасной тирании, чем невидимая и мягкая, не существует. Такая тирания, в которой подданные становятся соучастниками своего собственного жертвоприношения и в которой порабощение является результатом не намерений, а обстоятельств» (цит. по: [9. С. 105]).

В одном из своих выступлений экс-директор Google Э. Шмидт привел следующий пример: «Мы не нуждаемся в том, чтобы вы нажимали на все клавиши в вашем компьютере. Мы знаем, где вы находитесь и где вы были. Мы можем узнать в общих чертах, о чем вы думаете... мы знаем все, что вы делаете, и правительство может за вами наблюдать. Мы узнаем, где вы находитесь, в районе 50 см, и мы сократим это расстояние до нескольких сантиметров...» [10]. При этом такого рода контроль может осуществляться не только в рестриктивном режиме, основанном на праве легитимного насилия со стороны государства, но и в «мягком» манипулятивном режиме, подразумевающим использование возможностей выстраивания индивидуальных информационно-коммуникационных потоков для каждой отдельной личности.

«Цифровые ценностно-смысловые капсулы» и цифровой фрейминг

Уже сегодня ученые отмечают тренд, связанный с персонализацией информации, предоставляемой ключевыми интернет-источниками пользователям, и ростом манипулятивного потенциала информационной деятельности [11–13]. По мнению многих специалистов, формирование адаптированной с учетом индивидуальных когнитивных особенностей, ценностных предпочтений, смысловых координат пользователя информации на основе точечного таргетинга позволяет более эффективно осуществлять информационно-коммуникационное воздействие на него. В подобных условиях персонификации информационных потоков, основанной на учете субъективных особенностей пользователей, возможно формирование эффективных, но при этом ограниченных объяснительных моделей социально-политической реальности, которые максимально адаптированы к специфике восприятия объекта информационно-коммуникационного воздействия, его ценностно-смысловому пространству, поведенческим особенностям.

По сути, речь идет о формировании на основе анализа цифровых профилей пользователей персонифицированных моделей потребления цифровой информации (по каким информационным каналам, в какое время, в каких форматах, с какой частотой и т.д. транслируется информация), что приводит в дальнейшем и к формированию индивидуальных «цифровых капсул», в рамках которых пользователь может получать готовые объяснительные модели, адаптированные к его субъективным предпочтениям и ожиданиям, однако являющиеся ограниченными как в аспекте освещения лишь определенного круга событий, явлений и процессов, так и в аспекте их «правильной» интерпретации, содержащей определенные ценностно-смысловые компоненты. Как отмечает А.Ю. Карпова, «в цифровой среде информационный обмен через электронные средства связи позволяет создавать сложные искусственно управляемые операции «навязывания» смыслов, своего рода принудительное заражение «информационной инфекцией» [14. С. 112].

О роли СМИ в подобных процессах писал в своей работе еще М. Паренти, считавший, что массмедиа выступают инструментом отбора и фильтрации информации, которая в дальнейшем используется массами для формирования объяснительных моделей социально-политической реальности и ее оценок [15. С. 216]. Само представление о том, что является проблемой, событием или явлением, их ранжирование по степени значимости также, по мнению Паренти, является результатом информационной работы со стороны масс-медиа. По сути, речь идет о формировании повестки дня первого уровня, а также о формировании «атрибутивной» повестки дня второго уровня, что во многом созвучно работам Д. Шоу и М. Маккомбса.

Однако, как правильно отмечает М.Н. Грачев, «для того чтобы созданный «атрибутивной повесткой» образ действительности, отражающий некоторую новую ситуацию или вносящий существенные коррективы в представления об уже существующей проблеме, вызвал эффект фрейминга, он должен быть соотнесен, если воспользоваться логикой М. Минского, с одним или несколькими зафиксированными в памяти адресата сообщения фреймами, представляющими собой ситуативные шаблоны или сценарии действий, наличие которых обусловлено приобретенными данным адресатом знаниями или практическим опытом» [16. С. 96]. И здесь технологии Big Data могут быть использованы с исключительной эффективностью. На основе анализа цифровых профилей пользователей возникает возможность доступа к их индивидуальным фреймам, с учетом которых создается достоверная и непротиворечиво принимаемая пользователем объяснительная модель социально-политической реальности.

По сути, речь идет о создании цифровых фреймов и, как следствие, «цифровых ценностно-смысловых капсул», в которых получаемая информация строго ограничена по освещаемым темам и событиям, проранжирована по степени значимости, проинтерпретирована необходимым образом с имплементацией «правильных» ценностей и смыслов, и все это осуществлено на основе личных стереотипов и паттернов пользователя с учетом субъективных особенностей восприятия информации конкретным индивидом.

Исходя из этого, мы можем предположить, что при использовании цифровых профилей возможности осуществления манипуляционного и пропагандистского воздействия на пользователей существенно возрастают. Информация становится более достоверной, непротиворечивой, минуя барьеры критического восприятия транслируемого контента. Сам пользователь при этом устраняется от необходимости поиска информации, так как он получает готовые и адаптированные объяснительные модели действительности, формирующие цифровой каркас его субъективной реальности. В качестве иллюстрации вновь приведем слова из выступления экс-директора Google Э. Шмидта: «Мне кажется, что большинство людей не хочет, чтобы Google отвечал на их вопросы, а им хочется, чтобы он указал им, что они должны делать... Вы никогда не бываете одни, и вам не скучно...» [10].

Таким образом, мы можем заключить, что цифровые массивы пользовательских данных могут активно применяться (и уже применяются) для влияния на разнообразные аспекты жизнедеятельности как индивидуальных пользователей, так и групп людей, структурированных по различным признакам. При этом сфера общественно-политических отношений в данном случае не является исключением.

Выводы

Подводя итоги, следует констатировать, что на сегодняшний день существует значительное число вызовов и угроз в сфере общественно-политического развития, связанных с применением технологий Big Data. Безусловно, в рамках одной статьи невозможно описать их все. Так, например, существуют также вызовы и угрозы, связанные с трендом на анонимизацию Интернета как реакцией со стороны онлайн-пользователей на попытку «приватизации» персональных данных, использованием Big Data для вмешательства в общественно-политические процессы стран-«мишеней» со стороны технологически развитых государств, применением технологий Big Data со стороны негосударственных террористических формирований, а также целый ряд проблем, связанных с этическим аспектом обеспечения приватности частной жизни пользователей. В рамках данной работы мы попытались описать лишь основные из них, требующие пристального внимания со стороны специалистов-политологов.

Отметим, что, по нашему мнению, несомненно, существует значительный спектр инструментальных возможностей использования технологий Big Data для обеспечения конструктивного и эффективного общественно-политического развития в современных государствах. Во многом основные векторы применения современных технологий работы с цифровыми массивами данных будут определяться в процессах реальной политической практики, в рамках которой баланс интересов различных акторов общественно-политических процессов может быть смещен в ту или иную сторону. Однако уже сегодня следует обратить внимание ученых-политологов на возможные сложности, связанные с внедрением в повседневную политическую практику «умных» технологий, способных сформировать отрицательный потенциал в аспекте общественно-политического развития, что мы и попытались сделать в данной работе.

Литература

1. Соловей В.Д. Цифровая мифология и избирательная кампания Дональда Трампа // Полит. 2017. № 5. С. 122–132. DOI: 10.17976/jpps/2017.05.09.
2. Одищов А.В. Социология общественного мнения и вызов Big Data // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 3. С. 30–43. DOI: 10.14515/monitoring.2017.3.04.
3. Bolsover G., Howard P. Computational Propaganda and Political Big Data: Moving Toward a More Critical Research Agenda // Big Data. 2017. Vol. 5, № 4. P. 273–276. DOI: 10.1089/big.2017.29024.cpr.
4. Журавлева Е.Ю. Современная социология в сетевой цифровой среде: от вычислительных и электронных социальных наук к цифровым социальным исследованиям // Социс. 2015. № 8. С. 25–34.
5. Bakardijeva M. Do Clouds Have Politics? Collective Actors in Social Media Land // Information, Communication & Society. 2015. Vol. 18, № 8. P. 983–990. DOI: 10.1080/1369118X.2015.1043320.
6. Kosinski M., Matz S. C., Gosling S.D., Popov V., Stillwell D. Facebook as a research tool for the social sciences: opportunities, challenges, ethical considerations, and practical guideline // American Psychologist. 2015. Vol. 70, № 6. P. 543–556. DOI: 10.1037/a0039210.
7. Manovich L. The Science of Culture? Social Computing, Digital Humanities and Cultural Analytics [Electronic resource] // Manovich : site: Electronic data. 2015. URL: http://manovich.net/content/04-projects/088-cultural-analytics-social-computing/cultural_analytics_article_final.pdf (access date: 23.04.2018).

8. Kosinski M., Stillwell D., Graepel Th. Private traits and attributes are predictable from digital records of human behavior // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2013. Vol. 110, № 15. P. 5802–5805.

9. Вершинин М.С. Политическая коммуникация в информационном обществе : перспективные направления исследований // Актуальные проблемы теории коммуникации : сб. науч. тр. СПб. : Изд-во СПбГПУ, 2004. С. 98–107.

10. Watson P.J., Jones A. Google-Berg: Global Elite Transforms Itself For Technocratic Revolution [Electronic resource] // Infowars.com : site. Electronic data. 2013. URL: <http://www.infowars.com/google-berg-global-elite-transforms-itself-for-technocratic-revolution/> (access date: 23.04.2018).

11. Дружинин А.М. От диалога к манипуляции: критический анализ современных медиа-практик [Электронный ресурс] // Философская мысль. 2017. № 1. С. 1–16. Электрон. версия печат. публ. URL: <https://doi.org/10.7256/2409-8728.2017.1.18534> (access date: 23.04.2018).

12. Черникова В.Е. Манипуляция массовым сознанием как феномен информационного общества // Теория и практика общественного развития. 2015. № 3. С. 141–144.

13. Gourley S. Get ready for the robot propaganda machine [Electronic resource] // WIRED : site Electronic data. 2015. URL: <http://www.wired.co.uk/article/robot-propaganda> (access date: 25.06.2017).

14. Карпова А.Ю. Маркеры и эффекты информационной аномии в политической коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 40. С. 112–121. DOI: 10.17223/1998863X/40/11.

15. Паренти М. Демократия для немногих. М.: Прогресс, 1990. 504 с.

16. Грачев М.Н. О соотношении концепций установления повестки дня и фрейминга // Век информации. 2018. Т. 2, № 2. С. 94–96.

Sergey V. Volodenkov, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: s.v.cyber@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 44. pp. 205–212.

DOI: 10.17223/1998863X/44/20

BIG DATA TECHNOLOGIES IN CONTEMPORARY POLITICAL PROCESSES: DIGITAL CHALLENGES AND THREATS

Keywords: Big Data; digital inequality; political control; digital framing.

In the conditions of active introduction of a wide range of digital technologies, including Big Data technologies, into the space of contemporary politics, the technological potential is formed, acting as a powerful factor of influence on traditional political processes. In this regard, the aim of the work is to analyse this potential, as well as to identify the potential risks, threats and challenges associated with the application of Big Data technologies in contemporary politics. Using the scenario approach, key challenges and threats are highlighted in the article, such as digital inequality and the emergence of data-classes that have different capabilities for accessing and using digital arrays of data. Another threat is the formation of technological regimes capable of performing total digital control over citizens through the using of individual digital traces. At the same time, not only state structures but also global corporations can be interested in creating such regimes. Also, the work identifies such a significant threat as the formation of personal digital frames and value-semantic capsules that have the ability, based on the subjective features of the perception of individuals, to limit ideas about the socio-political reality of citizens, cutting them off from reality. When implementing such a scenario, individuals will receive only ready-made explanatory models adapted to their subjective preferences and expectations but limited both in the aspect of illuminating only a specific range of events, phenomena and processes and in the aspect of their “correct” interpretation containing specific value-semantic components. Based on the results of the study, it is concluded that Big Data technologies have both constructive and negative potential in terms of influencing the processes of social and political development. At the same time, the primary vectors of application of contemporary technologies for working with digital data sets as well as the balance of interests of various actors of socio-political processes will be formed in real political practice.

References

1. Solovey, v.d. (2017) Digital mythology and Donald Trump electoral campaign. *Polis – Polis. Political Studies*. 5. pp. 122–132. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2017.05.09.

2. Odintsov, A.V. (2017) Sociology of public opinion and the big data challenge. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny*. 3. pp. 30–43. (In Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2017.3.04.
3. Bolsover, G. & Howard, P. (2017) Computational Propaganda and Political Big Data: Moving Toward a More Critical Research Agenda. *Big Data*. 5(4). pp. 273–276. DOI: 10.1089/big.2017.29024.cpr.
4. Zhuravleva, Ye.Yu. (2015) Sociology in digital environment: towards digital social research. *Sotsis – Sociological Studies*. 8. pp. 25–34. (In Russian).
5. Bakardijeva, M. (2015) Do Clouds Have Politics? Collective Actors in Social Media Land. *Information, Communication & Society*. 18(8). pp. 983–990. DOI: 10.1080/1369118X.2015.1043320.
6. Kosinski, M., Matz, S. C., Gosling, S.D., Popov, V. & Stillwell, D. (2015) Facebook as a research tool for the social sciences: opportunities, challenges, ethical considerations, and practical guideline. *American Psychologist*. 70(6). pp. 543–556. DOI: 10.1037/a0039210.
7. Manovich, L. (2015) *The Science of Culture? Social Computing, Digital Humanities and Cultural Analytics*. [Online] Available from: http://manovich.net/content/04-projects/088-cultural-analytics-social-computing/cultural_analytics_article_final.pdf. (Accessed: 23rd April 2018).
8. Kosinski, M., Stillwell, D. & Graepel, Th. (2013) Private traits and attributes are predictable from digital records of human behavior. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 110(15). pp. 5802–5805. DOI: 10.1073/pnas.1218772110
9. Vershinin, M.S. (2004) Politicheskaya kommunikatsiya v informatsionnom obshchestve: perspektivnyye napravleniya issledovaniy [Political communication in the information society: Prospective directions of research]. In: Akimova, O.V. et al. *Aktual'nyye problemy teorii kommunikatsii* [Topical problems of the theory of communication]. St. Petersburg: St. Petersburg State Polytechnic University. pp. 98–107.
10. Watson, P.J. & Jones, A. (2013) *Google-Berg: Global Elite Transforms Itself For Technocratic Revolution*. [Online] Available from: <http://www.infowars.com/google-berg-global-elite-transforms-itself-for-technocratic-revolution/>. (Accessed: 23rd April 2018).
11. Druzhinin, A.M. (2017) Ot dialoga k manipulyatsii: kriticheskiy analiz sovremennykh media-praktik [From dialogue to manipulation: A critical analysis of modern media practices]. *Filosofskaya mysl'*. 1. pp. 1–16. DOI: 10.7256/2409-8728.2017.1.18534. (Accessed: 23rd April 2018).
12. Chernikova, V.E. (2015) Manipulation of mass consciousness as a phenomenon of the information society. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 3. pp. 141–144. (In Russian).
13. Gourley, S. (2015) *Get ready for the robot propaganda machine*. [Online] Available from: <http://www.wired.co.uk/article/robot-propaganda>. (Accessed: 25th June 2017).
14. Karpova, A.Yu. (2017) Markers and the effects of information anomie in political communication. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 40. pp. 112–121. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863KH/40/11
15. Parenti, M. (1990) *Demokratiya dlya nemnogikh* [Democracy for the Few]. Translated from English by A. Obukhov. Moscow: Progress.
16. Grachev, M.N. (2018) O sootnoshenii kontseptsiy ustanovleniya povestki dnya i freyminga [On the relationship between the concepts of setting the agenda and framing]. *Vek informatsii*. 2(2). pp. 94–96.

УДК 32+33

DOI: 10.17223/1998863X/44/21

И.Ф. Игнатьева, Б.А. Исаев

ГЕОЭКОНОМИКА КАК СТРУКТУРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ГЕОПОЛИТИКИ

Рассматривается место геоэкономики в структуре геополитического знания. Геоэкономика характеризуется как субдисциплина геополитики, содержанием которой являются изучение геополитических доктрин и действий государств и других субъектов геополитики под экономическим углом зрения, исследование геоэкономических процессов, экономических отношений мира и геоэкономического статуса держав. Выявляется структура геоэкономики как субдисциплины геополитики, определяются ее теоретическая и эмпирическая составляющие, показана роль геоэкономики в обосновании глобальных стратегий и стратегий долгосрочного национального развития.

Ключевые слова: геоэкономика, геополитика, статические и динамические подструктуры, геоэкономическая картина мира.

Структура современной геополитики и место геоэкономики в ней

Геополитика – одна из дисциплин политологии. Она занимает в науке о политике важное место и своим предметом считает исследование детерминации политики географией, зависимости силы и влияния государств от их расположения на поверхности Земли, а также все многообразие взаимоотношений государств: политических, экономических, торговых, дипломатических, военно-стратегических, культурных, – и создающееся при этом соотношение сил на мировой арене – структуру мира.

Если классическая геополитика (XIX – начало XX в.) признавала раздел мира исключительно по государственным границам (метрополий, колоний, полуколоний, независимых стран – Э. Обст), то современная геополитика делит мир еще и на зоны и потоки влияния: капиталов, товаров, рабочей силы, мигрантов, туристов, спортсменов и т.д.

Если классическая, «старая» геополитика исследовала только детерминацию политики географическим положением государств (Р. Челлен), то современная, «новая» геополитика изучает также влияние исторического процесса, экономического развития, этнической, конфессиональной и национальной идентичности, социально-политических и иных конфликтов.

Если «старая» геополитика изучала соотношение сил государств в трех сферах: геосфере, гидросфере и атмосфере (Ф. Ратцель), то «новая» геополитика прибавила к этим сферам еще подводную среду, космос и виртуальную сферу Интернета. Более того, в последнее время мы стали свидетелями образования таких субсфер геополитики, как экономическая (производственно-экономическая), финансовая (валютно-финансовая), культурная (со своими субсферами киноискусства, театра, живописи, балета, моды и т.д.), в которых она также изучает изменение влияния государств, раздел и передел мира между державами. Сегодня можно констатировать, что во всех этих сферах,

субсферах и субсубсферах усиливается борьба за повышение геополитического статуса государств, за влияние, лидерство и доминирование, за изменение структуры сферы и мира в целом.

Если «старая» геополитика своей предметной областью считала государства, точнее, наиболее влиятельные государства – державы, то «новая геополитика» исследует также влияние союзов государств, транснациональных корпораций, всемирных организаций, всех современных субъектов глобальной политики. Отсюда следует, что структура самой геополитической науки сегодня подвергается существенным переменам.

По областям геополитического знания современную геополитику можно подразделить на следующие составные части:

– геоисторию (геохронополитику), изучающую геополитические построения ученых и действия государств в далеком или не слишком отдаленном прошлом либо исторические изменения структуры мира;

– геоэкономику, изучающую геополитические доктрины и действия под экономическим углом зрения, ставящую в основу разделения (объединения) мира экономические отношения и экономический статус держав;

– геоэтнополитику, исследующую геополитику как взаимодействие различных этносов, их расселение на поверхности Земли и их миграции;

– геоконфессиологию, разделяющую мир на регионы, в которых доминирует та или иная религиозная доктрина, объясняющую все виды взаимодействия между государствами (сотрудничество, интеграция, конфликты, войны и т.д.) в первую очередь через конфессиональный фактор;

– геоконфликтологию, ставящую во главу угла конфликтологическую составляющую политики, разделяющую мир по конфликтным зонам, по возможности (или невозможности) урегулирования международных конфликтов;

– геофутурологию, занимающуюся предсказанием тех или иных сценариев, ситуаций, теоретически обоснованных гипотез по реструктуризации мира [1. С. 250–257].

Очевидно, вскоре могут появиться или уже сегодня появляются и другие подструктуры геополитики. Среди всех этих подструктур следует особо выделить экономику, точнее, геоэкономику – субдисциплину геополитики, занимающуюся изучением экономической составляющей влияния держав в мире, его разделением на сферы влияния, столкновений экономических интересов государств на мировой арене, зависимости геополитического статуса и экономического положения держав, – в общем, разделом и переделом политико-экономической структуры мира.

В качестве структурного элемента геополитики геоэкономик занимается исследованием глобального рынка, трансграничного экономического пространства, развития и взаимодействия экономик разных стран, исходя из их географического расположения и влияния международных факторов. Она выступает в роли территориально-организационного инструмента создания геоэкономической стратегии государства, определяющей место страны в рамках глобального геоэкономического пространства.

Структура самой геоэкономики, как и структура политической науки, включает статические и динамические подструктуры [2. С. 7]. К статике геоэкономики следует отнести:

- производственно-экономический раздел мира между наиболее влиятельными державами;
- финансово-экономический раздел мира на зоны преимущественного влияния доллара, евро, формирующуюся зону юаня, зоны национальных валют;
- сырьевой и производственный раздел мира между добывающими и потребляющими сырье странами;
- энергетический раздел мира между энергопоставляющими и энергопотребляющими странами;
- раздел мира между державами-производителями и странами-потребителями вооружений и военной техники;
- раздел мира между странами-производителями сельскохозяйственной продукции и странами-потребителями продуктов;
- раздел мира между странами с благоприятным климатом и развитой инфраструктурой туризма [3. С. 136–153], преимущественно принимающими туристов, и странами, преимущественно направляющими туристические потоки.

К динамике геоэкономики относятся все мировые экономические процессы, вносящие изменения в геоэкономическую структуру мира, в том числе:

- потоки товаров;
- потоки рабочей силы;
- финансовые потоки;
- потоки туристов [4. С. 111–115];
- потоки спортсменов и их болельщиков и т.д.

Если говорить о месте геоэкономики в структуре наук и соотношении геополитики и геоэкономики, то отметим, что геоэкономика сегодня выступает как субдисциплина геополитики и занимает место на стыке политических и экономических наук.

Основные подходы и трактовки содержания субдисциплины геоэкономики

Геоэкономика выступает одним из наиболее важных структурных элементов геополитики. Однако ее сущность определяется не только этим. Геоэкономика занимает особое место среди современных научных направлений, таких как экономика, политология, география, история и пр. К геоэкономике можно подойти с разных позиций.

Во-первых, со стороны экономической науки геоэкономике рассматривают как раздел экономики, как метод исследования экономических процессов [5. С. 4]. При этом в рамках самой экономической науки нет единства мнений по поводу места геоэкономики.

Во-вторых, геоэкономике можно рассматривать как раздел географической науки, т.е. как географическую субдисциплину, имеющую своим предметом изучение особенностей формирования транснациональных экономических гео-систем, пространственных (географических) факторов международного значения [6. С. 4].

В-третьих, к геоэкономике можно подойти через политическую экономию, изучающую глобальные и региональные политико-экономические модели развития, взаимоотношения государств и экономических союзов стран, политэкономическую структуру мира.

В-четвертых, геоэкономика есть объединение, определенный синтез географических, экономических и политических подходов и стратегий. Политические и экономические процессы идут не только в едином геопространстве, но и объединены во времени. Это дает возможность современным географам и экономистам применить полевой подход в своих исследованиях, заключающийся в построении геоэкономических полей влияния, которые не всегда совпадают с границами государства. Это означает, что субъекты геоэкономики не только существуют в едином пространстве-времени, но и образуют определенные поля влияния, взаимодействуют с полями других субъектов, усиливая или ослабляя друг друга.

В-пятых, как упоминалось выше, геоэкономика является структурным элементом геополитической науки. Впрочем, некоторые исследователи позиционируют геоэкономiku как особую научную дисциплину. В отдельных случаях термин «геоэкономика» заменяется другими близкими понятиями. Так, Г.Д. Гловели предлагает использовать термин «геополитическая экономия» [5. С. 6]. Э.Г. Кочетов связывает геоэкономiku с глобалистикой [7].

Зарождение и краткая история геоэкономики

Фиксация связи экономики с политикой, историей, географией, национальной культурой встречается у многих ученых XIX–XX вв. Такие подходы предлагали Фернан Бродель, Иммануил Валлерстайн, Фриц Рериг, Фридрих Лист. Само понятие геоэкономики было введено французским историком Ф. Броделем. Как исследователь цивилизаций Бродель изучает «большие временные длительности». «Широко используя экономическую статистику и ретроспективную географию, Бродель создает широкую историческую панораму „бессобытийной истории“, в которой в качестве событий фиксируются не локальные явления политики, а обнаруженные историком „аномалии“ естественного течения исторической жизни общества» [8]. Он создает оригинальную исследовательскую модель, рассматривая «структуры повседневности», которые не изменяются в течение длительного времени и являются материальными условиями существования государства в данной географической и социальной среде. Такой подход делает Броделя геополитиком и геоэкономистом.

Геоэкономические термины и аргументы использовались также российскими авторами. В начале XX в. в России различные аспекты глобальных экономико-геополитических концепций развивались в марксистской политэкономии, теории циклов Н.Д. Кондратьева, тектологической концепции мирового хозяйства А.А. Богданова, теориях евразийцев, В.П. Семенова-Тян-Шанского, Н.П. Огановского. Основные идеи российской геоэкономики сложились в первой трети XX в. В это время вошли в оборот такие понятия экономической и геополитической динамики, как системы международного господства финансового капитала, большие циклы конъюнктуры, евразийское место-развитие и др.

Современные взгляды на геоэкономiku

Геоэкономика как понятие, объединяющее геополитику и экономiku, стала активно использоваться и оформляться относительно недавно, в 1980-е – 1990-е гг. Ее сторонники сделали попытку увязать в единый комплекс про-

блемы мировой экономики, экономической географии, экономической истории, политологии, конфликтологии.

Основоположником современного этапа геоэкономики в США считается Эдвард Люттвак – известный американский историк и геополитик, специалист по вопросам государственных переворотов и военных конфликтов. Люттвак противопоставляет геополитику геоэкономике как политике, основанной на экономическом состязании. С его точки зрения, поведение ведущих держав сегодня осуществляется как воплощение «логики конфликта в грамматике торговли». Геоэкономика требует разработки приемов экономической обороны и наступления. Геополитическая угроза, необходимая для сплочения нации, становится угрозой экономической. Особенно ярко эти установки и это поведение просматриваются в современной внешней политике США под руководством президента Трампа.

В Европе в 1980-е гг. сторонником геоэкономической концепции выступал французский политик и экономист Жак Аттали, представитель неомондиалистского подхода. Жак Аттали констатирует отмену геополитического дуализма, воцарение единого мира, структурированного на принципах «геоэкономики». В качестве основных центров мира выделяются американское экономическое пространство, европейское пространство и тихоокеанский регион. «Между этими тремя мондиалистскими пространствами, по мнению Аттали, не будет существовать никаких особых различий или противоречий, так как и экономический, и идеологический тип будет во всех случаях строго тождественным. Единственной разницей будет чисто географическое месторасположение наиболее развитых центров, которые будут концентрически структурировать вокруг себя менее развитые регионы, расположенные в пространственной близости. Такая концентрическая переструктуризация сможет осуществиться только в „конце истории“ или, в иных терминах, при отмене традиционных реальностей, диктуемых геополитикой» [9].

Геоэкономическая логика и неомондиализм, означающие отсутствие противоположного атлантизму полюса, стали возможны после распада СССР. «Неомондиализм не является прямым продолжением мондиализма исторического, который изначально предполагал присутствие в конечной модели левых, социалистических элементов. Это промежуточный вариант между собственно мондиализмом и атлантизмом» [Там же].

Как особое научное направление глобального охвата геоэкономика связана с современными междисциплинарными подходами – мир-системным анализом, геочивилизационным моделированием, геоциклическим подходом и т.д. «Активизация в конце XX в. анализа длинноволновой экономической динамики и обращение все более широких кругов исследователей к мир-системному подходу привели к возникновению новой цивилизационной парадигмы, в которой центральное внимание уделяется длительным циклам глобальной гегемонии (И. Валлерстайн, Дж. Арриги, Дж. Модельски, У. Томпсон и др.)» [5. С. 5].

Геоэкономика как наука и существенная часть геополитики глубоко укоренилась в российском научном дискурсе. А.И. Неклесса определяет ее как «географический императив, выражающийся в органичной связи экономики и пространства, во влиянии климатических и ландшафтных особенностей на формы и закономерности хозяйственной деятельности» [10]. Э.Г. Кочетов

использует понятие «этно-экономические системы». «Суть новейшего вектора мирового развития – вступление мира в эпоху смены геополитических воззрений на геоэкономические. Открылось новое „поле“ договоренностей по реализации общего интереса. Геоэкономический подход (геогенезис) получил глубокое теоретическое и методологическое обоснование. Сформирован новый каркас миропонимания на базе новейших понятий, категорий, смыслов. Среди них такие геоэкономические атрибуты, как геоэкономическое пространство, пульсирующие экономические границы, геофинансы, эволюция товарных форм и субъектов мирохозяйственного общения, „рынок среды“, стратегический эффект, блуждающие интернационализированные воспроизводственные ядра (циклы), „страны-системы“, опрокинутые „вовне“ и „вовнутрь“, мировой доход, геоэкономический атлас мира, геологистика, объемные интерпретации геоэкономических ситуаций, высокие геоэкономические технологии, геоэкономические войны, геоэкономическая контрибуция, геоэкономический трибунал, неэкономика и этноэкономическая транснационализация и др.» [7].

Идеи и теории, категории и терминология геоэкономики используются российскими авторами не только в научных статьях и монографиях, но и в официальных документах при обосновании стратегий долгосрочного национального развития.

Геоэкономические стратегии ООН и национальных государств

Как наука геоэкономика имеет теоретическую и эмпирическую составляющие. Теоретическая геоэкономика изучает действие геополитических и экономических закономерностей, создает собственные теории и подходы, исследует многовариантность глобального экономического развития. Как пример теоретической геоэкономики приведем модель гексагонального геоэкономического универсума как концептуальной основы глобальной экономики, обоснованную российским геоэкономистом А.И. Неклессой.

Прикладная геоэкономика больше внимания уделяет решению практических задач, изучению конкретных проявлений геоэкономических концепций и теорий, определению точных значений, например геополитических статусов государств, показателей их ВВП, начертанию конкретных границ их геоэкономического влияния, результатов действия их геоэкономической стратегии.

Геоэкономическая картина мира может быть построена на основе множества критериев, которые предоставляются специальными организациями. В качестве таких критериев существуют различные рейтинги и классификации стран. Приведем некоторые из них. Наиболее известная классификация стран по уровню социально-экономического развития предлагается Организацией Объединенных Наций по следующим критериям: показатели уровня экономического развития (ВВП / ВНД на душу населения, отраслевая структура национальной экономики, производство основных видов продукции на душу населения, показатели качества жизни населения, показатели экономической эффективности); тип экономического роста (экстенсивный, интенсивный, наукоемкий); уровень и характер внешнеэкономических связей (определяется степенью открытости экономики); величина экономического потенциала страны.

Исходя из этих критериев, ООН выделяет следующие группы государств: развитые страны, развивающиеся страны, страны с переходной экономикой, которые составляют разные миры на геоэкономической карте мира. Кроме того, эти показатели определяют геополитический и геоэкономический статусы каждого государства и геоэкономическую картину мира в целом, состоящую из геоэкономических статусов государств.

Важной задачей прикладной геоэкономики стало формирование глобальных и национальных геоэкономических стратегий. Формирование глобальной стратегии развития – сложная комплексная задача, решаемая многими структурами ООН и утверждаемая, как правило, представителями всех государств-членов ООН на Генеральной Ассамблее. В настоящее время не существует глобальной стратегии геоэкономического развития. Ведущую роль в развитии всех наций мира сегодня играет Стратегия устойчивого развития, принятая на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г. Эта стратегия не является только геоэкономической программой ООН, более того, геоэкономике в ней отведено довольно скромное место после социальной справедливости, заключающейся в преодолении экономического разрыва и неравенства условий для существования народов стран севера и юга планеты и ухудшающейся экологии, грозящей выживанию всего человечества.

В 2015 г. Генеральной Ассамблеей ООН был принят документ «Преобразуя наш мир: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», который стал вторым этапом Стратегии устойчивого развития. «Повестка 2030» содержит семнадцать социо-эколого-экономических целей устойчивого развития (ЦУР), среди которых выделяются цели по достижению социальной справедливости (ликвидация нищеты, голода, обеспечение здоровой жизни, образования, гендерного равенства, работы для всех, сокращение неравенства внутри стран и между странами, построение мирных и открытых обществ) и эколого-экономические цели (обеспечить экономический рост, устойчивое соотношение производства и потребления, доступное для всех водопользование и использование источников энергии, охрану морей и океанов, экосистем суши) [11].

Переход к устойчивому развитию, как его трактуют в ООН, – научно обоснованный процесс, поэтому «Повестка 2030» строится на основе новой «науки по устойчивому развитию» («Science for Sustainable Development»), базирующейся на достижениях ведущих ученых мира – представителей социально-экономических и естественных наук, в том числе геополитики и геоэкономики.

Формирование геоэкономической стратегии государства, как и глобальной геоэкономической стратегии, – многоаспектная, сложная проблема. При создании геоэкономической стратегии государства следует учитывать рекомендации соответствующих структур и документов ООН. При этом надо понимать, что глобальная геоэкономическая стратегия существенно отличается от национальной.

Если конечной целью глобальной стратегии является устойчивое развитие и выравнивание государств (по уровню жизни, социальным критериям, предоставляемым гражданам возможностям развития), то конечной целью геоэкономической стратегии государства выступает повышение его конку-

рентоспособности в борьбе за мировые рынки, расширение влияния на глобальные геоэкономические процессы, за свою геоэкономическую устойчивость.

Роль геоэкономической стратегии в современной России играет Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г., в которой сформулирована цель этого развития, а именно «определение путей и способов обеспечения в долгосрочной перспективе (2008–2020 годы) устойчивого повышения благосостояния российских граждан, национальной безопасности, динамичного развития экономики, укрепления позиций России в мировом сообществе» [12].

В соответствии с этой целью в Концепции определены: «основные направления долгосрочного социально-экономического развития страны с учетом вызовов предстоящего периода; стратегия достижения поставленных целей, включая способы, направления и этапы; формы и механизмы стратегического партнерства государства, бизнеса и общества; цели, целевые индикаторы, приоритеты и основные задачи долгосрочной государственной политики в социальной сфере, в сфере науки и технологий, а также структурных преобразований в экономике; цели и приоритеты внешнеэкономической политики; параметры пространственного развития российской экономики, цели и задачи территориального развития» [12].

Эти цели, приоритеты, основные направления и параметры развития социальной и экономической сферы и играют роль национальной геоэкономической стратегии России на современном этапе, которая, с одной стороны, вписана в глобальную стратегию устойчивого развития ООН, с другой – ставит задачи повышения конкурентоспособности России, геоэкономической устойчивости, расширения ее влияния на глобальные геоэкономические процессы, повышения своего геоэкономического статуса.

Выводы

1. Геоэкономика – это научная дисциплина, изучающая геополитические доктрины и действия государств и других субъектов геополитики под экономическим углом зрения, ставящая в основу разделения (объединения) мира экономические отношения и геоэкономический статус держав, геоэкономические процессы.

2. С точки зрения положения в системе наук геоэкономика может рассматриваться как субдисциплина геополитики, которая сама является субдисциплиной политической науки. Она занимает промежуточное положение между геополитикой и экономикой и активно взаимодействует с другими смежными научными дисциплинами и субдисциплинами. Следует учитывать, что существуют и другие точки зрения на эту проблему.

3. В содержательном плане геоэкономика включает элементы географии, политики и экономики, является пограничной научной дисциплиной, осуществляющей объединение, определенный синтез географических, политических и экономических подходов и стратегий для анализа статической и динамической структуры мира, национальных и глобальных геоэкономических процессов.

4. Структура самой геоэкономики состоит из статики и динамики. К статике геоэкономики следует отнести сырьевой, производственный, в том чис-

ле военно-производственный, товарный, финансовый, энергетический, туристский и другие разделы мира; к динамике – потоки товаров, рабочей силы, финансов, туристов, болельщиков и т.д., протекание геоэкономических конфликтов, товарных, финансовых, сырьевых, энергетических «войн», влияющих на передел геоэкономического мира.

5. Геоэкономика как фиксация связи экономики с политикой, историей, географией, национальной культурой зародилась в трудах Ф. Броделя, И. Валлерстайна, Ф. Рерига, Ф. Листа. В России различные аспекты геоэкономических концепций развивались в марксистской политэкономии, в работах Н.Д. Кондратьева, А.А. Богданова, В.П. Семенова-Тян-Шанского, Н.П. Огановского, теориях евразийцев.

6. Современная геоэкономика как понятие, объединяющее геополитику и экономику, стала активно использоваться относительно недавно, в 1980-е – 1990-е гг. Ее сторонники делают попытку увязать в единый комплекс проблемы мировой экономики, экономической географии, экономической истории, политологии, конфликтологии.

7. Как наука геоэкономика имеет теоретическую и эмпирическую составляющие. Теоретическая геоэкономика изучает действие геополитических и экономических закономерностей, создает собственные теории и подходы, исследует многовариантность глобального экономического развития. Прикладная геоэкономика больше внимания уделяет решению практических задач, изучению конкретных проявлений геоэкономических концепций и теорий, определению точных значений, например, геополитических статусов государств, их ВВП, конкретных границ их геоэкономического влияния, результатов действия их геоэкономической стратегии.

8. Идеи и теории, категории и терминология геоэкономики сегодня активно используются при обосновании глобальных стратегий (в том числе – ООН) и стратегий долгосрочного национального развития.

Литература

1. *Исаев Б.А.* Геополитика : учебник для вузов. СПб. : Питер. 2016. 494 с.
2. *Исаев Б.А.* Политология. СПб. : Питер, 2005. 5-е изд. 173 с. (Краткий курс).
3. *Игнатьева И.Ф.* Туристская деятельность: организация, экономика, политика. СПб. : Д.А.Р.К., 2014. 159 с.
4. *Игнатьева И.Ф.* Пространство потоков: экономический и геополитический анализ туризма // Общество. Среда. Развитие. 2013. № 1 (26). С. 111–115.
5. *Гловели Г.Д.* Геополитическая экономия как традиция российской экономической мысли : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2009. 31 с.
6. *Борисова П.С.* Эстония в европейском геоэкономическом пространстве : автореф. дис. ... канд. геогр. наук. СПб., 2005. 29 с.
7. *Кочетов Э.Г.* Геоэкономическая парадигма (основы высоких геоэкономических технологий по гармонизации мира и новое «поле» для межцивилизационного глобального договора /диалога/) [Электронный ресурс] // Безопасность Евразии. 2006. № 4. С. 560–578. Электрон. версия печат. публ. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-272488.html> (дата обращения: 05.03.2018).
8. *Блюхер Ф.* Фернан Бродель [Электронный ресурс] // Библиотека Якова Кротова : сайт. Электрон. дан. URL: http://www.krotov.info/libr_min/02_b/ro/del_00.htm (дата обращения: 20.01.2018).
9. *Геоэкономика Жака Аттали* [Электронный ресурс] // Дугин А. Основы геополитики. Кн. 1. Электрон. дан. URL: <http://uchebnik-online.com/129/407.html> (дата обращения: 15.01.2018).

10. Неклесса А. Геоэкономика [Электронный ресурс] // Русский архипелаг. Сетевой проект «Русского мира»: сайт. Электрон. дан. URL: <http://www.archipelag.ru/geoeconomics/> (дата обращения: 16.01.2018).

11. *Преобразование* нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года [Электронный ресурс] / Генеральная Ассамблея ООН. Декларация от 25 сентября 2015 г. // Кодекс : электронный фонд правовой и нормативно-технической документации : справ. система. Электрон. дан. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420355765> (дата обращения: 19.01.2018).

12. *Концепция* долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс] : утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р. Электрон. дан. URL: <https://refdb.ru/look/3065050-pall.html> (дата обращения: 20.01.2018).

Irina F. Ignatyeva, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russian Federation).

E-mail: iifed@mail.ru

Boris A. Isaev, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation (St. Petersburg, Russian Federation).

E-mail: isaevboris@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 44. pp. 213–223.

DOI: 10.17223/1998863X/44/21

GEO-ECONOMICS AS A STRUCTURAL ELEMENT OF GEOPOLITICS

Keywords: geo-economics; geopolitics; static and dynamic substructures; geo-economic picture of the world.

Geo-economics is a scientific discipline that studies geopolitical doctrines and actions of states and other geopolitical entities from an economic perspective, which makes economic relations, geo-economic statuses of powers and geo-economic processes the basis for the division (association) of the world. In terms of its position in sciences, geo-economics can be considered as a sub-discipline of geopolitics, which itself is a sub-discipline of political science. It should be borne in mind that there are other views on this problem. In terms of content, geo-economics includes elements of geography, politics and economics, it is a borderline scientific discipline that combines and synthesises geographical, political and economic approaches and strategies for analysing the static and dynamic structure of the world, national and global geo-economic processes. The structure of geo-economics consists of statics and dynamics. The statics of geo-economics includes raw materials, production, including military production, commodity, finance, energy, tourism and other sectors of the world; the dynamics includes flows of goods, labour, finance, tourists, fans, etc. Geo-economics as a fixation of the connection of economics with politics, history, geography and national culture originated in the works of Fernand Braudel, Immanuel Wallerstein, Fritz Roerig, Friedrich Liszt. In Russia, various aspects of geo-economic concepts developed in Marxist political economy, in the works of N.D. Kondratyev, A.A. Bogdanov, V.P. Semenov-Tyan-Shansky, N.P. Oganovsky, in theories of the Eurasians. Modern geo-economics as a concept combining geopolitics and economics has been actively used in the 1980s–1990s, Its proponents attempt to link a wide range of problems of the world economy, economic geography, economic history, political science and conflictology. As a science, geo-economics has theoretical and empirical components. Theoretical geo-economics studies the effect of geopolitical and economic laws, creates its own theories and approaches, explores the multivariance of global economic development. Applied geo-economics pays more attention to solving practical problems, studying specific manifestations of geo-economic concepts and theories, determining exact values, for example, the geopolitical status of states, the values of their GDP, the specific boundaries of their geo-economic influence, the results of their geo-economic strategies. Ideas and theories, categories and terminology of geo-economics are now actively used in substantiating global strategies (including UN) and long-term national development strategies.

References

1. Isayev, B.A. (2016) *Geopolitika* [Geopolitics]. St. Petersburg: Piter.
2. Isayev, B.A. (2005) *Politologiya* [Political Science]. St. Petersburg: Piter.
3. Ignatyeva, I.F. (2014) *Turistskaya deyatel'nost': organizatsiya, ekonomika, politika* [Tourist activity: organization, economics, politics]. St. Petersburg: D.A.R.K.

4. Ignatyeva, I.F. (2013) The space of flows: the economic and geopolitical analysis of tourism. *Obshchestvo. Sreda. Razvitiye – Society. Environment. Development*. 1(26). pp. 111–115. (In Russian).
5. Glouveli, G.D. (2009) *Geopoliticheskaya ekonomiya kak traditsiya rossiyskoy ekonomicheskoy mysli* [Geopolitical economy as a tradition of Russian economic thought]. Abstract of Economics Dr. Diss. Moscow.
6. Borisova, P.S. (2005) *Estoniya v yevropeyskom geokononomicheskom prostranstve* [Estonia in the European geo-economic space]. Abstract of Geography Cand. Diss. St. Petersburg.
7. Kochetov, E.G. (2006) *Geokononomicheskaya paradigma (Osnovy vysokikh geokononomicheskikh tekhnologiy po garmonizatsii mira i novoye "pole" dlya mezhtsivilizatsionnogo global'nogo dogovora /dialoga/)* [Geoeconomic paradigm (Fundamentals of high geoeconomic technologies for harmonizing the world and a new "field" for an intercivilizational global treaty / dialogue)]. *Bezopasnost' Yevrazii*. 4. pp. 560–578. [Online] Available from: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-272488.html>. (Accessed: 5th March 2018).
8. Blucher, F. (n.d.) *Fernan Brodel'* [Fernand Braudel]. [Online] Available from: http://www.krotov.info/libr_min/02_b/ro/del_00.htm. (Accessed: 20th January 2018).
9. Dugin, A. (n.d.) *Osnovy geopolitiki* [The Fundamentals of Geopolitics]. Vol. 1. [Online] Available from: <http://uchebnik-online.com/129/407.html>. (Accessed: 15th January 2018).
10. Neklessa, A. (n.d.) *Geokononomika* [Geoeconomics]. [Online] Available from: <http://www.archipelag.ru/geoeconomics/>. (Accessed: 16th January 2018).
11. The UN General Assembly. (2015) *Preobrazovaniye nashego mira: Povestka dnya v oblasti ustoychivogo razvitiya na period do 2030 goda* [Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development]. Declaration of September 25, 2015. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/420355765>. (Accessed: 19th January 2018).
12. Government of the Russian Federation. (2008) *Kontseptsiya dolgosrochnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2020 goda. Utverzhdena rasporyazheniyem Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 17 noyabrya 2008 g. № 1662-r* [The concept of long-term social and economic development of the Russian Federation for the period until 2020. Approved by the decree of the Government of the Russian Federation of November 17, 2008 No. 1662-r]. [Online] Available from: <https://refdb.ru/look/3065050-pall.html>. (Accessed: 20th January 2018).

УДК: 141.81+141.72

DOI: 10.17223/1998863X/44/22

Б.А. Прокудин

ФЕМИНИСТСКАЯ ПОВЕСТКА ПЕРВОГО РУССКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РОМАНА¹

Предпринимается попытка интерпретировать роман А.И. Герцена «Кто виноват?» в контексте генезиса русского феминизма. В первой части работы – история взаимоотношений Александра Герцена и его жены Натальи в период 1841–1845 гг., когда по итогам семейного кризиса Герценом были сформулированы основные положения русского феминизма, центральным понятием которого станет «деятельность». Во второй части проводится анализ романа «Кто виноват?», написанного в тот же период, в котором Герцен пытался представить в художественной форме основные выводы своей феминистской концепции. В статье отмечается, что «семейная» линия романа стала наиболее востребованной читающей публикой в конце 1850-х – начале 1860 гг., тогда под влиянием появившегося «женского вопроса» феминистские идеи Герцена стали иметь влияние на общественно-политическую повестку.

Ключевые слова: А.И. Герцен, «Кто виноват?», феминизм, русский радикализм, политический роман.

Эпоха политических романов начинается в России в 1845–1846 гг., когда сначала в журнале «Отечественные записки», а потом отдельным изданием был напечатан роман А.И. Герцена «Кто виноват?». Давать названия эпохам – занятие неблагодарное, и все подобные определения грешат приблизительностью и условностью, ведь и до 1845 г. в России были художественные произведения, в которых открыто высказывались политические идеи. Но литературоведы, называя «Кто виноват?» этапным текстом, подчеркивали, что его случай характеризует рождение политических романов «по преимуществу», т.е. появление произведений, где политические (точнее, социально-политические) идеи не служат лишь сугубо художественным задачам автора, уточняют характер героев или обстоятельства времени, но играют самостоятельную роль. Не исполняют функцию декорации, на фоне которой разворачивается человеческая драма, а сами становятся героями драмы. И читатели с появлением таких романов имеют возможность наблюдать не только картину человеческой жизни той или иной исторической эпохи, но и «картину идей»².

Рожденный, по собственному признанию, «для форума» и потерявший возможность полноценной социальной активности, в первой ссылке молодой А.И. Герцен выбрал своей трибуной литературу. Для России первой полови-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00344. The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-311-00344.

² В отечественном литературоведении роману давали разные жанровые определения. В 1930 г. М.М. Бахтин предложил называть «Кто виноват?» *социально-идеологическим* романом. Позже закрепилось другое определение романа, которое мы можем найти в «Большой советской энциклопедии»: «один из первых русских *социально-психологических* романов». В постсоветское время «Кто виноват?» стали уже открыто и без дополнительных слов-приписок называть «*первым политическим* романом».

ны XIX в., когда народ, по выражению П.А. Кропоткина, «был лишен возможности принимать какое-либо активное участие в деле создания институций родной страны» [1. С. 10], подобный выбор выглядит совершенно оправданным, ведь именно художественная литература тогда становилась социально-политической «институцией». Начиная с 1840-х гг. литература была основным способом политического участия граждан в жизни общества. Вторым способом была публицистика и литературная критика. Третьим – философия (см.: [2. С. 129–134]). Исторические причины такого странного, с европейской точки зрения, явления известны: после восстания декабристов самодержавная власть, опасаясь вольнодумства и неблагонадежности, решила опереться на чиновничество, создавая такие государственные формы, которые не предполагали участия других социальных слоев в процессе принятия решений. С этого же времени в России была ужесточена цензура, не допускающая прямых политических высказываний в прессе.

Кроме военной или государственной службы других форм гражданской жизни в России с этого времени не предусматривалось, и здесь пришла литература (см.: [3. С. 536–546; 4]). Она наполнила все пространство социальной пустоты, как дым наполняет пустоту комнаты. Литература стала воспитывать гражданственность больше, чем любые политические тексты. Чем все другое. Литература, критика и философия стали единственными прибежищами общественной мысли, ареной общественной борьбы и, в конце концов, способом изменения жизни к лучшему. Литература создавала образ героя и врага, литература звала вперед, литература определяла нашу социальную и политическую жизнь. Как писал С.А. Венгеров, начиная с 1840-х гг. всякий заметный писатель становился у нас общественным вождем: «Всякий писатель должен идти направо или налево, а писатель, индифферентный к общественным вопросам, не имел ни влияния, ни успеха в соответствующей его таланту степени» [5. С. 27].

Понимая характер общественного запроса, Герцен очень внимательно относился к читательской реакции. «Успех „Малинова“ (часть „Записок одного молодого человека“, напечатанная в августе 1841 г. – *Б.П.*) заставил меня приняться за „Кто виноват?“» [6. С. 8], – признавался Герцен в предисловии к роману. Первая часть нового романа увидела свет в 1845–1846 гг. и сразу оказалась в центре общественного внимания (полностью роман будет напечатан в 1847 г.). Читатели быстро выделили текст Герцена из всего появившегося тогда в русских журналах и много хвалили, да так, что Герцен в декабре 1845 г. признавался, что «не ожидал вовсе такого успеха» [7. С. 248]. «Я начинал тогда входить в моду» [8. С. 115], – напишет он об этом времени в «Былом и думах». Между тем Герцена нельзя было назвать автором-дебютантом. «Дилетантизм в науке», «Письма об изучении природы» были уже напечатаны и пользовались популярностью, однако роман «Кто виноват?» открыл читающей публике Герцена в новом статусе – как автора интеллектуальной прозы.

Роман «Кто виноват?» до конца века оставался, по словам Н.Н. Страхова, наиболее известным русским читателям произведением Герцена (см.: [9. С. 224]), но в разные периоды своего бытования в читательской среде (судя по журнальной критике и отзывам о романе в автодокументальной литературе) различные идеи оказывались востребованными публикой и имели влия-

ние на общественно-политическую повестку. В связи с конкретными историческими событиями менялось не только восприятие проблематики романа, но и социальный состав его читателей. Первоначально роман Герцена имел конкретного адресата, людей «своего круга», образованных дворян, так называемых «представителей передовых убеждений 1840-х годов» (как бы сказали в советское время). Потом, в 1850–1860-е гг., круг читателей расширился, пополнился, например, разночинцами, для которых дворянская проблематика была гораздо менее актуальна. С долей условности можно утверждать, что для первой «группы» наиболее важной была «социально-политическая» линия романа и связанная с ней тема «лишнего человека», с которым могли себя ассоциировать читатели, принадлежащие к кругу Герцена. Надо сказать, что западным исследователям творчества Герцена тема «лишнего человека» в романе «Кто виноват?» всегда казалась наиболее точно соответствующей интеллектуальному контексту эпохи. В книге 2016 г. «Об открытии возможности. Жизнь и мысль Александра Герцена» ученица Исаяи Берлина – Айлин Келли – пишет: «Герцен определяет основную болезнь века как разрыв между теорией и жизнью, но отвергает мнение романтиков, что их отчуждение является признаком принадлежности к духовной элите. До определенной степени в своих затруднениях виноваты сами романтики. Это доминирующая тема романа „Кто виноват?“» [10. Р. 167–168]. Для 1840-х гг. вопрос, заявленный в заглавии романа, будет звучать так: кто виноват, что Бельтов (герой романа) оказался лишним человеком, праздным туристом, не способным найти себе подходящего места в жизни? Для второй «группы» – читателей 1850–1860-х гг. – более важной оказалась «семейная» линия романа, и «главным», по преимуществу, стал вопрос о положении женщины в русском обществе. В данной статье мы обратим внимание на период 1850–1860 гг.

Авторские акценты, а также частое возвращение Герцена к теме трагических любовных конфликтов и семейных драм в конце 1830-х – начале 1840-х гг. (см.: повесть «Елена» (1836–1838), «По поводу одной драмы» (1842–1843), «Дневник 1842–1845» и пр.) убеждают нас в том, что для Герцена в период написания романа «Кто виноват?» «правда семейная» была не менее (а может быть, и более) важна, чем «правда общественная». Причудливым образом получилось, что тема, насущная для «человека передовых убеждений» в начале 1840-х гг., стала частью общественной повестки в 1860-х гг. И это привело к новому всплеску популярности романа. Даже Н.Н. Страхов, мировоззренческий противник Герцена, включивший статьи о нем в сборник под названием «Борьба с Западом в нашей литературе» (1882)¹, не уделил внимания «политической» составляющей романа и в главке, посвященной «Кто виноват?», пересказав сюжет, резюмировал: «Очевидно, случай, взятый Герценом, относится к так называемому „женскому вопросу“» [9. С. 224].

Большинство исследователей время возникновения женского вопроса в России относят к первым пяти годам после окончания Крымской войны. Смерть Николая I и поражение в войне «вскрыли язвы общества». Снятие

¹ В состав работы «Борьба с Западом в нашей литературе» вошли переработанные статьи о Герцене, напечатанные ранее: *Страхов Н.Н.* Литературная деятельность Герцена. Статья первая // *Заря*. 1870. № 3; *Страхов Н.Н.* Литературная деятельность Герцена. Статья вторая // *Заря*. 1870. № 4; *Страхов Н.Н.* Литературная деятельность Герцена. Статья третья. Герцен как свободомыслящий человек // *Заря*. 1870. № 12.

цензурных запретов привело к возникновению оживленной дискуссии по большому кругу проблем, касавшихся, прежде всего, путей развития России. Одним из «жгучих вопросов» того времени стал женский вопрос, который первоначально заключался в требовании улучшения женского образования, а позднее «развился во всеобъемлющую антропологическую дискуссию об индивидуальной одаренности и особенной судьбе женщины» [11. С. 55–67]. В начавшуюся эпоху эмансипации роман «Кто виноват?» обрел новую жизнь, хоть и смотрелся уже немного старомодно.

«Семейная» линия романа такова: благородный и умный молодой человек, разночинец Круциферский, встречает молодую девушку Любоньку, такую же умную и чистую, незаконную дочь самодура-помещика. Они влюбляются друг в друга, преодолевают некоторые козни, которые им «подстраивает судьба», и женятся. Наступает семейное счастье, простое и здоровое, которое продолжается несколько лет. У молодых супругов рождается сын, и ничто не мешает им жить, «крепостнические порядки» и «николаевская Россия» не вторгаются в их размеренную жизнь. Ничто не предвещает беды. Но случайно в их уездный город NN приезжает Бельтов (герой романа), молодой холостяк, блестяще образованный дворянин, добрый и порядочный человек. Он знакомится с семьей Круциферских, начинает часто бывать у них в гостях. И вот между Бельтовым и Любой Круциферской «с неудержимой силой и быстротой» возникает взаимное притяжение.

«Лишний человек» Бельтов совсем не такой, как его знаменитые предшественники, Онегин или Печорин. Он никого не убивает от скуки, никого не обманывает. Он честно влюбляется в замужнюю женщину и один раз ее целует. А когда понимает, что ее муж мучается ревностью и семья в опасности, уезжает из города. Вот и все. Жена в горячке, муж начинает пить. Ничего в семье Круциферских, кажется, не произошло, но идиллия сломана. Что будет дальше, мы не знаем: выживет ли Люба, сопьется ли ее муж? Все это остается за рамками повествования. Мы знаем только, что карета Бельтова «прогремела по какому-то мосту» и укатила навечно в Париж. Конец истории. Кто виноват? – Никто. Постановка этого вопроса вообще кажется не очень уместной. Причиной разрушения семьи Круциферских становится не преследование грубого или завистливого общества, не угнетение репрессивного государства. Вину за то, что три человека стали несчастными, кажется, нельзя приписать ни одному из действующих лиц, ни «среде», нравам и законам, по которым они живут. Беда заключается только во взаимных отношениях героев, никто из которых не хотел дурного. Именно к такому выводу нас подводит Герцен. Однако если мы попробуем разобраться, какому из героев сам автор чуть больше симпатизирует, а кого – больше критикует, картина может несколько измениться. Такую операцию для уточнения семейной линии романа предлагал проделать Н.Н. Страхов, и она кажется нам перспективной (см.: [9. С. 226–227]).

Страхов попытался доказать, что в семейном разладе более других, по мнению Герцена, виноват бедный муж, разночинец Круциферский, потому что был слишком предан своей жене, слишком отдался этой любви и сделал ее единственным содержанием своей жизни: «Любовь его росла непрерывно, тем более что ничто не развлекало его; он не мог двух часов провести, не видавши темноглазых глаз своей жены, он трепетал, когда она выходила со

двора и не возвращалась в назначенный час; словом, ясно было видно, что все корни его бытия были в ней» [6. С. 157].

Ответ на вопрос, почему для Герцена, молодого человека двадцати девяти лет от роду, находящегося во владимирской ссылке, из всего многообразия философских, социально-политических и семейно-бытовых тем наиболее интересной показалась тема опасности «всепоглощающей» любви, с которой он решил разобраться в первом своем крупном художественном произведении, мы легко найдем, проследив его идейную эволюцию в начале 1840-х гг.

Роман «Кто виноват?» был написан Герценом в период его мировоззренческого кризиса, когда на смену юношескому идеализму приходил реализм. Причем не только в философии, но и в любви. Американский исследователь Мартин Малиа в своем фундаментальном труде о Герцене недоумевал, «почему радикалы поколения Герцена сделали феминизм своей главной целью», когда не решены были более значимые вопросы, например свободы прессы и свободы слова, гражданских прав, бедности, безграмотности подавляющей части населения? «На фоне отсталого крепостного права, – писал он, – внимание, которое этот вопрос получил в России, кажется просто роскошью» [12. С. 365–366]. Малиа находил этому простое психологическое объяснение: отсутствие возможности реального освобождения страны от «гнета самодержавия», по его мнению, приводило молодых интеллектуалов к тому, что «вопрос абсолютной свободы в личных отношениях приобретал все большее эмоциональное значение» [Там же. С. 366]. Эту идею несколько в другом виде высказывала И.А. Паперно. По ее мнению, в 1840-е гг. «„освобождение женщины“ понималось (представителями радикальной интеллигенции. – *Б.П.*) как свобода в целом, а свобода в личных отношениях (эмоциональное раскрепощение и разрушение устоев традиционного брака) отождествлялась с социальным освобождением человечества» [13. С. 55].

Идеи женской эмансипации действительно стали одной из важных тем социально-политической мысли русского радикализма, неотъемлемой частью самосознания эпохи и, может быть, в наиболее разработанной форме представлены в начале 1860-х гг. (прежде всего, в романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?»), однако, как писал Малиа, «роль Герцена в зарождении этого движения была не менее конструктивной, чем в его поздней защите „социалистической“ крестьянской общины» [12. С. 365].

То есть Герцена вполне можно назвать и автором национальной версии социализма, и родоначальником современного русского феминизма. Но, как и политический идеал, феминизм Герцена являлся отнюдь не плодом кабинетных штудий, он – следствие мировоззренческого кризиса, когда «большие» идеи не выдерживают испытания жизнью. И, может быть, самым простым объяснением, почему тема семьи и брака стала столь важной в творчестве Герцена первой половины 1840-х гг., является то, что именно в это время он сам вступил в брак. Причем, как и его друг Н.П. Огарев, молодой Герцен хотел построить свой брачный союз на новых основаниях, преодолеть все негативные черты «традиционного» брака, который в тот момент представлялся ему синонимом взаимного лицемерия, несвободы и отсутствия любви (подробней см.: [14. С. 250–264; 15. С. 68–85]).

У Герцена была двоюродная сестра Наталья Захарьина, Натали, младше его на пять лет. Как и Герцен, она была незаконнорожденной, воспитывалась

в доме у тетки. Наталья и Александр по-настоящему сдружились во время его тюремного заключения и первой ссылки. Герцену тогда было 22, ей – 17. Они стали писать друг другу длинные письма и почувствовали, что между ними возникла особая связь, духовное родство. Со временем их переписка становилась все теплей и экзальтированной. Наконец, они поняли, что полюбили друг друга, и Герцен решился на романтический поступок: он тайно отправился в Москву, выкрал Наталью, привез во Владимир, где отбывал ссылку, и они обвенчались. Но, к несчастью, семейная жизнь Герценов как-то сразу не заладилась.

Дело в том, что их досвадебная переписка, огромная по объему, была полна специфических религиозных мотивов, христианизированного романтизма (подробней см.: [16. С. 7–413; 17. С. 7–54]). Первая ссылка Герцена сопровождалась религиозными поисками (Александр и Наталья исповедовали тогда внеконфессиональное, «личное христианство»), и любовь, о которой они много говорили в письмах, понималась ими как «любовь небесная», некая высшая сущность, в сравнении с которой все земное не имеет значения. И вот, после периода длительной переписки, началась реальная, вполне земная жизнь двух людей, которую теперь надо было соотносить со всем тем, что они друг другу писали.

И оказалось вдруг, что в небесную любовь Наталья верила сильнее, чем супруг. Тотальная, всепоглощающая любовь, с ее точки зрения, должна была не только оставаться в письмах, но продолжаться в браке, в быту. В «Былом и думах» Герцен описывает свою молодую жену как человека, постоянно нуждающегося в заверениях и «любви безусловной». А Александру была нужна не только любовь, но и деятельность. Возвращение Герцена на землю с «чувствительных» высот происходило постепенно и заняло четыре года, с 1838 по 1842, в которые он постепенно охладевал к религии. За это время он последовательно избавлялся от юношеского романтизма, сентиментализма, а идея сакральной любви наконец сменилась «реализмом» в любви.

Чтобы правильно понять истоки семейной драмы, нужно вспомнить, что Герцен с юных лет воспринимал себя как историческую фигуру, носителя великой миссии. С четырнадцати лет, после казни декабристов, он говорил, что его предназначение – это борьба с рабством и тиранией. Но если так, нужно что-то делать в этом отношении. А что по факту? По факту – из тюрьмы вышел вчерашний студент, который ничего еще не сделал, но уже оказался оторван от московской интеллектуальной среды и насильно посажен работать в провинциальных канцеляриях чиновником. Где-то в Вятке, Владимире. И пока Герцен находится на службе, уходит время. Он переписывается со своей возлюбленной, но уходит время. Он «крадет» ее, но уходит время. Свадьба, медовый месяц, счастье, гармония. Но уходит время.

И вот, после года семейной жизни Герцена начинают все больше занимать литературное творчество, политика, философия, социальная жизнь. То, что он называл «деятельностью». А у Натальи, сделавшей «любовь» центром своей жизни, кроме любви никакой деятельности и не было. Философию и политику она постепенно стала воспринимать как соперниц, страдала от ревности. Ощущала себя брошенной.

В конспекте продолжения (осень 1851) повести «Долг прежде всего» (1847), написанного по итогам семейных сложностей первых лет брака, Гер-

цен так характеризовал отношения своего героя: «Анатолий между тем начинал чувствовать усталость от своей любви, ему было тесно с Ольенькой, ее вечный детский лепет утомлял его. Чувство, нашедшее свой предел, непрочно, бесконечная даль так же нужна любви и дружбе, как изящному виду. Ольенька принадлежала к тем милым, но неглубоким и неразвивающимся натурам, которые, однажды вспыхнув сильным чувством, *готовы*, оседают и уже дальше не идут» [18. С. 298–299]. Как справедливо замечает А.А. Тесля, «здесь, можно с некоторой долей уверенности предположить, содержится и оценка его отношений с женой, Натальей, в чем он сам себе вряд ли признавался до конца» [19. С. 157].

Напряжение между Александром и Натальей переросло в кризис в городе Новгороде, куда Герцена выслали в 1841 г. Там его тоска по свободной деятельности усилилась. И Наталья приняла это на свой счет: если ее любви недостаточно, чтобы спасти мужа от тоски, значит, любовь умерла. «И вот эту-то досаду, этот строптивый крик нетерпения, эту тоску по свободной деятельности, чувство цепей на ногах – Natalie приняла иначе. Часто заставлял я ее у кровати Саши с заплаканными глазами; она уверяла меня, что все это от расстроенных нерв, что лучше этого не замечать, не спрашивать... я верил ей» [20. С. 95].

Надо сказать, что Герцен пытался и для Натальи придумать «деятельность». Он хотел, чтобы его жена стала хозяйкой литературного салона вроде А.П. Елагиной, «центром ученого кружка». Наталья была умна и начитана, но она привыкла жить в уединении и боялась общества, говоря, что «будет скорее смешна в светском салоне, чем интересна» (см.: [21. С. 298]). Надо представить себе детство Натальи, чтобы понять, насколько утопичной была эта задумка. Наталья, незаконнорожденная девочка, росла в изоляции... Двадцать лет человека прятали от людей, а на двадцать первом году предложили возглавить «общество». Она отказалась, сказав, «что не променяет свою тихую семейную жизнь на суетные визиты» (см.: [Там же. С. 298]).

Но все-таки кризис, произошедший в семье Герценов, нельзя свести только к несовпадению в понимании любви. За несколько лет Наталья пережила смерть троих новорожденных детей, что способствовало пересмотру ее взглядов на жизнь. Потихоньку она перестала боготворить мужа, который оказался бессилем перед лицом смерти. Наталья месяцами была больна, в депрессии. А тут еще Герцен изменил ей с горничной и сразу исповедовался жене. Если до этого Наталья страдала от недостатка внимания со стороны мужа, то измена подорвала основы ее маленького мира.

Семейные сцены продолжались с перерывами на протяжении года. Как и Наталья, Герцен погрузился в размышления об их отношениях, которые надолго вытеснили политику и философию из его дневника. Однако постепенно кризис стал сходиться на нет. Наталья в конце 1843 г. родила здорового сына, а через год – дочь. И по внешним признакам гармония в семье была восстановлена.

Но восстановлена уже на новых теоретических основаниях. В 1843 г. Герцен подводит итоги: «Сколько переменилось в эти четыре года, сколько испытаний! Главное цело, все цело: и дружба, и любовь, и преданность общим интересам, – но освещение не то, алый свет юности заменился северным, ясным, но холодным солнцем реального понимания. Чище, совершен-

нолетнее пониманье, но нет нимба, окружавшего все для нас. Период романтизма исчез, тяжелые удары и годы убили его. Мы, не останавливаясь, шли вперед, многого достигли, но юные формы приняли мускулезный и похудевший вид путника усталого, сожженного солнцем, искусившегося всеми тяготами пути, знающего теперь все препятствия и пр. <...> Мне кажется, наступает теперь новая эпоха – успокоения совершеннолетнего и деятельности более развитой» [22. С. 272].

Почему домашний кризис Герцена, его семейная история столь важны для нас? Потому что этот частный случай способствовал развитию на российской почве французских сенсимонистских натуралистических теорий любви, идей эмансипации (подробней см.: [23. Р. 581–696]). После долгих раздумий Герцен понял, что источником их семейных неурядиц явилось отнюдь не иссякание «небесной любви» и даже не разница характеров, но общая неудовлетворенность Натальи жизнью, «постоянное ощущение избыточности задатков ее натуры сравнительно с возможностью их применения» (см.: [24. С. 578]). Разумеется, это психологическое состояние характерно было для многих женщин того времени. Как пишет И.М. Рудая, «именно в 1830–1840-е гг. в русском обществе все глубже и трагичнее осознавалась невозможность проявить то душевное богатство, которым была наделена женщина и которое силой социальных обстоятельств было замкнуто для нее узким кругом домашних забот и обязанностей» (см.: [Там же]). По мысли Герцена, Наталья тоже была рождена для великих свершений, для «деятельности», но в современном ей русском обществе она не имела никаких перспектив. Ведь женщина первой половины XIX в. могла быть женой, матерью – и только. И эта неудовлетворенность Натальи обернулась гипертрофированной потребностью в любви, от которой страдал Герцен. То есть всему виной традиционное общество, которое делает женщин заложницами семьи.

Нужно сказать, что для Герцена авторитарная модель семьи всегда казалась невозможной, а подчинение жены мужу несовместимым с любовью. Идея «естественного» предназначения женщины противоречила самому для него важному – свободе самореализации личности. И если в 1830-е гг. от «ханжества старого мира» он погрузился в идеальный мир немецких романтиков, в особенности в «прекраснодушие» Шиллера с его возвеличиванием женщин, то после разочарования в идеализме он открывает для себя Жорж Санд (подробней см.: [25. С. 71–81; 26. Р. 74]) и формулирует свою позицию гораздо конкретней и жестче (см.: [11. С. 46]).

В «Дневнике 1842–1845» Герцен пишет: «Брак не есть истинный результат любви, а христианский результат ее... В будущую эпоху нет брака, жена освободится от рабства, да и что за слово жена? Женщина до того унижена, что, как животное, называется именем хозяина. Свободное отношение полов, публичное воспитание и организация собственности, нравственность, совесть, а не полиция, общественное мнение определяют подробности отношений» [22. С. 290]. Эта запись датирована 1843 г. А в дневниках, относящихся к следующему году, Герцен добавил: в новом обществе «женщина еще в большей степени будет вовлечена в общественные дела; с помощью образования она нравственно укрепитя и не будет больше односторонне привязана к семье» [Там же. С. 347].

Как писал о «Дневнике» Герцена исследователь женского освободительного движения в России Ричард Стайтс, «в этих высказываниях мы находим все, или почти все, что впоследствии встретим у Маркса, Бебеля и их русских последователей вплоть до 1930-х гг.» [11. С. 49]. Он уверял, что, хоть идеи, высказанные Герценом, получили широкое распространение и разделялись несколькими поколениями русской интеллигенции, «дневниковые записи Герцена ничего не добавили к общественной дискуссии об освобождении женщин» [Там же]. Надо сказать, что ответы на важнейшие вопросы собственной жизни Герцен пытался найти не только в дневнике или публицистических произведениях, но и в художественных текстах, которые писал в то время. И возможно, относительно «Дневника» Стайтс прав, однако в романе «Кто виноват?», который, напомним, писался в промежутке с 1841 по 1846 г., мы можем найти несколько «сугубо русских тем», которыми Герцен обогатил общеевропейский феминизм.

К «легкомысленному» французскому феминизму Герцен прибавил русской серьезности. Французы тогда проповедовали «реабилитацию плоти» (о ней говорил сенсимонист Анфантен, призывавший отбросить старую семейную буржуазную мораль и вспомнить о теле) и «реабилитацию сердца» (к которой призывала Жорж Санд, говоря, что любовь – это священное чувство, которое не может быть ограничено узами брака) (см.: [Там же. С. 42–46]). На фоне этого Герцен предлагал, по сути, «реабилитацию деятельности».

Мартин Малиа высказывал предположение, что в поисках объяснения осложнения отношений с Натальей Герцен пришел к заключению, что их «кризис зрелости» был бы гораздо менее суровым, если бы она стремилась к чему-то большему, нежели просто к удовлетворению «страстей своего сердца» [12. С. 368]. Что «исключительная концентрация» Натальи на «внутренней жизни», семье и любви стала казаться Герцену не только угрозой его собственной «свободной деятельности» и социальной жизни, но в целом препятствием для реализации женщинами «человеческих возможностей».

Склонный к автобиографичности в прозе, Герцен в романе «Кто виноват?», уподобляя художественную жизнь своей, словно перепутал роли. Если молодой интеллектуал дворянин Бельтов, заброшенный в скучный провинциальный город, «списан» с него самого, и это вполне очевидно, то по описаниям слабого характера разночинца Круциферского мы можем предположить, что его строй мыслей был заимствован у Натальи. В логике Герцена, Круциферский более всех виноват в семейной драме именно потому, что слишком предан жене. И дело не в том, что он любит ее больше, чем Бельтов, а в том, что в его сердце нет места ни для чего другого: «Кроткий от природы, он и не думал вступить в борьбу с действительностью, – описывает Герцен Круциферского, – он отступал от ее напора, он просил только оставить его в покое; но явилась любовь, так, как она является в этих организациях: не бешено, не безумно, но на веки веков, но с таким отданием себя, что уж в груди не остается ничего неотданного» [6. С. 157].

Как бы комментируя эту поглощенность любовью, в статье «По поводу одной драмы» Герцен пишет: «Любовь венчает личную жизнь в ее индивидуальном значении; но за исключенною личностью есть великие области, также принадлежащие человеку» [27. С. 67]. То есть помимо маленькой частной

жизни есть большая общественная. И «зрелый» человек призван, прежде всего, для «мира общих интересов, художественной и научной жизни». И женщин это касается прежде всего. Им нужно освобождаться не только от деспотизма мужчин, считал Герцен, не только от деспотизма традиций и гендерных ролей, но, прежде всего, – от «деспотизма чувств». Освободиться и заняться делом.

И вот, чтобы расставить жизненные приоритеты, чтобы сохранить брак, Герцен придумал русскую версию феминизма и решил внедрить ее в голову Натальи, подправив идентичность жены. Он пропагандировал Жорж Санд, у которой помимо «любви» были рецепты социального переустройства мира. И внедрял новую феминистскую модель брака, основанную на равенстве. Намекая, что нужно побыстрее забыть всю эту подростковую «небесную любовь» с романтической символикой. Понять, что муж – не бог, жена – не ангел. Они равные партнеры, считал Герцен, которые должны вместе работать и быть счастливыми, делая большое общественное дело.

И Наталья согласилась принять новую идентичность. Идеи Санд захватили ее. Казалось, что Наталья изменилась, что план Герцена увенчался успехом. Но все пошло кувырком. Герцен перестарался и получил обратный эффект. Вскоре после выезда за границу Герцен и Наталья познакомились с немецким поэтом-романтиком Георгом Гервегом, и стало понятно, что Герцен ошибся в расчетах. Его нарочитая сухость и принуждение жены к реализму в отношениях привели Наталью к тайной мечте о новой романтике. И она влюбилась. «Мечты (о всепоглощающей любви. – *Б.П.*) не оправдались, но они так и остались неизменными – она жила „идеальной любовью“, и когда встретила Георга Гервега, то новый роман во многом попыталась выстроить по модели уже раз пережитого, вплоть до текстуальных совпадений в письмах Александру 1836–1838 годов и письмах Гервегу 1850 года» [19. С. 158].

Книжки Жорж Санд оказали воздействие на Наталью, только не в том ключе, в каком ожидал Герцен. И привели к совершенно непредсказуемому результату. Наталья поняла, что для нее выходом из несбывшейся небесной любви с Александром может быть отнюдь не смерть, как она думала раньше, а обретение новой небесной любви, только с другим человеком.

Горькая ирония этой ситуации состояла в том, что Герцен потратил годы раздумий, чтобы решить семейную проблему, убедить Наталью, что ее неудовлетворенность и заикленность на любви надо лечить деятельностью, дал ей книги, а в этих книгах она нашла отнюдь не руководство к деятельности. По словам И.Л. Савкиной, у Жорж Санд Наталью заинтересовала новая конструкция женственности: «женщины как свободной, самостоятельной личности, имеющей право на собственный, не продиктованный мужчиной и не определяемый социальными законами (предрассудками), выбор и на собственные желания» (см.: [21. С. 301]). И оказалось, что «новая женщина» вполне может вернуться к старому религиозно-сентименталистскому идеалу «небесной любви».

Итогом этого теоретического синтеза стало новое мировоззренческое несовпадение в семье Герценов и новая «драма троих», только если в первом случае это были выдуманные персонажи: Бельтов, Люба и Куруциферский (герои романа «Кто виноват?»), то теперь Александр и Наталья оказались

вовлечены в реальный любовный треугольник. И попытка «строить жизнь по книгам», теперь – по книгам Жорж Санд, привела к трагедии.

Наталья решила «бросить вызов судьбе» и почти ушла от Герцена к Гервегу, но скоро стало понятно, что немецкий поэт больше истерик, чем романтик. Наталья металась между ним и Герценом, не могла сделать окончательный выбор, говорила, что любит обоих. Их семейная жизнь превратилась в ад, и Наталья, слабая болезненная женщина, не выдержала и слегла (ко всему – она находилась не девятом месяце беременности). В 1852 г. она умерла во время родов.

После смерти жены Герцен не возвращался к теме феминизма, для него она казалась исчерпанной. Да и появившийся в 1863 г. роман Чернышевского «Что делать?» по смелости и разработанности вопросов о «деятельности» и женском равноправии сильно заслонил «Кто виноват?». Несмотря на это, роман Герцена продолжал влиять на русских читателей. Максим Горький в начале XX в. писал об огромном значении этого романа «в истории развития русского общества», прежде всего, постановкой вопроса о положении женщины [28. С. 250–251].

Литература

1. *Кропоткин П.А.* Лекции по истории русской литературы. М. : Common place, 2016. 374 с.
2. *Прокудин Б.А.* Политический характер русской литературы // SCHOLA-2012 : сб. науч. ст. факультета политологии Московского гос. ун-та им. М.В. Ломоносова. М. : Политическая мысль, 2013. С. 129–134.
3. *Шириняц А.А.* О специфике истории социально-политической мысли России // Общественная мысль России : истоки, эволюция, основные направления : материалы Междунар. науч. конф. / отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2011. С. 536–546.
4. *Перевезенцев С.В., Шириняц А.А.* Страницы русского «хранительства»: литература и политика [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2016. № 4. Электрон. дан. URL: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/781>
5. *Венгеров С.А.* Основные черты истории новейшей русской литературы // Собрание сочинений С.А. Венгерова. Петроград : Светоч, 1919. Т. 1 : «Героический характер русской литературы». 176 с.
6. *Герцен А.И.* Кто виноват? // Собр. соч. : в 30 т. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1955. Т. 4. С. 5–211.
7. *Герцен А.И.* Письмо А.А. Краевскому, 23 декабря 1845 г. Москва // Собр. соч. : в 30 т. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1961. Т. 22. С. 248–249.
8. *Герцен А.И.* Былое и думы. 1852–1868 // Собр. соч. : в 30 т. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1956. Т. 8. С. 7–397.
9. *Страхов Н.Н.* Борьба с Западом в нашей литературе // Избранные труды. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 145–503.
10. *Kelly A.M.* The Discovery of Chance: The Life and Thought of Alexander Herzen. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2016. 608 p.
11. *Стэйтс Р.* Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм, большевизм, 1860–1930. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 606 с.
12. *Малия М.* Александр Герцен и происхождение русского социализма. 1812–1855. М. : Территория будущего, 2010. 568 с.
13. *Паперно И.* Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М. : Новое литературное обозрение, 1996. 207 с.
14. *Гершензон М.О.* Любовь Н.П. Огарева // Избранное. Москва–Иерусалим : Университетская книга, Gesharim, 2000. С. 250–415.
15. *Волошина С.М.* Утопия и жизнь : биография Николая Огарева. СПб. : Владимир Даль, 2016. Т. 3 : Образы прошлого. 509 с.

16. Захарьина Н.А. Переписка с А. Герценом 1832–1838 гг. // Сочинения А.И. Герцена и переписка с Н.А. Захарьиной. СПб. : Издание Ф. Павленкова, 1905. Т. 7. 650 с.
17. Гинзбург Л.Я. Автобиографическое в творчестве Герцена // Литературное наследство. М. : Наука, 1997. Т. 99. Кн. 1. С. 7–54.
18. Герцен А.И. Долг превыше всего // Собр. соч. : в 30 т. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1955. Т. 6. С. 249–313.
19. Тесля А.А. Сердечный дилетантизм // Первый русский национализм... и другие. М. : Европа, 2014. С. 150–161.
20. Герцен А.И. Былое и думы. 1852–1868. Ч. IV // Собр. соч. : в 30 т. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1956. Т. 9. С. 9–265.
21. Савкина И.Л. «Пишу себя...» : автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. Tampere : University of Tampere, 2001. 360 с.
22. Герцен А.И. Дневник 1842–1845 // Собр. соч. : в 30 т. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1954. Т. 2. С. 201–417.
23. Manuel F.E. and Manuel F.P. Utopian Thought in the Western World. Cambridge, MA, 1979. 696 p.
24. Рудая И.М., Благоволитина Ю.П. Предисловие к публикации писем Н.А. Герцен (Захарьиной) к Т.А. Астраковой // Литературное наследство. М. : Наука, 1997. Т. 99. Кн. 1. С. 577–590.
25. Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. СПб. : Алетейя, 2007. 544 с.
26. Carr E.H. The Romantic Exiles: A Nineteenth-Century Portrait Gallery. Middlesex, 1949. 448 p.
27. Герцен А.И. Капризы и раздумье. По поводу одной драмы // Собр. соч. : в 30 т. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1954. Т. 2. С. 49–73.
28. Горький М. История русской литературы // А.И. Герцен в русской критике : сб. статей. М. : Гос. изд-во худ. лит., 1953. С. 248–257.

Boris A. Prokudin, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: probor@bk.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 44. pp. 224–237.

DOI: 10.17223/1998863X/44/22

THE FEMINIST AGENDA OF THE FIRST RUSSIAN POLITICAL NOVEL

Keywords: Alexander Herzen; *Who is to Blame?*; feminism; Russian radicalism; political novel.

The novel *Who is to Blame?* remained the most famous Herzen's work to Russian readers until the end of the nineteenth century, but in different periods of its existence in the reader's environment, various ideas turned out to be in demand by the public and had an impact on the socio-political agenda. In connection with specific historical events, not only the perception of the problems of the novel, but also the social composition of its readers changed. Initially, Herzen's novel had a specific addressee, people of "his circle", educated noblemen, the so-called "representatives of the advanced convictions of the 1840s". Then, in the 1850s and 1860s, the circle of readers expanded, for example, with *raznochintsy*, for which the noble problem was much less relevant. With a share of convention, it can be argued that for the first "group" the most important was the "socio-political" line of the novel and the relevant theme of a "superfluous man", with whom readers who belonged to the Herzen circle could associate themselves. For the second "group", readers of the 1850s and 1860s, the "family" line of the novel turned out to be more important, and, mainly, "key" was the question of the position of a woman in Russian society. The article attempts to interpret Herzen's novel in the context of the genesis of Russian feminism. The main focus is on the period of the 1850s–1860s. In its first part, the work presents the history of the relationship between Alexander Herzen and his wife Natalia in 1841–1845, when the family crisis helped Herzen to formulate the main provisions of Russian feminism. Herzen added Russian seriousness to the "frivolous" French feminism. The French then preached the "rehabilitation of the flesh" (the Saint-Simonian *Enfantin* spoke about it and called for rejecting the old family bourgeois morality and recalling the body), and "rehabilitation of the heart" (which George Sand called for, saying that love is a sacred feeling that can not be limited to marriage). Against this background, Herzen proposed, in fact, "rehabilitation of activities". He wrote that love is only one thing, not the whole life of a person; in addition to a small private life, there is a large public one, and a "mature" person is called, first of all, for the "world of common interests, artistic and scientific life". The second part analyses the novel *Who is to Blame?*, written in the period when Herzen tried to present the main findings of his feminist concept in the artistic form. The young intellectual Beltov,

thrown into a boring provincial city, is “copied” from himself, and this is quite obvious. The descriptions of the weak character of the *raznochinets* Krutsifersky allow assuming that his thoughts were borrowed from Natalya. In the logic of Herzen, Krutsifersky is more to blame for the family drama because he is too devoted to his wife, because feelings become more important to him than activities. The article notes that the “family” line of the novel was most in demand by the reading public at the end of the 1850s and the beginning of the 1860s. Then, under the influence of the emerging “women’s issue”, Herzen’s feminist ideas began to have an impact on the socio-political agenda.

References

1. Kropotkin, P.A. (2016) *Leksii po istorii russkoy literatury* [Lectures on the History of Russian Literature]. Moscow: Common place.
2. Prokudin, B.A. (2013) Politicheskiy kharakter russkoy literatury [The political character of Russian literature]. In: Shutov, A.Yu. & Shirinyants, A.A. (eds) *SCHOLA-2012*. Moscow: Politicheskaya MYSL'. pp. 129–134.
3. Shirinyants, A.A. (2011) O spetsifike istorii sotsial'no-politicheskoy mysli Rossii [On the specificity of the history of Russian socio-political thought]. In: Shelohaev, V.V. (ed.) *Obshchestvennaya mysl' Rossii : istoki, evolyutsiya, osnovnyye napravleniya* [Social Thought in Russia: Origins, Evolution, Main Directions]. Moscow: [s.n.]. pp. 536–546.
4. Perevezentsev, S.V. & Shirinyants A.A. (2016) Pages of history of the Russian “keeping idea” (“khranitel'stvo”): literature and politics. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta – Bulletin of Moscow Regional State University*. 4. (In Russian). DOI: 10.18384/2224-0209-2016-4-781
5. Vengerov, S.A. (1919) *Sobranie sochineniy S.A. Vengerova* [Collected Works]. Vol. 1. Petrograd: Svetoch.
6. Herzen, A.I. (1955) *Sobraniye sochineniy: V 30 t.* [Collected works. In 30 vols]. Vol. 4. Moscow: USSR AS. pp. 5–211.
7. Herzen, A.I. (1961) *Sobraniye sochineniy: V 30 t.* [Collected works. In 30 vols]. Vol. 22. Moscow: USSR AS. pp. 248–249.
8. Herzen, A.I. (1956) *Sobraniye sochineniy: V 30 t.* [Collected works. In 30 vols]. Vol. 8. Moscow: USSR AS. pp. 7–397.
9. Strakhov, N.N. (2010) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN. pp.145–503.
10. Kelly, A.M. (2016) *The Discovery of Chance: The Life and Thought of Alexander Herzen*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
11. Stites, R. (2004) *Zhenskoye osvoboditel'noye dvizheniye v Rossii: Feminizm, nihilizm, bol'shevizm, 1860–1930* [The Women's Liberation Movement in Russia Feminism, Nihilism, and Bolshevism. 1860–1930]. Translated from English by I. Shkolnikov, O. Shnyrova. Moscow: ROSSPEN.
12. Malia, M. (2010) *Aleksandr Gertsen i proiskhozhdeniye russkogo sotsializma. 1812–1855* [Alexander Herzen and the Birth of Russian Socialism: 1812–1855]. Moscow: Territoriya budushchego.
13. Paperno, I. (1996) *Semiotika povedeniya: Nikolay Chernyshevskiy – chelovek epokhi realizma* [Semiotics of Behaviour: Nikolai Chernyshevsky, a Man of the Era of Realism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
14. Gershenzon, M.O. (2000) *Izbrannoe* [Selected Works]. Vol. 3. Moscow; Jerusalem: Universitetskaya kniga, Gesharim. pp. 250–415.
15. Voloshina, S.M. (2016) *Utopiya i zhizn': Biografiya Nikolaya Ogareva* [Utopia and Life: Biography of Nikolai Ogaryov]. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
16. Zaharina, N.A. (1905) *Perepiska s A. Gertsenom 1832–1838 gg.* [Correspondence with A. Herzen in 1832–1838]. In: Herzen, A.I. *Sochineniya A.I. Gertsena i perepiska s N.A. Zaharinoy* [Works by A.I. Herzen and correspondence with N.A. Zakharyina]. Vol. 7. St. Petersburg: F. Pavlenkov.
17. Ginzburg, L.Ya. (1997) *Avtobiograficheskoye v tvorchestve Gertsena* [Autobiographical in the works by Herzen]. In: Lansky, L.R. & Makashin, S.A. (eds) *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Vol. 99(1). Moscow: Nauka. pp. 7–54.
18. Herzen, A.I. (1955) *Sobraniye sochineniy: V 30 t.* [Collected works. In 30 vols]. Vol. 6. Moscow: USSR AS. pp. 249–313.
19. Teslya, A.A. (2014) *Pervyy russkiy natsionalizm... i drugiye* [First Russian nationalism . . . and others]. Moscow: Evropa. pp. 150–161.
20. Herzen, A.I. (1956) *Sobraniye sochineniy: V 30 t.* [Collected works. In 30 vols]. Vol. 9. Moscow: USSR AS. pp. 9–265.

-
21. Savkina, I.L. (2001) *"Pishu sebya..." Avtodokumental'nyye zhenskiye teksty v russkoy literature pervoy poloviny XIX veka* ["I write myself . . ." Autodocumentary female texts in Russian literature of the first half of the 19th century]. Tampere: University of Tampere.
22. Herzen, A.I. (1954) *Sobraniye sochineniy: V 30 t.* [Collected works. In 30 vols]. Vol. 2. Moscow: USSR AS. pp. 201–417.
23. Manuel, F.E. & Manuel, F.P. (1979) *Utopian Thought in the Western World*. Cambridge, Massachusetts.
24. Rudaya, I.M. & Blagovolina, Yu.P. (1997) Predisloviye k publikatsii pisem N.A. Gertsen (Zakharinoy) k T.A. Astrakovoy [Preface to the publication of letters from N.A. Herzen (Zakharina) to T.A. Astrakova]. In: Lansky, L.R. & Makashin, S.A. (eds) *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Vol. 99(1). Moscow: Nauka. pp. 577–590.
25. Yukina, I.I. (2007) *Russkiy feminizm kak vyzov sovremennosti* [Russian Feminism as a Challenge to Modernity]. St. Petersburg: Aletyya.
26. Carr, E.H. (1949) *The Romantic Exiles: A Nineteenth-Century Portrait Gallery*. Middlesex: Serif.
27. Herzen, A.I. (1954) *Sobraniye sochineniy: V 30 t.* [Collected works. In 30 vols]. Vol. 2. Moscow: USSR AS. pp. 49–73.
28. Gorky, M. (1953) Istoriya russkoy literatury [History of Russian Literature]. In: Putintsev, V.A. (ed.) *A.I. Gertsen v russkoy kritike* [A.I. Herzen in Russian Criticism]. Moscow: Gos. izd-vo khud. lit. pp. 248–257.

УДК 316.423.3; 316.48; 93; 930.2
DOI: 10.17223/1998863X/44/23

Н.С. Розов, Ю.А. Пустовойт, С.И. Филиппов

ДИНАМИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ ВОЛНЫ: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ «ВЕСНЫ НАРОДОВ» 1848–1949 ГГ.¹

На материале революций 1848–1849 гг. в итальянских и германских обществах анализируются факторы и закономерности революционной динамики. В статье реализован теоретико-исторический подход в сравнительной политологии, включающий челночные движения между выдвижением гипотез и систематическим сравнением случаев для их проверки и коррекции. Уточняются факторы создания революционной ситуации и проверяется гипотеза «восполнения» недостающих факторов благодаря внешнему влиянию революций в соседних и /или высокореперентных обществах.

Ключевые слова: революционные волны, революции 1848–1849 гг., сравнительная политология, исторические закономерности, революционная динамика, революционная ситуация, факторы нестабильности, социально-политический кризис, национально-освободительная борьба, делегитимация власти, лояльность силовых структур, раскол элит.

«Весна народов» как историческая лаборатория сравнительной политологии

«Весна народов», объединяющая социальные и национально-освободительные революции, а также связанные с ними политические кризисы, международные и гражданские войны в Западной и Центральной Европе середины XIX в., является не только ярким классическим примером революционной волны, но также благодаря разнообразию событий и итогов революций в каждом вовлеченном в волну обществе позволяет выявлять факторы, механизмы и закономерности революционной динамики с учетом как внутренних процессов, так и международного взаимодействия.

Целесообразно выделять в качестве участников революционной волны не государства, а общества, понимаемые как этнические, культурные, институциональные и территориальные единства. Францию и тогдашние германские² государства можно считать одновременно государствами и обществами. Совсем иначе дело обстояло с Австрийской империей, где Чехия, Венгрия, балканские, а также итальянские провинции (Венеция и Ломбардия) по вышеуказанным признакам были отдельными обществами; соответственно, революции протекали в них по-разному, пусть и в связи с центральным имперским обществом и его столицей – Веной.

---

¹ Статья подготовлена при поддержке Отделения гуманитарных и общественных наук РФФИ, проект 16-03-00318-ОГН «Революционные волны в динамике модернизации обществ XIX–XXI вв.: макросоциологический и социально-философский анализ».

² Тесные культурные, экономические и крепнувшие военно-политические связи уже начинали соединять малые германские государства в единое общество, причем тогда еще не было определено: будут ли они объединяться вокруг Вены или вокруг Берлина.

Гипотеза восполнения факторов революции за счет «волны»

Исходная гипотеза относительно участия / неучастия обществ в революционной волне заключается в том, что революционные события вначале возникают только в обществе-доноре, «дозревшем до революции» (метафора К. Маркса), т.е. с накопившимися напряжениями, слабостью режима и прочими факторами, которые составляют «революционную ситуацию».

Другие общества (часто соседние, родственные по языку, культуре, религии с обществом-донором или имеющие с ним тесные культурные, экономические и политические связи) «дозревают» до революции в существенно разной мере. В них либо возникает достаточный уровень нестабильности, который благодаря «заражению» приводит к революции, либо действуют стабильные, легитимные, сильные режимы, неуязвимые для революционного влияния. В средних случаях – возникают волнения, протесты, но революции не происходит. Очевидно, волну подхватывают общества с максимумом потенциальной нестабильности – уже имеющейся революционной ситуацией. Но эффекта нескольких революций достаточно, чтобы «революционный пожар» «воспламенил» даже общества с относительно стабильными режимами [1].

Исследование вовлеченности в революционную волну было проведено в два этапа. Вначале был рассмотрен широкий набор 28 гипотетических бинарных факторов, почерпнутых из современных сравнительно-исторических исследований революций [1–7]. По этим факторам проведено сравнение обществ, переживших революционные потрясения (Франция, Пруссия, центральное общество и этнические провинции Австрийской империи) и избежавших их (Россия, Испания, Великобритания). На основе изучения факторов, показавших наибольшую значимость, были сформулированы критерии оценки степени их выраженности, причем в таких терминах, что их можно применять как к событиям прошлых веков, так и к сегодняшним реалиям.

Факторы «созревания» революционной ситуации

О высоком уровне *делегитимации власти и режима* свидетельствуют обилие весьма популярных текстов, дискредитирующих власть, постоянно вспыхивающие протесты, уличные выступления, забастовки, стачки, шествия с лозунгами «долой!», мятежи и восстания, проведение открытых или тайных собраний, где систематически критикуют власти, обсуждают политические идеи, требования, замышляют коллективные действия.

О *слабости и неэффективности правительства* свидетельствуют громкие провалы на внешней арене, причем правительство неоднократно дает неадекватные ответы на вызовы, что ухудшает ситуацию и вызывает возмущение. Имеет место также низкая собираемость налогов. Дефицит бюджета и государственные долги не позволяют правительству выполнять основные обязательства, связанные с обеспечением порядка и безопасности, в том числе платить за службу полицейским, военным. Правительству не удается ограничивать растущую коррупцию, мирным или военным путем справляться с протестами, мятежами, которые перерастают в восстания.

Раскол элит происходит, когда есть известная и влиятельная фронда обиженных представителей элит (административной, силовой, финансовой, промышленной, торговой, религиозной, медийной, интеллектуальной), есть свидетельства заговоров среди чиновничества и / или держателей ресурсов, есть яркие случаи значимой, систематической поддержки радикальных оппозиционеров со стороны представителей административной и / или коммерческой элиты, их сотрудничества с низовыми протестными группами.

О *низкой лояльности силовых структур (аппарата принуждения)* свидетельствуют частые отказы полиции и военных выполнять репрессивные действия, когда известны заговоры среди генералитета и офицерства. Наиболее популярные в войсках военачальники отправлены в отставку, находятся в опале или эмигрировали. Те, кто демонстрирует приверженность правительству, поддержку режиму, сами не пользуются уважением среди военных и полиции.

Наличие и влиятельность политической альтернативы – это сочетание популярных идей, известных харизматичных лидеров и дееспособной организации со структурами, методами рекрутирования, мобилизации сторонников, координации политических действий.

Наличие и величина масс недовольных, «горючего материала» – это концентрация (либо в столице, либо на географически защищенных окраинах) возбужденных, готовых к протесту и радикальным политическим действиям социальных групп. Этому фактору особенно способствуют высокая безработица, «молодежный бугор» в крупных городах, обрушение надежд на рост благосостояния.

Уровень социально-политической нестабильности складывается из значений по всем указанным факторам. Как и следовало ожидать, для обществ, не вовлеченных в революционную волну (Англия, Испания, Швейцария, Нидерланды, Россия) этот уровень на начало 1848 г. был весьма низким, тогда как для всех вовлеченных обществ (Франция, Пруссия, Баден, центр Австрии, Чехия, Польша, Венгрия, Венеция, Ломбардия, Пьемонт, Папская область, Неаполь, Сицилия) уровень нестабильности был высок.

Первоначальная мысль объяснить исходы революций в разных обществах разными сочетаниями факторов не подтвердилась, потому что множество поражений революций (в том числе подавления появившихся вследствие революций республик) произошло под действием внешней военной силы: австрийской и российской армий.

Не получилось выявить зависимость интенсивности революций в разных обществах от удаленности уровня референтности претерпевавших революцию обществ-доноров. Франция оставалась в ту эпоху высокореферентной в культурном и международном планах для всех западноевропейских обществ (и не только для них). Ослабление и укрепление императорской власти в Вене также сильно воздействовало на все ее провинции и зависимые общества.

Кроме того, в рамках концептуализации шести факторов не объясняется первый случай данной революционной волны – Сицилийское восстание в январе 1848 г. Если столь же высокий уровень нестабильности во Франции привел к революции вследствие внутреннего триггера, а последующие вступившие в волну общества, очевидно, восполняли свою нестабильность

успешным примером Франции (первого общества-донора) и впечатлением от последующей «Весны народов», то для Сицилии значимого внутреннего триггера не было, а революции во Франции тогда еще не произошло.

Сицилийское восстание – начало революционной волны?

Среди авторов статьи возник спор: относить ли вообще Сицилийское восстание к революционной волне 1848–1849 гг., не относится ли оно совсем к иному типу явлений – национально-освободительным восстаниям и войнам? Поскольку аспект борьбы с иноземным правлением присутствовал также во всех этнических провинциях Австрийской империи (Венгрия, Чехия, Венеция, Ломбардия) и зависимых от нее итальянских обществах (Пьемонт, Тоскана), то было решено национально-освободительный аспект не исключать из рассмотрения, а, напротив, считать значимым моментом, увеличивающим нестабильность и готовность к революции.

Более или менее понятно, почему обстановка на Сицилии была столь напряженной, ведь для восстания и даже убедительной его победы стало достаточно внешнего триггера (эту роль сыграли провокации австрийцев в Милане 3 января 1848 г.). Если указать на конкретные причины, то получим объяснение *ad hoc*, а это резко сужает эмпирическое поле приложения теоретической модели [8]. Поэтому к шести представленным выше факторам были добавлены еще три.

Отчуждение основной массы населения от инокультурной правящей элиты, которая закрыта, резко отличается от основной массы населения этничностью, языком, культурой, возможно, вероисповеданием, причем социальное недовольство, критика, протесты выражаются через националистическую или (при разной вере) конфессиональную риторику.

Политическая актуальность памяти о прошлой национальной независимости, когда мечты и планы восстановления независимости доминируют в политическом дискурсе, возникают сообщества, организации, совершающие политические действия в этом направлении; есть свидетельства готовности жертвовать личным благополучием ради «освобождения».

Наличие организованных вооруженных отрядов (официальных или подпольных) с военным или повстанческим опытом, когда имеется сеть скоординированных вооруженных отрядов с опытом насильственных акций, боевых действий, получающих поддержку и подкрепление от местного населения.

В Сицилии конца 1840-х гг. все эти три фактора были сильны, что вполне объясняет январское восстание 1848 г., вспыхнувшее благодаря внешнему (миланскому) триггеру.

Внешнее вмешательство, легитимность и геополитика революций

Факторы национально-освободительной активности были весьма различны в разных провинциях Австрийской империи (Венеция, Ломбардия, Венгрия, Чехия) и зависимых от нее территориях (Пьемонт, Тоскана). Первоначальный успех восстаний в каждом из данных обществ зависел именно от этих факторов. В случае Венгрии имела место «матрешечная» структура, где сербы в Воеводине и хорваты выступали против венгров и в защиту империи.

В Словакии и Трансильвании происходили также сложные процессы, колебания между поддержкой Венгрии и империи (Австрии).

В большинстве случаев, тем не менее, революции в подчиненных и зависимых обществах Австрийской империи были подавлены австрийскими войсками (Венеция, Ломбардия, Пьемонт, Чехия) с участием пришедшей на помощь Вене российской армии (Венгрия). Революционные ячейки в Польше (тогда – западной провинции Российской империи) были быстро раскрыты, а их участники схвачены и сосланы. Республики в Молдавии и Валахии были уничтожены совместными действиями Российской и Османской империй.

Сопоставление успехов и поражений революций с такими характеристиками, как уровень зависимости от имперского правления, могущество и престиж имперского центра, потенциал международного охранительного союза, символическая значимость территории для империи или союза, позволяет объяснить некоторые элементы динамики «Весны народов». Военная фортуна переменчива, зависит не только от мощи и вооруженности армий, но также от их консолидированности, решимости, готовности офицеров и бойцов идти на смерть ради своих святынь, будь то монарх или республика.

Сформулируем принципы взаимосвязи в революционный период внутренней политической динамики и геополитики.

1. Военная победа всегда повышает легитимность победителя, в роли которого может оказаться как революционное правительство, республика, так и контрреволюционная монархия.

2. Яркие военные победы имперского центра маргинализуют оппозицию, повышают лояльность окраин, снижают поддержку сепаратистов.

3. Внешние поражения усиливают политический кризис в центре державы, что ослабляет ее военную мощь и усиливает сепаратизм. Внешние поражения постреволюционных режимов делегитимируют не только власть и лидеров, но также символы, лозунги и идеологию революции.

4. Судьба революции зависит от того, какое поле борьбы станет решающим: мирное институциональное, в том числе электоральное, военное или промежуточное (уличные протесты, их подавление, попытки свержения власти или ее реставрации), а также от того, чья сторона в решающем поле имеет преимущество в специфических для данного поля ресурсах [9].

5. Для мирной институциональной борьбы наибольшее значение имеют символические ресурсы, поддержка со стороны авторитетных изданий, публицистов, моральных лидеров, а также административные и организационные ресурсы для мирного продвижения своей политики и мобилизации электората.

6. В поле уличного насилия, при попытках захвата правительственных зданий, свержения власти, ответных репрессий главную роль играет соотношение уровней силовой и популярной легитимности у противостоящих сторон; чаще всего легитимность действующей власти существенно выше, поэтому уличные протесты, мятежи подавляются; в редких случаях значительно выше легитимность протеста, тогда власть свергают быстро и уверенно.

7. Наряду с долговременными факторами легитимности сторон на ее динамику в кризисный период действуют ситуативные обстоятельства, а также интуитивная чувствительность лидеров к тому, какие лозунги, какая риторика наиболее эффективные и мобилизующие. Предположительно, на первый

план выходит демонстрация причастности к таким символам, святыням, социальным и политическим проектам, которые более всего соответствуют картине мира, ценностным установкам, идентичностям и актуальным интересам потенциальных приверженцев.

8. В наиболее трудных для анализа случаях примерно равного уровня легитимности конфликтующих сторон главную роль играет способность лидеров внушить как приверженцам, так и противникам, что именно они обладают преимущественной легитимностью и с неизбежностью побеждают.

9. Поскольку большинство участников (в том числе в элитах и силовых структурах) оппортунистично и опасается, прежде всего, оказаться на проигравшей стороне, пик противостояния обычно не длится более 2–3 суток, после чего победившая сторона обрастает сторонниками, подобно снежному кому [10. С. 120–126].

10. В таких случаях максимальную роль играет случайность: чья сила оказалась успешнее в той точке, преобладание в которой вдохновило приверженцев одной стороны, а другую сторону привело к бегству или сдаче на милость победителя. Требуемый ресурс для победы в поле уличной насильственной политики, таким образом, наиболее неуловимый: он включает способность лидеров угадать, захват и / или удержание каких символических объектов приведет к перелому настроений и победе.

11. Для вооруженного конфликта (в пределе – гражданской войны) успех той или иной стороны определяется известными военно-организационными и военно-техническими факторами: планирование и координация действий, эффективное управление, дисциплина, способы ведения боя, военный опыт офицеров и бойцов, величина подразделений, качество оружия, умение им пользоваться и т.п.

12. Наряду с этим успех во многом определяется геополитическими и социальными обстоятельствами: наличием / отсутствием внешних союзников, характером, масштабом их поддержки, а также солидарностью / разобщенностью ведущего войну общества, способностью его лидеров и элит мобилизовать армию и ополчение вокруг символов, достойных того, чтобы ради них люди шли убивать и умирать.

Далее будет показано, как в итальянских и германских обществах сложным образом взаимодействовали процессы изменчивого военного могущества, престижа и процессы, явления революционной динамики.

Динамика революций в итальянских обществах

Революция 1848–1849 гг. была одним из эпизодов борьбы за становление итальянского государства («Рисорджименто», возрождение), процесса, развернувшегося на территории Италии с 1820 (восстание в Неаполитанском королевстве) по 1871 г. (когда Рим объявлен столицей Италии). В целом эти события подтверждают гипотезу о факторах «созревания» обществ для включения в революционную волну.

Согласно решениям Венского конгресса, на территории Италии было учреждено восемь государств, самое крупное и промышленно развитое из которых (Ломбардия-Венеция) стало частью Австрийской империи. Остальные, получив формальную самостоятельность, вынуждены были считаться с

основными направлениями австрийской внешней политики, для которой Италия была, по словам Меттерниха, лишь «географическим понятием».

Все выделенные причинные факторы были выражены в итальянских обществах весьма сильно: отчуждение общества от инокультурной (австрийской) правящей элиты, соответствующая делегитимация власти, неэффективность правительства (поводом для выступления в Милане в январе 1848 г. стал новый налог на табак [11. С. 37]), раскол элит на про- и антиимперские группировки, наличие политической альтернативы (освобождение и объединение Италии), недовольные массы.

Низкая лояльность силовых структур определялась тем, что часть австрийской армии состояла из итальянцев. Они и стали вовлекаться в революционные выступления, причем многие не только симпатизировали восставшим, но и были готовы умирать за дело революции. Так, братья Бандьера – сыновья итальянского адмирала австрийского флота – могли рассчитывать на блестящую карьеру, а вовсе не на расстрел [12. С. 16–17]. Сопrotивление австрийской власти проявлялось практически во всех социальных группах. Отчуждение и неприятие австрийской культуры, память о прошлом, наличие тайных организаций и вооруженных отрядов – эти факторы характеризуют все пятьдесят лет активной борьбы за национальное объединение.

Ядром сопротивления в разное время были тайные общества «карбонариев», поднимавшие неудачные восстания в 1830–1831 и 1841–1842 гг. Этими восстаниями руководил вначале Джузеппе Мадзини при поддержке либеральной общественности, объединенной вокруг текстов В. Джоберти. Позже, с 1847 г., итальянские монархи, объединенные вокруг реформаторской деятельности вновь избранного папы Пия IX, хотя и не подвергали сомнению основные доктрины абсолютизма, тем не менее поддерживали идеи национального суверенитета, распространения гражданских свобод и конституционных преобразований [13. С. 101–103]. Гимном сопротивления стал хор еврейских рабов из оперы Верди «Набукко», он служил своеобразным паролем участников антиавстрийских сил [14. С. 149].

О причинах восстания в Сицилии в январе 1848 г. было сказано выше, к ним добавилось «дурное правление» местного монарха. Восставшие добиваются своих целей, и к февралю уже четыре итальянские монархии получили конституции. 17 марта происходит Миланское восстание – ответ на революцию в Вене, далее начинается революция в Венеции с провозглашением «Республики святого Марка». Фактически произошло восстановление республики, поскольку венецианцы жили при монархиях лишь последние пять десятилетий [15. С. 224–232]. Эффект революционной волны между обществами здесь имеет дополнительное качество: тесную причинную связь между политическим кризисом в центре державы и ростом сепаратизма инокультурных провинций (ср. с принципом 3).

Италия была обречена на революцию, которая, однако, была обречена на поражение. Слишком разнородны и недостаточно солидарны между собой были тогда желавшие «делать историю», слишком разные были у них цели и образы будущего, слишком мала поддержка населения. Примерно 4/5 населения страны составляли крестьяне, жившие в условиях вполне средневековой феодальной эксплуатации [Там же. С. 104]. Для этих бедных, богобоязненных, патриархальных и консервативных людей были далеки и непонятны

идеи «прогрессивной общественности», тогда представляемой итальянским образованным, зажиточным классом, воспринимавшим демократическую риторику Англии и Франции. Это классовое и сословное отчуждение сыграло затем роль в военных поражениях итальянцев (принцип 12), что и привело к провалу революций и национально-освободительной борьбы (принцип 3).

Размежевание в итальянских обществах проходило не только по линии патриоты / коллаборационисты, но и в самом революционном движении. Одновременно существовали консервативно-монархическая, умеренно-либеральная и республиканская партии со своими социальными группами поддержки: патриархальным крестьянством, либеральной буржуазией, средней и мелкой буржуазией, пролетариатом [11. С. 27]. Одна только драматическая история политических союзов, разрывов, конфликтов талантливого полководца Гарибальди с итальянскими монархами и политиками-республиканцами свидетельствует об остроте напряжений и слабой способности к солидарным действиям в итальянских обществах тех годов. Кстати, конфликт с Мадзини в мае 1949 г. был связан как раз с предложением Гарибальди вооружить крестьян для защиты республики в Риме, начать партизанскую войну во всей Италии, чему умеренный Мадзини резко противился.

Стремления к национальному освобождению, объединению страны и последующему государственному строительству совмещались в итальянских обществах с надеждами на демократизацию и жадной социальной справедливости. Здесь есть некое сходство с известной «дилеммой одновременности», когда несколько больших целей не помогают, а мешают друг другу.

С международной помощью революции тоже не заладилось (принцип 12). Англия со временем перестала оказывать даже моральную поддержку итальянским мятежникам, а послереволюционная Франция даже участвовала в подавлении Римской республики в 1849 г. по просьбе вчерашнего «духовного вождя» революции папы Пия IX, изменившего свои взгляды на диаметрально противоположные.

Революционный триумф вскоре сменился стратегическими и тактическими военными просчетами, которые привели к двум катастрофическим военным поражениям лидера национального освобождения – государства Пьемонта. Спад революции в Европе, отсутствие геополитических союзников у восставших, военные победы «охранительного союза» закономерно снижали уровень популярности национальных лидеров и провозглашаемых ими идей. Регулярная имперская армия подавила сопротивление горожан-республиканцев Милана, Тосканы, Палермо, Рима и Венеции, несмотря на все мужество участников баррикадных боев, несмотря на полководческие таланты и успехи метавшегося со своими отрядами по всей Италии Гарибальди.

Вполне закономерно победы австрийцев укрепили легитимность центральной имперской власти в Вене (принцип 1), что привело к маргинализации, ослаблению и последующим поражениям революций в инокультурных провинциях уже за пределами итальянских земель (принцип 2).

Поражение революции в Италии было обусловлено также неспособностью к объединению сил, отсутствием координации идеологических программ и интересов территорий, неспособностью привлечь крестьянские массы, интересы которых лидерами революции фактически игнорировались [Там же. С. 68–71]. Одним из итогов революции 1848–1849 гг. стало появление в

итальянском языке выражения «fare un quarantotto» (сделать сорок восьмой), что означает «устроить неразбериху и хаос». Валерио Линтнер в своей книге «Италия. История страны» утверждает отрицательный вклад этих событий в процесс становления новой Италии, говоря, что страна возникла «из пепла 1848 г.» [16. С. 303].

Единственное оставшееся независимым и конституционным государство – Пьемонт – стало прибежищем для уцелевших республиканцев-революционеров и лидером национального объединения под руководством консервативного «Итальянского национального общества», включавшего в себя и монархистов, и демократов, отказавшихся (как потом оказалось, не навсегда) от республиканских взглядов.

Итак, революции в итальянских обществах были подавлены через внешнее военное поражение, вызванное внутренней разобщенностью и отсутствием широкой социальной поддержки и геополитических союзников.

Монархисты-либералы группировались вокруг Пьемонтского короля Виктора Эммануила II, они сумели создать привлекательный образ защитников интересов «итальянской нации», интегрировать для своих целей радикальные республиканские группировки, военные таланты и харизму того же Гарибальди. С конца 1850-х гг. итальянцы достаточно удачно заключали антиавстрийские геополитические союзы с Францией, Россией и Пруссией, пропагандировали объединение и освобождение Италии, сумели наладить сотрудничество разных политических сил, что и привело к успеху.

Таким образом, как поражение итальянских революций в период «Весны народов», так и контрастный случай последующего освобождения, объединения и триумфа Италии подтверждают сформулированные выше общие теоретические закономерности революционной динамики, связанные с военными, геополитическими и социальными факторами.

Германский союз и революция в Пруссии

В отечественной и зарубежной (прежде всего немецкой) историографии сложилось двойственное восприятие революций 1848–1849 гг. в странах Германского союза.

С одной стороны, германский этап «Весны народов» воспринимается как вызывающая разочарование неудача. Г. Гейне говорил, что «революция – несчастье, но еще большее несчастье – неудавшаяся революция» [13; 15; 17. С. 280]. Действительно, не была достигнута одна из главных целей революции – образование единого демократического германского государства. Созданные в первые революционные дни демократические институты – парламенты, формируемые на основе всеобщего избирательного права, демократические свободы – были либо вовсе упразднены (Франкфуртское Национальное собрание, либеральные конституции и учреждения в Вюртемберге и Саксонии), либо существенно ограничены в своих полномочиях, яркий пример чему – прусское Национальное собрание.

С другой стороны, «пессимистическая» оценка результатов Германской революции 1848–1849 гг. не препятствует позитивному отношению к ней в немецком общественном сознании. Так, церковь св. Павла, где проходили заседания общегерманского Национального собрания, является одним из самых значимых национальных символов. Разрушенное во время Второй миро-

вой войны здание было восстановлено одним из первых в городе, получив почетное наименование «Колыбель немецкой демократии». Депутаты первого общегерманского парламента, такие как Р. Блум, расстрелянный по приговору австрийского суда в ноябре 1848 г., включены в пантеон положительных героев немецкой исторической памяти.

Следует признать, что позитивная оценка «Весны народов» в Немецком союзе имеет основания. Если в качестве критерия успешности революции взять не только «высокие», хотя и частные для тех или иных регионов цели, (не)достижение которых зависело от ряда конкретно-исторических условий, а общую демократизацию, показателями которой выступают создание новых институтов и расширение политического участия, то при общем поражении германской демократии в некоторых государствах Германского союза революции оказались вполне успешными.

Показательными являются революционные события в Пруссии. Несмотря на реванш контрреволюционных сил, там была принята конституция, созвано Национальное собрание, формируемое на основе трехклассной выборной системы (чем больше налогов платит избиратель – тем «весомее» его голос). Таким образом, существенно возросло политическое участие, пусть и за счет крупной и средней буржуазии и ее представителей.

Национальное собрание не было марионеточным органом, оно обладало законодательной инициативой и определяло государственные расходы. Депутаты прусского парламента не боялись перечить исполнительной власти: в 1861 г. король Вильгельм I из-за разногласий с либералами из парламента по поводу увеличения военных ассигнований даже подумывал об отречении от престола, тогда пришлось призывать на помощь Бисмарка («Бешеного»).

Удивление может вызвать само свершение революции в Пруссии: революционной ситуации к марту 1848 г. здесь не сложилось. Признаков делегитимации режима не выявлено, эффективность правительства можно охарактеризовать как относительно высокую (наблюдался некоторый дефицит бюджета, но он был не столь критичен: на выплату жалования чиновникам, полиции и военным денег хватало).

Имели место противоречия между финансово-экономическими и политическими элитами: введение конституционного правления выдвигалось либерально настроенной буржуазией (прежде всего, из Рейнской области, вошедшей в состав Пруссии по решению Венского конгресса 1815 г.) как условие предоставления внутренних займов правительству для строительства железной дороги в Восточной Пруссии, на что государственных средств не хватало [15. С. 69]. Нет данных о нелояльности армии или полиции (были опасения командования относительно лояльности воинских частей, но собственно случаев неповиновения солдат и офицеров королевской армии зафиксировано не было). Нет данных также о подпольных вооруженных группах в Пруссии накануне революции (оппозиционно настроенные подданные короля концентрировались вокруг газет и литературных объединений).

Имела место сильная политическая альтернатива существующему порядку (введение конституции, демократизация, объединение страны, что было в институциональном плане выражено в созыве всегерманского Национального собрания на основе всеобщего избирательного права), были и массы недовольных (иначе не было бы и выступлений и протестов, настолько

испугавших членов правящей династии, включая короля, что те бежали из столицы). Тем не менее действенность «революциогенных» внутренних факторов в своей совокупности оказалась ниже, чем во Франции или в Бадене, где и началась германская революция.

Таким образом, недостаток эндогенных факторов в случае Пруссии должен быть дополнен внешними (экзогенными) факторами, к которым относятся успех революции в обществе-доноре (для Пруссии таким обществом была Франция), близость и референтность обществ, в которых произошла революция. Таковыми были, наряду с Францией, Австрия, другие государства Немецкого союза, граничащие с Пруссией и пережившие революционный взрыв – данный фактор имел кумулятивное значение, поскольку Берлин был последней из германских столиц, в которых произошла революция. Наконец, имел место волновой эффект, возникающий в обществах, тесно связанных друг с другом в экономическом, политическом, культурном, институциональном аспектах. Пруссию можно с уверенностью назвать «жертвой» данного фактора.

Королевство было тесно связано с большинством государств Германского союза общими институтами: Союзный сейм, Таможенный союз, обеспечивающий мобильность людей и товаров между государствами-членами Союза, совместные вооруженные формирования (союзные крепости на границе с Францией). Все эти институты и сети взаимодействия облегчили распространение революционной волны: Л. Кампгаузен и Д. Ганземаан – глава и министр финансов либеральных «мартовских» кабинетов Пруссии – были богатыми предпринимателями Рейнской области (соответственно в Кельне и Аахене), тесно связанными с либералами из других немецких государств. Д. Ганземаан, например, принимал участие в совещании либералов 5 марта 1848 г. в Гейдельберге [18. С. 195].

Итак, революция в Пруссии была закономерна, в том числе и в силу ее интенсивного взаимодействия с обществами, где успешные революционные вспышки произошли ранее. Но почему прусская революция оказалась относительно успешна в аспекте продвижения общей демократизации и институциональных изменений? Ведь король был вполне в состоянии все отменить, когда оправился от первого испуга.

Судя по всему, введенная в 1850 г. трехклассная избирательная система, которая увеличивала политическое участие, прежде всего, крупной и средней буржуазии, была не уступкой революционерам, а продуманным государственным решением: будущее Пруссии было связано не столько с традиционным юнкерством, сколько с крупными предпринимателями, производителями угля, стали, пушек, сконцентрированными на Западе. Кроме того, правительство нуждалось в деньгах и внутренних займах, которые могли предоставить, опять-таки, не обедневшие юнкеры, сами живущие с государственной службы, а крупные предприниматели – взамен они допускались к управлению государством.

Почему же потерпела поражение германская революция в целом (общегерманский парламент был распущен, его проекты объединения Германии в тот период не реализованы)? Во-первых, легитимность и престиж Франкфуртского парламента были подорваны крупным геополитическим провалом (см. принцип 3): весной 1848 г. прусская армия по поручению Германского

союза начала войну против Дании за герцогства на Эльбе (Шлезвиг и Гольштейн), которые находились в личной унии с датской короной, но были также тесно связаны и с Германским союзом (Гольштейн был членом Союза, его население было немецким, на юге Шлезвига тоже жили преимущественно немцы)¹.

Еще одним условием поражения германской революции стало выдвижение «контрреволюционными силами», в частности королем Пруссии, в 1849 г. альтернативной программы объединения Германии на условиях большего федерализма, чем предусматривала имперская конституция, разработанная во Франкфурте [19. С. 469], данная программа могла найти поддержку среди сторонников единой Германии, но не вызвала отторжения «партикуляристских» политических элит германских государств. Таким образом, широко распространенные и усиливавшиеся настроения к объединению Германии (еще со времени победы над Наполеоном и пламенных речей Фихте к немецкой нации) были с большим успехом подхвачены консервативными, а не революционными силами, что и обусловило кардинальный сдвиг в легитимности.

Иллюзорное единство в Мартовской революции 1848 г. быстро сменилось глубоким расколом и отчуждением между радикалами и умеренными. Если первые ратовали за республику и выражали настроения рабочих поравнительной, социалистической ориентации, то вторые представляли широкий и влиятельный слой бюргеров, резонно опасавшихся поравнения, с которым ассоциировалась и республика. Не случайно бюргеры после Марта 1848 г. стали все больше склоняться к поддержке монархии, поскольку в германских государствах она не ассоциировалась с устаревшим типом автократии с традиционным и клерикальным типом легитимности (что было характерно в отношении французов к монархии Бурбонов, а русских – к монархии Романовых). Еще с XVIII в. короли небольших германских государств (самым талантливым и знаменитым из которых был Фридрих Великий) вели вполне прогрессивную политику с поддержкой нового образования, науки, технологий, промышленности, выращивали эффективную бюрократию, достаточно уважительно относились к самоуправлению городов. Нет ничего удивительного, что в период революционного кризиса бюргеры видели защиту своих интересов именно в монархии такого рода, которая должна была быть лишь мягко дополнена парламентаризмом, утверждением базовых гражданских свобод, но никак не отменена. Эти эффекты ярко проявились в поле мирных дебатов Франкфуртского предпарламента, где республиканцы (Струве и Геккер) потерпели поражение (принцип 5).

---

¹ Поводом для войны стали намерения нового датского короля окончательно присоединить Шлезвиг к Дании, а также реакция немецкого населения герцогств – создание в г. Киле временного правительства, которое обратилось к Германскому союзу с просьбой принять в его члены Шлезвиг. Общегерманский парламент подтвердил состояние войны с Данией, заявив, что война за Шлезвиг и Гольштейн является делом всех немцев. Война пользовалась в Германии большой популярностью и велась успешно, однако по настоянию Англии и России Пруссия заключила 26 августа 1848 г. перемирие с Данией, согласившись на упразднение временного правительства в Киле и вывод германских войск из Шлезвига. Франкфуртский парламент был вынужден 16 сентября 1848 г. ратифицировать перемирие в Мальме, что вызвало возмущение и даже вооруженные выступления во Франкфурте. Вина за «измену общегерманскому делу» была возложена на Франкфуртское Национальное собрание [19. С. 462–464].

Соотношение легитимности защитников монархии и революционных республиканцев вполне закономерно проявилось в разных уровнях поддержки сторон, когда в апреле 1848 г. началась военная мобилизация и произошла малая гражданская война в Бадене (принцип б). Республиканские повстанцы во главе с Геккером были убедительно подавлены регулярными войсками. Позже большую роль сыграл эффект августовского поражения революции в высокореферентном имперском центре – Вене. Как видим, динамические связи внутри революционной волны работают не только на «разжигание», но и на «тушение» протестных настроений и восстаний.

Итак, сложная и разнообразная динамика революционной волны «Весны народов» 1848–1849 гг. дает возможность усматривать и выявлять универсальные закономерности, действие которых всегда специфично, поскольку определяется множеством разнопорядковых обстоятельств. Макросоциологические и сравнительно-политологические исследования революционных волн показывают плодотворность подхода, притом что остается обширное поле неизвестного.

Литература

1. Цирель С.В. Революционные ситуации, революции и волны революций: условия, закономерности, примеры // Ойкумена. Харьков, 2012. Вып. 8. С. 174–209.
2. Голдстоун Дж. К теории революции четвертого поколения // Логос. 2006. № 5. С. 58–103.
3. Голдстоун Дж. Революции. Очень краткое введение. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2015.
4. Исаев Л.М., Коротяев А.В. Революционная волна 2013–2014 гг. : количественный анализ // Полит.Пу. 2014.21.12. URL: <http://polit.ru/article/2014/12/21/rev/> (дата обращения: 2.03.2018).
5. Tilly Ch. The Politics of Collective Violence. Cambridge, 2003.
6. Goldstone J. et al. A Global Model for Forecasting Political Instability // American Journal of Political Science. 2010. Vol. 54, № 1. P. 190–208.
7. Beck C.J. The World-Cultural Origins of Revolutionary Waves Five Centuries of European Contention // Social Science History. 2011. Vol. 35 (2). P. 167–207.
8. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М. : Медиум, 1995.
9. Розов Н.С. Кризис и революция: поля взаимодействия, стратегии акторов и траектории конфликтной динамики // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 92–108.
10. Коллинз Р. Макростория : очерки социологии большой длительности. М. : УРСС. 2015.
11. Невлер (Вилин) Е. К истории воссоединения Италии. М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1936.
12. Кирова К.Э. Заговорщики и народ. М. : Наука, 1991.
13. Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии. М. : Индрик, 2001.
14. Китс Дж. История Италии. М. : Астрель. 2012.
15. Революции 1848–1849. / под ред. В.Ф. Потемкина и А.И. Молока. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1952. Т. II.
16. Линтнер В. Италия. История страны. М. : Эксмо, Мидгард, 2007.
17. Дильмаер У., Гестрих А. и др. Краткая история Германии. СПб. : Евразия, 2008.
18. Ростиславлева Н.В. Либерал Давид Ганзман – поборник единства Германии и свободного предпринимательства (середина XIX в.) // Новая и новейшая история. 2010. № 6. С. 192–206.
19. Бонвеч Б. История Германии : в 3 т. М. : КДУ, 2008. Т. 1 : С древнейших времен до создания Германской империи.

Nikolai S. Rozov, Institute for Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: nrozov@gmail.com

Yury A. Pustovoyt, Siberian Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: pustovoyt1963@gmail.com

Sergey I. Filippov, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: filippov07@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 44. pp. 238–252.

DOI: 10.17223/1998863X/44/23

THE REVOLUTION WAVE DYNAMICS: A COMPARATIVE POLITICAL ANALYSIS OF THE SPRING OF NATIONS, 1848–1849

Keywords: revolutionary waves; revolutions of 1848–49; comparative political analysis; historical patterns; revolutionary dynamics; revolutionary situation; factors of instability; socio-political crisis; national liberation struggle; delegitimisation of power; loyalty to law enforcement agencies; split of elites.

The factors and patterns of revolutionary dynamics are analysed on the empirical basis of the Italian and German revolutions of 1848–49. The article uses a theoretical-historical approach in comparative political analysis that includes shuttle movements between hypotheses and systematic comparison of cases for their verification and correction. The factors of the creation of a revolutionary situation are clarified and the hypothesis of “replenishment” of the missing factors is tested. The revolutionary wave effect is treated as an external influence of successful revolutions in neighbouring and/or highly referential societies. The principles of the interrelation in the revolutionary period of internal political dynamics and geopolitics are formulated on the basis of historical sociological and political studies generalisation. Military victory always raises the legitimacy of the victor, whose role can belong to a revolutionary government, a republic, and a counter-revolutionary monarchy. The bright military victories of the imperial centre marginalise an opposition, increase the loyalty of the border regions, and reduce the support of the separatists. External defeats intensify the political crisis at the centre of power, which weakens its military power and strengthens separatism. The external defeats of post-revolutionary regimes delegitimise not only power and leaders but also symbols, slogans and ideology of revolution. The fate of revolution depends on which field of struggle will be decisive. During the crisis period the intuitive sensitivity of the leaders to slogans and rhetoric is most significant for mobilising allies and masses. Presumably, the demonstration of involvement in such symbols, ideas, social and political projects that most closely correspond to the world picture, values, identities and actual interests of potential adherents comes to the forefront. In the most difficult cases of an approximately equal level of legitimacy for the conflicting parties, the main role is played by the ability of leaders to make both adherents and opponents believe that they have a predominant legitimacy and inevitably win. Since the majority of participants (including elites and law enforcement agencies) are opportunistic and fearful of being on the losing side, the peak of confrontation usually does not last for more than 2–3 days, after which the victorious party acquires more supporters. The approach presupposes that military and international factors, which usually serve as particularistic explanations *ad hoc*, are included here in the general concept and are formulated in universal concepts. Thus, the revealed regularities can be used for analysing a wide range of other revolutionary waves.

References

1. Goldstone, J. (2006) K teorii revolyutsii chetvertogo pokoleniya [To the theory of the fourth generation revolution]. *Logos*. 5. pp. 58–103.
2. Goldstone, J. (2015) *Revolyuksii. Ochen' kratkoye vvedeniye* [Revolutions. A Very Short Introduction]. Translated from English by A. Yakovlev. Moscow: Gaydar Institute.
3. Tsirel, S.V. (2012) Revolyutsionnyye situatsii, revolyutsii i volny revolyutsiy: usloviya, zakonmernosti, primery [Revolutionary situations, revolutions and waves of revolutions: conditions, laws, examples]. *Oykumena*. 8. pp. 174–209.
4. Isaev, L.M. & Korotaev, A.V. (2014) *Revolyuksionnaya volna 2013–2014 gg.: kolichestvennyy analiz* [Revolutionary wave 2013–2014: A quantitative analysis]. [Online] Available from: <http://polit.ru/article/2014/12/21/rev/>. (Accessed: 2nd March 2018).
5. Tilly, Ch. (2003) *The Politics of Collective Violence*. Cambridge: Cambridge University Press.

6. Goldstone, J. et al. (2010) A Global Model for Forecasting Political Instability. *American Journal of Political Science*. 54(1). pp. 190–208. DOI: 10.1111/j.1540-5907.2009.00426.x
7. Beck, C.J. (2011) The World-Cultural Origins of Revolutionary Waves Five Centuries of European Contention. *Social Science History*. 35(2). pp. 167–207. DOI: 10.1215/01455532-2010-020
8. Lakatos, I. (1995) *Fal'sifikatsiya i metodologiya nauchno-issledovatel'skikh program* [Falsification and methodology of research programs]. Translated from English. Moscow: Medium.
9. Rozov, N.S. (2017) Crisis and Revolutions: Fields of Interaction, Actors' Strategies, and Trajectories of Conflict Dynamics. *Polis. Politicheskiye issledovaniya – Polis. Political Studies*. 6. pp. 92–108. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2017.06.07
10. Collins, R. (2015) *Makroistoriya : ocherki sotsiologii bol'shoy dlitel'nosti* [Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run]. Translated from English by N. Rozov. Moscow: URSS.
11. Nevler (Vilin), E. (1936) *K istorii vossoyedineniya Italii* [On the history of Italy reunification]. Moscow: Gosudarstvennoye sotsial'no-ekonomicheskoye izdatel'stvo.
12. Kirova, K.E. (1991) *Zagovorshchiki i narod* [Conspirators and people]. Moscow: Nauka.
13. Falkovich, S.M. (ed.) (2001) *Yevropeyskiye revolyutsii 1848 goda "Printsip natsional'nosti" v politike i ideologii* [European revolutions of 1848. "Principle of nationality" in politics and ideology]. Moscow: Indrik.
14. Keats, J. (2012) *Istoriya Italii* [History of Italy]. Translated from English. Moscow: Astrel'.
15. Potemkin, V.F. & Molok, A.I. (eds) (1952) *Revolutsii 1848–1849* [Revolutions of 1848–1849]. Vol. 2. Moscow: UISSR AS.
16. Lintner, V. (2007) *Italiya. Istoriya strany* [A Traveller's History of Italy]. Translated from English by A. Demin. Moscow: Ekskmo, Midgard.
17. Dilmaer, U., Gestrih, A. et al. (2008) *Kratkaya istoriya Germanii* [A Brief History of Germany]. Translated from German by K. Timofeeva. St. Petersburg: Yevraziya.
18. Rostislavleva, N.V. (2010) The Liberal David Ganzeman – the Advocate of Unity of Germany and Free Business. *Novaya i noveyshaya istoriya – Modern and Current History Journal*. 6. pp. 192–206. (In Russian).
19. Bonvech, B. (ed.) (2008) *Istoriya Germanii v trekh tomakh* [History of Germany in 3 vols]. Vol. 1. Moscow: KDU.

УДК 321.65

DOI: 10.17223/1998863X/44/24

С.Н. Чирун

ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА НА ПРИМЕРЕ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Статья посвящена анализу регионального политического режима на примере Кемеровской области. Автор в своем анализе проблем регионального политического режима опирается на неоинституциональную методологию. Поэтому в данной статье рассматриваются преимущественно неформальные аспекты функционирования регионального политического режима, сопряженные с отношениями между сетевыми узлами региональной власти, формирующими различные формы сетевых интеракций. Ключевые слова: региональный политический режим, неоинституционализм, клиента, рента, консенсусная коррупция.

Исследования региональных политических режимов предполагают опору на верифицируемые методики анализа социально-экономических и политических процессов в регионе, которые позволяют выявлять неповторимую архитектуру регионального политического режима. Вместе с тем сложно рассчитывать на успех, опираясь лишь на статистические и эмпирические материалы. Для успеха необходимо держать в поле зрения политические процессы, частично выходящие за пределы отдельного региона, учитывать национальные политические тренды и перспективы, которые неизбежно влияют на восприятие и оценку локальных региональных процессов.

Региональный политический режим определяется Р.Ф. Туровским как существующая на определенной территории взаимосвязанная совокупность политических акторов (с их методами властвования, ресурсами, целями и стратегиями) и институтов (понимаемых и как организации, и как нормы и правила игры) [1. С. 77–95].

Исследование политического развития регионов России – задача сложная как в практическом, так и в теоретическом плане. Одна из главных трудностей здесь – это выбор адекватной методологии. Социально-экономические процессы в сырьевых регионах России испытывают мощное влияние со стороны глобальных политико-экономических процессов, что является одним из важных аспектов регионального политического анализа. В нашем исследовании регионального политического режима мы считаем наиболее уместным руководствоваться прежде всего неоинституциональным подходом.

Неоинституционализм ставит в центр внимания практики и инварианты действия, где основу политического порядка образуют не институты в традиционном понимании как правовые образования, а шаблонные, многократно повторяемые акты и практики действия [2. С. 39–55].

Неформальные региональные институты формируют стимулы, не совместимые с формальными правилами, поэтому, следуя одному, нельзя не нарушать другое. К их числу относятся клиентелизм, патримониальное гос-

подство, клановая политика [3. Р. 725–740]. Так, внешняя мощь бюрократического аппарата в России удивительным образом сочетается с его неопатримониальным характером, в нем неформальные практики составляют институциональную основу политического порядка, а формальные являются лишь его символической атрибуцией. Такая система имеет следствием слабость гражданского общества, отсутствие социальных лифтов, а номинальная конкуренция проектов, институций и индивидов реализуется внутри клиентелы и госаппарата [4. С. 78].

Применительно к российским регионам иногда (например, Кемеровская область) можно вести речь о султанистском режиме, если региональный лидер устанавливает персоналистский контроль над политикой и бизнесом, используя набор как современных, так и преמודернистских стимулов и вознаграждений. Предельная концентрация личной власти выражается в фасадном характере региональных выборов и почти в пожизненном характере власти.

Реализация в регионе неопатримониального господства предполагает иерархизацию руководства клиентарно-патронажной сети, когда все иные сетевые региональные узлы ликвидируются либо включаются в клиентарно-патронажную сеть уже на правах клиентов. Клиентела характеризуется комбинацией добровольности и обязательств, патрона и клиентов, находящихся в полуполюгальных отношениях [5. С. 98–99]. В то же время термин «клиентелизм» обозначает еще и процесс перевода патрон-клиентских отношений в институциональное пространство, что раскрывает особые грани коррупции региональных политических режимов.

Клиентарные связи, не будучи легитимными, часто на практике являются основным механизмом функционирования системы регионального управления. Фрагментированный, но устойчивый характер практик взаимодействия политико-управленческого класса и населения региона исследователи рассматривают как следствие трех типов искажения демократии: неполитического, популистского и плебисцитарного [6].

Актеры политических сетей (персональные, коллективные / организационные) характеризуются способностями, потребностями, свойствами, интересами и ресурсами, которые образуют основу сетевого взаимодействия [7. С. 71]. Так, согласно Д. Ноуку и Дж. Куклинскому [8. Р. 9], сетевые акторы можно подразделить на «сетевые центры» и находящиеся вокруг таких центров «клики», «кланы», «клиентелы», внутри которых происходит интенсивный внутренний ресурсный обмен, в результате чего неформальные роли не всегда соответствуют формальному статусу сетевых игроков.

А.А. Фисуном представлены модели неопатримониализма: модель хищника (султанистский неопатримониализм), модель поиска ренты (олигархический неопатримониализм) и модель взаимных заложников (бюрократический неопатримониализм) [9. С. 19]. Неопатримониализм в политической науке часто выступает синонимом таких понятий, как клиентелизм, режим пребанды, трайбализм, кронизм, патронаж, коррупция и клептократия [10. Р. 26–51]. В исследованиях неопатримониальных региональных режимов также уместно использовать понятия непотизма, блата и фаворитизма [11. С. 47–48].

Неопатримониализм всегда обусловлен гибридной политическим режимом [12. Р. 7]. Политические институты для неопатримониальных режимов выполняют роль ширмы, маскирующей реальные процессы в сфере по-

литики и экономики [13. Р. 139–156], реализуемые в форме личной власти [14. Р. 32–48] и на основе рентоориентированного поведения политических акторов [15. С. 33–46]. Рентоориентированные практики являются следствием «зависших» транзитов, которые усиливают гибридные формы организации власти [16. С. 132].

Такое положение не только обеспечивает региональный режим необходимыми ресурсами, но и позволяет откладывать на неопределенное время необходимые институциональные преобразования, тем самым помогая укрепиться положению узких групп распорядительных коалиций. Такая практика способствует и уменьшению внимания к проблеме повышения эффективности государственного управления, и поддержанию устаревших норм и практик. Региональные элиты российского общества обязаны своим высокостатусным положением монополии на властные ресурсы и конвертации их в ренту. В этом случае причины неравенства и механизмы его воспроизводства связаны с рентно-служилыми отношениями и административным характером российского рынка [17. С. 104–113].

Несовместимость демократии и неопатримониализма для исследователей очевидна [18. С. 170]. Ведь именно персональный авторитаризм является последствием неопатримониализма [19. С. 8]. В патримониальных системах управленческие функции делегируются региональным акторам, становясь собственностью субъектов управления и основным источником их доходов. Практика кормления до сих пор остается неформальным институтом управленческой культуры для многих регионов России [20. С. 117].

Патрон-клиентские отношения характеризуются достаточно противоречивой природой. В этом феномене уживаются одновременно личная зависимость и взаимная солидарность, персональные обязательства, принуждения и эксплуатация, неофициальность (закрытость) отношений и асимметрия ресурсов. Так, в исследованиях С.Г. Кордонского публичная политика представлена как результат распределения ресурсов между сословиями и реализации скрытых взаимодействий политических акторов в процессе принятия государственных решений [21].

Л.В. Сморгунув рассматривает клиенталистскую сеть как симбиоз административных и общественных структур в локальном политико-управленческом сегменте, которые «взаимодействуют между собой на основе ресурсной зависимости с целью достижения общего согласия по интересующему всех политическому вопросу, используя формальные и неформальные нормы» [22. С. 50–58]. Непременный элемент таких отношений – наличие компромата на клиентов, что является дополнительным механизмом функционирования клиентарно-патронажных связей. Патрон нуждается в компромате на клиента. Факт наличия перманентной угрозы для клиента провоцирует его к выражению преданности патрону и тем самым усиливает клиентарную зависимость. Здесь скрытой формой «закрепощения» является шантаж, предписывающий клиенту действовать в интересах патрона.

Взаимодействия патрона и его клиента определяются в первую очередь не объективным служебным долгом, но преданностью. Клиентарно-патронажные сети образуются вокруг главы региона. В качестве клиентов могут рассматриваться руководители государственных учреждений и предприятия, живущие за счет государственного заказа. Эти клиенты могут в чис-

ле прочего предлагать политическую поддержку региональной власти, что может выражаться в контроле электорального поведения сотрудников и в организации различных публичных акций или сборе средств в поддержку «инициатив» действующего губернатора¹.

Схожие механизмы могут иметь место в отношениях муниципальных образований и региональных администраций. Широко отмечаемая для местного самоуправления в России проблема диспропорции объема собственного финансирования и объема полномочий муниципальных образований закладывает для клиентелизации этих отношений глубинные основания. В качестве условия получения бюджетной субсидии на актуальные местные нужды региональные власти требуют от органов местного самоуправления выполнения определенных условий².

Стабильность клиентелистских отношений основывается на личной преданности, а господство при патримониальном режиме всегда персонифицировано. Поэтому смена лидера здесь может стать серьезной проблемой [23. С. 19]. Наличие сетевой клиентелы провоцирует непропорциональное распределение общественных благ, отражающее участие в принятии решений приближенного круга, в интересах которого осуществляется перераспределение ресурсов. На уровне «режима регулирования» (где происходит преобразование институциональных форм власти в распределение дефицитных ресурсов) преобладающее влияние на государственные решения оказывают доминирующие сети [24. Р. 3–18]. Этот уровень представляет собой зону формирования латентных связей наиболее влиятельных элитарных коалиций, контролирующих силовые, информационные и другие важные ресурсы [25. С. 127–146].

Демонстрируя закрытость и неподконтрольность институтам гражданского общества, эта гибридная система принятия решений обладает высоким уровнем персонификации правления, ориентацией на интересы клептократии [26].

Обладая значительным информационным ресурсом, неопатримониальные структуры способны влиять на параметры публичной сферы в целях снятия социально-политической напряженности, разрешения этнонациональных конфликтов. Вместе с тем неподконтрольные СМИ являются инструментом имитационной политики, результатом которой становится квазипубличное пространство, формируется «деформированная» или «манипулятивная» публичная сфера [27], которая разрушает предпосылки политического дискурса и гражданского участия.

---

¹ Например, в Кузбассе последние 20 лет практически любая общественно-полезная деятельность как региональных, так и муниципальных органов власти представлялась PR-технологами как реализация инициатив губернатора области А.М. Тулеева. Причем последние могли касаться как вопросов, находящихся исключительно в компетенции муниципальных органов власти и местного самоуправления, так и задач, в действительности реализуемых на уровне федеральных проектов. В международном аэропорту г. Кемерово, который носит имя А.А. Леонова, есть надпись, сообщающая об инициативе А.М. Тулеева. Если прочесть эту надпись мимоходом, особо не вчитываясь в знаки препинания, то можно вообразить, что даже выход дважды Героя Советского Союза А.А. Леонова в открытый космос был осуществлен по инициативе А.М. Тулеева.

² Например, А.М. Тулеев долгие годы является почетным гражданином 13 муниципальных образований Кузбасса, а также почетным гражданином Кемеровской области и «народным губернатором» Кузбасса. Ежегодные доходы А.М. Тулеева только от этих званий составляют более 1,5 млн руб.

Неопатримониальные режимы, с одной стороны, формализуют свою легитимность на выборах, с другой стороны, проигрыш абсолютно недопустим, поскольку подразумевает потерю рентных позиций и распад клиентелы.

Выходом для неопатримониальных режимов является институт преемника, где передача власти должна быть процедурно легитимирована, но риск должен быть сведен к минимуму, и власть в итоге должна достаться клиенту, который сможет обеспечить гарантии дистрибуции ресурсов, соответствующие интересам клики. Продолжение же политического курса – это вопрос второстепенный. Однако А.М. Тулеев затянул передачу власти несостоявшемуся преемнику, в качестве которого в разное время рассматривались бывшие заместители губернатора Кузбасса М.А. Макин, Д.В. Исламов, И.В. Середюк, С.Н. Кузнецов. Неудача, во многом вызванная непоследовательными действиями губернатора, вызвала серьезное недовольство в команде Тулеева, саботаж и попытку перехода части клиентелы к новому региональному лидеру.

С клиентарно-патронажными отношениями связан феномен nepoтизма, представляющий собой реализацию административных ресурсов для систематического предоставления уникальных возможностей и привилегий близким родственникам, а также лицам, связанным отношениями близкой дружбы и иными социальными связями, предшествующими служебным отношениям¹. В российских условиях речь идет о широко распространенной практике трудоустройства родственников высокопоставленных чиновников на высокие должности в государственные корпорации, банки с государственным участием и иные бизнес-структуры. Одним из неопатримониальных проявлений является «телефонное право» [28. Р. 324–350]. Исследования свидетельствуют о значительном применении «телефонного права» [29. С. 13]. «Телефонное право» представляет собой неформальный институт влияния на судебные власти [30. С. 42]. Так, А.М. Тулеев неоднократно обвинялся лидерами парламентской оппозиции (Г.А. Зюганов, В.В. Жириновский) в создании на территории региона системы, грубо нарушающей избирательные права граждан. Однако региональные судебные органы в этих случаях принимали решения исключительно в пользу А.М. Тулеева.

В российских регионах клиентелизм и nepoтизм являются определяющими по отношению к рационально-легальным институтам организации власти. Между тем даже изначально эффективные институты под руководством личностей с деформированной шкалой морально-этических ценностей функционируют искаженно, обслуживая преимущественно групповые и личные интересы клиентелы [31. С. 10].

Нарастание значения клиентелы и структур неформальных коммуникаций в региональной политике происходит по мере усиления дисфункций государственных институтов и органов управления и свидетельствует о неэффективности официальных норм и неспособности государственной власти сохранять объективность, следовать духу и букве закона [32. С. 140–141].

---

¹ Например, супруга М.А. Макина в бытность последнего первым вице-губернатором Кузбасса являлась номинальной совладелицей целого ряда бизнес-структур, получающих деньги из областного бюджета: ООО «Сибэнергоконсалтинг»; ООО «Управляющая Сибирская теплоэнергетическая компания»; ООО «Энергетическая инвестиционная компания» и ООО «Теплоэнергосервис»; ООО «Железобетон» и др.

В процессе государственного управления происходит институциональное соединение интересов граждан с официальными органами государственной власти. Как особая площадка коммуникации, государственное управление вводит в процесс выработки политических решений официальные нормы и ограничения, встраивающие общественно-политическую активность населения (гражданских структур) в рамки взаимоотношений формально-институциональных структур [33. С. 121–140].

Неопатримониальные режимы предполагают формирование политико-административных сетей, включающих в себя наряду с чиновниками представителей влиятельных группировок (группы интересов, внутриэлитарные ассоциации и альянсы правящего класса), а также влиятельных персоналий, заинтересованных в решении конкретных вопросов и заполняющих своей активностью институциональные пустоты, которые демонстрируют наибольшую эффективность по сравнению с формальными институтами. Вместо формальных правил элитарные коалиции узаконивают правила обмена и устойчивость коалиционных интересов, обусловленных патрон-клиентскими и коррупционными отношениями. Происходит подмена смыслов иллюзиями и ритуалами, а также формирование корпоративно ориентированной бюрократии, замкнутой на саму себя, озабоченной поддержанием собственного процветания «за счет практически бесконтрольного использования региональных ресурсов» [34. С. 27]. О.Ф. Шабров пишет о корпоративистском государстве в России [35. С. 47–55].

Роль публичных сетей гражданского общества незначительна и существенно уступает влиянию неформальных элитарных сетей. Эти сети успешно конкурируют с формальными институтами, дополняя, а чаще замещая институциональную и межинституциональную коммуникацию. Симулякр российского гражданского общества, представленный значительным количеством общественных НКО и бизнес-сетей, используется региональной властью в качестве публичной декорации (прикрытия) корпоративных интересов клептократических клик. Данные сетевые структуры «переплетаются» с государственными институтами, обуславливая феномен скрытого протекционизма власти, который обеспечивает эффекты НКО и бизнес-сетям (победу в региональных тендерах, выигранные гранты, принятие судебных решений и т.д.). Сама российская политическая система по совокупности характеристик является некорпоративистской [36. С. 90–97].

Особыми возможностями обладают финансово-экономические группировки, имеющие наибольший потенциал влияния на процесс принятия государственных решений, но которые не склонны афишировать свое влияние [37. Р. 44]. На долю Кузбасса приходится около 56% добычи каменного угля России, около 80% добычи всех коксующих углей России. При этом Кузбасс занимает 75-е место в стране по уровню жизни населения и 46-е место – по уровню экономического развития. Среди наиболее крупных игроков, имеющих свои интересы в экономике и политике Кузбасса, можно назвать Сибирский деловой союз (СДС), СУЭК, Евраз, Мечел, Кузбассразрезуголь, – все они вынужденно встроены в региональную систему отношений власти и бизнеса.

Важно отметить, что Кузбасский региональный режим при А.М. Тулееве показал свою способность выстраивать модель «ручного управления», при котором роль формальных институтов значительно снизилась.

Существуют регулируемые формы патримониализма и хищнические. Основанием для разделения служат способ и интенсивность регулирования патримониальных практик [38. С. 275–294]. Исследователи называют отличительные хищнические черты [39. Р. 11]: концентрация личной власти; контроль над экономическими ресурсами при неспособности достигать заметных целей экономического развития; правление, основанное на дуализме страха и вознаграждения; изгнание из региона политических оппонентов и экономических конкурентов; деградация публичных институтов политики и права; разрушение экономики; стирание грани между личным и государственным. По мнению Л. Даймонда, хищничество характеризует не только политическую элиту, но и региональный политический режим. Хищнические режимы навязывают хищническое поведение, пронизывающее всю региональную политику [40. С. 23].

Разница в функционировании институтов в двух формах неопатримониализма может также объясняться разными подходами к конструированию политического порядка [41]. Регулируемый неопатримониализм ориентирован на региональное развитие [42]. В модели хищнического неопатримониализма бизнес существует в условиях систематических поборов со стороны представителей регионального политического режима и перманентной угрозы экспроприации. В таких условиях инвестиционная деятельность теряет какой-либо смысл. Для хищнического неопатримониализма права гарантированы только для собственности правителя и узкого круга семьи или клана.

Так, в авторитарных и гибридных региональных режимах в качестве средств защиты теневых методов и негласных договоренностей используются различные технологии: распространение популизма¹, манипуляции цифрами и фактами, имитация публичного дискурса и др.

Неопатримониальная сеть создает такие формы организации, при которых позиции ее представителей являются эксклюзивными [43. С. 40].

Также сеть задает общий вектор отношений между акторами, например уровень интенсивности и направленность связей между центром и кликами. Эти «центры» играют решающую роль и в процессе конвертации политических статусов в экономические (и обратно). Причем такие формы конвертации осуществляются за счет дистрибутивной практики (например, распределения зон и сфер влияния того или иного чиновника в зависимости от его неформальной роли в соответствующем секторе экономики).

Особенностью неопатримониальных региональных политических режимов являются присущие им теневые и криминальные практики. Первые обычно реализуются в правовом пространстве, но нарушая морально-этические нормы, укрепляя приоритет неформальных принципов и норм в политическом процессе. Вторые же имеют выраженную криминальную при-

---

¹ Имя А.М. Тулеева на общественном транспорте, лавочках (парковых диванах), а также зданиях имеющих религиозно-культовое назначение – все это стало своеобразной визитной карточкой Кемеровской области в период пребывания Тулеева на посту губернатора Кузбасса.

роду, к ним относятся рейдерство¹, незаконное получение депутатских мандатов или должностей в аппарате управления², «распил» бюджетных средств, выведение государственных средств в офшоры, «крышевание» нелегальных секторов экономики.

Так, к негативным результатам деятельности неопатримониальных региональных политических режимов можно отнести развитие рентоориентированных практик в региональном управлении, что ведет к перепрофилированию деятельности правоохранительной и судебной отраслей государственного управления, занимающихся в такой системе поддержанием интересов корпоративных структур. Складывается иллюзорное представление, что в такой системе для реализации регионального развития публичные институты не нужны, поскольку перераспределение ренты идет преимущественно по теневым каналам «взаимодействия патрона и его клиентов» [44. С. 165]. Для обеспечения такого взаимодействия искусственно создается дефицит легальных возможностей, что является самым доходным способом теневого управления [45 С. 220]. С помощью неформальной коммуникации закрытого типа достигается снижение «издержек легальности», сокращая время согласования позиций и интересов в процессе обмена ресурсами [46].

Однако это явление выводит из региональной экономики значительные финансовые ресурсы, где неформальный институт рассеивания ренты ограничивает возможности государства в реализации своих прямых задач. Кроме того, «теневилизация» региональных политико-управленческих структур деформирует функционал публичных институтов, расширяя тактику применения двойных стандартов, нивелируя понятия Закона и ответственности [47. С. 7]. С.Г. Кордонский пишет о сословно-рентной природе российского предпринимательства. Мотивом политического поведения рентных групп, в отличие от предпринимателей при свободной конкуренции, выступает преобразование своего властно-административного ресурса в источник ренты. При этом государство стремится контролировать существующие ресурсные потоки, обуславливая наделение той либо иной группы подвластного населения долей ренты не только ее объемом прибыли, а в первую очередь – личной и политической лояльностью, готовностью «играть по заданным правилам». В этом случае коррупция государственной бюрократии признается «статусной политической рентой» [48. С. 185–530], обновленным вариантом средневековой системы кормлений. Это, в свою очередь, ведет к деформации политической культуры, закрепляя не ценности гражданско-ассоциативных коммуникаций власти и общества, а принципы клиентарно-патронажной модели коммуникации. Такая система политических взаимодействий поддержи-

---

¹ Например, в результате громкого коррупционного скандала в ноябре 2016 г. было возбуждено уголовное дело по ст. 163 УК РФ в отношении высокопоставленных чиновников Кемеровской области, в числе которых и два заместителя губернатора Кузбасса А.В. Данильченко и А.В. Иванов. Они подозреваются в попытке рейдерского захвата 51% акций угледобывающей компании «Разрез Инской» и находятся в настоящее время под домашним арестом.

² Например, А.М. Тулеев 3 апреля 2018 г. стал депутатом Совета народных депутатов Кемеровской области, хотя еще в декабре 2014 г. Конституционный Суд РФ признал неконституционной повторную передачу мандата лицу, ранее от него отказавшемуся. Кроме того, Тулеев, возглавивший Совет народных депутатов, при вступлении в должность не принял присягу, вопреки требованиям п. 2 ст. 41 Устава Кемеровской области.

вается технологиями манипуляции общественным мнением. В результате усиливается отчуждение граждан от власти [49. С. 161–198].

В России региональные политические режимы, не оправдав демократических надежд, превратились в гибридные, сочетающие внешние демократические процедуры с неопатримониальными механизмами управления и электоральным авторитаризмом, использующим государственные институты в качестве инструмента легитимации и удержания власти авторитарным региональным лидером [50. Р. 161–198].

В данном случае клиентарно-патронажные группировки, трактуя свои корпоративные интересы как интересы региона, легитимируют имитационные практики институциональных преобразований, превращая их в ширму для реализации групповых интересов клики. Клики представляют собой «сообщества, интегрирующие «своих» людей на основе взаимного доверия и готовности ради «общего дела» пренебречь моральными и правовыми нормами в отношении других граждан» [51. С. 74]. Клики сильнее, чем декларируемые в законодательстве и идеологиях официальные институты. Это ведет к воспроизводству «институциональных ловушек» – ситуаций, закрепляющих равновесные, устойчивые, но нерациональные нормы поведения [52. С. 286].

Клика – более широкое понятие, чем клиентела. В политической науке еще в 50-х гг. XX в. было выделено несколько типов клик [53. Р. 333–335]: вертикальные, организованные на основе клиентелы; вертикальные, опирающиеся на родственно-непотизские связи, или парантеллу; горизонтальные охранительно-агрессивные, возникающие в условиях социально-экономических преобразований для использования преобразований в своих интересах. Кликократия является серьезной институциональной ловушкой в развитии российских регионов. Кликократические структуры контролируют ключевые узлы принятия решений, купируя возможности ведения конкурентной борьбы за доступ к государственным ресурсам и должностям в различных отраслях. В итоге она ведется за получение доступа к узлам принятия решений, без которых дальнейшее участие в распределении ресурсов невозможно.

О.В. Крыштановская пришла к выводу, что российские клановые группы структурированы по принципу «слоеного пирога». Клан возглавляет политический лидер, далее сверху вниз следуют группа политической поддержки, финансово-промышленная группа, лояльные СМИ, отделы безопасности [47. С. 81–85].

На наш взгляд, в структуре кликократического клана может присутствовать четыре элемента: 1) группа политической поддержки, связывающая клан с Политбюро 2.0; 2) группа финансово-экономической поддержки; 3) группа PR-медиативной поддержки; 4) группа силовой поддержки, представленная административно-силовыми структурами, частными охранными организациями, а в некоторых случаях и криминальными группами.

В результате происходит «приватизация» высшими государственными чиновниками экономической инфраструктуры, патронируемой региональной властью [45. С. 210]. Это выводит крупные финансово-промышленные группы из формата рыночной конкуренции. Но, по мнению Д. Аджемоглу и Д. Робинсона, такая система – это не дефект, который легко устранить, а за-

вершенный проект, поскольку такие институциональные «правила игры» позволяют доминирующей региональной группировке извлекать максимум ренты [55]. Бюрократические клики склоняются к монопольному типу политического рынка и персонализации власти. Клики перераспределяют ресурсы власти, что ведет к подмене целей государственного управления. Бюрократические группировки («команды», клики, кланы) используют государственные должности и полномочия для достижения собственной выгоды: обогащения, властной монополии, обладания инсайдерской информацией, престижа.

Методы реализации интересов бюрократии включают в себя административное предпринимательство (извлечение коммерческой выгоды из обладания государственной должностью), административную ренту (принятие корпоративно или лично выгодных государственных решений), рейдерство (захват бизнеса), организационную коррупцию, патрон-клиентарные взаимоотношения. Механизмами контроля бюрократии над крупным бизнесом стало участие чиновников высокого ранга в советах директоров, советах акционеров, занятие ими экспертно-консультационных и менеджерских должностей в прибыльных корпорациях, а также создание госкорпораций [56].

Отказ в доступе к ренте или сокращение ее объемов – основной источник расколов региональной элиты. Вследствие этого государство видит своей основной целью не совершенствование институционального дизайна, а поиск механизмов, гарантирующих ключевым группам доступ к максимально широкому объему ресурсов. В результате эффективным средством для поддержания корпоративной солидарности становятся коррупционные отношения (консенсусная коррупция), существование которых неопатримониальные режимы рассматривают как естественное и даже необходимое условие поддержания лояльности [57. С. 126–140], где симуляция борьбы с коррупцией является эффективным механизмом борьбы с конкурентными группами интересов.

В силу ограниченности ресурсов неопатримониальные режимы вынуждены перманентно формировать все новые рентные комбинации, позволяющие конвертировать политическую власть в доход. В качестве таких механизмов перераспределения выступают различные региональные и федеральные проекты (мегапроекты) и программы – спортивные, научно-технические, социальные, инфраструктурные, – поражающие непредвзятого исследователя итоговой стоимостью и неэффективностью [32. С. 19–20]. Ведущие российские кланы и клики последовательно готовят свою молодежь к роли преемников сбора ренты [58. С. 96].

Заключение

Политический порядок в большинстве регионов России характеризуется преобладанием политики над экономикой. Институциональные процессы здесь регулируются преимущественно неформальными конвенциями. В Кузбассе власть и собственность составляют нерасчленимый институт. Особенности регионального режима в этих условиях являются: феномен «власти – собственности»; перераспределительный тип экономики; сословная модель стратификации; ориентация на консервацию общественно-политических процессов, а не на инновационное развитие региона.

Отношения власти-собственности здесь строятся по теории административного рынка при доминирующей роли региональной бюрократии. В Кузбассе не было завершено формирование свободного конкурентного рынка, а группы интересов образуют систему неравенств по критерию возможностей рентного доступа, определяемого отношением первого лица (губернатора). Стратификация носит сословно-патерналистский, закрытый характер и является производной от степени обладания властными ресурсами.

Региональный политический режим предполагает архитектуру власти на основе отношения «власти-собственности» и бесконтрольное от гражданского общества формирование правящей элиты. Кузбасский бизнес долгие годы преимущественно избегал солидаризации, предпочитая кулуарные договоренности с губернатором Кузбасса и его клиентов.

Феномен непотизма в региональном политическом режиме фиксирует синкретизм власти и собственности, формирующий новый вариант апроприации публичных полномочий и связанных с ними экономических возможностей. Границы и возможности региональных кликов в принятии и реализации политических (государственных) решений прежде всего определяются их связями с неформальными и формальными институтами власти, персональным составом участников этих образований, соответствием ресурсов и целей этих ассоциаций существующим в государстве нормативным ограничениям. О результатах их деятельности можно судить по косвенным данным, прежде всего по итогам распределения материальных и нематериальных ресурсов в обществе, демонстрирующим подлинных бенефициариев регионального управления.

В Кемеровской области в силу низкого качества институтов, апатии населения, слабости гражданского общества и бесконтрольности правящей элиты теневые структуры (клики, клиенты, кланы) в текущий момент обладают решающим влиянием при утверждении целей региональной политики и принятии ключевых управленческих решений.

Соответственно, произошедшая после трагических событий, повлекших массовую гибель людей, смена регионального лидера вселяет серьезные надежды на трансформацию регионального политического режима. А заявленное С.Е. Цивилёвым наращивание совместных усилий со стороны государства и общества по преодолению изъянов региональной политики с целью сделать «Кузбасс регионом номер один за Уралом» способно снизить деструктивные последствия предшествующего периода правления и стать надежной превенцией политических рисков, провоцирующих структурные и институциональные кризисы власти.

Литература

1. *Туровский Р.Ф.* Региональные политические режимы в России: к методологии анализа // Полис. Политические исследования. 2009. № 2. С. 77–95.
2. *Панов П.В.* Институционализм(ы) : объяснительные модели и причинность // Полис. 2015. № 3. С. 39–55.
3. *Helmke G., Levitsky S.* Informal institutions and comparative politics: a research agenda // Perspectives on Politics. 2004. Vol. 2, № 4. P. 725–740.
4. *Соловьёв А.И.* Латентные структуры управления государством, или Игра теней на лице власти // Полис. 2011. № 5. С. 70–98.
5. *Афанасьев М.Н.* Клиентелизм и российская государственность. М. : МОНФ, 2000. С. 98–99.

6. *Урбинати Н.* Искаженная демократия. Мнение, истина и народ / пер. с англ. Д. Кралечкин ; науч. ред. перевода В. Софронов. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. 448 с.
7. *Мирошниченко И.В.* Сетевой подход в политических исследованиях: содержание и направления развития // Человек. Сообщество. Управление. 2013. № 3. С. 68–86.
8. *Кноке D., Kuklinski J.* Network Analysis. Beverly Hills, 1982. 119 p.
9. *Фисун А.А.* Постсоветские неопатримониальные режимы: генезис, особенности, типология // Отечественные записки. 2007. Т. 39, № 6. С. 8–28.
10. *Ilyin M.* Patrimonialism. What is Behind the Term: Ideal Type, Category, Concept or just a Buzzword? // Yearbook of Political Thought, Conceptual History and Feminist Theory. 2015. Vol. 18, № 1. P. 26–51.
11. *Eisenstadt S.N., Roniger L.* Patrons, clients and friends. Interpersonal relations and the structure of trust in society. Cambridge, 1984. P. 47–48.
12. *Robinson N.* The Political Origins of Russia's «Culture Wars». Limerick : University of Limerick, Department of Politics and public administration, 2014. 49 p.
13. *Розов Н.С.* Неопатримониальные режимы: разнообразие, динамика и перспективы демократизации // Полис. Политические исследования. 2016. № 1. С. 139–156.
14. *Hanson S.* Plebiscitarian Patrimonialism in Putin's Russia: Legitimizing Authoritarianism in a Postideological Era // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2011. 636.1. P. 32–48.
15. *Фишман Л.Г.* Рентное общество и последний «дух капитализма» // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2016. № 2. С. 33–46.
16. *Silke A., Kreisi H.* The Network Approach. Theories of the Policy Process / ed. by P.A. Sabatier. 2nd ed. Boulder : Westview Press, 2007. 149 p.
17. *Тихонова Н.Е.* Социальная структура России : теория и реальность. М., 2014. С. 104–113.
18. *Розов Н.С.* Теория трансформации политических режимов и природа неопатримониализма // Полис. Политические исследования. 2015. № 6. С. 157–72.
19. *Гельман В.Я.* Модернизация, институты и «порочный круг» постсоветского неопатримониализма. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. С. 8–17.
20. *Гельман В.Я.* Из огня да в полымя: российская политика после СССР. СПб. : БХВ-Петербург, 2013. 256 с.
21. *Кордонский С.* Сословная структура постсоветской России. М. : Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2008. 216 с.
22. *Сморгунов Л.В.* Сравнительный анализ политико-административных реформ: от нового государственного менеджмента к концепции «governance» // Полис. Политические исследования. 2003. № 4. С. 50–58.
23. *Панов П.В.* Политический порядок и проблема воспроизводства власти: институт премьера // Политэкс. 2010. № 3. С. 19–33.
24. *Morçol G.* Decision Making: An Overview of Theories, Contexts, and Methods. Handbook of Decision Making / ed. by Goktug Morçol. Harrisburg, Pennsylvania : CRC Press, 2007. P. 3–18.
25. *Соловьев А.И.* Государственные решения: концептуальный простор и тупики теоретизации // Политические исследования. 2015. № 3. С. 127–146.
26. *Inglehart R., Welzel Ch.* Modernization, Cultural Change and Democracy. New York, 2005.
27. *Сеннет Р.* Падение публичного человека / пер. с англ. О. Исаевой, Е. Рудницкой, Вл. Софронова, К. Чухрукидзе. М. : Логос, 2003. 424 с.
28. *Ledeneva A.* Telephone justice in Russia // Post-Soviet Affairs. 2008. Vol. 24, № 4. P. 324–350.
29. *Горбуз А.К., Краснов М.А., Мишина Е.А., Сатаров Г.А.* Трансформация российской судебной власти. Опыт комплексного анализа. СПб. : Норма. 2010. 480 с.
30. *Леденева А., Шушанян Н.* Телефонное право в России // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. 2008. № 3 (95). С. 42–50.
31. *Оболонский А.В.* Этика публичной сферы и реалии политической жизни. М. : Мысль, 2016. 448 с.
32. *Барсукова С.Ю.* Эссе о неформальной экономике, или 16 оттенков серого. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С. 140–141.
33. *Соловьев А.И.* Государство как пространство принятия решений // Российская политическая наука: идеи, концепции, методы. М. : Аспект-Пресс, 2015. Т. 4. С. 121–140.
34. *Бабинцев В.П.* Имитационные практики в государственном и муниципальном управлении // Власть. 2012. № 5. С. 24–29.
35. *Шабров О.Ф.* Корпоративистское государство в условиях картельной многопартийности // Политическое управление и публичная политика XXI века. М., 2008. С. 47–55.

36. Макаренко Б.И. Неокорпоративизм в современной России // Сравнительная политика. 2011. № 2 (4). С. 90–97.
37. Toke D., Marsch D. Policy networks and GM groups issue: Assessing the utility of a dialectical model of policy networks // Public Administration. 2013. P. 44.
38. Bach D. Patrimonialism and Neopatrimonialism: Comparative Trajectories and Readings // Commonwealth & Comparative Politics. 2011. Vol. 49, № 3. P. 275–294.
39. Bavister-Gould A. Predatory Leaderships, Predatory Rule and Predatory States // Concept Brief. 2011. № 1. P. 9–14.
40. Diamond L. Civic Communities and Predatory Societies. Intercultural management Institute, 2001. 230 p.
41. Панов П.В. Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 230 с.
42. Kelsall T. et al. Developmental Patrimonialism? Questioning the Orthodoxy on Political Governance and Economic Progress in Africa // Africa Power and Politics. Working Paper. 2010. № 9. 33 p.
43. Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М. : Захаров, 2005. 384 с.
44. Мельвиль А.Ю. Зачем «царю горы» хорошие институты? // Политическая наука. 2013. № 3. С. 151–169.
45. Куряшин Г.Л. Модернизация государственного управления: институты и интересы. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2012. 312 с.
46. *Managing Complex Networks : Strategies for the Public Sector* / ed. by: W.J.M. Kickert, E.-Hans Klijn, J.F.M. Koppenjan. SAGE, 2015. 224 p.
47. Морозова Е.В., Мирошниченко И.В., Рябченко Н.А. Гибридные институты и неформальные политические практики // Человек. Сообщество. Управление. 2015. Т. 16, № 4. С. 6–27.
48. Шохин А.Н., Прохорова А.А. Политическое позиционирование бизнеса в период трансформационного кризиса конца XX в. в России // Бизнес и власть в России. Взаимодействие в условиях кризиса. М., 2016. С. 185–207.
49. *Демократизация* / сост. и науч. ред. К.В. Харпфер, П. Бернхаген, Р.Ф. Инглхарт, К. Вельцель. М., 2015. С. 528–530.
50. Morse Y.L. The Era of Electoral Authoritarianism // World Politics. 2012. Vol. 64, № 1. P. 161–198.
51. Хлопин А.Д. Становление гражданского общества в России: институциональная перспектива // Pro et Contra. 1997. Т. 2, № 4. С. 60–76.
52. Патрушев С.В. Кликократия как институциональная проблема российской модернизации // Власть и политика: институциональные вызовы XXI века. Политическая наука : ежегодник 2012. М. : РОССПЭН, 2012. С. 279–296.
53. Dalton M. Men Who Manage. New York : John Wiley & Sons, 1959. P. 333–335.
54. Аджемоглу Д., Робинсон Д. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М. : АСТ., 2015. 693 с.
55. Бессонова О.Э. Рынок и раздаток в российской матрице: от конфронтации к интеграции. М. : Политическая энциклопедия, 2015. 151 с.
56. Ершова И.А. Электоральный авторитаризм: российская версия // Гражданское и политическое в российских общественных практиках / под ред. С.В. Патрушева. М. : РОССПЭН, 2013. С. 126–140.
57. Нисневич Ю.А. Правящая номенклатура сегодня: «захват государства» // Общественные науки и современность. 2014. № 5. С. 88–97.

Sergey N. Chirun, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation).

E-mail: sergii-tschi@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 44. pp. 253–268.

DOI: 10.17223/1998863X/44/24

PROBLEMS OF THE FUNCTIONING OF THE REGIONAL POLITICAL REGIME ON THE EXAMPLE OF KEMEROVO OBLAST

Keywords: regional political regime; neoinstitutionalism; clientele; rent; consensual corruption.

The article is devoted to the analysis of the regional political regime on the example of Kemerovo Oblast. The article considers modern domestic and foreign typologies of political regimes, their correspondence to the realities of Russian regions. The practice of actual gubernatorial control over the arrangement of the main political and economic regional players in Kuzbass does not allow us to speak about the balance of branches of power in the region. The author, in his analysis of the problems of the

regional political regime, relies on a neoinstitutional methodology. Studies of regional political regimes presuppose reliance on verifiable methods of analysing socio-economic and political processes in the region that allow us to identify the unique architecture of the regional political regime. At the same time, it is difficult to count on success, basing only on statistical and empirical materials. For success, it is necessary to keep political processes that partially overlap a particular region, take into account national political trends and perspectives that inevitably affect the perception and evaluation of local regional processes. The political order in most of Russia's regions is characterised by the prevalence of policy over economy. Institutional processes here are regulated mainly by informal conventions. In Kuzbass, power and property constitute an indivisible institution. Features of the regional regime in these conditions are: the phenomenon of "power – property"; redistribution type of economy; class model of stratification; orientation to the preservation of socio-political processes, and not to the innovative development of the region. The relationship between power and property is built around the theory of the administrative market with the dominant role of the regional bureaucracy. In Kuzbass, the formation of a free competitive market was not completed, and interest groups form a system of inequalities by the criterion of the opportunities for rental access, determined by the attitude of the first person (the governor). Stratification is of a cast-paternal, closed character, and is a derivative of the degree of possession of imperious resources. The regional political regime assumes the architecture of power on the basis of the «power – property» relationship and the formation of the ruling elite uncontrolled from civil society. Kuzbass business for many years mostly avoided solidarisation, preferring backstage arrangements with the governor of Kuzbass and his clientele. The boundaries and opportunities for regional cliques in the adoption and implementation of political (state) decisions are primarily determined by their links with informal and formal institutions of power; the personal composition of participants in these entities; compliance of resources and objectives of these associations with the regulatory restrictions existing in the state. The results of their activities can be judged by indirect data and, above all, by the results of the distribution of tangible and intangible resources in society, demonstrating the true beneficiaries of regional management. In Kemerovo Oblast, due to the poor quality of institutions, the apathy of the population, the weakness of civil society and the lack of control of the ruling elite, shadow structures (cliques, clientele, clans) currently have a decisive influence in approving regional policy goals and making key management decisions.

References

1. Turovskiy, R.F. (2009) Regional political regimes in Russia: to the methodology of analysis. *Polis. Politicheskiye issledovaniya – Polis. Political Studies*. 2. pp. 77–95. (In Russian).
2. Panov, P.V. (2015) Institutionalism(s): explanatory models and causality. *Polis. Politicheskiye issledovaniya – Polis. Political Studies*. 3. pp. 39–55. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2015.03.09
3. Helmke, G. & Levitsky, S. (2004) Informal institutions and comparative politics: a research agenda. *Perspectives on Politics*. 2(4). pp. 725–740. DOI: 10.1017/S1537592704040472
4. Solovyov, A.I. (2011) Latent structures of the state rule, or the play of shadows upon the face of the authority. *Polis. Politicheskiye issledovaniya – Polis. Political Studies*. 5. pp. 70–98. (In Russian).
5. Afanasyev, M.N. (2000) *Kliyentelizm i rossiyskaya gosudarstvennost'* [Clientelism and Russian statehood]. Moscow: MONF. pp. 98–99.
6. Urbinati, N. (2016) *Iskazhennaya demokratiya. Mneniye, istina i narod* [Democracy Disfigured: Opinion, Truth, and the People]. Translated from English by D. Kralchkin. Moscow: Gaydar Institute.
7. Miroshnichenko, I.V. (2013) Network approach in political studies: content and trends. *Che-lovek. Soobshchestvo. Upravleniye – Human. Community. Management*. 3. pp. 68–86. (In Russian).
8. Knoke, D. & Kuklinski, J. (1982) *Network Analysis*. Beverly Hills.
9. Fisun, A.A. (2007) Postsovetskiye neopatrimonial'nyye rezhimy: genezis, osobennosti, tipologiya [Post-Soviet neo-patrimonial regimes: genesis, features, typology]. *Otechestvennyye zapiski*. 39(6). pp. 8–28.
10. Ilyin, M. (2015) Patrimonialism. What is Behind the Term: Ideal Type, Category, Concept or just a Buzz-word? *Yearbook of Political Thought, Conceptual History and Feminist Theory*. 18(1). pp. 26–51. DOI: 10.7227/R.18.1.3
11. Eisenstadt, S.N. & Roniger, L. (1984) *Patrons, clients and friends. Interpersonal relations and the structure of trust in society*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 47–48.
12. Robinson, N. (2014) *The Political Origins of Russias "Culture Wars"*. Limerick: University of Limerick, Department of Politics and public administration.

13. Rozov, N.S. (2016) Neo-patrimonial regimes: diversity, dynamics and prospects for democratization. *Polis. Politicheskiye issledovaniya – Polis. Political Studies*. 1. pp. 139–156. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2016.01.10
14. Hanson, S. (2011) Plebiscitarian Patrimonialism in Putins Russia: Legitimizing Authoritarianism in a Postideological Era. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 636.1. pp. 32–48. DOI: 10.1177/0002716211398210
15. Fishman, L.G. (2016) Rentnoye obshchestvo i posledniy “dukh kapitalizma” [Rent society and the last “spirit of capitalism”]. *Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kulture*. 2. pp. 33–46.
16. Silke, A. & Kreisi, H. (2007) *The Network Approach. Theories of the Policy Process*. 2nd ed. Boulder: Westview Press.
17. Tihonova, N.E. (2014) *Sotsial'naya struktura Rossii: teoriya i real'nost'* [The social structure of Russia: theory and reality]. Moscow: Novyy khronograf. pp. 104–113.
18. Rozov, N.S. (2015) The Theory of Political Regimes' Transformation and Nature of Neopatrimonialism. *Polis. Politicheskiye issledovaniya – Polis. Political Studies*. 6. pp. 157–172. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2015.06.15
19. Gelman, V.Ya. (2015) Modernizatsiya, instituty i “porochnyy krug” postsovetского neopatrimonializma [Modernization, institutions and the “vicious circle” of post-Soviet neopatrimonialism]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg. pp. 8–17.
20. Gelman, V.Ya. (2013) *Iz ognya da v polymya: rossiyskaya politika posle SSSR* [Out of the pan into the fire: Russian politics after the USSR]. St. Petersburg: BHV-Peterburg.
21. Kordonskiy, S. (2008) *Soslovnaya struktura postsovet'skoy Rossii* [Class structure of post-Soviet Russia]. Moscow: Institut Fonda “Obshchestvennoe mnenie”.
22. Smorgunov, L.V. (2003) Comparative Analysis of Politico-Administrative Reforms: from New State Management to the “Governance” Conception. *Polis. Politicheskiye issledovaniya – Polis. Political Studies*. 4. pp. 50–58. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2003.04.05
23. Panov, P.V. (2010) Politicheskiy porjadok i problema vosproizvodstva vlasti: institut preymnika [Political order and the problem of the reproduction of power: the institution of the successor]. *Politeks – Political Expertise: POLITEX*. 3. pp. 19–33.
24. Morçol, G. (2007) *Decision Making: An Overview of Theories, Contexts, and Methods. Handbook of Decision Making*. Harrisburg, Pennsylvania: CRC Press. pp. 3–18.
25. Solovyev, A.I. (2015) Government decisions: The conceptual space and dead ends of theorization. *Polis. Politicheskiye issledovaniya – Polis. Political Studies*. 3. pp. 127–146. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2015.03.08
26. Inglehart, R. & Welzel, Ch. (2005) *Modernization, Cultural Change and Democracy*. Cambridge University Press.
27. Sennet, P. (2003) *Padeniye publichnogo cheloveka* [The Fall of Public Man]. Translated from English by O. Isaeva, Rudnitskaya, Vl. Sofronov, K. Chukhrukidze. Moscow: Logos.
28. Ledeneva, A. (2008) Telephone justice in Russia. *Post-Soviet Affairs*. 24(4). pp. 324–350. DOI: 10.2747/1060-586X.24.4.324
29. Gorbuz, A.K., Krasnov M.A., Mishina E.A. & Satarov G.A. (2010) *Transformatsiya rossiyskoy sudebnoy vlasti. Opyt kompleksnogo analiza* [Transformation of the Russian Judiciary Power. Experience in Complex Analysis]. St. Petersburg: Norma.
30. Ledeneva, A. & Shushanyan, N. (2008) Telephone Justice in Russia. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz*. 3(95). pp. 42–50. (In Russian).
31. Obolonskiy, A.V. (2016) *Etika publichnoy sfery i realii politicheskoy zhizni* [Ethics of the Public Sphere and the Realities of Political Life]. Moscow: Mysl'.
32. Barsukova, S.Yu. (2015) *Esse o neformal'noy ekonomike, ili 16 ottenkov serogo* [The Essay on the Informal Economy, or 16 Shades of Gray]. Moscow: HSE. pp. 140–141.
33. Solovyev, A.I. (2015) Gosudarstvo kak prostranstvo prinyatiya resheniy [The state as a decision-making space]. In: Smorgunov, L.V. (ed.) *Rossiyskaya politicheskaya nauka: idei, kontseptsii, metody* [Russian political science: ideas, concepts, methods]. Vol. 4. Moscow: Aspekt-Press. pp. 121–140.
34. Babintsev, V.P. (2012) Imitatsionnyye praktiki v gosudarstvennom i munitsipal'nom upravlenii [Simulation practices in state and municipal management]. *Vlast – The Power*. 5. pp. 24–29.
35. Shabrov, O.F. (2008) Korporativistskoye gosudarstvo v usloviyakh kartel'noy mnogopartiynosti [Corporatist state in conditions of cartoon multi-party politics]. In: Gaman-Goluvina, O.V. (ed.) *Politicheskoye upravleniye i publichnaya politika XXI veka* [Political Management and Public Policy of the 21st Century]. Moscow: ROSSPEN. pp. 47–55.
36. Makarenko, B.I. (2011) Neocorporatism in modern Russia. *Sravnitel'naya politika – Comparative Politics Russia*. 2(4). pp. 90–97. (In Russian). DOI: 10.18611/2221-3279-2011-2-2(4)-90-96

37. Toke, D. & Marsch, D. (2013) Policy networks and GM groups issue: Assessing the utility of a dialectical model of policy networks. *Public Administration*. 81(2). pp. 229–251. DOI: 10.1111/1467-9299.00344
38. Bach, D. (2011) Patrimonialism and Neopatrimonialism: Comparative Trajectories and Readings. *Commonwealth & Comparative Politics*. 49(3). pp. 275–294. DOI: 10.1080/14662043.2011.582731
39. Bavister-Gould, A. (2011) Predatory Leaderships, Predatory Rule and Predatory States. *Concept Brief*. 1. pp. 9–14.
40. Diamond, L. (2001) Civic Communities and Predatory Societies. *Culture Matters: A Forum for Business, Education and Training Professionals*. Intercultural Management Institute, American University. Washington, D.C. May 10, 2001.
41. Panov, P.V. *Instituty, identichnosti, praktiki: teoreticheskaya model' politicheskogo poryadka* [Institutions, identities, practices: a theoretical model of political order]. Moscow: ROSSPEN.
42. Kelsall, T., et al. (2010) Developmental Patrimonialism? Questioning the Orthodoxy on Political Governance and Economic Progress in Africa. *Africa Power and Politics Working Paper*. 9.
43. Kryshchanovskaya, O.V. (2005) *Anatomiya rossiyskoy elity* [Anatomy of the Russian elite]. Moscow: Zakharov.
44. Melville, A.Yu. (2013) Zachem “tsaryu gory” khoroshiye instituty? [Why do the “king of the hill” have good institutions?]. *Politicheskaya nauka – Political Science*. 3. pp. 151–169.
45. Kupryashin, G.L. (2012) *Modernizatsiya gosudarstvennogo upravleniya: instituty i interesy* [Modernization of public administration: institutions and interests]. Moscow: Moscow State University.
46. Kickert, W.J.M., Klijn E.-H. & Koppenjan, J.F.M. (eds) (2015) *Managing Complex Networks: Strategies for the Public Sector*. SAGE.
47. Morozova, E.V., Miroshnichenko, I.V. & Ryabchenko, N.A. (2015) Hybrid political institutions: revisiting the issue of typologization. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie – Human. Community. Management*. 16(4). pp. 6–27. (In Russian).
48. Shokhin, A.N. & Prokhorova A.A. (2016) Politicheskoye pozitsionirovaniye biznesa v period transformatsionnogo krizisa kontsa XX v. v Rossii [Political positioning of business in the period of transformational crisis of the late twentieth century in Russia]. In: Shokhin, A.N. (ed.) *Biznes i vlast' v Rossii. Vzaimodeystviye v usloviyakh krizisa* [Business and Power in Russia. Interaction in a Crisis]. Moscow: HSE. pp. 185–207.
49. Harpfer, K.W., Bernhagen, P., Inglehart, R.F. & Welzel, K. (eds) (2015) *Demokratizatsiya* [Democratization]. Translated from English. Moscow: HSE. pp. 528–530.
50. Morse, Y.L. (2012) The Era of Electoral Authoritarianism. *World Politics*. 64(1). pp. 161–198. DOI: 10.1017/S0043887111000281
51. Khlopin, A.D. (1997) Stanovleniye grazhdanskogo obshchestva v Rossii: institutsional'naya perspektiva [Formation of a civil society in Russia: institutional perspective]. *Pro et Contra*. 2(4). pp. 60–76.
52. Patrushev, S.V. (2012) Klikokratiya kak institutsional'naya problema rossiyskoy modernizatsii [Klykokratiya as an institutional problem of Russian modernization]. In: Solovyev, A.I. (ed.) *Vlast' i politika: institutsional'nyye vyzovy XXI veka. Politicheskaya nauka. Yezhegodnik 2012* [Power and Politics: Institutional Challenges of the 21st Century. Political Science. Yearbook 2012]. Moscow: ROSSPEN. pp. 279–296.
53. Dalton, M. (1959) *Men Who Manage*. New York: John Wiley & Sons. pp. 333–335.
54. Ajemoglu, D. & Robinson, D. (2015) *Pochemu odni strany bogatyye, a drugiye bednyye. Proiskhozhdeniye vlasti, protsvetaniya i nishchety* [Why are some countries rich and others poor. The origin of power, prosperity and poverty]. Moscow: AST.
55. Bessonova, O.E. (2015) *Rynok i razdatok v rossiyskoy matritse: ot konfrontatsii k integratsii* [The market and distribution in the Russian matrix: from confrontation to integration]. Moscow: ROSSPEN.
56. Ershova, I.A. (2013) Elektoral'nyy avtoritarizm: rossiyskaya versiya [Electoral authoritarianism: the Russian version]. In: Patrushev, S.V. (ed.) *Grazhdanskoye i politicheskoye v rossiyskikh obshchestvennykh praktikakh* [Civil and Political in Russian Public Practices]. Moscow: ROSSPEHN. pp. 126–140.
57. Nisnevich, Yu.A. (2014) Pravyashchaya nomenklatura segodnya: “zakhvat gosudarstva” [The ruling nomenclature today: “the seizure of the state”]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Contemporary World*. 5. pp. 88–97.

МОНОЛОГИ, ДИАЛОГИ, ДИСКУССИИ

УДК 1 (091)

DOI: 10.17223/1998863X/44/25

И.Д. Джохадзе

«ПРАГМАТИЗМ КАК ОБРАЗ ЖИЗНИ»: ХИЛАРИ ПАТНЭМ И РУТ АННА ПАТНЭМ О ФИЛОСОФСКОМ НАСЛЕДИИ ДЖЕЙМСА И ДЬЮИ¹

Сборник статей Хилари и Рут Анны Патнэм заставляет по-новому взглянуть на полутора столетнюю историю американского прагматизма. Ч.С. Пирс, который считается основоположником этой традиции, упоминается в книге едва ли не вскользь. Все внимание сосредоточено на Джеймсе и Дьюи как истинных классиках и выразителях «инспиративного духа» прагматизма. По мнению авторов, значение Пирса и его философских открытий («максимы прагматизма», теории абдукции, фанероскопии) сильно преувеличено. Патнэмы пытаются уйти от стандартных историко-философских схем и интерпретаций наследия классиков. Для них прагматизм – не академическая традиция и даже не философская школа, а нечто большее: «образ жизни».

Ключевые слова: прагматизм, максима Пирса, дихотомия «факт – ценность», мнение, верование.

В исследованиях о прагматизме принято выделять две основных тенденции, или вектора, развития этого направления в XX–XXI вв. – линию Ч. Пирса и линию У. Джеймса. «Правому» прагмати(ци)зму Пирса и его философских последователей (К.И. Льюиса, С. Хаак, Х. Патнэма, Н. Решера) противопоставляется «левый», более открытый и дивергентный, менее замкнутый на эпистемологической проблематике, неэпистемологический прагматизм «джеймсианцев» – Ф.К.С. Шиллера, Дж. Дьюи, С. Хука, Р. Рорти, К. Уэста, Р. Шустермана и др. Статьи Рут Анны Патнэм и Хилари Патнэма, собранные Д. Макартуром для издательства Гарвардского университета, заставляют усомниться в корректности этой стандартной историко-философской схемы. В книге о прагматизме, один из авторов которой, Х. Патнэм, считается едва ли не главным представителем «правого» лагеря прагматистов (достаточно вспомнить его полемику с Рорти), Чарлз Сандерс Пирс, основоположник традиции, упоминается едва ли не вскользь. Все внимание философов сосредоточено на Джеймсе и Дьюи как истинных классиках и выразителях «инспиративного духа» прагматизма.

Какая же роль отводится автору «Закрепления верования» и Кембриджских лекций 1898 г.? Кажется, Патнэмы разделяют мнение Рорти, который как-то заметил, что «единственная заслуга Пирса перед прагматизмом заклю-

---

¹ Рецензия на книгу: Putnam H., Putnam R.A. Pragmatism as a Way of Life: The Lasting Legacy of William James and John Dewey / ed. by D. Macarthur. Cambridge : The Belknap Press of Harvard University Press, 2017. 475 p.

чается в том, что он придумал для него название, а заодно стимулировал Джеймса» [1. Р. 161]. Во всяком случае, они дают понять – хотя напрямую, конечно, этого не утверждают, – что значение философских открытий Пирса (пресловутой «максимы прагматизма», теории абдукции, фанероскопии и др.) сильно преувеличивается его нынешними апологетами.

Истоки традиции

Бытует мнение, что Уильям Джеймс сыграл пусть и заметную (в практическом отношении исключительно важную), но теоретически второстепенную роль в судьбе прагматизма. Это не так, возражают Патнэмы: Джеймс с полным правом может считаться отцом-основателем прагматистской традиции. Уже в своей дебютной статье, опубликованной в 1878 г. в «Журнале спекулятивной философии», он высказывает идеи, которые спустя полвека разовьют американские прагматисты поколения Дьюи и их позднейшие эпигоны. Наивно-позитивистской модели познания как «зеркального» отражения объективной реальности (spectator's point of view) Джеймс противопоставляет идею взаимодействия с реальностью в процессе ее исследования и преобразования (agent point of view). Познающий субъект, говорит он, не просто фиксирует истины, которые находит в готовом виде, но «создает» их. Постигая мир, мы изменяем его (р. 124–125).

Философские искания и труды Джеймса в период между 1878 г. и выходом в свет лекций о прагматизме (1907) свидетельствуют о его полной самостоятельности и интеллектуальной независимости (во всяком случае, от Пирса и кембриджских «метафизиков»). Никакого спада, провала или «застоя» в развитии прагматизма в последние два десятилетия XIX в. не было и в помине, убеждена Р.А. Патнэм. Напротив, Джеймс в своих журнальных статьях и набросках к будущим книгам демонстрирует верность той прагматической «установке» (attitude of orientation), которая, как он сформулирует в лекции 1906 года, «заставляет мыслителя отвращать взор от всякого рода абстракций, принципов, первых вещей, “категорий”, мнимых необходимостей и обращаться к фактическому, последним вещам, практическим результатам» [2. Р. 32]. Он уже *был* прагматистом, хотя и не называл себя так.

Прагматизм или прагматизмы?

Для Патнэмов прагматизм – не академическая традиция и даже не философская школа, а нечто большее: «образ жизни» (way of life). Авторы любят ссылаться на Джона Дьюи, который писал, что философия «подлинно обретает себя лишь тогда, когда уходит от обсуждения так называемых “философских” проблем» [3. Р. 46]. Настоящий предмет философии – не метафизические отвлеченности, апории и гипотезы, аргументы и контраргументы, а «реальные проблемы реальных людей» (р. 18). В отличие от философов-аналитиков XX в., классики прагматизма – от Эмерсона и Сантаяны до Дьюи и Хука – были социально ангажированными мыслителями, активно участвовали в публичных дебатах, культурной и политической жизни. И сегодня «новые прагматисты» чувствуют себя неуютно в узких профессионально-академических рамках, стремятся к преодолению «школьных» границ, в том числе внутри самой дисциплины. «Многие из них хотя и воспитывались в традиции англо-американской аналитической философии, в какой-то момент,

благодаря прагматизму и как бы изнутри него, обратились к так называемой континентальной традиции, той или иной ее разновидности» (р. 120). Достаточно вспомнить всеядного Р. Рорти, писавшего о Хайдеггере и Деррида, или его визави Х. Патнэма с его интересом к Левинасу и Буберу.

Но что означает для современного профессионального философа в США «быть прагматистом»? Патнэмы напоминают, что прагматизм как философское направление никогда не отличался строгим теоретическим или концептуальным единством. Ф.К.С. Шиллер не был далек от истины, когда заявил, что количество прагматизмов приблизительно совпадает с количеством прагматистов. И сегодня, сто лет спустя после выхода в свет лекций Джеймса, ответ на вопрос «Что такое прагматизм?», замечает Р.А. Патнэм, «даже менее ясен, чем в конце XIX в.» (р. 351). Однако это не плохо. Существующее многообразие версий и историко-философских интерпретаций, по мнению авторов, свидетельствует скорее о жизнеспособности прагматистской традиции, ее открытости к новым и оригинальным идеям, нежели об исчерпанности или интеллектуальной размытости. Наследие Джеймса и Дьюи пользуется «спросом» на рынке философских идей, едва ли не большим, чем при жизни классиков. И обращаются к нему не только историки философии. Внушительная библиография в книге Патнэмов – убедительное тому подтверждение.

Факты и ценности

Радикальность прагматизма Джеймса и Дьюи (в отличие от прагматизма Пирса) заключалась, по мнению авторов книги, в стремлении порвать с декартово-кантовской метафизикой, со всеми ее различиями и псевдопроблемами, с субъект-объектной дихотомией. Прагматизм отказывается противопоставлять объективное субъективному, дескриптивное нормативному, эмпирическое теоретическому. Объективный мир невозможен без субъективного опыта. «Продукты человеческой деятельности, данные восприятия и результаты познания составляют важную часть реальности... которая была бы совсем иной, если бы формы нашей жизнедеятельности были другими» (р. 62). По мнению прагматистов, задаваться вопросом о том, что в нашем восприятии и познании мира «дается» извне, а что «прибавляется» нами самими, так же бессмысленно, как пытаться решить, какая нога важнее – левая или правая. Чтобы ходить, нужно пользоваться обеими (р. 155).

Как известно, критики обвиняли Джеймса в релятивизме, в отрицании объективной реальности, независимой от человеческого сознания. Мыслителя, считавшего себя «естественным реалистом», это смущало и огорчало. Несколько раз в книге Патнэмов (р. 48, 161, 191, 212) цитируется отрывок из письма Джеймса гарвардскому профессору Д.С. Миллеру, в котором философ пытается объяснить, что именно понималось им под реализмом. Представьте, говорит он, письменный стол, на котором рассыпана горсть фасолин. В том, как они расположены, можно увидеть различные схемы. Наблюдатель волен пересчитать фасолины или мысленно сгруппировать, соединить или разъединить их, структурировать любым образом, связать с тем или иным графическим знаком, фигурой, символом. «Что бы он ни делал, пока он *принимает во внимание* наличную действительность – фасолины, – его видение нельзя назвать ложным или неприемлемым. Тогда почему бы не назвать его

истинным? Оно *подходит* (fits) для фасолин как они существуют сами по себе, *без него* (beans-minus-him), и выражает *общий* факт, а именно факт существования фасолин, взятых *вместе с ним*, наблюдателем (beans-plus-him)» [4. Р. 295–296]. Понятие истины, рассмотренное под таким углом, приобретает «определенную двусмысленность», отмечает Джеймс. Одно дело просто пересчитать фасолины или картографировать их расположение на поверхности стола, другое дело сгруппировать их согласно схеме, замыслу или плану. В первом случае, говорит Джеймс, мы обнаруживаем интеллектуальную беспристрастность, а во втором руководствуемся неинтеллектуальными интересами. «Я утверждаю лишь следующее: не может быть „истины“ без *какого-либо* интереса, и неинтеллектуальные интересы играют такую же роль, как и интеллектуальные. Меня же с Шиллером обвиняют в отрицании самой реальности, т.е. фасолин, что они каким-то образом нас ограничивают. Это нелепо!» [4. Р. 296].

Иными словами, Джеймс признает, что реальность (некоторые «внешние сознанию постоянства») накладывает ограничения на наше теоретическое мышление. Однако эти ограничения представляются ему менее жесткими и обязывающими, чем «сциентисту» Пирсу. В терминологии У. Куайна, «недоопределенность» теории данными открывает достаточное поле возможностей для свободного выбора гипотез и описаний. «Не существует какого-то одного уникального описания, которое вменялось бы нам реальностью» (р. 162).

Джеймс, в интерпретации Патнэмов, полагал, что в некоторых случаях (но не во всех!) реальность сама по себе *не является* фактором, определяющим истинность или ложность наших идей. «К примеру, никакой объективный мир не может выбрать за нас наилучшую – единственно правильную – систему аксиом для теории множеств... *Наш* выбор системы Цермело–Френкеля или какой-то другой теории, наше согласие считать ее “истинной” или “правильной” будет зависеть в немалой степени от наших вкусовых предпочтений, от того *эстетического* удовольствия, которое могло бы доставить нам объяснение, предлагаемое теорией. В таких случаях “удовлетворение”, понимаемое достаточно широко, *является* фактором, определяющим “истину”» (р. 269–270).

Любимая тема позднего Х. Патнэма – критика «четвертой догмы» эмпиризма, дихотомии «факт – ценность», – развернуто представлена в его текстах о прагматизме, включая статьи, написанные в соавторстве с Р.А. Патнэм (в сборник вошли две из них). «Опыт никогда не бывает „нейтральным“, он дается нам вместе с ценностями», – утверждает Х. Патнэм (р. 65). «Факты „нагружены“ ценностями, а ценности – фактами», – соглашается Р.А. Патнэм (с. 408). Весь антипозитивистский радикализм Джеймса, Дьюи и Шиллера, по мнению авторов книги, можно свести к одной простой констатации «взаимозависимости» (interdependence) фактов и ценностей, *верификации* и *оценки*: «*verification and valuation are interdependent*» (р. 185).

«Ваяя» образ Джеймса-интеракционалиста, Патнэмы довольно легко обращаются с историческим материалом, выбирая сюжеты и тезисы, которые укладываются в заданную их собственными философскими предпочтениями схему интерпретации. Однако с 1897 по 1910 г. Джеймсом, мыслителем столь

же оригинальным, сколь и противоречивым, было высказано немало идей, идущих вразрез как с прагматическим реализмом Х. Патнэма, так и с когнитивизмом Р.А. Патнэм. В «Многообразии религиозного опыта» (1902), в частности, он настаивает на различении двух типов научного исследования (*orders of inquiry*) и соответствующих вопросов, представляющих теоретический интерес: первый вопрос – о *природе* рассматриваемого предмета или явления, второй – о *значении* или смысле его. «Ответ на первый вопрос дается в так называемом экзистенциальном суждении, ответ на второй – в суждении о ценности... Эти два суждения... вытекают из двух совершенно различных запросов нашего духа, и необходимо рассматривать их отдельно» [5. Р. 4]. Более четкого выражения эпистемологической антитезы «фактуальное – ценностное» во всей философской литературе XX в., наверное, не найти.

Хороша ли максима Пирса?

Апологетами Джеймса Патнэмов все же не назовешь. Они иногда критикуют его, но неакцентированно и как бы за компанию с Пирсом. В этом отношении показательна статья Р.А. Патнэм «Размышления о будущем прагматизма» (р. 108–120), в которой обсуждается максима Пирса. В изначальной формулировке она звучит так: «Рассмотрим, какие следствия практического характера могут производиться, как мы предполагаем, объектом нашего понятия; знание обо всех этих следствиях будет нашим полным знанием об объекте» [6. Р. 258]. А вот редакция Джеймса: «Чтобы выяснить точный смысл какого-нибудь утверждения, достаточно определить, какой способ действия (*conduct*) оно может вызвать: в этом способе действия и будет для нас заключаться все значение данного утверждения» [2. Р. 29]. Р.А. Патнэм высказывает соображения, которые заставляют, как минимум, усомниться в теоретической релевантности максимы Пирса для разрешения метафизических споров, в чем представлялась ее главная ценность Джеймсу и Шиллеру. Если все сводится к разнице «способов действия», вызываемых метафизическими гипотезами и утверждениями, наш выбор той или иной философии является, в сущности, *моральным* решением. Джеймс в «Воле к вере», например, утверждал, что детерминистическая картина мира ведет либо к пессимизму, либо к субъективизму со всеми вытекающими практическими следствиями: «бессильной сентиментальностью», «не знающим пределов сенсуализмом» и т.д. [7. Р. 132]. Выбор самого Джеймса – его представление о Вселенной как «индетерминистическом плюриверсуме» и мелиоризм – был *этически* мотивирован. «Возможно, Джеймс прав, все так называемые метафизические вопросы суть вопросы моральные, – допускает Р.А. Патнэм. – Что нам это дает? Сегодня, в начале XXI в., моральные противоречия, разделяющие людей, стоят не менее, если не более остро, чем метафизические проблемы. Сведение метафизических разногласий к моральным не кажется удачной стратегией, если мы ищем согласия, а не обострения спора» (р. 113). Добрую половину XX в., к примеру, ученые, философы и теологи спорили о том, является ли эмбрион человеком. Согласия как не было, так и нет. Все понимают, какие практические следствия может иметь отрицательный (или утвердительный) ответ на этот вопрос. «К сожалению, максима прагматизма никак не поможет

нам в разрешении спора о статусе человеческого зародыша, поскольку основная дискуссия разворачивается в этической плоскости, чем и обусловлена ее острота» (р. 113).

Очищенные от метафизических импликаций моральные аргументы часто бессильны в разрешении практически значимых философских споров. Причина все та же: верификация и оценка не могут не быть *взаимозависимыми*. Не только (объективные) факты «нагружены» (субъективными) ценностями, но и ценности – фактами.

Закрепление верования

В реконструкции Патнэмов Дьюи и Джеймс в основном занимались тем, что исправляли и адаптировали Пирса. «Сомнение», которое у Пирса носило субъективный характер, трансформируется у Дьюи в «проблематическую» (экзистенциально неопределенную) ситуацию, а «верование» (believe) с его психологическими и возможно релятивистскими коннотациями заменяется «обоснованным утверждением» (warranted assertion). «Проблематична сама ситуация, а не состояние сознания человека, который находит себя в ситуации и пытается осмыслить ее» (р. 418). Согласно Дьюи, гипотезы и идеи обоснованны (warranted), когда они «подходят» к сомнительной ситуации, как ключ подходит к замку или инструмент к материалу. Речь идет о том, чтобы решить саму проблему, «сделать ситуацию определенной, а не о том, чтобы перейти от чувства сомнения к чувству уверенности» (р. 297). Указанное различие между сомнением и сомнительностью принципиально важно для Дьюи: оно служит ему защитой против обвинений в субъективизме.

Х. Патнэм доказывает, что классики американского прагматизма, несмотря на подчеркнутую приверженность концепции истины, определяемой в терминах конечного соглашения (ultimate consensus), не были ни культурными релятивистами, ни эпистемологическими анархистами. «Пирс и Джеймс не допускали мысли, что конечное мнение может быть результатом произвольного выбора группы исследователей, которые просто *решают*, что считать истиной; оба настаивали на двоякой зависимости наших верований и убеждений: с одной стороны, от реальности, с другой – от наших предшествующих верований и убеждений» (р. 171). Рационально приемлемые и обоснованные («удобные для наличного опыта») идеи Джеймс называет «полуистинами»; в отличие от «абсолютной истины» Пирса (признаваемой Джеймсом [2. Р. 106] и Дьюи [8. Р. 345] в качестве «регулятивного идеала»), они погрешимы, а потому должны подвергаться постоянной коррекции и проверке. «„Абсолютно“ истинное, – цитирует Джеймса Р.А. Патнэм, – то, чего никакой дальнейший опыт не в состоянии изменить, представляет собой идеальный предел (ideal vanishing-point) исследования, в котором, как мы полагаем, пересекутся когда-нибудь все наши временные истины... До тех же пор мы должны жить той истиной, которую в состоянии достичь сегодня, и быть готовыми назвать ее завтра ложью» [2. Р. 106–107]. Последняя ремарка Джеймса свидетельствует о том, что он является фаллибилистом, но не скептиком. Любые наши гипотезы и идеи, говорят прагматисты, могут быть опровергнуты опытом, однако «это не повод сомневаться во всех убеждениях, отбросив понятие „истины“» (р. 132). Можно быть фаллибилистом и ан-

тискептиком одновременно; осознание этой возможности Х. Патнэм и Р.А. Патнэм считают «главной интуицией» американского прагматизма. «Сомнение должно быть обоснованным – в этом согласны все классики прагматизма. Если я вижу перед собой стул и у меня нет оснований не доверять тому, что я вижу (своему восприятию), я просто констатирую факт. „Я вижу *x*“ не означает „Как мне кажется, я вижу *x*“. Иными словами, „Я вижу стул“ не является „выводом“» (р. 273).

«Максиму» прагматизма от Патнэмов можно сформулировать так: «Не сомневайтесь в том, в истинности чего вы убеждены, если считаете, что у вас нет оснований сомневаться». Однако, возразил бы скептик, «достаточно ли у вас оснований всякий раз полагать, что основания сомневаться отсутствуют?» Как бы ответил на это возражение патнэмовский фаллибилист-антискептик? «Не сомневайтесь в том, что у вас достаточно оснований не сомневаться»? Единственным критерием релевантности наших сомнений и верований является практика, убеждены авторы книги (р. 154). «Если ваше зрение вас обмануло, из дальнейшего опыта вы об этом, скорее всего, узнаете» (р. 273). А как мы узнаем, что этот дальнейший опыт, в свою очередь, нас не обманывает? Из опыта, следующего за дальнейшим?

Больше, чем прагматизм

Дьюи в интерпретации Патнэмов предстает первым антиинтуиционистом (Пирс с его экспликацией «четырёх неспособностей» интеллекта в этой связи даже не упомянут) и критиком «мифа о данном». Нам ничего не *дается*; всякое восприятие опосредовано предшествующим опытом; вместо «*givens*», по мнению Дьюи, следовало бы говорить о «*takens*» [9. Р. 178]. «Воспринимаемое субъектом, его перцепты, являются функцией его идиосинкратических состояний, индивидуальных потребностей, убеждений, интересов и ценностей, – рассуждает Р.А. Патнэм. – ...Эмерсон в очерке „Природа“ учит нас „отличать бревно, поваленное лесорубом, от дерева, воспетого поэтом“. Некоторые философы возразят, что бревно лесоруба и дерево поэта – один и тот же физический объект, научное описание которого не обусловлено ничьим интересом... Этот объект таков, каков он есть, совершенно независимо от нас» (р. 414). Конечно, соглашается Р.А. Патнэм, такое нейтральное описание и возможно, и в ряде случаев даже желательно, но отсюда не следует, что физическая картина мира «ближе» к реальности, чем, скажем, поэтическая или религиозная. Кроме того, ошибкой было бы думать, что эта картина не отвечает нашему интересу. Напротив, мы *заинтересованы в незаинтересованном знании!* «Во-первых, – поясняет автор, – чтобы некоторые из наших потребностей были удовлетворены, мы нуждаемся в знаниях, „поставляемых“ физикой и родственными ей научными дисциплинами; а во-вторых, некоторые люди в действительности страстно заинтересованы в приобретении указанных знаний безотносительно каких-то других интересов и целей, которым оно могло бы служить» (р. 415).

Вспоминается известное высказывание Г.К. Честертона о прагматистах: «они пекутся о нуждах человека, но одна из главных потребностей человека – быть чем-то большим, чем прагматист» [10. Р. 64]. Кажется, Патнэмы никакого противоречия в этом не видят. Желание «большего, чем прагматизм», вполне прагматично! Вы прагматист, даже если вы об

этом не знаете. Хуже того: вы прагматист, даже если вы знаете, что вы не прагматист.

Литература

1. Rorty R. *Consequences of Pragmatism*. Minneapolis : University of Minnesota Press, 1982. 237 p.
2. James W. *Pragmatism // The Works of William James / ed. by F.H. Burkhardt, F. Bowers, I.K. Skrupskelis*. Cambridge : Harvard University Press, 1975. Vol. 1. 360 p.
3. Dewey J. *Reconstruction in Philosophy // The Middle Works of John Dewey / ed. by J.A. Boydston*. Carbondale : Southern Illinois University Press, 1920. Vol. 12. 354 p.
4. James to Dickerson S. Miller, 5 August 1907 // *The Letters of William James / ed. by H. James Jr*. Boston : Atlantic Monthly Press, 1920. Vol. 2. P. 295–296.
5. James W. *The Varieties of Religious Experience: a Study in Human Nature*. New York : Longmans, Green and Company, 1905. 534 p.
6. *Collected Papers of Charles Sanders Peirce / ed. by C. Hartshorne, P. Weiss*. Cambridge : Harvard University Press, 1974. Vol. 5. 462 p.
7. James W. *The Will to Believe and Other Essays in Popular Philosophy // The Works of William James / ed. by F.H. Burkhardt, F. Bowers, I.K. Skrupskelis*. Cambridge : Harvard University Press, 1979. Vol. 6. 490 p.
8. Dewey J. *Logic: The Theory of Inquiry // The Later Works of John Dewey / ed. by J.A. Boydston*. Carbondale : Southern Illinois University Press, 1938. Vol. 12. 796 p.
9. Dewey J. *The Quest for Certainty: A Study of the Relation of Knowledge and Action*. New York : Minton, Balch and Company, 1929. 302 p.
10. Chesterton G.K. *Orthodoxy*. New York : John Lane Co., 1908. 299 p.

Igor D. Dzjokhadze, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

E-mail: joe99@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 44. pp. 269–277.

DOI: 10.17223/1998863X/44/25

“PRAGMATISM AS A WAY OF LIFE”: HILARY PUTNAM AND RUTH ANNA PUTNAM ON THE PHILOSOPHICAL LEGACY OF JAMES AND DEWEY

Keywords: pragmatism; Peirce’s maxim; the fact/value dichotomy; doubt; belief.

The writings of Hilary and Ruth Anna Putnam, collected by David Macarthur for Harvard UP, invite us to take a fresh look at the history of American pragmatism. William James and John Dewey are viewed as paradigmatic pragmatists, the only true representatives of the tradition. It is widely believed that James played a secondary though, no doubt, practically important role in the development of pragmatism. The Putnams disagree: William James can be rightly considered to be a co-founder of the pragmatist school. In his debut article published in *The Journal of Speculative Philosophy* in 1878, James acutely criticises Spencer’s positivism. The naive-realistic model of cognition as representation (the spectator’s point of view) is contrasted here with the idea of interaction with reality through its study and adaptation (the agent point of view). James’s “knower” does not passively register facts and ready-made truths, reflecting an order he comes upon and finds simply existing, but “creates” truths. In apprehending the world, we change it. For pragmatists, human experience is never “neutral”: verification and valuation are “interdependent”. In the Putnams’ reconstruction, Dewey and James were mainly concerned with rectification and adaptation of Peirce’s ideas. The key concept of Peircean pragmatism, “doubt”, transforms in Dewey’s writings into a “problematic” (existentially uncertain) situation, and “belief” with its psychological and possibly relativistic connotations is replaced by “warranted assertion”. It is not the perceiver’s state of mind, R.A. Putnam says, but the situation itself that is problematic. A true hypothesis is like the key that fits a lock; it enables us to move from an indeterminate situation into one that is determinate, not from feeling of doubt to feeling of certainty. Dewey and James were fallibilists, but certainly not skeptics. According to classicopragmatism, any of our hypotheses can be refuted, and expectations frustrated, but that is no reason to suspend all belief, or to refuse to use the term “true”. Doubts require justification just as much as beliefs. That one can be both fallibilistic and anti-skeptical is “the basic insight” of American pragmatism, the Putnams suggest.

References

1. Rorty, R. (1982) *Consequences of Pragmatism*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
2. James, W. (1975) Pragmatism. In: Burkhardt, F.H., Bowers, F. & Skrupskelis, I.K. (eds) *The Works of William James*. Vol. 1. Cambridge: Harvard University Press.
3. Dewey, J. (1920) Reconstruction in Philosophy. In: Boydston, J.A. (ed.) *The Middle Works of John Dewey*. Vol. 12. Carbondale: Southern Illinois University Press.
4. James, W. (1920) James to Dickerson S. Miller, 5 August 1907. In: James H. Jr. (ed.) *The Letters of William James*. Vol. 2. Boston: Atlantic Monthly Press. pp. 295–296.
5. James, W. (1905) *The Varieties of Religious Experience: A Study in Human Nature*. New York: Longmans, Green and Company.
6. Hartshorne, C. & Weiss, P. (eds) (1974) *Collected Papers of Charles Sanders Peirce*. Vol. 5. Cambridge: Harvard University Press.
7. James, W. (1979) The Will to Believe and Other Essays in Popular Philosophy. In: Burkhardt, F.H., Bowers, F. & Skrupskelis, I.K. (eds) *The Works of William James*. Vol. 6. Cambridge: Harvard University Press.
8. Dewey, J. (1938) Logic: The Theory of Inquiry. In: Boydston, J.A. (ed.) *The Later Works of John Dewey*. Vol. 12. Carbondale: Southern Illinois University Press.
9. Dewey, J. (1929) *The Quest for Certainty: A Study of the Relation of Knowledge and Action*. New York: Minton, Balch and Company.
10. Chesterton, G.K. (1908) *Orthodoxy*. New York: John Lane Co.

УДК 167.7

DOI: 10.17223/1998863X/44/26

Л.А. Тухватулина

ПОЧЕМУ А.Л. НИКИФОРОВ ЗАЩИЩАЕТ ДЬЯВОЛА, И ЧТО ИЗ ЭТОГО СЛЕДУЕТ

Данный текст представляет собой отклик на статью А.Л. Никифорова «Что наука нового времени дала человечеству», опубликованную в одном из недавних номеров журнала. В тексте приводятся аргументы, свидетельствующие об уязвимости критики нововременной науки А.Л. Никифоровым. Развивается идея о том, что мера участия науки в «гуманизации» человеческого сообщества решается за пределами самой науки и зависит от принципов функционирования ключевых социальных институтов (государства, образования, церкви, права и т.д.), а также от заинтересованности общества в рецепции научного знания.

Ключевые слова: наука, гуманизация, Эйнштейн, социальные институты, прогресс.

Размышляя о том, что же наука Нового времени дала человечеству [1], Александр Леонидович Никифоров, по-видимому, намеренно занимает позицию «адвоката дьявола». Как известно, в католической церкви вплоть до конца XX в. *advocatus diaboli* было неофициальным наименованием должности клирика, который собирал и представлял аргументы против беатификации или канонизации праведника. Эта процедура играла едва ли не решающую роль в обосновании легитимности причисления того или иного подвижника к лику святых. При этом характерно, что официально полномочия «адвоката дьявола» именовались «укреплением веры».

В этой связи, как мне представляется, своей критикой нововременной науки – а вернее, ее «духа» и той картины мира, что она создала, – Александр Леонидович лишь способствует укреплению веры в ее авторитет, равно как и в потенциал современной науки, ее правопреемницы. Причиной этого рода обратного эффекта, по-видимому, является то, что одним из важнейших аргументов критики здесь предстает неспособность науки дать ответы на экзистенциальные вопросы или сказать о «подлинно человеческом в человеке» и способствовать «его духовному развитию». Главным провалом науки А.Л. Никифорову видится то, что она «ничего не дала для духовно-нравственного развития человека и даже не пыталась ответить на самые важные вопросы человеческого существования: В чем суть человеческого в человеке? Для чего он живет или должен жить? В чем смысл существования отдельного человека и всего человечества? Что такое смерть, любовь, счастье?» Этим своим аргументом, который, по сути, выражает лейтмотив всего текста, Александр Леонидович как бы дает понять, что новоевропейскую науку трудно уличить в несоответствии своему предназначению – получении истинного знания, которое служило в том числе и общественным целям [2]. А потому предметом критики становится побочная и совершенно необязательная составляющая научного знания – мера его влияния на решение «вечных» смысложизненных вопросов. Это как если бы «адвокат дьявола», не найдя

явных доводов против канонизации священника, обвинил бы его в том, что тот не обладал талантом живописца. При всей натянутости аналогии, очевидное (и вынужденное) смещение акцента лишь выявляет неправомерность критики и тем самым способствует укреплению веры в праведность того, кого пытаются дискредитировать.

Мне представляется, что ернический тон статьи Александра Леонидовича также указывает на то, что российский специалист в философии науки осознанно стремится возбудить в читателе негодование и – как следствие – работу мысли, уповая при этом на его способность к интеллектуальной иронии. В контексте усилившегося в современной России бюрократического давления на науку статья А.Л. Никифорова обретает особого рода терапевтический смысл, инициируя острую дискуссию о социальном обосновании науки – о соотношении мировоззренческих и собственно гносеологических ее аспектов, роли и месте ценностных ориентиров в научном поиске.

И тем не менее, поскольку предположения об истинном замысле этого текста остаются лишь читательским домыслом, не остается ничего, кроме как принять тезисы статьи всерьез и сформулировать некоторые соображения о мере их обоснованности.

В этой связи мне бы хотелось еще раз остановиться на приведенном выше тезисе Александра Леонидовича о неспособности науки дать ответы на ключевые экзистенциальные вопросы, касающиеся определения «подлинно человеческого» в человеке. Если вернуться к приведенной выше цитате, то наука повинна в том, не дала ответы на вопрос о том, что такое «смерть, любовь, счастье». При этом складывается ощущение, что А.Л. Никифоров обличает не только нововременную, но и современную науку, коль скоро последняя ничуть не успешнее в решении актуальных для отдельно взятого человека мировоззренческих вопросов.

В этом тезисе, на мой взгляд, налицо явная передержка. Справедливости ради здесь нельзя не отметить, что наука (правда, уже не новоевропейская) все-таки предложила свой ответ на вопрос о том, что такое смерть (в современной медицине критерием выступает смерть мозга [3]), а также выявила физиологические (нервно-гормональные) механизмы, регулирующие наши эмоциональные переживания. Но дело здесь в том, что эти ответы едва ли соответствуют тому возвышенному образу «подлинно человеческого», который создает Александр Леонидович и который, по-видимому, является для него единственно приемлемым. И все же несоответствие полученного знания некоторым этически нагруженным допущениям *ad hoc*, к которым, увы, прибегает Александр Леонидович, не умаляет его истинности. А обретение истинного знания, в свою очередь, лишь возвеличивает человеческое достоинство. Однако Александр Леонидович, по-видимому, полагает, что ценностно-мировоззренческое измерение научного знания едва ли не важнее критерия его истинности. В то время как истинность сама по себе не является самодостаточной ценностью, поскольку не имеет никакого этического измерения. В этом смысле наука, по А.Л. Никифорову, явно уступает мифу, религии, искусству.

В этой связи интересна позиция А. Эйнштейна, который в своем размышлении о соотношении науки и религии исходил из близкого А.Л. Никифорову тезиса о том, что «знание того, что *есть*, не открывает дверь к тому,

что *должно быть*» [4]. А следовательно, «объективное знание предоставляет нам мощные средства для достижения конкретных целей, но конечная цель сама по себе и средства ее достижения должны прийти из другого источника» [Там же]. К слову, в качестве этого «другого источника» великий физик во многом имел в виду религию, однако в ее обновленной версии – с отказом от идеи персонифицированного Бога в пользу принципов, близких к пантеизму. При этом Эйнштейн полагал, что научный поиск в ценностном измерении скорее близок поиску религиозному: «...огромный [intense] опыт успешного продвижения в этой области (в науке. – Л.Т.) движим глубоким убеждением в рациональности, проявляющейся в сущем. Путем понимания человек достигает далеко идущего освобождения от оков личных надежд и желаний и тем самым убеждается в скромном положении мозга по отношению к величю причины, воплощенной в сущем, которая в своей бездонной глубине недоступна человеку. Эта позиция, однако, как мне представляется, является религиозной в самом высшем смысле этого слова. И мне кажется, что наука не только очищает религиозные побуждения от шлака антропоморфизма, но также вносит вклад в религиозное одухотворение нашего понимания жизни» [Там же]. Любопытно, насколько отличен гуманистический пафос А. Эйнштейна от едкой иронии Александра Леонидовича. И еще интереснее то, что это различие произрастает из единой исходной установки (констатации неспособности науки говорить о должном). Из этого можно заключить, что оценочные суждения в обоих случаях являются совершенно произвольными и предвзятыми (идеологически ангажированными).

При этом любопытно, что эйнштейновский образ мозга, сознающего «свое скромное положение по отношению к величю причины», может быть риторически противопоставлен злой метафоре Александра Леонидовича: «Человек низведен до уровня животного – это ничтожный микроб, вцепившийся в глиняный шарик Земли, бессмысленно несущейся в мировое пространство». На мой взгляд, различие здесь действительно сводится к риторике. В каждой из метафор сформулирована противоположная оценка современной физической картины мира и того места в мироздании, которое она определяет за человеком. При этом сама картина мира вне зависимости от ее ценностного измерения остается научно обоснованной (а потому истинной). В то же время, как мне представляется, ее идеологический аспект – в частности то, способствует ли она осознанию человеком себя как «мозга» или как «микроба» – определяет уже не наука, а те социальные институты, которые призваны формировать и корректировать индивидуальное самосознание (образование, право, политическая идеология, церковь, семья и т.д.).

В этой связи принципиально важно, что решение проблемы влияния науки на гуманизацию / дегуманизацию общества может быть найдено на пути осмысления роли научного знания в эволюции этих институтов [5]. Здесь важным оказывается анализ нормативных оснований социальных институтов (например, правовых кодексов, политических и образовательных программ и пр.). На мой взгляд, подобный ракурс рассмотрения, помимо прочего, дает исследователю возможность избежать этически нагруженных антропологических допущений, но позволяет выявить таковые в самих нормативных программах. Кроме того, можно высказать предположение, что само по себе научное знание в ряде случаев не имеет существенного миро-

воззренческого (влияющего на смыслополагание) значения для обывателя до тех пор, пока в превращенной форме оно не станет основанием той или иной зафиксированной социальной нормы.

Так, результаты расологических исследований начала XX в. едва ли имели бы столь широкое влияние на массовое сознание в нацистской Германии, если бы они не стали «научной» подосновой Нюрнбергских законов и не соответствовали бы политическому курсу НСДАП [6]. По-видимому, расология так и осталась бы локальной научной программой антропометрических исследований, малоизвестной широкой общественности, если бы не пришлось ко времени и ко двору [7].

В качестве иллюстрации тезиса можно рассмотреть и пример из другой области. Приведенный выше медицинский критерий смерти (смерть мозга) в современной России имеет и правовую форму, снимая с врача ответственность за моральный выбор (скажем, когда стоит вопрос об отключении человека в глубокой коме от аппаратов жизнеобеспечения). Законодательно закрепленный статус этого критерия играет решающую роль в профессиональной мотивации врача. Едва ли врач, который знает о научной обоснованности этого критерия, рискнул бы с полной уверенностью использовать его на практике без соответствующей правовой поддержки, ведь это решение было бы чревато судебными исками от родственников пациента или даже уголовным преследованием.

Особенно явно роль политических и правовых институтов в регуляции влияния научного знания на человеческое мировоззрение проявляется в тех вопросах, где научные аргументы сталкиваются с религиозными убеждениями – скажем, в вопросах о легализации гомосексуальных браков, запрете абортов или о необходимости преподавания креационизма наравне с теорией эволюции в школе. Здесь отчетливо обнаруживается зависимость потенциала влияния науки от того, заинтересовано государство в просвещенном обществе или в консервации архаичной традиции, а следовательно, поддержит ли оно церковь или ученых. И, что еще важнее, ограничивается ли эта заинтересованность пустыми декларациями или же обретает реальную институционализированную форму. Я думаю, этот тезис об отношении науки и политики с незначительными поправками правомерен как для нововременной науки, так и для современной.

Обобщая сказанное, мне хотелось бы еще раз подчеркнуть, что проблема мировоззренческого измерения науки (в том числе и ее роли в «духовно-нравственном воспитании человека») всякий раз должна рассматриваться сквозь призму понимания особенностей институциональной организации общества, в котором наука развивается. Только в таком случае, на мой взгляд, эта проблема выходит за рамки идеологических спекуляций и обретает актуальный социально-эпистемологический смысл.

Литература

1. *Никифоров А.Л.* Что дала человечеству наука Нового времени? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 42. С. 179–187.
2. *Касавин И.Т.* Зоны обмена как предмет социальной философии науки // *Epistemology & philosophy of science / Эпистемология и философия науки.* 2017. Т. 51. № 1. С. 8–17.
3. *Брызгалова Е.В.* Критерии смерти // ПостНаука. URL: <https://postnauka.ru/faq/33819> (дата обращения: 01.02.2018).

4. *Эйнштейн А.* Наука и религия. URL: https://scepsis.net/library/id_147.html (дата обращения: 29.01.2018).

5. *Антоновский А.Ю.* Эволюционный подход к развитию науки. К русскому переводу работы Н. Лумана «Эволюция науки» // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 52, № 4. С. 201–214.

6. *Грундманн Р., Штер Н.* Власть научного знания. СПб. : Алетейя, 2015. 440 с.

7. *Тухватулина Л.А.* Власть под вывеской науки // Эпистемология и философия науки. 2015. Т. 45, № 3. С. 246–253.

Liana A. Tukhvatulina, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

E-mail: spero-meliora@bk.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 44. pp. 278–282.

DOI: 10.17223/1998863X/44/26

WHY ALEXANDER NIKIFOROV ADVOCATES DEVIL AND WHAT FOLLOWS FROM THIS

Keywords: science; humanisation; Einstein; social institutes; progress.

This paper is a reply to the paper “How the Modern Age Science Has Enriched the Humanity” by Alexander Nikiforov. The paper represents the key elements of the Modern Age science critique. The arguments of Nikiforov are considered through the *advocatus diaboli* metaphor. The author shows that the arguments about the inability of science to provide answers to eternal questions do not hit the target, since they aim to underline that the Modern Age science fully succeeded at its epistemological purposes. The author considers Nikiforov’s arguments as ideologically biased and unjustified. The author compares these arguments with the ideas of Albert Einstein in his essay “Science and Religion”. She claims that this comparison makes all of these biases clear. It is shown that the Russian philosopher and the great physicist shared the same basic statements but, nonetheless, have come to the mutually exclusive conclusions about the value dimension of science. This fact shows the vulnerability of Nikiforov’s thesis. The author argues that the value dimension of science inevitably depends on the connections of science with the other social institutions (state, religion, education and law). The most important point here is the openness of the social institutions and their ability to correct their own normative programmes in accordance with the current scientific recommendations. Scientific knowledge could contribute to the process of humanisation only with the institutional support which aims to provide its integration. The author claims that scientific knowledge acquires a personal regulative meaning mostly if it becomes a basis for any institutionalised social norm, especially legal one. The author concludes that the institutional aspect of the value dimension of science could make the discussion meaningful.

References

1. Nikiforov, A.L. (2018) How the Modern Age science has enriched the humanity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 42. pp. 179–187. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/42/19

2. Kasavin, I.T. (2017) Trading zones as a subject-matter of social philosophy of science. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science.* 51(1). pp. 8–17. (In Russian). DOI: 10.5840/eps20175111

3. Bryzgalina, Ye.V. (n.d.) *Kriterii smerti* [Criteria of Death]. [Online] Available from: <https://postnauka.ru/faq/33819>. (Accessed: 1st February 2018).

4. Einstein, A. (n.d.) *Nauka i religiya* [Science and Religion]. [Online] Available from: https://scepsis.net/library/id_147.html. (Accessed: 29th January 2018).

5. Antonovskiy, A.Yu. (2017) Evolutionary approach to the development of science. On the Russian translation of N. Luhmann’s “Evolution of Science”. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science.* 52(2). pp. 201–214. (In Russian). DOI: 10.5840/eps201752239

6. Grundmann, R. & Stehr, N. (2015) *Vlast' nauchnogo znaniya* [The Power of Scientific Knowledge]. Translated from English. St. Petersburg: Aleteyya.

7. Tukhvatulina, L.A. (2015) Power under the Guise of Science. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science.* 45(3). pp. 246–253. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБРАМОВА Мария Олеговна – старший преподаватель кафедры социологии философского факультета Томского государственного университета, заместитель директора ОГАПОУ «Губернаторский колледж социально-культурных технологий и инновации» (г. Томск).

E-mail: abra@yandex.ru

АНТОНОВСКИЙ Александр Юрьевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии Российской академии наук, доцент философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. (г. Москва).

E-mail: antonovski@iph.ras.ru

АРТЕМЕНКО Андрей Павлович – доктор философских наук, профессор кафедры менеджмента культуры и социальных технологий Харьковской государственной академии культуры (г. Харьков).

E-mail: prof.artemenko@mail.ru

АРТЕМЕНКО Ярослава Игоревна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии Национального фармацевтического университета (г. Харьков).

E-mail: tsepelin@mail.ru

АСЛАНОВ Стеллас Антипович – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры политологии и государственного управления Ужгородского национального университета (г. Ужгород, Украина).

E-mail: stelas1969@gmail.com

БАРАШ Раиса Эдуардовна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН (г. Москва).

E-mail: raisabarash@gmail.com

БРИТВИНА Ирина Борисовна – доктор социологических наук, профессор кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

E-mail: irina.britvina@urfu.ru

ВЕРШИННИНА Инна Альфредовна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры современной социологии социологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Москва).

E-mail: urbansociology@yandex.ru

ВОЛОДЕНКОВ Сергей Владимирович – доктор политических наук, доцент, доцент кафедры государственной политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Москва).

E-mail: s.v.cyber@gmail.com

ГАШКОВ Сергей Александрович – кандидат философских наук, доктор философии Университета г. Пуатье (Франция), доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Балтийского государственного технического университета (БГТУ) «Военмех» им. Д.Ф. Устинова (г. Санкт-Петербург).

E-mail: sgachkov@hotmail.com

ГУКОВА Ангелина Валерьевна – аспирант кафедры онтологии, теории познания и социальной философии Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: angelina.gukovaa@yandex.ru

ДЖОХАДЗЕ Игорь Давидович – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, заведующий сектором современной западной философии Института философии Российской академии наук (г. Москва).

E-mail: joe99@mail.ru

ДУЛИНА Надежда Васильевна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии Волгоградского государственного университета (г. Волгоград).

E-mail: nv-dulina@yandex.ru

ИГНАТЬЕВА Ирина Федоровна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социального управления Института экономики и управления Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург).

E-mail: iifed@mail.ru

ИСАЕВ Борис Акимович – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры истории и философии Государственного университета аэрокосмического приборостроения,

заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (г. Санкт-Петербург).

E-mail: isaevboris@yandex.ru

КОВАЛЬ Оксана Анатольевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и религиоведения Русской христианской гуманитарной академии (г. Санкт-Петербург).

E-mail: ox.koval@gmail.com

КОЗАЧОК Василий Иванович – доктор социальных наук, профессор, научный сотрудник Академии Федеральной службы безопасности Российской Федерации (г. Москва).

E-mail: kosachok@list.ru

КРЮКОВА Екатерина Борисовна – кандидат философских наук, свободный исследователь.

E-mail: antikukuruza@mail.ru

КОРОТКИХ Вячеслав Иванович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, социальных наук и журналистики Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (г. Елец).

E-mail: shortv@yandex.ru

ЛАДОВ Всеволод Адольфович – доктор философских наук, доцент, заведующий лабораторией логико-философских исследований Томского научного центра СО РАН, ведущий научный сотрудник Томского научного центра СО РАН, профессор кафедры онтологии, теории познания и социальной философии Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: ladov@yandex.ru

МОГИЛЬЧАК Елена Львовна – кандидат философских наук, доцент кафедры прикладной социологии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

E-mail: e.l.mogilchak@urfu.ru

МОИСЕЕВА Дарья Викторовна – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры менеджмента и финансов производственных систем и технологического предпринимательства Волгоградского государственного технического университета (г. Волгоград).

E-mail: Moiseeva-D@yandex.ru

ОГЛЕЗНЕВ Виталий Васильевич – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории философии и логики Томского государственного университета, профессор Западно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия (г. Томск).

E-mail: ogleznev82@mail.ru

ОБДАЛОВА Ольга Андреевна – доктор педагогических наук, профессор, ВРИО заведующего кафедрой иностранных языков, научный сотрудник Томского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (г. Томск).

E-mail: O.Obdalova@mail.ru

ОДЕГОВА Ольга Владимировна – кандидат философских наук, доцент кафедры английской филологии факультета иностранных языков Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: olga-odegova@yandex.ru

ПЕТРЕНКО Валерия Владимировна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры онтологии, теории познания, социальной философии философского факультета Томского государственного университета, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Западно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия (г. Томск).

E-mail: vptomsk@mail.ru

ПОГОДАЕВ Николай Петрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры социальной работы Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: nick-pogodaev@yandex.ru

ПРОКУДИН Борис Александрович – кандидат политических наук, доцент кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Москва).

E-mail: probor@bk.ru

ПУСТОВОЙТ Юрий Александрович – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук и технологий Сибирского института управления – филиала РАНХиГС (г. Новосибирск).

E mail: pustovoit1963@gmail.com

РОЗОВ Николай Сергеевич – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск), и.о. заведующего кафедрой социальной философии и политологии Новосибирского государственного университета, профессор кафедры международных отношений и регионоведения Новосибирского государственного технического университета (г. Новосибирск).

E-mail: nrozov@gmail.com

САВЧУК Галина Анатольевна – кандидат социологических наук, заведующая кафедрой интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

E-mail: galina.savchuk@urfu.ru

ТУХВАТУЛИНА Лиана Анваровна – младший научный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии Российской академии наук (г. Москва).

E-mail: spero-meliora@bk.ru

ФИЛИПPOB Сергей Иванович – кандидат философских наук, заместитель директора гуманитарного института Новосибирского государственного университета (г. Новосибирск).

E-mail: filippow07@yandex.ru

ФИШМАН Леонид Гершевич – доктор политических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник отдела философии Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук (г. Екатеринбург).

E-mail: lfishman@yandex.ru

ХАМИТОВ Рамиль Муратжонович – аспирант кафедры истории философии и логики философского факультета Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: rams2601@yandex.ru

ЧИРУН Сергей Николаевич – доктор политических наук, доцент, доцент кафедры истории России Кемеровского государственного университета (г. Кемерово).

E-mail: sergii-tschi@mail.ru

Научный журнал

**ВЕСТНИК ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

**ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ**

**TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOSOPHY,
SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE**

2018. № 44

Редактор *Т.В. Зелёва*

Оригинал-макет *О.А. Турчинович*

Дизайн обложки *Яна Яковсона* (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Учредитель Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

Подписано в печать 24.08.2018 г. Дата выхода в свет 31.08.2018 г.

Формат 70x100¹/₁₆. Печ. л. 18; усл. печ. л. 23,4; уч.-изд. л. 24,7.

Тираж 50 экз. Заказ № 3341. Цена свободная.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Издание отпечатано на оборудовании Издательского Дома
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru